

Артур Арну,
член Парижской Коммуны

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Полный перевод с французского

Пг.: изд-во Петроградского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноарм. депутатов. 1919

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru), 2010. Дореформенная орфография оригинала сохранена, дополнительные ссылки добавлены нами.

Документы, исследования, публицистика,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа, В.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)

Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева) Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)

Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)

Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Тт.1, 2.

И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)

П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.) План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны

Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)

Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)

Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)

О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)

Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).

Эту литературу можно скачать в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также <http://politazbuka.ru/>

Содержание

Предисловие

- I. Вечер 3 сентября. Последнее убийство империи. Брат Жюль Фавра**
- II. 4 сентября. Парижский народ. Почему и каким образом революция 4 сентября не удалась**
- III. Члены правительства. Трошю, Жюль Фавр, Жюль Симон, Эрнест Пикар и другие**
- IV. Парижский народ во время первой осады**
- V. Народ чувствует, что ему изменили. 31 октября. 22 января**
- VI. Капитуляция. Выборы. Похищение пушек. Манифестация на площади Бастилии**
- VII. Париж и Франция. Право и необходимость коммунальной идеи**
- VIII. 18 марта**
- IX. Центральный комитет**
- X. Выборы. Объявление Коммуны**
- XI. Коммуна. Большинство и меньшинство. Делеклюз, Габон, Феликс Пиа. Политика**
- XII. Коммуна. Ее декреты**
- XIII. Коммуна. Война, полиция, пресса**
- XIV. Коммуна. Отставки. Новые выборы. Комитет общественного спасения. Манифест меньшинства**
- XV. Париж во время Коммуны**
- XVI. Последнее заседание Коммуны. Резюме**
- XVII. Заключение**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не имею намерения написать полную, законченную историю Парижской Коммуны.

Я стремлюсь, главным образом, познакомить с социальной идеей, которая явилась результатом этого великого народного движения, и ясно отметить новый поворот революционной мысли 18 марта.

Существуют разнообразные, очень подробные и дополняющие друг друга труды о военных действиях, которые были начаты 3 апреля и закончились в крови всего народа 28 мая.

Но своеобразный характер коммунистической революции 1871 г. с политической и общественной точки зрения еще недостаточно ясно установлен, да и вряд ли когда будет вполне выяснен.

Подробнее всего описана банальная, внешняя сторона, свойственная всем восстаниям, чем моральная и интеллектуальная, которая главным образом и отличает Парижскую Коммуну от подобных ей революций.

Настоящий труд тем более необходим, что великая, оригинальная истолкованная идея, свидетельствовавшая о новом огромном прогрессе в логическом развитии народных требований, вынуждена не только защищаться от гнусной клеветы врагов, - это, в конце концов, легко, - но и от извращений со стороны мнимых сторонников, которые по непониманию видят в ней одно из периодических проявлений старого авторитарного якобинства.

Если бы революция 18 марта была только этим, если бы она не дала угнетенным против притеснителей, эксплуатируемым против эксплуататоров нового оружия, усовершенствованного уроками опыта и прогрессом социальной науки, то был бы необъясним крик надежды, который, несмотря на минутное поражение, вырвался у пролетариата, у доброжела-

и знь и необычайная дѣятельность глубокихъ слоевъ, которые еще вчера отчаивались, а сегодня полны энтузіазма.

Признавать 18 марта, прославлять, праздновать его собраніями только оттого, что это позднѣйшая революція,—это было бы ребячествомъ.

Значеніе революціи придаетъ не ея время, а ея программа.

Народъ не ошибся, и если онъ хранить память о 18 марта, если знамя Коммуны сдѣлалось его знаменемъ, то это потому, что онъ прекрасно понималъ, что эта революція была дѣйствительно его собственнѣй и дала первое слово рѣшенія задачи, которое XIX столѣтіе искало въ послѣдовательномъ рядѣ переворотовъ и попытокъ, въ концѣ концовъ достойныхъ также славы.

Чѣмъ же была Коммуна?

Что было новаго въ ея программѣ?

Въ чемъ отличалась она отъ старой программы революціонныхъ якобы нцсвъ?

Это-то я и хочу установить, выяснить и сдѣлать нагляднымъ въ этихъ замѣткахъ и личныхъ воспоминаніяхъ, поставивъ себя цѣлью разсказать только то, что я самъ видѣлъ и самъ провѣрилъ съ возможно большимъ безпристрастіемъ.

Женева. Январь 1876 г.

I.

Вечеръ 3 сентября.—Послѣднее убійство имперіи.—Братъ Жюль Фавра

Во всякой революціи намъ важно рассмотреть три вещи: ея законное основаніе, ея цѣль и ея проявленіе.

Шесть лѣтъ прошло послѣ славнаго дня, когда парижскій народъ, коварно подстрекаемый, атакованный ночью, какъ шайкой карманщиковъ, мужественнымъ усиліемъ прогналъ Тьера и его шайку бонапартистскихъ генераловъ, еще красныхъ отъ запекшейся декабрьской крови и покрытыхъ свѣжею грязью Седана и 28 января.

Съ тѣхъ поръ душа успокоилась, здравый смыслъ могъ взять верхъ надъ отчаяніемъ, а мрачная суровая ссылка охладила увлеченія борьбы.

Теперь, кажется, я нахожусь въ наилучшихъ условіяхъ, чтобы высказаться безъ преувеличеній, но и безъ иллюзій.

Я открыто заявляю, что никогда революція не была болѣе законна и не имѣла болѣе высшаго идеала.

Чтобы хорошо понять 18 марта и Парижскую Коммуну, нужно обратиться къ 4 сентября и къ правительству національной обороны.

Послѣднее разъяснить намъ первое: для этого достаточно нѣсколькихъ страницъ.

Я начну съ вечера 3 сентября.

Въ этотъ день разнесся слухъ о седанскомъ погромѣ, хотя еще не было официальнаго подтвержденія. Волненіе, сильное съ самаго объявленія войны и первыхъ поражений, все увеличивалось.

Между 9—10 часами густая толпа прошла по Монмартрскому бульвару, направляясь къ Бастиліи. Тамъ были женщины, которыя выдѣлялись своей возбужденностью и настойчиво требовали низложенія правительства.

При виде этого я воспрянул духом.

В течение шести недель партия республиканцев-социалистов с надеждой ожидала движения: мы употребляли все усилия, чтобы вызвать его, но население удерживалось депутатами левой, которые явились буфером между народом и империей, утомленной 20 годами деспотизма, искусного развращения и потерявшей, повидимому, веру в свои собственные силы и могущество.

Значительная группа народа разбегалась при появлении нескольких полицейских. Всякий в толпе боялся заговорить со своим соседом, и, если кто-нибудь осмеливался сказать мужественное слово, граждане смотрели на него с недоверием, как на провокатора.

Но эта была не трусость, о нет! С 4 сентября по 30 мая парижане показали, к каким нечеловеческим усилиям они способны; окруженные изменой, терпя целый ряд небывалых поражений, они доказали, что их мужество беспредельно.

Самым пагубным результатом деспотизма является разделение, обособление граждан одного от другого и возбуждение обоюдного недоверия и презрения.

Все бездействуют, потому что никто не рассчитывает на своего соседа, и приходится наблюдать поразительное явление, когда толпа смелых людей, готовых беззаветно жертвовать жизнью, ведет себя малодушно.

Таково было общее настроение в Париже вечером 3 сентября.

Но толпа, о которой я упоминал выше, была многочисленнее других и казалась настроенной очень решительно. Толпа эта состояла из лиц всех классов и возрастов, что служило доказательством того, что все население охвачено волнением.

Были там буржуа и рабочие, женщины и дети, старики, запасные и много национальных гвардейцев в мундирах.

Это был действительно Париж, протестующий, восставший.

Из толпы неслся один крик: «Лишить их власти!»

Прохожие, толпившиеся на тротуарах, аплодировали.

Так толпа благополучно дошла до возвышенности Жимназ. Вдруг толпа стала, крики смолкли, началось поспешное отступление, перешедшее в страшное бегство.

Это произвели атаку постовые городовые с бульвара Бон-Нуэль.

Несмотря на единичные попытки нескольких рассудительных граждан, ничто не могло прекратить панику.

Я был опрокинут бегущими под стоявшую у тротуара карету и, когда поднялся с другой стороны, то очутился один среди шайки полицейских с пашками наголо, как свора собак, преследующих растерявшуюся толпу, которая была уже далеко.

Довольно многочисленная группа успела вскочить на лестницу в театр и заняла ее, смешавшись с публикой, выходившей во время антракта.

Запасней, которого я не заметил раньше бросился за ними, ища убежища. Едва он занес ногу на первую ступеньку, человек, буржуа по одежде, выстрелил в него из револьвера.

Несчастный молодой человек, раненый в грудь, без звука упал навзничь, раскинув руки. Никто из полицейских даже не обернулся. Они продолжали свою охоту, оставив тело на месте.

Стрелявший был околоточный надзиратель.

И это хладнокровное, ничем не вызванное убийство было, мне кажется, последним великим делом империи. Она кончила, как и начала, убийством. В этот момент полицейский схватил меня за руку и тихонько сказал: «Уйдите отсюда, если не хотите быть убитым».

Откровенное слово разоблачило отданные приказы, умирающая империя еще мечтала об убийствах. Чтобы проделать снова 2 декабря, не хватало только солдат. Приблизительно через час высокий безусый человек с бакенбардами, в виде котлет, вошел в кафе де Мадрид, попросил минуту внимания и сообщил следующее:

«Господа, я брат Жюль Фавра. Я пришел от его имени и от имени всей левой, чтобы сообщить вам, что законодательное собрание соберется сегодня ночью. Депутаты левой также требуют низложения. Идите же все к законодательному собранию, постарайтесь привести с собой, по возможности, больше народу. Нужно, чтобы народ присутствовал и поддержал своих представителей.»

Поступок и речь этого господина были положительно смешны. Не в 11 часов вечера и не в бульварном ресторане призывают народ к революционной борьбе.

Там почти не было народа, кроме нескольких человек, и не более сотни последовало за оратором. Этот призыв

доказывалъ только, что всѣ Жюли лѣвой боялись быть арестованными, по приказу Паликао или кого-либо изъ обыкновенныхъ разбойниковъ имперіи, и рѣшились на народную манифестацію, какъ на послѣднее средство.

Болѣе разумное предложеніе облетѣло полупустынные въ это время бульвары. Назначено было свиданіе на завтра къ полудню у законодательнаго собранія, въ формѣ національной гвардіи.

Каждому гражданину предложили пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, кепи, нашить красную полосу на черные брюки и сдѣлать все возможное, чтобы толпа собравшихся на площадь имѣла грозный, якобы офиціальныи видъ.

II.

4 сентября.—Парижскій народъ.—Почему и какимъ образомъ революція 4 сентября не удалась.

На другой день всѣ добросовѣстно собрались. Вооруженная національная гвардія наводнила бурбонскій дворецъ и провозгласила республику. Было воскресенье. Сіяло солнце. Многочисленная и радостная толпа разряженныхъ женщинъ и дѣтей наполняла улицы, бульвары, сады и скверы.

Чувство удовольствія было написано на всѣхъ лицахъ. Люди совершенно незнакомые жали другъ другу руки и обнимались. Лавочники, приставивъ лѣстницы, топорами срывали съ наружныхъ стѣнъ лавокъ золотые орлы и гипсовыя медали, съ изображеніемъ бюста Наполеона Третьяго, которыми они некогда украшали свои вывѣски.

Это не была революція, это было народное празднество. Не было ни одного насильственнаго дѣйствія, ни одного гнѣвнаго движенія. Весь народъ вздохнулъ съ облегченіемъ и глядѣлъ на окружающее радостно и свободно, какъ человѣкъ, очнувшійся отъ страшнаго кошмара, видя дружескія лица у изголовья, понимаетъ, что скверный сонъ прошелъ.

Были слышны только слова надежды, героическіе обѣты, клятвы вѣрности. Толпа взывала къ республикѣ, какъ къ талисману, который долженъ былъ спасти ее отъ всѣхъ опасностей, дать ей энергію и могущество, чтобы разрушить всѣ препятствія.

Объ имперіи не говорили вовсе; мнѣ даже кажется, о ней вовсе и не думали. Имперія—это было прошлое, это былъ позоръ, это была смерть; парижскій народъ съ той удивительной способностью, которая составляетъ его величіе и губитъ его, жилъ

уже будущимъ; опьяненный своимъ чистымъ идеаломъ, разсуждая со всѣмъ пыломъ своего сердца, которое было слишкомъ полно великодушіемъ, благородными желаніями и безсознательнымъ героизмомъ для того, чтобы ненависть нашла тамъ мѣсто.

Этотъ народъ-мученикъ, народъ-мессія, умѣетъ бороться и умирать—онъ не умѣетъ исполнять. Вотъ благодаря чему онъ изнемогаетъ.

Онъ шагаетъ впередъ, устремивъ глаза на свою цѣль, цѣль далекую, цѣль возвышенную и, какъ астронавъ въ бѣснѣ, онъ не видитъ зіяющей пропасти, вырытой подъ его ногами. Онъ мечтаетъ объ освобожденіи міра, счастіи человѣчества, онъ несется къ этому безумнымъ и прекраснымъ бѣгомъ и наталкивается на какого-нибудь Жоля Фавра или Тьера, предательски убивающихъ его въ спину.

На площади Согласія было чудное зрѣлище: въ теченіе двухъ часовъ съ бульваровъ и набережныхъ проходили батальоны въ полномъ вооруженіи, съ весело сверкающими на солнцѣ штыками, съ музыкой и барабанами впереди. Это не было сраженіе, приступъ,—это былъ смогъ, праздникъ. Паркъ возсталъ въ своемъ великолѣпнѣ. Двойная цѣпь полиціи и муниципальной стражи преграждала доступъ къ законодательному корпусу. Она была прорвана безъ сопротивленія, она была прорвана очень оригинальнымъ способомъ ¹⁾.

53-й батальонъ прошелъ вторымъ или третьимъ и перешелъ мостъ между двумя рядами полиціи, блѣдныхъ, взволнованныхъ, приниженныхъ, пресекающихъ пещеры. Я былъ съ краю, одинъ изъ нихъ меня спросилъ: «Не правда ли, грядущини, мы всѣ за Францію! Да здравствуетъ Франція!»—«Вчера, ствѣтилъ я ему, вы убивали французовъ среди бульвара. Я былъ тамъ». Полицейскій замолчалъ и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на толпу.

Его товарищи подражали ему, заговаривали съ тѣми, которые заполняли законодательный корпусъ, и, къ изумленію, что они наполовину присоединились къ движенію, потому что чувствовали, что не въ силахъ сопротивляться.

Муниципальные стражники имѣли больше достоинства. Они подвижны, съ злобными взглядами и мрачными лицами. Они,

¹⁾ Первый батальонъ, встрѣтившій это препятствіе, имѣлъ во главѣ старшаго бабанищика прекраснаго роста. Батальонъ колебался, бабанищикъ, не смущаясь, повернулся лицомъ къ бабанисту, сгруппировавшись и, поднявъ дирижерскую палочку вверхъ, идя впередъ, преградилъ путь, сопровождаемый своими бабанищиками. Простодѣльный отъѣздъ.

казалось, просили своих офицеровъ дать сигналъ открыть огонь.

Солдаты линейныхъ войскъ открыто братались съ народомъ. Но не надо было по этому поводу обольщать себя иллюзіями. Тутъ не было ни революціоннаго духа, ни даже патріотизма. Они надѣялись только, что результатомъ паденія имперіи будетъ конецъ войны.

Что касается императорской гвардіи, занимавшей ворота Тюльери, то всюду, когда мы проходили, они выдавали оружіе возставшей національной гвардіи ¹⁾.

Къ несчастью, толпа шаталась направо и нѣлѣво, куда вела ее прихоть или случайное впечатлѣніе, шла безъ руководителей, безъ компаса, безъ плана, не помышляя даже идти на префектуру полиціи для захвата этого бонапартистскаго притона, прежде чѣмъ люди заинтересованные успѣютъ припрятать акты, имѣть которые въ рукахъ было для республиканской партіи дѣломъ величайшей важности.

Я тогда еще лишній разъ почувствовалъ, какъ опасно для партіи не имѣть никакой организаціи.

Со времени государственнаго переворота демократическая партія была совершенно лишена организаціи. Между разрозненными частями не было никакой связи. Были активные центры, энергичные характеры, но не было никакой руководящей идеи. Передовая часть буржуазіи шла за представителями лѣвой. Народъ, въ общемъ, примыкалъ къ движенію, поднятому Международной Ассоціаціей работниковъ. Нѣсколько человекъ, артисты, журналисты и ораторы публичныхъ собраній, не принадлежа ни къ одному изъ этихъ двухъ лагерей, вели смѣлую борьбу пылкихъ партизановъ. Результатомъ этого раздѣленія силъ явилась полная неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, что болѣе всего другого содѣйствовало прочности имперіи.

Кромѣ того, съ іюня 1848 г. народъ и буржуазія надъ грудами труповъ порвали всякую связь между собою и уже болѣе не сходились.

Этотъ расколъ породилъ имперію, и, благодаря ему, она побѣдила. Такимъ образомъ, правительство, противъ котораго въ дѣйствительности и въ Парижѣ, и во всѣхъ большихъ городахъ было огнемное большинство гражданъ, держалось двадцать лѣтъ благодаря страху, который внушалъ народъ буржуазіи, и благодаря ненависти, которую внушала буржуазія народу.

¹⁾ Надо отмѣтить комичный случай. Одинъ негръ-тюркокъ, взобравшись на дерево на набережной, махалъ своимъ тюрбаномъ, приветствуя смѣшными криками національную гвардію.

Имперія пала именно въ тотъ день, когда подъ гнетомъ великой патріотической скорби, великаго національнаго позора, падающаго на всѣхъ, расколъ, о которомъ я только что говорилъ, на мигъ исчезъ въ общественномъ траурѣ и всеобщемъ негодованіи.

Несмотря на это, революція 4 сентября была только буржуазной революціей, совершенной буржуазіей, такъ какъ она была дѣломъ національной гвардіи, куда еще не проникъ народъ. Такъ какъ она не встрѣтила противодѣйствія со стороны властей, то истинный народъ казался скорѣе зрителемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Если бы произошла схватка, народъ игралъ бы видящуюся роль и дѣла приняли бы тогда совершенно другой оборотъ: префектура полиціи была бы немедленно занята, и Г. Кератри, придя, нашелъ бы тамъ революціонеровъ. Съ ними ему пришлось бы считаться. Дума также была бы занята народными силами, и Фавры, Симоны, Трошю, ставленники буржуазной національной гвардіи, ни въ какомъ случаѣ не нашли бы мѣсто настолько свободнымъ, чтобы овладѣть движеніемъ, надуть демократію и самимъ провозгласить свою собственную диктатуру.

Вслѣдствіе разрозненности и отсутствія какой-либо организаціи, день 4 сентября былъ потерянъ для революціонной социалистической партіи. На всѣхъ пунктахъ ее предупредила лѣвая парламентская партія, политически организованная и готовая принять наслѣдство имперіи. Кератри явился въ префектуру полиціи и спокойно остался тамъ. Трошю, Симоны, Фавры и соучастники преспокойно отправились въ думу и, не встрѣтя тамъ никого ¹⁾, распорядились по-своему. Предоставленный самому себѣ и не возбуждаемый борьбой, парижскій народъ проявилъ обычное великодушіе. Враги были у его ногъ. Жалость и отвращеніе взяли въ немъ верхъ надъ гнѣвомъ и чувствомъ справедливости. Онъ имѣлъ республику. Имперія исчезла. Онъ не обращалъ вниманія на то, что только что проходилъ черезъ непріятельскую армію, которая за его спиною потихонько собиралась съ силами.

Члены сената и законодательнаго корпуса смогли отправиться въ провинцію и начать тамъ грязный заговоръ клеветы и подлости, который предалъ Францію пруссакамъ и бросилъ ее въ окровавленные руки какого-то Тьера.

Городская полиція тщательно сохранена и преобразована. Парижская гвардія названа гвардіей республиканской; генералы Бонапарта остались во главѣ арміи: этимъ все сказано! Четвер-

¹⁾ Я разумѣю—никого, съ кѣмъ стоило бы считаться.

того сентября, вечером, Париж, не подозревая этого, потерявъ свободу, снова очутился въ рукахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, и люди, обладавшіе политическимъ чутьемъ, уже предвидѣли въ ближайшемъ будущемъ гражданскую войну.

Всякій разъ, когда буржуазія производила или позволяла производить революцію, она всегда обращалась съ терроромъ и угрозами противъ народа, который шелъ за ней. Ея единственной заботой было надѣть на него то ярмо, которое она сбросила благодаря ему.

Стремленіе это было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше народъ проявилъ энергіи, чѣмъ больше внушилъ страха и объединилъ батальоны, поколебавшіеся на мигъ передъ своими неумолимыми тиранами.

Такъ и теперь, на другой день послѣ революціи, число враговъ народа не только не уменьшилось, но удвоилось.

Еще наканунѣ, въ борьбѣ съ другимъ противникомъ,—существующимъ правительствомъ—казалось, буржуазія шла въ согласіи съ народомъ, но на другой день она, не боясь никого, кромѣ народа, вся объединилась противъ него.

Напугать тѣхъ, кто насъ ненавидитъ, не разоружая и не разбивъ ихъ,—это величайшая ошибка.

4 сентября прежде всего нужно было лишить возможности вредить республикѣ и народной оборонѣ всѣхъ тѣхъ сутенеровъ имперіи, измѣнниковъ, которымъ любезно позволяли бѣжать или даже довѣряли защиту республики и отечества.

Но съ того момента, какъ власть попала въ руки представителей лѣвой, на это больше нечего было надѣяться. Дряхлой власти имперіи, обезчещенной и разрушенной, но откровенной, по крайней мѣрѣ, въ своемъ цинизмѣ, шла на смѣну новая диктатура, подло прикрывшаяся республиканскимъ знаменемъ.

Зная господствующее положеніе, эти люди заботились лишь о томъ, чтобы сохранить весь механизмъ «всѣхъ слугъ» имперіи, зная, какъ превосходна эта система для подавленія народа, и не имѣя времени придумать что-либо лучшее. Поэтому-то именно господа думцы и не хотѣли смѣстить даже бонапартистскихъ мѣровъ въ двадцати округахъ Парижа¹⁾.

По этому поводу было много споровъ. Трошю рѣшилъ, наконецъ, что будутъ назначены новые мэры, потому что его напугали, что народъ силою прогонитъ старыхъ.

Еще примѣръ: черезъ три дня послѣ 4 сентября муниципальная гвардія Парижа стояла карауломъ у воротъ городской

¹⁾ Ясно, что дѣло шло не о выборѣ ихъ народомъ, какъ, несомнѣнно, слѣдовало бы.

думы. Необходимы были энергичные протесты на площади; чтобы убѣдили этихъ людей, ненавистный видъ которыхъ былъ настоящимъ вызовомъ населенію¹⁾.

Эта мелкая подробность объяснила многое. Гибель и опасеніе волновали сердца въ ихъ истыхъ республиканцевъ, предвидѣвшихъ печальное будущее. Делеклюзъ, которого я встрѣтилъ еще 4 сентября на улицѣ Риволи, послѣ утвержденія правительства, сказалъ мнѣ съ отчаяніемъ:

«Мы пог. блн!»

Огъ былъ правъ, но что оставалось дѣлать?

Начать завтра новую революцію передъ лицомъ непріятеля, приближавшагося фронтъ въ нымъ маршъ?

Объ этомъ нечего было и мечтать. Для этого не было въ Парижѣ нужныхъ силъ.

Населеніе не вполне еще проснулось послѣ долгаго сна имперіи. Для этого ему потребовалось четыре мѣсяца. Чтобы стряхнуть 20 лѣтъ оцѣпенѣнія, это былъ срокъ очень короткий, и я думаю, что ни одинъ народъ не шагаль такими гигантскими шагами.

Населеніе радовалось слову «республика» и отсутствію на улицѣ полицейскихъ; оно считало себя свободнымъ и думало только о защитѣ территоріи и объ изгнаніи пруссаковъ; оно единодушно возстало противъ нихъ, какъ только рѣчь зашла не о поддержкѣ имперіи, а о спасеніи республики и Франціи.

Идти противъ этого теченія было невозможно.

Республиканцы-радикалы и социалисты смѣло взялись за это дѣло и, заглушивъ самыя законныя антипатіи и подозрѣнія, предложили правительству національной обороны свою помощь, не требуя никакихъ политическихъ реформъ, а только одного: военной защиты страны.

Самъ народъ сначала, такъ же легко радовавшійся политическому направленію, требовалъ, чтобы всѣ разногласія были забыты и всѣ живыя силы націи направлены на борьбу противъ пруссаковъ.

Онъ прекрасно понималъ, что если пруссаки будутъ побѣждены республикой, то она упрочится навсегда.

Политика явилась послѣ,—позже социализмъ поднималъ свое знамя; позже стали сводить счеты съ прошлымъ.

На четверть часа, что и было нужно, это была побѣда,

¹⁾ Въ этотъ день я былъ въ думѣ, и это я предупредилъ Этьенна Атаго объ этомъ нестойкомъ поступкѣ. Случай этотъ мало извѣстенъ, такъ какъ гвардія Парижа была тамъ не болѣе десяти минутъ. Тѣмъ не менѣе, эту попытку слѣдуетъ отмѣтить.

потому что эта победа фатально была победой народа, победой социальной демократии.

Вот почему засидевшие в думѣ не хотѣли победы.
Изъ кого же состояла дума?

III.

Члены правительства: Трошю, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ,
Эрнестъ Пикарь, Жюль Ферри и другіе.

Кромѣ Генри Рошфора, который вышелъ въ отставку 31 октября, и Гамбетты, который уѣхалъ организовать оборону въ провинціи, были еще Трошю, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Пикарь и Жюль Ферри. Остальныхъ не стоитъ труда перечислять, кромѣ Доріана, который проявилъ большую трудоспособность, организаторскій талантъ и безпристрастіе, но не проявилъ никакой политической энергіи и характеръ котораго не соответствовалъ его высокимъ качествамъ.

Двое изъ этихъ пяти воровъ народою побѣды были членами ордена іезуитовъ: Трошю и Жюль Фавръ.

Трошю—солдатъ, «католикъ и бретонецъ», т.-е. трижды врожденный врагъ народа, республики и демократіи, ходячее отрицаніе всѣхъ современныхъ стремленій.

Бываютъ моменты, когда простое мошенничество кажется гениальностью. Какъ личность, Трошю былъ олицетвореніемъ глупости, но не той наружной глупости, которая проявляется съ нахальствомъ, полнымъ наивности, которая, какъ вывѣска, предупреждаетъ и заставляетъ быть осторожнымъ.

Трошю—провинциальный глупецъ, глупецъ-мистикъ, вѣрующій въ Мадонну.

Его тщеславіе—это тщеславіе ханжи и больного, огромное и тусклое, сосредоточенное и глубокое, тяжелое, непроницаемое и тоскливое, ненасытное, тщеславіе озлобляющееся, какъ старая дѣва въ одическомъ безсиліи, и переходящее въ низость. Прибавьте къ этому польское неужестово и трепетъ передъ поповской исповѣдальней, откупательное соединеніе неумолимости съ равнымъ ей упрямствомъ, мрачно настроенное воображеніе, видящее только препятствія, неудобства, непреодолимая трудность,—и изображеніе, которое держится за нить и умираетъ. Его тупая сосредоточенность вводилась въ заблужденіе безконечными мелочами и наткнулась на всѣ подлые камни. У него было предвзятое мнѣніе, что не надо побѣждать, потому что побѣда была бы опроверженіемъ извѣстныхъ предсудковъ казармы. Наконецъ, онъ испытывалъ безумныя страхи

передъ революціей и бѣлъ проникнуть христіанскимъ убѣжденіемъ, что всякое возмущеніе противъ власти—самый гнусный грѣхъ и что парижскій народъ—великій грѣшникъ, котораго Богъ каралъ «прусской розгой».

За всѣмъ этимъ скрывалась церковь!

Вскорѣ къ этому присоединилось еще крайнее раздраженіе, которое обострило его пороки: парижскій народъ не восхищался Трошю, не думалъ о Трошю, и Трошю почувствовалъ къ парижскому народу ненависть ханжи и хвостуна, гнѣвъ нѣмой, скрываемый, вѣроломный и упорный, который ждетъ, но не прощаетъ.

Таковъ былъ человѣкъ, которому поручили спасти Парижъ.

За нимъ слѣдовалъ Жюль Фавръ, поддѣлыватель документовъ, обогрившій себя вскорѣ кровью Милліера, который разоблачилъ его подлоги.

Спиритуалистъ, мистикъ и католикъ, онъ ходилъ къ исповѣди, причащался, былъ въ связи съ замужней женщиной и, чтобы разбогатѣть, ложно помѣчалъ рожденіе каждого изъ всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей.

Жюль Фавръ долго обманывалъ общественное мнѣніе, и, сознаюсь, я не понималъ этого.

Между тѣмъ, было извѣстно его поведеніе въ Ліонѣ, гдѣ во время апрѣльского процесса онъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей по защитѣ.

Было извѣстно его поведеніе въ 1848 г., и знали также, съ какой злобой онъ подло преслѣдовалъ членовъ социалистической партіи.

Всѣ знали, что онъ побѣлъ кандидатуру Рошфора и прошелъ во время вторыхъ выборовъ лишь благодаря бонапартистамъ.

Конечно, извѣстная часть республиканской партіи не обращала вниманія на постыдныя дѣла въ его личной жизни и молчала, чтобы не пачкать знамени республики. Другіе слуги церкви и тюльерійцы также знали его тайны. И, въ силу этого, Жюль Фавру приходилось хитрить.

1) Что Жюль Фавръ никогда прямо не требовалъ смерти Милліера у мясниковъ Верселя—это возможно, потому что это было не нужно. Въ этомъ кругу понимаютъ другъ друга съ полуслова и подобными услугами обманываются совершенно просто.

Но именно въ силу этого онъ долженъ былъ выпросить, чтобы жизнь Милліера была спасена, тѣмъ болѣе, что Милліеръ не принималъ никакого участія въ праймъ-таймъ Коммуны.

Позволить совершить убійство, не помѣшавъ этому только

изъ-за личныхъ счетовъ съ жертвой, едва ли менѣе тяжело, чѣмъ совершить его самому.

Это подлѣе—вотъ и все!

Нужно замѣтить также, что Лавье, который доставилъ документы Милліеру, былъ приговоренъ къ одному году тюрьмы и умеръ отъ какой-то неизвѣстной болѣзни. Рѣшительно, Жюль Фавру не везло съ врагами.

2) Передъ судомъ онъ признался, и его мѣсто было бы въ тюрьмѣ Пуасси, если бы онъ не былъ министромъ въ Государственномъ Совѣтѣ, который отдалъ Парижъ на разграбленіе.

Онъ прекрасно вышелъ изъ этого положенія, удовлетворивъ либеральную буржуазію безвредными нападками на имперію и платя жалованіе духовенству, которое снисходительно къ тѣмъ, съ кѣмъ когда-нибудь сообща обдѣлывало дѣлишки.

Кромѣ того, Жюль Фавръ—натура желчная и завистливая, краснорѣчивый ораторъ, горячій буржуа, для котораго республика должна быть правительствомъ болтуновъ, банковъ и чиновниковъ безъ гражданского листа, присвоеннаго правителямъ въ монархіяхъ.

Четвертое сентября его сильно разстроило, выбивъ изъ пріятнаго и удобнаго положенія.

Предводитель лѣвой въ законодательномъ совѣтѣ, онъ не могъ хотѣть и не хотѣлъ ничего, кромѣ продолженія режима, обезпечивающаго ему положеніе, значеніе котораго далеко превосходило и его смѣлость и его заслуги.

Пользуясь тремя, четырьмя рѣчами въ годъ, эта коптящая лампада буржуазнаго либерализма сіяла на парламентскомъ небѣ, какъ звѣзда первой величины.

Въ его рѣчахъ сквозили: его тщеславіе, его кошелекъ и его презрѣніе къ народу.

Онъ жилъ не рискуя, пользовался легкой популярностью и занималъ мѣсто, которое должно бы принадлежать людямъ во сто разъ лучше его.

Независимо отъ всѣхъ другихъ, одна изъ его страстей находила полное удовлетвореніе въ сохраненіи монархіи—я говорю о его зависти и ревности къ молодымъ.

Во дворцѣ была извѣстна эта низкая страсть, и всѣ знали, сколько перестрадалъ онъ, когда зажглась звѣзда Гамбетты. Эта новая знаменитость заслоняла и убивала тщеславіе стараго бонзы, привыкшаго къ обожанію и лести.

Въ палатѣ депутатовъ съ нимъ были любезны, ему улыба-
лись, но я сомнѣваюсь, чтобы его когда-ни будь любили.

Въ тотъ день, когда онъ долженъ былъ выступить противъ

Рошфора, принадлежавшаго также къ молодымъ, онъ поклялся въ непримиримой къ нимъ ненависти.

Страхъ лишиться своего пьедестала, видѣть, какъ выдвигаются новые люди, вызвалъ въ немъ непримиримую ненависть къ революціи.

Большая часть старыхъ политиковъ, создавшихъ себѣ изъ политики ремесло, чувствовала этотъ подлый ужасъ, эту низкую злобу противъ бѣдцовъ, которые создаютъ себѣ имя и угрожаютъ испортить ремесло, внося туда больше страсти, больше искренности, больше таланта, больше новыхъ идей, вызванныхъ потребностями эпохи и стремленіями народа.

Съ этой стороны имперія себя вполне обезопасила.

Этому незаконному, искусственному и гнилому строю нужна была оппозиція незаконная, искусственная и гнилая. Имперія не хотѣла другой, и Жюль Фавръ, съ грамотой въ карманѣ и съ чиномъ постоянного поставщика въ Тюльери по части усыпляющаго либерализма и поддѣльнаго республиканства, не боялся конкуренціи. Такой-то человекъ 4-го сентября попалъ въ ратушу—долженъ былъ служить представителемъ Франціи передъ враждебной Европой, передъ пруссаками, смѣлымъ благодаря нашимъ потерямъ. Какъ и для Трошию, народъ былъ для него врагомъ, котораго онъ боялся и ненавидѣлъ болѣе, чѣмъ пруссаковъ; и противникъ, котораго онъ жаждалъ побѣдить, была прежде всего революція.

Какъ и Трошию, онъ видѣлъ, что побѣдить можетъ только народъ, но эта побѣда была бы побѣдой н рода, и онъ предпочелъ поражение и впоследствии отдалъ Парижъ на жертву ральшивому голоду.

За этими двумя слѣдовалъ Жюль Симонъ, также іезуитъ, но иного сорта. Жюль Симонъ примыкалъ къ іезуитамъ не по глупости, какъ Трошию, и не по смѣси корысти съ религіозностью, какъ Жюль Фавръ. Жюль Симонъ родился іезуитомъ такъ же, какъ родятся поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, іезуитъ—не только созданіе ученой клерикальной организаціи, но это также натура, темпераментъ, строеніе мозга.

Отъ іезуитовъ Жюль Симонъ позаимствовалъ непоколебимое жестокосердіе, приторныя манеры, привѣтливую улыбку, ласковое слово, продажное сердце и умъ, всегда направленный къ одной цѣли.

Этой цѣлью Жюль Симона была власть, а потому онъ былъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ гордъ, и довольствовался при случаѣ мѣстомъ легкой реакціи, вмѣстѣ портфель министра народнаго просвѣщенія при министерствѣ Тьера или будучи министромъ

внутреннѣхъ дѣлъ при Макъ-Магонъ. Не было нѣзости и измѣны, перель которыми онъ устоялъ бы для сохраненія своего портфеля. Въ послѣдній годъ имперіи, благодаря Эмилю Оливье, ему, какъ и большинству его товарищѣй по лѣвой, представилась возможность сдѣлаться министромъ. Онъ охотно принялъ портфель!

Когда началась революція 4-го сентября, онъ, какъ человѣкъ изворотливый, сказалъ себѣ, что добьется, по крайней мѣрѣ, министерства.

Тьеръ, Бонапартъ, Орлеанскій дѣмъ, Шамборъ или Макъ-Магонъ—это только мелочи въ этомъ дѣлѣ.

Что легко дается, то недурно захватить.

Исторія Жюль Симона во время имперіи—это исторія дамъ-благотворительницъ, разбогатѣвшихъ, собирая милостыню для бѣдныхъ.

Когда въ палатѣ депутатовъ его, какъ оратора, затмили Жюль Фавръ и Гамбетта, онъ оставилъ бесплодную мысль создать себѣ популярность трибуной.

Онъ занялся болѣе выгоднымъ дѣломъ и открылъ маленькую лавочку, гдѣ товарищи не могли подыять его торговлю. Салонный соціалетъ, онъ жилъ на счетъ бѣдности рабочихъ и написалъ множество небольшихъ томовъ, цѣною въ 5 фр.: «Работникъ», «Дѣтя». Эти труды доставили ему успѣхъ у буржуазіи, покупавшей его книги, и не компрометировали его въ глазахъ рабочихъ, которые ихъ не читали.

Это было полезно во всѣхъ отношеніяхъ.

Послѣ духовенства никто лучше профессора спиритуалистической философіи не умѣетъ править грубыми интересами этого подлаго міра.

Говорить о Богѣ, о безсмертіи души и о долгѣ—это всегда прекрасный способъ заработать деньги и выгодно жениться.

Это гораздо выгоднѣе, чѣмъ играть на биржѣ или продавать модные товары. Риска здѣсь гораздо меньше, за право торговли платить не надо, и самые злостные банкроты въ этой области никогда не преслѣдуются закономъ.

Если, кромѣ того, быть въ оппозиціи, можно сойти за святого; выйдя же изъ оппозиціи—ссылать и разстрѣливать протестующихъ и огрѣбанныхъ. Жюль Симонъ выполнялъ эту программу до конца.

Какъ Тюрпо и Жюль Фавръ, онъ принадлежалъ къ категоріи плакса, и весь Парижъ помнитъ его унылый видъ, когда онъ входилъ до переворота на профессорскую кафедру, а послѣ переворота на любую трибуну.

Почти во все время имперіи Жюль Симонъ прекрасно обма-

нивалъ свою публику, кромѣ нѣсколькихъ бѣшеныхъ, недобрычирыхъ, помнившихъ еще 1848 годъ. Только въ послѣдніе годы глаза начали открываться.

Еще одна черта доискуетъ его портретъ.

Около конца августа воинствующая публика не покидала подъѣздовъ и трибуны законодательнаго корпуса. Туда отправлялись за новостями, тамъ слушали ложныя депешы, которыя читалъ въ палатѣ военный министръ Пиликао, и разспрашивали депутатовъ лѣвой объ истинномъ положеніи дѣлъ.

Однажды Жюль Симонъ подошелъ ко мнѣ во дворѣ Бурбонскаго дворца, отвелъ въ сторону и сказалъ:

— Объявите всѣмъ вашимъ друзьямъ, объявите рабочимъ предмѣстья, что все потеряно и что, можетъ быть, черезъ восемь дней прусски будутъ подъ стѣнами Париза.

Я ему отвѣтилъ:

— Недостаточно объявить подобныя новости, ихъ нужно доказать, объяснить, откуда и отъ кого онѣ исходятъ, чтобы внушить довѣріе и вызвать острое ваше впечатлѣніе.

— Вы можете сказать, что слышали это отъ меня, Жюль Симона, и что я говорилъ это, клянусь честью.

— Тогда почему не объявите вы этихъ новостей съ трибуны? Это интересуетъ всю Францію. И до, чтобы это слышала вся Франція и чтобы никто не сомнѣвался. Въ этомъ спасеніе отечества. Если вы знаете, говорите, но говорите такъ, какъ долженъ говорить представитель народа.

— Въ законодательномъ совѣтѣ я не могу этого сказать,—и онъ поспѣшно покинулъ меня.

Но почему? Потому что Бонапартъ могъ еще спастись какимъ-нибудь чудомъ, и Жюль Симонъ былъ бы скомпрометированъ передъ лицомъ имперіи.

Прощайте тогда всѣ воздѣлнія на министерство, по примѣру Оливье.

Дѣйствуй такъ, какъ онъ только что сдѣлалъ, онъ сохранялъ свое многообѣщаніе имперіи на лѣвой, дѣлая видъ, что раздѣляетъ гнѣвъ протестующихъ и готовъ принять участіе въ ихъ революціонной борьбѣ.

Если бы этотъ планъ не удался какой слѣдъ остался бы отъ его словъ, скандалъ или вѣдъ?

Если же и родъ встаетъ трудъ, то буду въ доказательство того, что демократъ Жюль Симонъ былъ согласенъ съ народомъ и толкнулъ его въ правое.

Съ Эрнестомъ Геккеромъ мы не имѣли дѣлугой категоріи людей—отъ изувѣтъ къ изувѣтъ.

Нужно отдать справедливость Эрнесту Пикару: онъ никогда не обманывалъ общества, въ которомъ вращался, и не билъ на популяристъ.

Никогда не общался онъ больше, чѣмъ хотѣлъ сдѣлать. Онъ не заключалъ съ революціоннымъ социализмомъ ни одного изъ тѣхъ контрактовъ, которые его коллеги подписывали накануне выборовъ съ такой легкостью, что на другой же день ихъ попирали ноги.

Эрнестъ Пикаръ былъ яркимъ представителемъ недовольной буржуазіи, но осторожнѣйшимъ изъ негоціантовъ Парижа, которые позволяли себѣ роскошь противорѣчить правительству безъ намѣренія его свергнуть и, можетъ быть, даже безъ сильнаго желанія его исправить.

Парижскій буржуа любитъ язвить министровъ, которые его всегда немножко притѣсняють, какъ представители власти.

Онъ похожъ на погаскушку, который доходитъ до удара ножомъ въ брачной жизни, но который ни за что на свѣтѣ не хочетъ и слышать о разводѣ.

Онъ нисколько не любитъ своей жены и ищетъ ласкъ у ея горничной или у сосѣдки съ пятого этажа, но такъ какъ жена представляетъ солидное приданое и онъ тысячу нитей чисто матеріальнаго комфорта связанъ съ ней, то онъ кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что возвращается къ семьѣ.

Эта исторія—исторія парижскаго лавочника, и Пикаръ былъ точнымъ выразителемъ этой оппозиціи, которая въ общемъ была не больше, какъ шулка, неблагодарность и шалость.

Пузатый, дородный, жирный, но, сверхъ того, человѣкъ умный, онъ представлялъ великолѣпный типъ цвѣтущаго, безстыднаго эгоиста.

Такой человѣкъ, разумѣется, не имѣлъ ни капли геронзма, необходимаго для того, чтобы рѣшиться на войну до послѣдней капли крови, чтобы лучше погибнуть подъ развалинами Парижа, чѣмъ сдаться. Естественно, онъ боялся выстрѣловъ, чувствовалъ глубокую антипатію къ гренадамъ, гнулся овсянаго хлѣба, больной телятины и худой лошади и не ходилъ никуда пріятнаго въ величественномъ ужасѣ канонады.

Парижскій народъ, не вѣрившій въ республиканцевъ Фавровъ, Симоневъ и Трошию, вѣрилъ въ патріотизму и думалъ, что они, по крайней мѣрѣ, будутъ французами, если не станутъ ни демократами, ни революціонерами.

Огностительно Эрнеста Пикара не было никакихъ иллюзій.

Все знали, что онъ сдѣлалъ Парижъ, потому что струсилъ, а струсилъ онъ тогда съ женою; но онъ вошелъ въ составъ шайки, и народъ сказалъ себѣ:

— Въ концѣ концовъ это не больше, какъ лишній голосъ! Пикаръ нисколько не обманывалъ ожиданій народа.

Въ правительственномъ совѣтѣ онъ выказался противъ безразсуднаго и вреднаго сопротивленія, требовалъ перемѣны до того дня, когда, замѣнивъ одно слово другимъ, онъ потребовалъ капитуляціи.

Къ счастью, есть даровитые люди, у которыхъ страхъ только портитъ желудокъ. Пикаръ былъ очень одаренъ! Онъ не потерялъ головы, захватилъ портфель министра финансовъ, что его нисколько не разоряло, и заработалъ хорошія деньги на журналѣ своего брата, которому доставлялъ за 12 часовъ телеграммы, новости, а частенько и резолюціи своихъ коллегъ.

Въ общемъ, какъ человѣкъ, онъ остался наиболѣе достойнымъ уваженія въ національной оборонѣ и вышелъ таковымъ же, къ своей чести, потому что вышелъ оттуда толстымъ, даже послѣ голода послѣдняго мѣсяца.

Однако, онъ также рассчитывалъ получить министерство отъ щедрости Наполеона III и былъ недоволенъ, что Парижъ замѣнилъ ему это хорошее положеніе почетной должностію, сопряженной съ опасностію и самопожертвованіемъ.

Отъ Пикара перейдемъ къ Жюлю Ферри!

Весь свѣтъ знаетъ Жюль Ферри съ лицомъ рестораннаго лакея! Онъ прославился тѣмъ, что эдиравъ Гаусманна въ «Temps», орлеанистской газетѣ, и избиратели выбирали его, чтобы не вотировать за Адольфа Геру, бонапартиста-католика.

Въ законодательномъ собраніи онъ былъ на лѣвой, но отъ этого было столько же пользы, какъ если бы онъ былъ на правой.

Въ думѣ онъ преслѣдовалъ одну цѣль: сдѣлаться префектомъ Сены. Онъ достигъ этого на четверть часа.

Когда Парижъ былъ сдавъ и на горизонтѣ показались версальцы, онъ сдѣлался версальцемъ.

Его обвинили въ мошенничествѣ съ провіантомъ для Парижа; онъ округлил свой капиталъ на счетъ глупыхъ парижанъ, которые умирали съ голоду, защищая республику и отечество.

Онъ былъ посланникомъ и въ одинъ прекрасный день будетъ министромъ.

За кулисами, вдали отъ видныхъ ролей, была еще одна личность, очень незначительная сама по себѣ, но съ ней все-таки надо познакомиться для полноты картины.

Это г. Кламажеранъ, маленькій, совершенно круглый, блѣдный человѣкъ, напоминавшій своимъ сложеніемъ нюрнбергскую колбасу, цвѣта мягкаго сыра, съ идиотскимъ видомъ, и еще болѣе идиотъ, чѣмъ можно было заключить по его наружности.

Люди, выбравшіе Трошю управлять военными операціями, поручили ему специально изыскать комитетъ съ вопросами, близко касающимися скотобоснъ.

Отъ былъ званъ кого-то изъ квартирантовъ думы, и его тестъ, страдвшій г стритомъ, взялъ его туда, чтобы онъ ухаживалъ за нимъ во время ужасныхъ приступовъ.

Разсмотримъ же доказательства его способности, его гастрита и его самопожертвованія.

Онъ рѣшилъ, чтобы мэры и помощники двадцати округовъ собирались разъ въ недѣлю въ думѣ подъ предсѣдательствомъ Этіена Араго, для обсужденія и принятія лучшихъ мѣръ по управленію Парижемъ.

На этихъ собраніяхъ непосредственно разбирались вопросы продовольствія и его справедливое распредѣленіе.

Запрошенный по этому поводу г. Кламажеранъ сообщалъ приблизительно число животныхъ, находящихся въ городѣ на бойнѣ.

Эти животныя, большая часть которыхъ была уже больна отъ недостатка ухода, должны были прокормить населеніе въ теченіе не болѣе пяти-шести недѣль.

Я спросилъ ¹⁾, сосчитаны ли лошади, которыя могутъ, если понадобится, быть употреблены въ пищу.

Вотъ подлинный отвѣтъ г. Кламажерана:

— Господа! Мы объ этомъ не подумали! Такого рода статистику составить очень трудно, и, кромѣ того, этотъ источникъ настолько ничтоженъ, что не стоитъ труда имъ заниматься.

А въ теченіе пяти мѣсяцевъ, пока продолжалась осада Парижа, населеніе три мѣсяца питалось кониной.

Лошади оказались большой и самой серьезной поддержкой для трехъ четвертей населенія Парижа.

Такова его способности!

Теперь относительно воспаленія желудка.

Нѣсколько дней спустя разбирался вопросъ о немедленной ²⁾ и равной раздачѣ мяса изъ мясныхъ лавокъ гражданамъ.

Г. Кламажеранъ отвергъ эту мѣру, заявивъ, что есть деликатные желудки, которые не могутъ довольствоваться всякимъ кускомъ.

— Что касается меня, то я, въ виду крайней болѣзненности моего желудка и малго аппетита, предпочту маленькій кусочекъ филе большому куску низшаго сорта. Нужно предоставить всякому право выбрать свой кусокъ, уплативъ необходимое.

Къ тому же, для чего распредѣлять мясо, когда ограниченіе потребленія совершится естественно, благодаря дороговизнѣ, которая уменьшитъ порцію, и при этомъ не будутъ затронуты великіе принципы свободы торговли, и правительство не будетъ обременено хлопотами и лишней, и безъ того значительной, работой.

Дѣйствительно, стоило только допустить спекуляцію,—и мясо настолько поднялось въ цѣнѣ, что могло быть куплено только миллионерами, членами правительства и г. Кламажераномъ.

Остальные должны были умирать съ голода или грызть свои руки.

Прибавимъ, что эта система распредѣленія дороговизной вначалѣ неоднократно была удостоена похвалы въ совѣтѣ министровъ, который одобрялъ эту систему и отказался отъ нея съ сожалѣніемъ.

Однако, мясо изъ мясныхъ лавокъ, хотя нѣсколько позже, было распредѣлено.

Но такъ какъ лошади были забыты, повсюду открылись склады лошадиного мяса, и населеніе воспользоваться.

Нѣкоторое время господствовало поразительное мотовство.

Гражданинъ Креппо ¹⁾ и я отправились къ г. Кламажерану и заявили ему, что нужно положить конецъ такому положенію вещей и раздѣлить лошадиное мясо, иначе оно исчезнетъ очень быстро, и осажденный городъ лишится главнаго и лучшаго средства питанія ²⁾.

На этотъ разъ г. Кламажеранъ разсердился.

— Мы имѣемъ достаточно непріятностей съ мясомъ изъ мясныхъ лавокъ,—вскричалъ онъ.—Если мы возьмемся за дѣленіе лошадиного мяса, это снова доставитъ намъ массу непріятностей. Вы хотите насъ уморить! Пусть продаютъ лошадей, какъ хотятъ. Но чтобы я больше не слышалъ объ этомъ; это все, что я прошу!

Такова была его преданность дѣлу!

Если я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, то только потому, что онѣ ярко рисуютъ людей, въ руки которыхъ попала государственная власть и распоряженіе нашей судьбой.

Отъ Трошю до Кламажерана—они стояли всѣ одинъ другого. Въ такихъ условіяхъ, съ подобнымъ начальствомъ и адми-

¹⁾ Мэръ IV округа.

²⁾ Лошади были великолѣпны. Такъ какъ кормъ былъ дорогъ, то ихъ кормили мукой и вѣиновымъ хлѣбомъ. Правительство, зная это, заставляло главу, а позже стало кормить парижанъ овсомъ.

¹⁾ Я присутствовалъ на собраніи въ качествѣ помощника мэра IV округа.

²⁾ Это было въ мэріи I округа.

нистраціей, парижскій народъ выдержалъ почти пятимѣсячную осаду при исключительно жестокой зимѣ, ни на минуту не теряя твердости и не жалуясь на свои страданія.

IV.

Парижскій народъ во время первой осады.

Теперь мы можемъ быстро прослѣдить факты, имѣвшіе мѣсто во время самой осады. Когда извѣстны актеры, незачѣмъ смотрѣть пьесу, чтобы знать, какъ она будетъ сыграна.

Я не имѣю намѣренія рассказывать о самой осадѣ. Положеніе можно резюмировать такъ: наверху—измѣна, бездарность, подлость, ненависть къ народу; на низахъ—геронзмъ, самоотреченіе, злоба къ пруссакамъ, любовь къ республикѣ и глубокое презрѣніе къ правительству.

Этотъ парижскій народъ, дѣйствительно, могъ сдѣлаться защитникомъ Франціи.

И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ правительство національной обороны было подло, преступно, Коммуна, несмотря на свои высокія и чистыя намѣренія, дѣлала грубыя ошибки, парижскій народъ въ теченіе семи мѣсяцевъ былъ удивителенъ! онъ былъ всегда великъ въ своихъ прекрасныхъ порывахъ сердца, въ своихъ чисто политическихъ сужденіяхъ, которые останутся свѣтлымъ маякомъ для будущаго.

Въ то время, какъ его предавали, морили голодомъ, позорили и бомбардировали, онъ, этотъ народъ, вырабатывалъ великую идею девятнадцатаго вѣка и нашелъ точную форму народнаго суверенитета.

Нужно было видѣть его въ первые дни, когда онъ осаждалъ мэріи, требуя оружія, предлагая съ геройской безпечною свое время и свою жизнь. Граждане приходили такими массами, что не успѣвали ихъ записывать.

Но еще труднѣе было удовлетворить ихъ нетерпѣніе. Когда въ округѣ одинъ батальонъ былъ сформированъ и вооруженъ, это вызвало взрывъ гнѣва со стороны тѣхъ, кто не могъ быть вооруженъ въ тотъ же день.

Каждая партія оружія должна была провозиться въ мэріи подъ военнымъ прикрытіемъ: иначе толпа расхитила бы его, чтобы получить оружіе получасомъ раньше.

Это наблюдалось въ цѣломъ Парижѣ, преимущественно же въ рабочихъ кварталахъ.

Правда, черезъ эту толпу можно было провезти всѣ милліоны банка безъ всякой охраны; правда, что впоследствии,

среди этой истощенной голодомъ толпы не нашлось ни одного мужчины, ни одной женщины, которые жаловались бы или требовали бы капитуляціи.

Изъ этого населенія можно было сформировать стотысячную армію, которая могла въ своемъ рвеніи одержать побѣду, поднять провинцію и съ ея помощью отбросить пруссаковъ далеко за предѣлы отечества.

Достаточно было шести недѣль, чтобы сформировать ее. Кто не помнитъ прекраснаго вида походныхъ батальоновъ, когда правительство, вынужденное движеніемъ 31 октября, не смѣло отказать въ удовлетвореніи національной гвардіи. Менѣе мѣсяца спустя послѣ сформированія, они маршировали лучше и чище, чѣмъ войско, и, кромѣ того, своимъ рѣшительнымъ и воинственнымъ видомъ выгодно отличались отъ скучнаго и покорнаго вида большинства запасныхъ солдатъ.

Доказано, что національный гвардеецъ въ одинъ день обучается тому, чему солдатъ не можетъ научиться и въ мѣсяцъ.

Первые отличаются болѣе высокимъ моральнымъ уровнемъ, преимушества чего сказываются во всемъ. Национальный гвардеецъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ, сознаетъ всю необходимость этого дѣла и вноситъ въ него свою волю: онъ—дѣятельный сотрудникъ, а не послушное орудіе; мужество его—не слѣдствіе дисциплины или привычка повиноваться, это—разумное мужество свободного человѣка, который сознательно отдаетъ свою жизнь за идею, за убѣжденіе, за свой долгъ.

Никто, послѣ осады Парижа, не можетъ болѣе вѣрить въ постоянную армію—толпу дорого стоящихъ рабовъ, руководимую жалкими начальниками, для которыхъ проливать кровь—это ремесло, это заработокъ и выслуга орденовъ и которые во всѣ времена съ бѣшенымъ ожесточеніемъ проливали кровь своего народа, чѣмъ кровь враговъ его.

Развѣ день 2 декабря не далъ какому-нибудь Винуа столько же, сколько самая блестящая побѣда надъ пруссаками?

И ему нужно было беспокоиться и подвергаться усталости и скукѣ похода.

Отнынѣ опытъ произведенъ. Онъ занесенъ въ исторію...

Припомнить, что національная гвардія, вопреки правительству, вопреки герогамъ и ихъ солдатамъ, держала пруссаковъ пять мѣсяцевъ подъ стѣнами Парижа и оккупцію Елисейскихъ полей, разрѣшенную Жюлемъ Фавромъ, обратила въ такое униженіе для пруссаковъ, что Вильгельмъ и Бисмаркъ не хотѣли довести ее до конца.

Припомнить, что «лучшая армія Франціи»¹⁾ на глазах пруссаковъ, къ которымъ относилась съ большимъ почтеніемъ, бомбардировала Парижъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ и восемь дней подрядъ убивала, грабила и поджигала столицу Франціи, разрушавшую керосиновыми гранатами.

Вначалѣ правительство проявило нѣкоторое бахвальство.

Жюль Фавръ клялся, что онъ не уступитъ «ни одной пяди земли, ни одного камня крѣпостей», какъ позже Дюкрю увѣрялъ, что онъ возвратится «мертвымъ или побѣдителемъ», и какъ Трошю, рѣшившійся уже на капитуляцію, увѣрялъ за восемь дней до капитуляціи, «что губернаторъ Парижа никогда не капитулируетъ!»

Привда, 22 января онъ подалъ въ отставку, какъ губернаторъ Парижа, прибавивъ ко лжи еще увертку.

Впрочемъ, онъ лгалъ всегда съ такимъ веселымъ усердіемъ, точно ложь его оплачивалась червонцами.

Это тѣ самые люди, которые 31 октября клялись произвести выборы въ коммунальный совѣтъ Парижа и не преслѣдовать гражданъ, принимавшихъ участіе въ движеніи. На другой день они, къ своей выгодѣ, замѣнили общіе выборы плебесцитомъ и приказами арестовать тѣхъ, которые повѣрили ихъ словамъ.

Нужно отдать справедливость правительству національной обороны, что никогда во главѣ Франціи не стояли болѣе злобные скоморохи. Все ихъ поведеніе носило характеръ исключительной, свойственной имъ подлости.

Ясно видно, что среди вліятельныхъ членовъ этого правительства были мошенники, для которыхъ ложь была не больше, какъ пустой забавой, шуткой.

Какъ могли спасти честь страны эти люди, которые не дорожили собственною честью!

Но оставимъ поскорѣй эту грязь и выйдемъ на улицу. Тамъ великій народъ, который голодаетъ и мерзнетъ, но предпочитаетъ лучше погибнуть подъ развалинами Парижа, чѣмъ измѣнить своему долгу.

Весь міръ знаетъ Парижъ, этотъ городъ роскоши, свѣта и удовольствій, который Галфэ, идя въ деревнѣ Монтиго, называлъ публичнымъ домомъ.

Блестящій, великій, шумный и веселый.

Богатства цѣлаго міра собраны тутъ какъ бы для свѣдѣнія.

Есть городъ болѣе обширный, болѣе кокетливый, лучше

расположенный, съ хорошимъ климатомъ, гдѣ небо чисто, а природа и искусства болѣе нѣжны,—но нѣтъ второго Парижа.

Это необъятная лабораторія французской мысли, лихорадочнаго ума чужаго и нервнаго народа, исторія котораго идетъ удивительнымъ скачками, сопровождаемыми ужасными пораженіями. Это въ народъ, подымаясь, снова падая и возобновляя опять свой полетъ, каждый разъ, когда выпрямляется во весь ростъ огмѣчаетъ цѣлымъ потокомъ своей благородной крови новый этапъ въ стремленіи человѣчества къ прогрессу.

Есть что-то волшебное въ этихъ внезапныхъ переменѣхъ. Вчера—городъ королевской забавы; сегодня—арена патристическаго долга; завтра это революціонный вулканъ, извергающій свою энергію на старый міръ, погрязшій въ привилегіяхъ и несправедливости.

Нужно было видѣть хоть одинъ изъ этихъ невѣроятныхъ переворотовъ, чтобы понять его чудное величіе, его своеобразную красоту.

Этотъ народъ, который въ теченіе двадцати лѣтъ считали изнѣженнымъ и развращеннымъ до мозга костей, который знали только по дочерямъ его, маленькимъ толстушкамъ, по его обезчещенной магистратурѣ, раболѣпному духовенству, генераламъ, созданнымъ на грудяхъ костей 2 декабря, законодательному собранію, подъ предсѣдательствомъ Шнейдера, смѣшному сенату, Гринье де-Кассаньякамъ, де-Пенэ, Тарбэ и Вальмессанамъ, прокладывающимъ дорогу имперіи,—этотъ народъ пришелъ въ себя, очистился и выпрямился во весь ростъ въ нѣсколько часовъ.

Парижъ превратился въ военный лагерь, гдѣ вооруженный народъ день и ночь охранялъ городъ.

На бульварахъ, въ скверахъ, вдоль улицъ, на самыхъ маленькихъ перекресткахъ, гдѣ могли помѣститься десять человѣкъ, граждане занимались упражненіями подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ и снѣгомъ, съ настойчивымъ и постояннымъ усердіемъ, которое ни передъ чѣмъ не останавливается.

И, суровое дѣло, этотъ народъ въ своемъ испытаніи не только проявилъ невѣроятную душевную энергію, но еще болѣе замѣчательную физическую крѣпость.

Эти люди, зачѣстую привыкшіе къ сидячему, изнѣжающему, нездоровому образу жизни или надѣвающимся и дѣлающимъ трудомъ чиновники, мелкіе лавочники, разносчики, заводскіе рабочіе, одни дородные и толстые, другіе черезчуръ худые и слабые, повѣдомому, безъ затрудненія пропустили безсонныя ночи въ ожиданіи прихода болѣе жестокомъ

¹⁾ Слова Тьера.

холодѣ и послѣ двадцатичасовой смѣны шли отдыхать на 12 часовъ и возвращались снова веселые и живые.

Прибавимъ, что большинство было плохо одѣто; у нихъ не было ни шинелей, ни овчинъ, ни соломы, какъ у солдатъ; они довольствовались блузами и въгромъ подбитыми брюками, полученными отъ щедротъ правительства.

Только немногіе умирали отъ болѣзней, но большинство нисколько не страдало отъ этого новаго режима, и черезъ короткое время, какъ я уже упоминалъ, пѣхота, составленная изъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ, представляла солидную военную силу, къ удивленію публики и къ отчаянію Трошию.

Ко всѣмъ этимъ лишеніямъ нужно прибавить еще недостаточную и неудовлетворительную пищу.

Правительство дѣйствительно и когда не хотѣло серьезно приступить къ раздѣлу значительнаго запаса провизіи, скопленной въ Парижѣ, не соглашалось поровну и бесплатно раздавать его всѣмъ гражданамъ, возложивъ часть расходовъ на богатыхъ, которые могли вносить свою долю въ видѣ налога въ государственную кассу.

Благодаря этому, несостоятельные скоро были обречены на жестокую нужду.

Члены національной обороны думали отдѣлаться отъ всего, согласившись выдавать національнымъ гвардейцамъ субсидію въ 1 фр. 50 сант. въ день, которую они просили, а ихъ законнымъ женамъ по 75 сант. въ день.

Такимъ образомъ, рабочіе, съ ихъ часто многочисленными семьями, должны были довольствоваться 2 франками 25 сантимами въ день, въ то время, какъ цѣна всѣхъ припасовъ баснословно поднялась и сдѣлалась недоступной даже для людей средняго достатка.

На эти 45 су нужно было приобрести топливо и уголь, котораго было мало, и платить за недостаточную порцію мяса и хлѣба, выдаваемую въ мѣриіи cadaго округа по опредѣленнымъ днямъ.

Это было такой насмѣшкой, порція была такъ мала, что многія женщины изъ народа вынуждены были продавать свои карточки изъ мясной лавки богатымъ людямъ, которые такимъ образомъ получали нѣсколько порцій мяса.

— Что же мнѣ дѣлать съ моимъ карточкой?—говорили эти бѣдныя женщины,—у меня нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за мясо, которое мнѣ доставляютъ.

Послѣ такой продажи бѣдныя покупательницы приобретали нечистыя выварки или немного угля; позже, когда этотъ скудный источникъ истощивался, онѣ записывались въ нищіе.

Вмѣсто того, чтобы сдѣлать справедливое дѣло, имѣвшее, впрочемъ, демократическій отбѣнокъ, и лишить миллионеровъ удовольствія покупать жирныхъ куръ ¹⁾, когда народъ умираетъ съ голоду, а извѣстныхъ коммерсантовъ—спекулировать на об-

¹⁾ Вотъ что мы читаемъ въ № «Радикала» отъ 21 марта 1872 г.: «Вы знаете, сколько людей умерло съ голоду во время осады. Это потому, что Бребанъ не былъ въ числѣ ихъ друзей. Друзья Бребана ни въ чемъ не нуждаются: напротивъ, они роскошествовали и устраивали пиры.

Ихъ было четырнадцать добрыхъ товарищей—весельчаковъ, друзей милыхъ чашекъ и возбуждающихъ болтливость бутылокъ.

Два раза въ мѣсяцъ они въ условленный часъ сходились на свиданіе и забавлялись, поталкиваясь плечами и локтями между длинными рядами бѣдныхъ женщинъ, запоздавшихъ на перекусокъ по едѣ булочной или мясной лавкой; видъ этихъ безобразныхъ дѣтей и стариковъ, тонущихъ въ грязи, возбуждалъ ихъ аппетитъ; однимъ философски-ловкимъ ходомъ они достигали бульвара Монмартръ и съ улыбкой отворяли двери Бребана; въ то время, какъ голодный Парижъ подтягивалъ потуже поясъ національной гвардіи, они, наѣвшись и мучаясь несвареніемъ желудка, разстегивали пуговицы одну за другой.

Въ часъ, когда галаты наводняли лѣвый берегъ, эти господа, въ полной безопасности, на правомъ берегу заказывали шампанское; пробки летѣли въ потолокъ, начиналась веселая бомба, дигезка, смѣши вавшаяся со взрывами смѣха и злыми шутками, заставлявшими ихъ забывать отъ удовольствія.

Этого никогда не забываютъ; сердце можетъ забыть, но желудокъ никогда; эти господа это доказали. Они приказали отчеканить на монетномъ дворѣ изъ чистаго золота медаль въ 300 фр. въ честь Бребана, этого ресторатора, этого друга, этого бога, который создалъ столько чудесъ для ихъ желудковъ.

На передней части медали написано:

Во время
осады Парижа
нѣсколько человекъ,
привыкнувъ собираться у Бребана
каждые 15 дней, ни разу не замѣтили,
что они сѣдаютъ въ городъ
съ двумя миллионами
осажденныхъ
1870—1871.

На оборотѣ:

Господину Полю Бребану.

Эрнестъ Ренанъ,
П. де-Сенъ-Викторъ,
Г. Бертело,
Ш. Бланъ,
Шереръ,
Дюмениль,
А. Нефтцель,

Ш. Эдмондъ,
Туро,
Бертранъ,
Майей,
Э. де-Гонкуръ,
Т. Готье,
А. Гебгардъ.

Эти 14 именъ, выгравированныхъ на тонкомъ золотѣ, научатъ потомство, какъ лѣчиться отъ наводныхъ бѣдствій, будучи философомъ, какъ Ренанъ, поэтомъ, какъ г. Теофиль Готье, романистомъ, какъ г. де-Гонкуръ, и критикомъ, какъ г. Поль де Сенъ-Викторъ.

щественной отбности, правительство предпочло организовать въ большомъ масштабѣ вредную и деморализующую милостыню.

Вскорѣ $\frac{3}{4}$ парижскаго населенія должны были пользоваться официальной и частной благотворительностью ¹⁾.

Правда, г. Кламажеранъ, страдавшій гастритомъ, могъ благодаря этому имѣть настоящее филе, а члены думы до послѣдняго дня имѣли телятину и свѣжее масло.

Было также что-то специфически гадкое и криводушное въ оказаніи денежной помощи только законнымъ женамъ и цюнальныхъ гвардейцевъ въ городѣ, гдѣ треть союзовъ не была скрѣплена закономъ. Я видѣлъ не одного добраго рабочаго или честнаго наемщика, плакавшаго отъ ярости изъ-за необходимости публично, передъ всей ротой, назвать наложницей мать своихъ дѣтей, подругу своей жизни.

Онъ долженъ былъ на свои гридцать су прокормить свою семью или обречь ее на попрошайничество возлѣ мэріи своего квартала.

Я останавливаюсь на всѣхъ этихъ давно извѣстныхъ подробностяхъ, чтобы было понятно, сколько нужно самопожертвованія, энергіи парижскому народу, чтобы устоять противъ столькихъ причинъ недовольства и деморализации, чтобы доказать, какое препятствіе онъ долженъ былъ преодолѣть, чтобы сохранить передъ врагомъ достойную и неукротимую выдержку, вызвавшую восхищеніе Европы.

И это—народъ, только народъ, который хотѣлъ сопротивляться, хотѣлъ войны до послѣдней крайности, противъ воли правительства, противъ тысячи ненужныхъ страданій, которыя ему рисовали, чтобы убить его энергію.

Въ осажденномъ городѣ, особенно въ городѣ, гдѣ уживаются несмѣтные богатства съ крайней бѣдностью, начальство должно было бы воодушевить на борьбу и разбудить патріотизмъ, согрѣть сердца и поднять мужество.

Ничего подобнаго не было въ Парижѣ. Всѣ правительственные депеши и официальные прокламаціи имѣли цѣлью посягнуть уныніе.

Въ частности, всѣ прокламаціи Трошю могутъ быть резюмированы въ словахъ:

— Братья, нужно умереть!

Это было жалобно и смѣшно, и я часто спрашивалъ себя, какимъ образомъ народъ, страшно чувствительный, полный на-

деждѣ, восторженный, быстро унывающий, могъ противиться подобию порядку.

Этимъ ничего не достигли. Далекій отъ того, чтобы пасть духомъ, онъ съ каждымъ днемъ возбуждался все болѣе. Бурныя вѣсти, страданія, пораженія только укрѣпляли его рѣшимость побѣдить или умереть.

Онъ былъ раздраженъ противъ правительства, обвинялъ его въ бездарности и подлости, но не надѣйтесь, чтобы онъ самъ подлостью могъ положить конецъ этимъ страданіямъ!

Чѣмъ болѣе его толкали къ капитуляціи, тѣмъ онъ сильнѣе рвался въ бой.

Однажды, когда послѣ долгаго ожиданія, нервнаго напряженія, болѣе мучительнаго для активнаго характера, чѣмъ самая жестокая несчастья, Трошю съ торжественнымъ видомъ объявилъ, что пруссаки, наконецъ, начинаютъ бомбардировать городъ.—Парижъ былъ охваченъ почти радостью.

Бомбардировка была новостью; хотя и не активнымъ дѣломъ, но все-таки дѣломъ.

Въ мэріи восьмого округа я прочелъ эту афишу. Тамъ было много народу.

— Они идутъ насъ бомбардировать,—вскричали рабочіе.— Тѣмъ лучше! Пойдемте! Это насъ согрѣетъ! ¹⁾.

Толпа смѣялась.

Нѣмцы, рассчитывавшіе на психологическій моментъ, не знали французовъ.

Бомбардировка была хорошо принята населеніемъ. Ихъ не хотѣли вести подъ пули; пули сами пришли къ намъ,—добро пожаловать!

Странную картину представляло населеніе, мужчины, женщины, дѣти, которыхъ нужно было умолять не лѣзть подъ гранаты и не собираться въ бомбардируемыхъ кварталахъ.

Населеніе этихъ кварталовъ не хотѣло переселяться и не покидало своихъ домовъ, пока они не были разрушаемы. Возможно, что и послѣ этого кто-нибудь оставался тамъ.

Хвостъ, ожидающій у дверей булочной, составленный преимущественно изъ женщинъ, не колебался подъ градомъ картечи.

Гранаты падали въ нѣсколькихъ шагахъ. Никто не шевелился даже.

— Смотрите-ка, пруссаки посылаютъ намъ сливы,—говорили онѣ.

Онѣ все еще смѣялись.

Единственнымъ слѣдствіемъ бомбардировки было то, что

¹⁾ Подтиные слова.

¹⁾ Въ четвертомъ округѣ, гдѣ живетъ, большею частью, средняя буржуазія и который насчитываетъ 32 тысячи жителей, было 25 тыс. нуждающихся. Въ бѣдныхъ кварталахъ эта цифра поднималась до $\frac{3}{10}$ населенія.

газеты стали интереснѣе, парижане получили зрѣлище, которое не может пресытить, и созданъ промыселъ для уличныхъ мальчишекъ, которые бѣгали за снарядами, чтобы послѣ продать ихъ любителямъ

Трошю не везло!

Въ концѣ концовъ, эта живость, которую порицають глупцы, считающіе степенью глубины и неповоротливость геніемъ, забывая, что самыя глупыя животныя, въ родѣ быка, наиболѣе степенны,—эта живость является отличительной чертой французскаго темперамента.

Парижане, въ особенности, дали нѣсколько прекрасныхъ скажу даже, поразительныхъ примѣровъ. Веселость придаетъ храбрости какую-то возвышенную прелесть, исполненіе суроваго долга съ улыбкой на губахъ полно граціи, что нисколько не уменьшаетъ его величія.

Ну ихъ, эги угрюмыя добродѣтели! Въ нихъ чувствуется слишкомъ много усилій, что портить все. Это только полудобродѣтели.

Кто хочетъ, можетъ сколько угодно называть этотъ смѣющийся героизмъ легкомысліемъ. Разъ не благодаря именно этому счастливому легкомыслію народъ однимъ прыжкомъ перескочилъ столѣтія и указалъ далекій этапъ, по которому отнынѣ должно идти человѣчество?

Онъ падаетъ, потому что онъ летитъ, торопится. Вы, пресмыкающіеся, вы никогда не узнаете этихъ паденій, но нашли ли бы вы свою дорогу, если бы онъ не намѣтилъ ее вамъ; избѣгли ли бы вы пропастей, если бы онъ не покраснѣли отъ его неистощимой крови!

Эти неукротимые федералисты, которые безстрашно умирали подъ пулями версальцевъ, какъ я не разъ видѣлъ во время осады, чтобы скрасить праздность, играли въ пыжи на насыпи, взрыхленной гранатами, или, напѣвая, танцевали подъ карточью кадрили.

«Станцуемъ карманьолу!

Да здравствуетъ

Громъ пушекъ!»

Чтобы дорисовать картину Парижа во время осады, нужно сказать объ удивительной стойкости женщинъ, хотя онѣ страдали несравненно больше мужчинъ.

По этому уже можно было предвидѣть, какъ онѣ будутъ вести себя во время Коммуны.

Женщины являлись образцомъ мужества, самопожертвованія и героизма.

Онѣ страдали, какъ жены, какъ матери, какъ сестры, когда ихъ мужья, возлюбленные, сыновья и братья шли на аванпосты подъ огонь пруссаковъ; онѣ страдали, какъ хозяйки, вынужденныя готовить безъ огня и безъ продуктовъ отвратительныя кушанья; оставаясь однѣ въ холодной, темной квартирѣ, окруженныя дѣтьми, которыя чахли безъ хлѣба, вставая зимою въ полночь, онѣ подъ дождемъ и снѣгомъ, на вѣтру, стояли хвостомъ у дверей булочной, часто оставаясь тамъ отъ 4 ч. утра до полудня, и все-таки никто не слыхалъ отъ нихъ ни одной жалобы, хотя многія лишались чувствъ отъ усталости и истощенія во время бессонныхъ ожиданій.

Онѣ также требовали сопротивленія до послѣдней крайности и общей вылазки.

Мужъ не смѣлъ передъ женою проявить страхъ, колебанія или трусливую надежду.

Когда батальонъ, отступившій передъ врагомъ, вернулся, женщины встрѣтили его гиканьемъ, вышли на улицу и осматривали своихъ мужей.

Этотъ батальонъ проявилъ въ послѣдствіи геройское мужество.

Эти женщины, которыхъ газета «Фигаро» называла самками федералистовъ, были всюду: въ походной больницѣ, на аванпостахъ подъ пулями, въ лавочкахъ подъ гранатами; и ни одна изъ нихъ не думала о капитуляціи.

Онѣ, однако, были вознаграждены за это.

Версальцы обращались съ ними, какъ съ мужчинами, съ которыми онѣ дѣлили доблесть и опасности: онѣ были убиты!

Таковъ былъ парижскій народъ во время первой осады.

V.

Народъ чувствуетъ себя жертвой измѣны.—31 октября.—

22 января.

Между тѣмъ, гнѣвъ и отвращеніе перешли изъ чувства въ сознаніе и грозили Парижу присоединить къ ужасамъ внѣшней войны ужасъ войны гражданской.

Иллюзіи исчезли одна за другой. Стало очевидно, что правительство ничего не хотѣло дѣлать, теряло время, проматывало припасы и фатально вело насъ къ тому дню, когда за недостаткомъ хлѣба пришлось отворить пруссакамъ ворота столицы.

Было известно, что Тьеръ объѣзжалъ европейскіе дворы

и заставлялъ униженную Францію и обезчещенную республику дожидаться въ передней королей.

Было извѣстно, что эти люди могли насъ покрыть только позоромъ, что между этимъ представителемъ самой неистовой и жестокой реакціи и королями могъ происходить только позорный торгъ, основанный на потеряхъ народа, и что торговля издержки должно будетъ уплатить отечество.

Ужасно было видѣть триста-четыре-ста сотенъ тысячъ вооруженныхъ людей, обреченныхъ на бездѣйствіе и безсиліе, когда большинство этихъ людей было полно беззавѣтной преданности и энергіи.

Два событія ускорили взрывъ: убійство Бурже и сдача Меца Базеномъ.

Чтобы отмѣтить эти несчастія своей печатью, правительство приплело къ нимъ самую гнусную и наглую ложь.

Имѣя въ рукахъ депешу о капитуляціи Меца, которую Рошфоръ разоблачилъ Флурансу, рассказавшему о ней Феликсу Пиа, правительство безразсудно опровергало ее въ официальной газетѣ.

На третій день оно было вынуждено покрыть всѣ стѣны афишами объ этомъ событіи.

Наступило 31 октября.

Я не буду рассказывать объ этомъ днѣ. Я не былъ тамъ ¹⁾, а я хочу говорить только о томъ, чему я былъ очевидцемъ.

Я зналъ только то, что писалось въ газетахъ и что передавали мнѣ нѣкоторые друзья, которые приходили время отъ времени, чтобы знакомить меня съ текущими событіями. Но я положительно утверждаю, что на сторонѣ добрыхъ гражданъ, которые попытались создать это движеніе, были право и справедливость; республика и Франція были бы, вѣроятно, спасены, если бы это движеніе удалось.

Благодаря отсутствію плана и предварительной организациі, а особенно, вслѣдствіе неумѣстнаго великодушія мнимыхъ повстанцевъ, которые, повторивъ вновь ошибку, совершенную 4 сентября, позволили бѣжать своимъ противникамъ, бывшимъ у нихъ въ рукахъ,—движеніе не удалось, и торжествующее правительство воспользовалось своей побѣдой, нарушивъ всѣ обѣщанія, всѣ клятвы.

Оно отказалось даже отъ обязательства, принятаго нѣсколько часовъ до того передъ мэрами и ихъ помощниками, собравшимися въ думъ.

¹⁾ Я былъ въ постели, серьезно захворавъ на аванпостѣ.

Это обязательство было—немедленно приступить къ выборамъ въ муниципальный совѣтъ.

Фавры и Трошю замѣнили эти выборы голосованіемъ до-вѣрія, закрѣпившимъ ихъ власть; такъ какъ побѣдители всегда правы, то и у нихъ не было недостатка въ голосахъ ¹⁾.

Все погибло.

Но все-таки всякое дѣйствіе всегда служить чему-либо. Хотя движеніе 31 октября было подавлено, оно все-таки заставило правительство организовать походные батальоны, положило конецъ переговорамъ о перемиріи и продолжило осаду, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы спасти честь парижскаго народа.

У народа нѣтъ ничего, кромѣ чести,—онъ дорожитъ ею.

При такихъ условіяхъ наступилъ январь, и самыя прочныя иллюзіи народа стали исчезать одна за другой.

Успѣшныя вначалѣ вылазки кончились безрезультатно. Появились голодъ и раздача хлѣба порціями. Такъ какъ, несмотря на то, что порція хлѣба составляла только половину обычнаго питанія, населеніе не проявляло ни малѣйшаго неудовольствія и не заикалось о сдачѣ, то правительство, доведенное до крайности, приказало заготовлять хлѣбъ изъ мусора, соломы, риса и чечевичной мякни. Такой хлѣбъ съ трудомъ выносилъ самый невзыскательный желудокъ.

Все было тщетно! Національная гвардія еще энергичнѣе требовала общей вылазки.

— Такъ какъ скоро не будетъ хлѣба, то нечего медлить,—говорили они.—Нужно сдѣлать послѣднее усиліе, собрать всѣхъ защитниковъ на одномъ или двухъ пунктахъ, прорваться и соединиться съ провинціальной арміей.

Парижъ, покинутый на одну національную гвардію, долженъ былъ пасть, но это не имѣло значенія, если такимъ образомъ двѣсти тысячъ регулярной и подвижной арміи спасли свое оружіе и свободу и могли оказать поддержку другимъ защитникамъ, организованнымъ Гамбеттой.

Не знаю, былъ ли практиченъ этотъ планъ, но онъ былъ не хуже простой сдачи и стоилъ бы намъ менѣе крови, чѣмъ майское разграбленіе Парижа версальцами.

Между тѣмъ, какъ вооруженный народъ великаго города былъ занятъ этими героическими планами, требовалъ войны

¹⁾ Послѣ этого лицемѣрія большое число мэровъ и ихъ помощниковъ подало въ отставку.

до послѣдней капли крови, общей вылазки и предпочиталъ смерть позору,—правительство подстрекало регулярную армію.

Тамъ, среди арміи и среди запасныхъ, вели самую дѣятельную пропаганду деморализаціи и трусости. Офицеры, прекрасно зная, что за это ихъ ждетъ повышение, доказывали своимъ солдатамъ, что сопротивленіе бесполезно, и заставляли ихъ кричать: да здравствуетъ миръ!

Они шли еще дальше, они себѣ позволяли еще бѣльшую низость и подлость: они возбуждали въ арміи зависть и злобу къ національной гвардіи. Они изображали ее подлою, требующею продолженія войны только для того, чтобы получать свои 30 су и бездѣльничать.

Умышленно оставляли на аванпостахъ полки, покрытые паразитами, изнемогающіе отъ усталости, говоря имъ, что національная гвардія отказывается ихъ смѣнить. Тогда какъ, напротивъ, она умоляла, чтобы ей одной предоставили службу въ окопахъ, фортахъ и аванпостахъ, чтобы было возможно мобилизовать всю регулярную армію и употребить ее съ большей пользой. Она требовала, чтобы ей дали возможность сопровождать или идти впереди солдатъ при вылазкѣ.

Эта упорная клевета, этотъ гнусный заговоръ не преминули принести свои плоды.

Когда національные гвардейцы съ патріотическими пѣснями шли на службу мимо арміи и запасныхъ, ихъ провожали оскорбленіями, свистомъ и насмѣшками.

— Вотъ 30 су! Вотъ идетъ «война до послѣдней капли крови»!—кричали имъ.—Да здравствуетъ миръ!

— Да здравствуетъ республика! Долой пруссаковъ!—отвѣчали граждане.

Между тѣмъ, какъ армія привыкала ненавидѣть парижанъ, тѣ привыкали презирать армію, убѣждались въ ея безнравственности и бесполезности.

Такъ шло дѣло до 19 января.

Капитуляція уже давно была рѣшена и совѣщанія правительства и, можетъ быть, уже услужливо налажена съ Бисмаркомъ. Ее нужно было ускорить. Слѣдовало избѣжать отказа принять ее со стороны раздраженной національной гвардіи, чего можно было очень опасаться: она могла отвергнуть капитуляцію, какъ уже отвергла 31 октября перемиріе.

Для этого нашли одно средство: послать въ огонь національной гвардію, предоставить ей самой произвести извѣстную вылазку, которой она не переставала требовать все съ большою настойчивостью.

Правительство, привыкшее покрывать свою трусость ложью

и бахвальствомъ, рассчитывало, можетъ быть, просто на трусость другихъ.

Оно рассчитывало, что національная гвардія обратится въ бѣгство передъ пруссаками и, если она будетъ обезчещена, то съ благодарностью приметъ рѣшенную уже капитуляцію.

Во всякомъ случаѣ, были приняты всѣ предосторожности, чтобы она была разбита, или, если побѣдитъ, то не могла бы использовать своей побѣды.

Въ худшемъ случаѣ, давъ національнымъ гвардейцамъ возможность сложить голову, избавлялись хоть отъ извѣстнаго числа стѣснявшихъ ихъ людей.

А! Вы желаете драться! вы желаете идти противъ пруссаковъ! Ладно! Теперь, друзья мои, когда все подготовлено къ окончательному пораженію, теперь, когда ваше усиліе подъ нашимъ руководствомъ можетъ быть только бесполезно,—идите туда, шагайте впередъ, идите на смерть и успокойтесь! Вы получите вашу вылазку!

Въ этотъ день Парижъ представлялъ удивительное зрѣлище, которое никогда не изгладится изъ моей памяти.

Утромъ съ большимъ шумомъ ударили сборъ во всѣхъ кварталахъ. Затѣмъ заставили батальоны средь бѣла дня пройти по всѣмъ направленіямъ города.

Ихъ сгрудили именно на бульварѣ отъ Шато-До до пригорода Монмартръ.

Сдѣлано было все, чтобы произвести какъ можно больше шума и протянуть время, чтобы пруссаки были какъ слѣдуетъ, предупреждены, что противъ нихъ готовится нападеніе, и могли приготовиться встрѣтить его какъ слѣдуетъ¹⁾.

Эти походные батальоны были великолѣпны по выправкѣ и рѣшительности. Никогда они не были столь многочисленны. Каждый считалъ долгомъ чести придти на призывъ. Жены и дѣти были тутъ же. Можно было видѣть молодыхъ людей—уже отцовъ семейства, которые несли своихъ ребятъ на рукахъ, между тѣмъ какъ жены несли ружья, чтобы облегчить мужей.

Передъ уходомъ отецъ обнималъ ребенка, передавалъ его

¹⁾ Парижъ кишѣлъ прусскими шпионами, которыхъ вовсе не арестовывали и изъ которыхъ ни одинъ не былъ разстрѣлянъ.

Жюль Симонъ особенно этому противился. Онъ проливалъ слезы, говоря, что всегда былъ противъ смертной казни, и ему было не трудно добиться своего: вѣдь дѣло шло только о врагахъ Франціи.

По отношенію къ молодцамъ-пруссакамъ нѣжная чувствительность Трошю и Жюля Фавра, по меньшей мѣрѣ, равнялась чувствительности филантропа Жюля Симона.

Разстрѣливать шпионовъ! Какой ужасъ! Разстрѣлъ хорошъ для парижскихъ рабочихъ, ихъ самокъ и дѣтей.

кому-нибудь изъ остающихся сосѣдей и шель на свое мѣсто. А жена, была ли она работница или прилично одѣтая, иногда въ шляпкѣ, шла рядомъ съ нимъ и провожала, пока было возможно.

Часто она была блѣдна, но никогда не проявляла слабости. Ея присутствіе ободряло и нѣжно заставляло прсвозмочь всѣ колебанія. Тому, кто шель отдать свою кровь, она отдавала сердце,—все, что она могла отдать.

Ея присутствіе говорило ему:

— Исполни свой долгъ, какъ я исполняю свой!

Когда нужно было разстаться, они крѣпко обнимались, но безъ слезъ, а если слезы подступали къ глазамъ, то онѣ падали, когда мужъ-солдатъ былъ уже далеко,—чтобы не поколебать его твердости.

Тотъ, кто видѣлъ эту гражданскую армію, никогда больше не могъ смотрѣть на иную армію безъ отвращенія.

Среди офицеровъ, шедшихъ во главѣ этого полного одушевленіемъ войска, я замѣтилъ многихъ вождей Интернаціонала. Организовавъ народъ для защиты правъ труда противъ привилегій капитала, организовавъ манифестацію противъ войны въ то время, когда Бонапартъ при помощи полицейскихъ заставлялъ кричать—«въ Берлинъ!», они теперь, когда провозглашена республика и опасность угрожаетъ отечеству, ведутъ своихъ друзей, своихъ товарищей въ огонь, доказывая этимъ, что истинный патріотизмъ и мужество существуютъ только тамъ, гдѣ царствуютъ идеи справедливости и долга, а не являются вовсе достояніемъ капитановъ, зубодробителей и ихъ шайки.

Извѣстно, каковы были результаты этой вылазки.

Національная гвардія проявила удивительное мужество. Безъ пушекъ, при скверномъ руководствѣ или умышленно сбиваемая съ толку, она захватила всѣ позиціи у непріятеля и вызвала восхищеніе даже среди тѣхъ солдатъ, которыхъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ противъ нея возбуждали.

Въ этотъ день напуганный Вильгельмъ укладывалъ въ Пруссіи свои чемоданы. Но онъ забылъ про Трошю.

Обманутый въ своихъ надеждахъ, онъ долженъ былъ среди побѣды скомандовать отступленіе и отозвать къ Парижу остолбенѣвшихъ и возмущенныхъ національныхъ гвардейцевъ.

Національная гвардія не бѣжала!

Національная гвардія была побѣдительницей!

Рѣшительно не везетъ въ горѣ этимъ бѣднымъ государственнымъ людямъ.

Трошю въ отчаяніи наводнилъ Парижъ печальными телеграммами, требуя носилокъ, фургоновъ, всѣхъ лошадей и всѣ ка-

реты, какія имѣются въ распоряженіи, чтобы убрать убитыхъ и раненыхъ.

Читая эти телеграммы, можно было бы подумать, что произошло ужасная катастрофа, небывалая въ исторіи войны.

Сыновья и мужья оказались недоступны страху; нужно было попытаться привести въ ужасъ женъ и матерей.

Напрасная трата силъ! Онѣ остались стойкими.

О, какъ понятна ненависть Тьера и его шайки къ этому парижскому народу!

Такъ какъ онъ, вовсе чуждый страху, смѣется надъ опасностью и страданіями, то остается одно средство покончить съ нимъ: это устроить рѣзню!

Національная гвардія вернулась раздраженная, и по всему Парижу пронесся единодушный крикъ:

«Долой Трошю!».

Правительство добилось, такимъ образомъ, результатовъ, противоположныхъ тѣмъ, какихъ оно добивалось.

Во время этой вылазки граждане приобрѣли самоувѣренность. Они поняли теперь, что въ состояніи отразить нападеніе пруссаковъ.

Ихъ мужество и успѣхъ оправдали мнѣніе дѣятелей 31 октября—тѣхъ, которые указывали съ самаго начала осады на народныя силы, какъ на единственное средство спасенія.

На почѣ этихъ общихъ чувствъ у нѣсколькихъ лицъ возникла мысль о послѣдней попыткѣ, которая, впрочемъ, не удалась, черезъ нѣсколько дней, 22 января.

Чтобы ясно понять это движеніе, необходимо сдѣлать нѣкоторыя разъясненія.

Послѣ 4 сентября въ Парижѣ образовалось много политическихъ обществъ. Кромѣ народныхъ обществъ, засѣдавшихъ въ Кордери, главными обществами были: «Республиканскій Уніонъ», «Защитники Республики» и «Республиканскій Союзъ».

«Республиканскій Уніонъ», общество первое по времени, образовалось изъ бывшихъ представителей собраній 1848 и 1851 гг., разогнанныхъ государственнымъ переворотомъ.

«Республиканскій союзъ», образовавшійся вслѣдствіе раскола въ Уніонѣ, мало чѣмъ отъ него отличался.

Что касается «Защитниковъ Республики», то это общество основалось подъ вліяніемъ Генри Бриссона.

Активную роль въ движеніи 22 января изъ всѣхъ этихъ обществъ принималъ только «Республиканскій Союзъ».

Въ числѣ его членовъ были граждане Делеклюзъ, Ледрю Ролленъ, Разуа, Курье, Лефевръ Ронсіе, Тони Ревійонъ, Артуръ Арну и другіе.

Это было общество дѣйствія. Участіе Делеклюза служило достаточной порукой, что тамъ не занимались глупостями и парламентской болтовней.

Всѣ эти общества, въ составъ которыхъ входили наиболѣе видные представители радикальной и социалистической партій, считали успѣхи республики нераздѣльными съ благомъ Франціи.

Нужно отмѣтить, что именно тѣ, которые болѣе всего возставали противъ объявленія войны и глупыхъ манифестацій начала іюля, главнымъ образомъ, не хотѣли ничего слышать о какихъ-либо сдѣлкахъ съ пруссаками.

Говорю это, между прочимъ, чтобы возразить противъ клеветы, будто дѣятели 31 октября, 22 января и Коммуны вступали въ сдѣлку съ врагами Франціи.

Пока война была дѣломъ династическаго честолюбія Бонапарта, всѣ реакціонеры пламенѣли воодушевленіемъ и проповѣдывали смѣшной шовинизмъ.

Когда же война стала вопросомъ спасенія Франціи, угрожаемой и наводненной врагами, тогда только республиканцы, социалисты и революціонеры рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ отступить передъ нападеніемъ, потерявшимъ всякое разумное основаніе послѣ паденія Наполеона III.

Въ «Республиканскомъ Союзѣ», въ Кордери, во всѣхъ отдѣленіяхъ Интернаціонала, всюду, гдѣ живы были демократическія убѣжденія, искали средства избѣжать капитуляціи, приближеніе которой, какъ неизбѣжный результатъ плана Трошю, было всякому очевидно и которая была, въ сущности, заговоромъ противъ самой республики.

Въ теченіе января члены Союза выбрали комиссію, въ которую входилъ также Ледрю Ролленъ. Ей было поручено сдѣлать все возможное, чтобы выяснить истинное положеніе военныхъ силъ и, главнымъ образомъ, найти среди генераловъ и офицеровъ въ Парижѣ человека, который могъ бы вмѣсто Трошю руководить обороной.

Комиссія эта дѣятельно принялась за дѣло, и черезъ нѣсколько дней въ собраніи Союза Ледрю Ролленъ далъ намъ словесный отчетъ о результатахъ разслѣдованій.

Комиссія побывала вездѣ, видѣлась со всѣми генералами.

Всѣмъ имъ она ставила одни и тѣ же вопросы:

«Согласны ли вы занять мѣсто Трошю въ должности военнаго коменданта?»

«Что сдѣлали бы вы, если бы правительство рѣшилось подписать капитуляцію?»

На первый вопросъ всѣ отвѣчали:

«Конечно, генераль Трошю надѣлалъ много ошибокъ. Можно было иначе вести оборону и лучше использовать наличныя средства Парижа и самоотверженность его жителей. Но теперь положеніе таково, что мы не желаемъ принимать на себя отвѣтственность за послѣдствія. Слишкомъ поздно! Трошю проигралъ партію. Пусть онъ ведетъ ее до конца».

Относительно второго вопроса замѣчалось менѣе единодушія.

Нѣкоторые, въ томъ числѣ доблестный генераль Дюкро, заявили, что въ день капитуляціи, когда надежды болѣе не будетъ, «они сумѣютъ спасти честь арміи».

Когда же ихъ спрашивали, что они понимаютъ подъ спасеніемъ чести арміи, они дѣлались еще болѣе нерѣшительными и говорили съ большими недомолвками. Тѣмъ не менѣе, изъ ихъ объясненій, особенно изъ словъ генерала Дюкро, можно было заключить, что дѣло шло о томъ, чтобы съ регулярной арміей прорвать цѣпь пруссаковъ и идти на соединеніе съ арміей Шанси, но не сдавать оружія, запасовъ и людей, какъ это сдѣлалъ Базенъ въ Мецѣ.

Въ общемъ, изъ этихъ объясненій можно было заключить, что даже генералы, окружавшіе Трошю, признавали, по меньшей мѣрѣ, его неспособность; но ни одинъ не имѣлъ достаточно мужества, патріотизма или геніальности, чтобы взяться за дѣло спасенія, сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку.

Между тѣмъ, непопулярность Трошю дошла до того, что было бы достаточно выставить какое бы то ни было имя, чтобы его немедленно призвали занять мѣсто губернатора Парижа.

Назначеніе это населеніе въ то время довѣрило ратушѣ.

Выслушавъ этотъ докладъ, собраніе постановило, что нечего больше ждать отъ офиціальнаго міра, что спасенія можно ждать только отъ великаго народнаго движенія, которое возобновитъ дѣло 31 октября и передастъ управленіе революціоннымъ силамъ, которыя однѣ способны сдѣлать рѣшительную попытку и довести ее до конца.

Что касается обѣщанія людей, въ родѣ генерала Дюкро, спасти честь арміи, то оно никого не обмануло, и ему никто не повѣрилъ.

Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что честь бонапартистскихъ генераловъ не имѣетъ ничего общаго съ честью порядочныхъ людей.

Была составлена прокламація, подписанная членами Союза. Эта прокламація призывала избрать коммунальное собраніе,

которое приняло бы на себя ответственность за новое руководство военными дѣйствіями и за послѣднюю попытку спасенія ¹⁾).

Многіе говорили, что слишкомъ поздно, и такъ какъ капитуляція стала неизбежной, то нашъ собственный успѣхъ имѣлъ бы только тотъ результатъ, что позоръ сдачи Парижа палъ бы на партію революціонеровъ-соціалистовъ.

Это было вполне возможно, и я не буду отрицать, что у большинства изъ насъ было больше отчаянія, чѣмъ вѣры.

Во всякомъ случаѣ, мы считали своимъ долгомъ протестовать до конца и рѣшились на послѣднюю попытку, жертвуя жизнью, потому что въ случаѣ неудачи противъ пруссаковъ мы вызвали бы ненависть или насмѣшку.

Прежде всего, мы имѣли основаніе думать ²⁾), что запасы не были настолько истощены, какъ насъ увѣряли.

Люди, которые могли это знать, говорили по секрету, что

¹⁾ Вотъ мало кому извѣстный текстъ этой прокламаціи:

«Республиканскій Союзъ—парижскому народу.

«Непрерывныя пораженія парижской арміи, недостатокъ рѣшительныхъ мѣръ, плохое руководство событіями, чередуясь съ полной бездѣятельностью, раздача недостаточныхъ порцій,—все, кажется, рассчитано на то, чтобы вывести изъ терпѣнія.

Между тѣмъ, народъ хочетъ сражаться и побѣдить.

Противодѣйствовать этому,—значитъ вызвать гражданскую войну, которой хотятъ избѣжать республиканцы.

Передъ лицомъ враговъ, когда отечество въ опасности, осажденный, изолированный Парижъ становится единственнымъ вершителемъ своей судьбы.

Парижъ воленъ выбрать гражданъ, которые сообщатъ будутъ завѣдывать управленіемъ и защитой. Парижъ долженъ избрать ихъ не безпорядочнымъ плебесцитомъ, а правильнымъ голосованіемъ.

Республиканскій союзъ обращается ко всѣмъ гражданамъ.

Призываетъ во имя общественной гибели.

Требуется, чтобы въ 48 часовъ избиратели Парижа были созваны для выборовъ правительственнаго собранія изъ двухсотъ представителей, избранныхъ пропорціонально населенію.

Требуется также, чтобы гражданинъ Доріанъ назначилъ комиссію для выборовъ».

(Слѣдуютъ подписи въ числѣ тридцати пяти).

²⁾ Послѣ 18 марта, когда военная пекарня набережной Билъи и всѣ ея пристройки были заняты именемъ Коммуны, тамъ нашли огромные запасы муки, пшеницы, картофеля, риса, солонины и т. д., которыми можно было довольно долго кормить все парижское населеніе. Этихъ запасовъ, несмотря на небрежность правительства обороны, которое сгноило значительную часть, съ избыткомъ хватило на содержаніе союзной національной гвардіи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока существовала Коммуна.

Кромѣ того, оказалось, что большая часть продовольствія, посланнаго Англіей парижскому населенію во время перемирія, осталась въ государственныхъ складахъ.

Въ случаѣ надобности, мы можемъ сослаться на свидѣтельскія показанія сотенъ людей, которые установили эти факты и готовы ихъ подтвердить.

припасовъ хватить на одинъ или два мѣсяца ¹⁾), а, имѣя впереди нѣсколько недѣль, возможно было сдѣлать серьезную попытку.

Съ другой стороны, Шанси на вопросъ Гамбетты отвѣтилъ слѣдующее:

— Я могу сражаться еще шесть мѣсяцевъ.

Шесть мѣсяцевъ поражений, но вѣдь это было спасеніе! Пруссакі не выдержали бы до конца этой необходимости постоянно побѣждать.

Говорили, что Гамбетта—сторонникъ продолженія войны и, дѣйствительно, имѣетъ средства ее продолжать.

Всѣ знали, что во Франціи не было недостатка въ людяхъ, деньгахъ и всевозможныхъ припасахъ.

Вопросъ сводился къ тому, чтобы воспрепятствовать заключенію позорнаго мира, который былъ бы самоубійствомъ для Франціи и, несомнѣнно, сдѣлалъ бы республику беззащитной противъ нападковъ непримиримыхъ враговъ народа.

Чтобы достигнуть этого, нужно было оказать сопротивленіе до послѣдней крайности, сопротивленіе, которое воодушевило бы и облегчило сопротивленіе остальной Франціи, даже если бы пришлось пожертвовать Парижемъ.

Если бы Парижъ былъ побѣжденъ, это значило бы, что одной крѣпостью стало меньше, и только,—великій городъ имѣлъ достаточно самоотверженности, чтобы принести себя въ жертву отечеству, какъ два мѣсяца спустя онъ сдѣлалъ это для революціи.

Если Коммуна утвердится въ Парижѣ, Гамбетта ²⁾ получить возможность продолжать войну, не заключая перемирія, которое отдаетъ страну въ руки пруссаковъ, а республику въ руки Тьера.

Наконецъ, имѣя 150.000 человѣкъ, можно было, по крайней мѣрѣ, попытаться пробиться сквозь непріятельскія линіи. Успѣхъ былъ далеко не обезпеченъ, но иногда предпріятія, самыя невѣроятныя, самыя неразумныя по внѣшности, даютъ наилучшіе результаты.

Худшаго исхода, чѣмъ капитуляція, на которую рѣшилось правительство, быть не могло.

Взвѣсивъ всѣ эти соображенія, рѣшили дѣйствовать. Прокламація, принятая голосованіемъ, была отпечатана и расклеена 22 января, утромъ.

¹⁾ Всѣ знаютъ, впрочемъ, что въ Парижѣ у частныхъ лицъ были спрятаны большія количества припасовъ, чтобы поднять цѣны; ихъ можно было пустить въ оборотъ суровыми реквизиціями, что было прямымъ долгомъ офиціальнаго правительства при существующихъ обстоятельствахъ.

²⁾ Въ то время въ Парижѣ вѣрили, что Гамбетта также за войну до послѣдней капли крови. Было неизвѣстно истинное направленіе его политической дѣятельности. Но всѣ были особенно убѣждены въ томъ, что побѣда имѣла бы неизбежнымъ результатомъ торжество народа, республики, а, слѣдовательно, и революціи.

Наканунѣ снеслись съ нѣкоторыми представителями предмѣстій и многими отдѣленіями Интернаціонала, которые обѣщали поддержку своими батальонами. Общее свиданіе было назначено въ 2 часа на площади Ратуши.

Гражданинъ Лефевръ Ронсіе предложилъ Делеклюзу. Ледрю Роллену и нѣкоторымъ другимъ собраться у него около полудня.

Онъ жилъ на улицѣ Риволи, если не ошибаюсь, въ д. № 60, такъ что изъ оконъ его квартиры можно было наблюдать все происходящее на площади Ратуши, не будучи никѣмъ замѣченными ¹⁾.

Два обстоятельства утромъ 22 января могли испортить движеніе. Это были отставка Трошю и освобожденіе Флуранса, выпущеннаго наканунѣ вечеромъ изъ тюрьмы Мазасъ.

Эти два факта значительно измѣнили направленіе общественнаго мнѣнія.

Отставка Трошю успокоила негодованіе народа. Населеніе приняло это, какъ удовлетвореніе своихъ справедливыхъ требованій, и, не заботясь объ остальномъ, не задаваясь вопросомъ о томъ, кто будетъ его преемникомъ, народъ не появился въ ратушѣ, повторяя съ восторгомъ:

— Трошю больше не губернаторъ Парижа!

Съ другой стороны, когда буржуазія узнала, что Флурансъ на свободѣ, ею овладѣло безпокойство: это имя было для нея пугаломъ.

Она сразу почувствовала социалистическую тенденцію за подготовляющимся движеніемъ, въ которомъ она сама отчасти готова была принять участіе, если бы оно сохранило чисто-патріотическій характеръ ²⁾.

Можно было, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что она не отнесется къ движенію враждебно и, если не поддержитъ возставшихъ, то и не окажетъ имъ противодѣйствія.

Имя Флуранса разсѣяло всѣ эти прекрасныя мечты. Такъ какъ одни праздновали побѣду, потому что не было больше Трошю, а другіе вернулись, испугавшись имени Флуранса, то толпа на площади передъ ратушей оказалась немногочисленной; мало было и національныхъ гвардейцевъ.

И, дѣйствительно, развѣ не очевидно, что побѣдоносная Франція никогда не избрала бы этой гнусной палаты, которая, прѣсмываясь передъ пруссаками, купалась въ крови французовъ?

¹⁾ Бланки и его другъ, гражданинъ Реньяръ, съ своей стороны, устроились въ «Кафе національной гвардіи», на углу улицы Риволи, противъ городской ратуши.

²⁾ Я говорю о средней части исключительно парижской буржуазіи, которая, не будучи революціонной, во время осады не разъ проявляла энергію и честность.

Было около часа, когда я пришелъ на площадь. Помимо любопытныхъ, среди которыхъ было много женщинъ и дѣтей, тамъ находился съ нѣмногомъ отрядъ національной гвардіи, большею частью изъ 61 батальона, къ которому присоединился кое-кто изъ зачисленныхъ въ разные другіе батальоны Монмартра. Отрядомъ командовалъ Разуа ¹⁾.

Подождавъ въ толпѣ и видя, что ничего не будетъ, я пошелъ къ Лефевру Ронсіе, гдѣ назначено было наше частное свиданіе.

Я засталъ тамъ большинство членовъ союза — Делеклюза, Курнэ, Левро и др.

Ледрю Ролленъ, несмотря на свое обѣщаніе, не приходилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Разуа въ сопровожденіи Т... ²⁾. Т... и Дерэръ ³⁾ просили свиданія съ правительствомъ не столько для того, чтобы, какъ делегаты, изложить ему желаніе Парижа, но чтобы лично удостовѣриться, въ какомъ состояніи находится защита ратуши; ихъ провели къ Шодей.

Шодей заявилъ, что онъ одинъ въ ратушѣ, выслушалъ ихъ, обѣщаль передать ихъ мнѣніе правительству и подъ конецъ заявилъ, что онъ готовъ противопоставить силѣ—силу.

Т... заявилъ намъ, что ратуша очень сильно защищена. Внутренній дворъ занятъ митральезами. На каждой ступенькѣ лѣстницы находятся по два бретанца изъ запасныхъ. Бретанцы же занимаютъ тронный залъ и всѣ выходы и окна на площадь.

Разуа заявилъ, что счелъ болѣе благоразумнымъ отпустить, вслѣдствіе ея малочисленности, національную гвардію Монмартра, такъ какъ присутствіе ея на площади могло каждую минуту вызвать нѣсколько убійственныхъ залповъ.

Едва успѣли они окончить свои объясненія, какъ волненіе на площади заставило многихъ изъ насъ сойти туда.

Волненіе это вызвало прибытіе колонны національной гвардіи. Съ барабанами впереди они вышли по улицѣ Тампль и стала выстраиваться передъ оградой ратуши.

Эта колонна была также очень немногочисленна, но имѣла очень рѣшительный видъ. Это были батиньельцы, всего около 200 человекъ ⁴⁾.

¹⁾ Разуа, избранный командиромъ 61 батальона, былъ разжалованъ послѣ 31 октября, и его процессъ разбирался государственнымъ совѣтомъ. 19 января онъ сопровождалъ свой батальонъ въ формѣ командира съ ружьемъ, чтобы сражаться, какъ простой солдатъ.

²⁾ Я считаю неудобнымъ называть его полнымъ именемъ, такъ какъ онъ находится въ Парижѣ.

³⁾ Старинный издатель «Марсельезы», помощникъ монмартрскаго мэра.

⁴⁾ Гражданинъ Мелонъ, опоясавшись поясомъ, съ тремя барабанами, ударивъ сборъ, собралъ ихъ въ главныхъ улицахъ Батиньеля.

Не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ страшный залпъ, раздавшійся со стороны ратуши, посѣялъ смерть въ этой безобидной толпѣ любопытныхъ женщинъ и дѣтей.

Тьеръ не могъ бы поступить лучше. Это была уже его система, которую стали примѣнять противъ неисправимаго парижскаго народа.

Это было такъ неожиданно и въ то же время такъ гнусно, что толпа остолбенѣла и, обезумѣвшая, не думала даже о бѣгствѣ.

Но пули сыпались дождемъ. Толпа разсыпалась, оставивъ за собой нѣсколько убитыхъ и раненыхъ ¹⁾).

Національные гвардейцы перешли площадь, у входа въ улицу Викторіи повернулись спиной къ зданію муниципалитета, которая составляетъ пристройку ратуши, остановились, сдѣлали полуоборотъ налѣво, взяли на изготовку и отвѣтили на атаку взводнымъ огнемъ.

Никогда я не видалъ маневра, выполненнаго съ большимъ хладнокровіемъ и правильностью; онъ вызвалъ во мнѣ истинное изумленіе, даже въ этотъ моментъ тревоги и негодованія.

Послѣ этого залпа національные гвардейцы расположились съ двухъ сторонъ за прикрытіемъ, и въ теченіе получаса шла бѣглая перестрѣлка. Затѣмъ пальба прекратилась и все погрузилось въ безмолвіе ²⁾).

Такъ прошло 22 января.

Это могло уже дать понятіе о майскихъ дняхъ. Это было прелюдіей къ великой драмѣ.

Какъ очевидецъ, присутствовавшій на мѣстѣ дѣйствія, слѣдившій за всѣмъ, я заявляю, что эта ужасная пальба по безоружной толпѣ, большинство которой, повторяю, составляли женщины и дѣти, произведена была безъ всякаго предупрежденія.

Я заявляю, что въ это время національными гвардейцами не было дано ни одного ружейнаго выстрѣла, и въ это самое время два делегата шли парламентарями, чтобы добиться пріема у членовъ правительства.

¹⁾ Было около 50 убитыхъ и раненыхъ, между которыми находился майоръ Сапіа, преданный республиканецъ, котораго не надо смѣшивать съ однофамильцемъ, бонапартистскимъ агентомъ, разоблаченнымъ во время процесса въ Буржѣ.

²⁾ Тамъ было подобіе баррикады, устроенной на улицѣ Риволи изъ рехъ дилижансовъ, опрокинутыхъ національными гвардейцами, которыми командовалъ Ратуа.

Героємъ дня былъ Малезье, нынѣ приговоренный къ заключенію въ рѣпости. Неуязвимый, подъ градомъ пуль, онъ остался послѣднимъ на мѣстѣ, когда разстрѣлялъ свои восемьдесятъ патроновъ. Шинель его была роstrѣлена во многихъ мѣстахъ, но онъ не былъ ни раненъ, ни взятъ.

Ужасы разграбленія Парижа солдатами Винуа, Макъ-Магоновъ и угодливаго мужа г-жи Галифѣ изгладили изъ памяти воспоминаніе объ этой первой наградѣ реакціи парижскому народу за его самоотверженность и страданія во время осады.

Въ дѣйствительности, это было просто первое предупрежденіе парижанамъ, что по случаю окончанія войны Франція предана пруссакамъ, республика предана деревенщинѣ,—что теперь наступило ихъ царство.

Чтобы укрѣпить гнусный договоръ, чтобы дать задатокъ въ позорномъ торгѣ, на окровавленную мостовую бросили трупы нѣсколькихъ французскихъ гражданъ.

Тьеръ получилъ задатокъ; онъ могъ готовить помѣщеніе для версальскаго собранія. Пріятная неожиданность: стѣны домовъ уже покрыты народной кровью!

Когда совершилось это преступленіе, отчаянію Делеклюза не было предѣловъ.

Этотъ стойкій, стальной человекъ, который никогда не покорялся и не отступалъ, въ тотъ день, блѣдный, дрожащій, безъ силъ и голоса закрывалъ лицо руками, чтобы не видѣть ужасной дѣйствительности, похожей на кошмаръ.

Двумъ друзьямъ пришлось увести его подъ руки.

Тогда онъ сказалъ тѣ слова, которыя повторилъ послѣ Коммунъ:

— Если революція еще разъ будетъ разбита, я не переживу ее!

Онъ сдержалъ свою клятву.

22 января Шодей одинъ командовалъ въ ратушѣ.

VI.

Капитуляція.—Выборы.—Похищеніе пушекъ.—Манифестація на площади Бастиліи.

Шесть дней спустя послѣ 22 января, т.-е. 28-го, капитуляція была подписана.

Хотя измѣну предвидѣли и этого удара всѣ ждали, онъ все-таки причинилъ острую и глубокую боль.

Толпа на улицахъ имѣла удрученный видъ.

На бульварѣ я видѣлъ плачущихъ женщинъ.

Среди отдѣльныхъ группъ распространился слухъ, что моряки отказались сдать форты и что адмиралъ Сессе рѣшилъ лучше взорваться на воздухъ, чѣмъ открыть ворота пруссакамъ.

Благоразумные люди пожимали плечами въ отвѣтъ на э.

фантастическіе разсказы; народная масса цѣплялась за нихъ, какъ за послѣднюю надежду.

Этотъ парижскій народъ, который слыветъ за скептика и насмѣшника, въ дѣйствительности, въ общемъ очень легко-вѣренъ; но, разумѣется, легковѣренъ своеобразно и только въ извѣстномъ пунктѣ. Онъ не вѣритъ въ религіозные обманы, но вѣритъ въ честность, смѣлость и самоотверженность.

Возможность пораженія, измѣны, лицемѣрія и подлости—эти вещи не укладываются въ его головѣ. Мысль о возможности этого онъ отвергаетъ съ ожесточеніемъ и неслыханнымъ упорствомъ. Извѣстное рыцарство въ его характерѣ вводитъ его въ заблужденіе: онъ не хочетъ предвидѣть зла.

Когда ему доказываютъ, что человѣкъ—мошенникъ, онъ колеблется, боясь ошибиться. Когда ему перваго встрѣчнаго характеризуютъ, какъ героя, онъ сразу вѣритъ этому и остается при этомъ убѣжденіи.

Но если къ нему въ душу закрадывается сомнѣніе, оно овладѣваетъ имъ и увлекаетъ его далеко за предѣлы справедливости.

Онъ обвиняетъ все; никто не находитъ оправданія въ его глазахъ; онъ, какъ бы для равновѣсія, впадаетъ въ противоположную крайность.

Все это, впрочемъ, только случайныя настроенія, надъ которыми скоро беретъ верхъ его истинная натура.

Вечеромъ 22 января, когда Парижъ кипѣлъ гнѣвомъ и негодованіемъ, онъ, влюбленный въ моряковъ, вѣрилъ, что адмиралъ Сессе раздѣляетъ этотъ гнѣвъ и это негодованіе.

Допускаю, что моряки съ сожалѣніемъ уступили мѣсто пруссакамъ, но было бы ребячествомъ ожидать отъ ихъ начальниковъ чего-либо иного, кромѣ бесплоднаго сожалѣнія, если только оно вообще могло существовать у высшаго начальства.

Адмиралъ или генералъ—они стояли другъ друга! Напрасный трудъ ждать отъ такихъ людей безумнаго героизма или какой бы то ни было инициативы.

Привычка къ повиновенію и командованію совершенно уничтожила въ нихъ нравственное чувство. У нихъ своя особая честь, называемая честью мундира. Честь эта сохранена и сознаніе удовлетворено, если они отбываютъ свою службу по извѣстнымъ правиламъ, предусмотрѣннымъ ихъ кодексомъ.

У нихъ есть также свое специальное мужество, называемое военнымъ мужествомъ. Это мужество состоитъ въ томъ, чтобы не наклонять головы, когда пули свищутъ возлѣ ушей; но это мужество кончается, когда въ извѣстной стѣнѣ пробоина достигла извѣстнаго числа квадратныхъ сантиметровъ.

Бываютъ, само собой разумѣется, исключенія, но вообще

требовать отъ нихъ другой храбрости и иной чести—все равно, что ждать отъ наемнаго лакея стремленія работать на своего господина болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по условію.

Когда онъ натеръ полы въ квартирѣ или вычистилъ лошадей барина, то что бы ни случилось съ баринѣмъ, онъ свое сдѣлалъ и бѣжитъ выпить въ буфетъ.

Когда гарнизонъ послалъ и прінялъ опредѣленное число снарядовъ, онъ исполнилъ свой долгъ, и офицеры съ побѣдоноснымъ видомъ и закрученными усами могутъ разгуливать на развалинахъ униженной и умирающей Франціи.

Они заработали свое жалованье, чины и восхищеніе г. Тьера.

Моряки сдали форты; адмиралъ Сессе сунулъ ключи подъ ворота и, засунувъ руки въ карманы, отправился съ поздравленіемъ къ генералу Дюкро, который ему отдалъ визитъ.

Регулярная армія, уже давно готовая къ этой развязкѣ, которой ее научили ждать съ нетерпѣніемъ, положила оружіе безъ малѣйшаго ропота и разсѣялась по улицамъ съ довольнымъ видомъ, немного насмѣшливо поглядывая на бѣшенство парижанъ.

Громко выражая свою радость, солдаты кричали, что «имъ наплевать на несчастія Франціи и французовъ, и, чортъ побери, они не желаютъ ничего лучшаго, какъ идти въ плѣнъ въ Германію, гдѣ, какъ говорятъ, пьютъ великолѣпное пиво»¹⁾.

Таковъ былъ результатъ пропаганды, которую вели бонапартистскіе офицеры среди своей команды.

Я не утверждаю, что всѣ солдаты пали до такой степени цинизма и деморализаціи, но по заключеніи этого мира всѣ, повидимому, не испытывали ничего, кромѣ безграничнаго удовлетворенія.

Это было зерно будущей версальской арміи!

Впрочемъ, это продолжалось недолго. Когда безстыдство ихъ зашло слишкомъ далеко, населеніе такъ проучило ихъ... кулаками, что въ недѣлю они остепенились.

Не прошло и недѣли, какъ наружность солдатъ изъ вызывающей сдѣлалась приниженной и довольно смущенной²⁾.

¹⁾ Это приведено дословно. Я утверждаю, что слышалъ это самъ, какъ, впрочемъ, и все, что я привожу въ этомъ трудѣ.

²⁾ Было, впрочемъ, въ этой арміи нѣсколько добрыхъ ребятъ, которые инстинктивно раздѣляли патріотическую тоску Парижа и желали только исполнить свой долгъ. Я самъ пристроилъ одного изъ нихъ, бѣднаго углекопа изъ Фуршамбо, въ охотники-пѣхотинцы. Но онъ, какъ и всѣ сохранившіе чувство чести и любовь къ родинѣ, громко жаловался на измѣну начальниковъ и по этому поведению рассказывалъ кучу подробностей, которыхъ я не могу здѣсь привести.

Національної гвардії не пришлось выдавать своихъ ружей. Впослѣдствіи Жюль Фавръ просилъ за это прощеніе «у Бѣга и людей».

Впрочемъ, это раскаяніе не больше, какъ лицемѣріе въ числѣ прочаго. Жюль Фавръ прекрасно знаетъ, что ни отъ него и ни отъ кого изъ правительства не зависѣло разоруженіе національной гвардіи. Если онъ включилъ въ условіе, что національная гвардія сохранить свое оружіе, онъ можетъ успокоиться и перестать извиняться; никто никогда не приписывалъ это условіе какому-нибудь чувству патріотической чести или доброжелательности и восхищенія его національной гвардіей. Онъ дѣйствовалъ здѣсь, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ страха. Онъ прекрасно зналъ, что парижане никогда не выдадутъ ни ружей, ни пушекъ.

Если имъ оставили оружіе, то только потому, что были увѣрены, что, если ихъ затронутъ, они въ гнѣвъ порвутъ капитуляцію и разстроятъ заговоръ Тьера—Бисмарка—Фавра.

Настроеніе было таково, что когда, нѣсколько дней спустя, разнесся слухъ, будто пруссаки должны въ слѣдующую ночь перейти окопы и занять Елисейскія поля, то сто тысячъ вооруженныхъ гражданъ самостоятельно двинулись около полуночи имъ навстрѣчу, готовые дать имъ вооруженный отпоръ и воспрепятствовать этому оскверненію парижской территоріи.

Чтобы вполнѣ понять прелесть и волненіе этого нестройнаго движенія, нужно, прежде всего, понять, что оно было самостоятельно; я повторяю это, такъ какъ правительство и многіе изъ начальниковъ употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы помѣшать ему; затѣмъ, надо имѣть въ виду, что форты были заняты въ то время пруссаками, которые оттуда навели пушки противъ города.

Въ случаѣ столкновенія, разрушеніе Парижа было несомнѣнно, и это было хорошо извѣстно всѣмъ ста тысячамъ чело-вѣкъ, шедшихъ на врага, которые не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ.

Несомнѣнно, было много моментовъ во время осады, когда населеніе согласилось бы на разрушеніе столицы, если бы ему сказали, что отъ этого зависитъ спасеніе Франціи и республики ¹⁾.

Пруссаки не вошли въ эту ночь, и хорошо сдѣлали. Они знали о манифестации національной гвардіи и поэтому сдерживались во время оккупации въ началѣ марта.

¹⁾ «Лучше Москва, чѣмъ Седанъ»—эти слова облетѣли предмѣстья и имъ аплодировали въ клубахъ.

Между тѣмъ, предвыборная горячка, не смягчивъ патріотической печали парижанъ, дала иное направленіе ихъ мыслямъ и иной исходъ ихъ возбужденію.

Если уже невозможно было спасти Францію, съ точки зрѣнія военной чести и безопасности, то можно было, по крайней мѣрѣ, утвердить республику.

На глазахъ пруссаковъ, занимавшихъ третью французской территоріи, когда Парижъ былъ отрѣзанъ отъ остальной Франціи, было рѣшено пригласить страну къ созыву національнаго собранія, которое должно рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ.

Время, назначенное Бисмаркомъ для выборовъ, было положительно смѣшно. Вотировали въ погребкѣ. Парижъ не зналъ о положеніи провинціи, провинція не знала о состояніи Парижа и приписывала ему подлости, которыя распространялись про него бонапартистскими, клерикальными и тьеровскими агентами.

Полная, глубокая неизвѣстность царилъ съ обѣихъ сторонъ. Парижъ всегда дѣлаетъ ошибку, предполагая, что всѣ раздѣляютъ его чувства, и изъ-за этой губительной иллюзіи часто проигрываетъ.

Такъ и теперь въ Парижѣ думали, что провинція возмущена и готова на всѣ жертвы, чтобы продолжать войну. О ней судили по воинственнымъ прокламаціямъ Гамбетты, дошедшимъ до столичныхъ газетъ.

Въ провинціи, напротивъ, представляли себѣ, что населеніе Парижа вело себя страшно подло и что республиканская партія вошла въ соглашеніе съ пруссаками и пыталась сдать имъ городъ 31 октября или 22 января.

Крестьяне, которымъ, съ своей стороны, наскучило видѣть какъ ихъ поля опустошаютъ двѣ арміи, требовали мира во что бы то ни стало.

Республика пожинала то, что посѣяла имперія, единственное искусство которой состояло въ томъ, что она двадцать лѣтъ создавала пропасть между городомъ и деревней, развивала чрезмѣрный личный эгоизмъ, грубые аппетиты и презрѣніе ко всѣмъ великодушнымъ и возвышеннымъ идеямъ.

Изъ такой комбинаціи обстоятельствъ должно было выйти Версальское Собраніе ¹⁾, и только эти сложные, исключитель-

¹⁾ Надо учитывать еще вліяніе Гамбетты, который, какъ дѣлали и въ Парижѣ, сохранилъ въ провинціи почти весь старый имперскій механизмъ и, не желая опираться на народныя, искренно демократическія силы, неизбежно предоставилъ Францію побѣдоносной дѣятельности монархистскихъ заговорщиковъ, ночныхъ птицъ прошлаго.

ныя обстоятельства, не оправдывая, конечно, могли объяснить избраніе такой палаты, гдѣ безчестность и бездарность соединились въ такомъ количествѣ, что даже гнилой сенатъ Тиберія и англійскій парламентъ Крупіона оскорбились бы сравненіемъ съ ней.

Даже въ Парижѣ выборы не дали блестящихъ результатовъ, благодаря недостатку времени и отсутствію здраваго смысла, хотя избиратели желали, чтобы эти выборы были возможно радикальнѣе и имѣли значеніе единодушнаго протеста противъ дѣятелъ 4 сентября.

Благодаря выборамъ по списку въ сорокъ три кандидата голоса безконечно раздѣлились.

Подсчетъ голосовъ происходилъ среди страшнаго безпорядка, созданнаго и поощряемаго правительствомъ, которому это было, конечно, на-руку. Этотъ подсчетъ продолжался восемь дней, и по мѣрѣ того, какъ выяснялось количество голосовъ, поданные за каждое отдѣльное лицо, оно вдругъ какимъ-то фокусомъ поразительно быстро измѣнилось въ послѣдніе 24 часа.

Голоса, поданные за Жюля Фавра и Тьера, въ частности, благодаря этому головокружительному скачку, увеличились съ поразительной быстротой, напоминающей чудо съ пятью хлѣбками¹⁾.

Я сказалъ, что выборы были не блестящи. Дѣйствительно, прошло нѣсколько военныхъ, которыхъ народъ, протестуя противъ измѣны, выбралъ въ своемъ горячемъ патріотизмѣ, думая, что они будутъ противодѣйствовать капитуляціи и настаивать на веденіи войны до послѣдней крайности.

Жюль Фавръ былъ, впрочемъ, единственнымъ членомъ правительства, прошедшимъ на выборахъ; его лживость служить единственнымъ объясненіемъ этого удивительнаго выбора.

Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ другихъ членовъ правительства не получилъ даже приличнаго меньшинства голосовъ.

На нихъ не обратили вниманія, и въ этомъ сказалось общественное презрѣніе.

Но почему было сдѣлано исключеніе въ пользу Жюля Фавра? ²⁾

Его запоздалый декретъ противъ бонапартистовъ, вышедшій въ самый моментъ выборовъ и конфискованный мягкимъ Жюлемъ Симономъ, ничего не могъ спасти, и его единственнымъ результатомъ было избраніе Гамбетты въ Парижѣ.

¹⁾ Я заимствую эту подробность у Шарля Флокэ, который, отправившись въ ратушу лично провѣрить голоса, указалъ и могъ исправить ошибку въ 10.000 голосовъ, которые у него бы сбавили.

²⁾ Утромъ, въ самый день выборовъ, Милліеръ напечаталъ въ «Мсти-

Что касается Тьера, то возможно, что онъ былъ, дѣйствительно, избранъ не меньшимъ числомъ голосовъ, сравнительно съ указаннымъ «Официальной Газетой».

Тьеръ не былъ въ Парижѣ во время осады, не могъ вызвать противъ себя того же гнѣва, какой вызвали засѣдавшіе въ ратушѣ, и можно было заранее предположить, что часть буржуазіи подастъ за него голоса.

Съ другой стороны, онъ не присутствовалъ при подсчетѣ избирательныхъ листовъ, но его другъ Жюль Фавръ тамъ предсѣдательствовалъ, а, обладая его маленькими свѣтскими талантами, легко поддержать тщеславіе политическаго сообщника.

Было, однако, во время этихъ парижскихъ выборовъ нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ, благодаря которымъ можно было уже предвидѣть коммунистическое движеніе 18 марта. Я говорю о выборѣ двухъ рабочихъ—Малона и Толена, членовъ Международнаго Союза Работниковъ, получившихъ огромное большинство голосовъ. Нужно упомянуть также о выборѣ героя, несчастнаго Милліера, горячая преданность котораго идеямъ социализма и участіе въ Интернаціоналѣ были всѣмъ извѣстны. Не нужно забывать также гражданина Ланглуа! Его избрали не только, какъ приверженца войны до послѣдней крайности, но и какъ социалиста, принимавшаго участіе въ общественныхъ собраніяхъ конца имперіи.

Нѣсколько революціонныхъ радикаловъ, какъ Делеклюзъ, Феликсъ Піа, Курнэ, Разуа, скомпрометированные въ движеніи 31 октября и 22 января, оппозиція которыхъ Трошю и его сообщникамъ была непримирима, прошли также значительнымъ большинствомъ.

Бланки, хотя и не былъ избранъ, но получилъ пятьдесятъ тысячъ голосовъ.

Викторъ Гюго, Луи Бланъ, Гарибальди занимали первое мѣсто.

Относительно перваго это уваженіе было не только политическимъ успѣхомъ и протестомъ противъ имперіи, но и свѣдѣтельствомъ благоговѣнія передъ гніемъ и гордостью націи.

Избраніе Гарибальди носило двойственный характеръ. Это было выраженіе признательности иностранцу, обнажившему шпагу въ защиту побѣжденной Франціи, и утвержденіе солидарности народовъ въ демократіи и всемірной республикѣ.

Что касается Луи Блана, социалиста 1848 года, то подавшая за него голоса буржуазія проявила тогда извѣстное поли-

телъ дѣло Жюля Фавра, но было уже слишкомъ поздно, и этотъ документъ не могъ оказать серьезнаго вліянія на результаты выборовъ.

тическое чутье и доказала свою способность къ точной оцѣнкѣ характеровъ. Луи Бланъ не долженъ былъ обмануть ея довѣрія.

Рошфоръ пришелъ немного позже.

Къ этимъ именамъ нужно прибавить еще имена Гамбетты и Ранка, которые были избраны въ Парижъ за ихъ борьбу противъ правительства національной обороны.

Въ лучшихъ центрахъ провинціи выбрали также Трошю, Жюля Фавра и Жюля Симона, которые издали казались героями, добрыми республиканцами и честными людьми.

Депутаты передового образа мыслей имѣли однообразные императивные мандаты: вотировать противъ мира, требовать обвиненія членовъ національной обороны.

Извѣстно, какъ исполнили это дѣло оставшіеся въ Версаль, вотируя благодарность версальской арміи за звѣрскую расправу съ парижанами, цѣлуя окровавленную руку Тьера!

Черезъ нѣсколько дней, когда закончились выборы, вниманіе снова обратилось къ пруссакамъ. Приближался моментъ, когда армія Вильгельма должна была занять Елисейскія поля, и парижскій народъ не могъ примириться съ этимъ послѣднимъ униженіемъ.

Внезапно распространился слухъ, что пушки національной гвардіи, купленные ею во время осады и поставленные на пуштырь близъ площади Ваграмъ, находятся въ зонѣ расположенія прусскихъ войскъ.

Проверка подтвердила это.

Быль ли это расчетъ или просто безпечность правительства,—это трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, національная гвардія рѣшила спасти свои пушки. Батальонъ четвертаго округа сдѣлалъ начинъ въ этомъ движеніи ¹⁾

Подъ предводительствомъ своего командира батальонъ прибылъ въ паркъ на площади Ваграмъ и, несмотря на брань и угрозы гражданина Распай-сына ²⁾, батарея котораго была въ этотъ день на караулѣ, гвардейцы завладѣли своими пушками и на себѣ провезли ихъ черезъ весь Парижъ обратно на площадь Вогезъ.

Сигналъ былъ данъ, и ничто не могло болѣе остановить

¹⁾ Всѣ эти подробности безусловно достовѣрны. Я былъ въ это время въ одной артиллерійской части національной гвардіи и все видѣлъ.

²⁾ Онъ увѣдомилъ даже генерала Винуа, прося у него подкрѣпленія, рискуя вызвать столкновение войска съ гражданской гвардіей наканунѣ вступленія пруссаковъ.

Я долженъ также отмѣтить, что артиллеристы, бывшіе подъ его начальствомъ, не имѣя никакого желанія ему повиноваться, помогали, большею частью, въ перевозкѣ пушекъ, бывшихъ подъ ихъ карауломъ.

общаго порыва. Батальоны, одинъ за другимъ, отправлялись въ паркъ и увозили принадлежавшія имъ орудія. Въ этомъ движеніи принимали участіе женщины и дѣти.

Можно было наблюдать, какъ женщины, окруженные вооруженной національной гвардіей, везли на себѣ пушки. Офицеръ, сидя верхомъ на орудіи, держалъ распущенное знамя.

Это было, въ самомъ дѣлѣ, грандіозное зрѣлище, напоминавшее прекраснѣйшіе дни энтузіазма первой революціи.

Нѣкоторые матросы и даже нѣсколько солдатъ, подавленные общей горячкой и увлеченные пропагандой всего населенія, присоединились къ этому шествію. Снаряды также были взяты и, такъ какъ не доставало перевозочныхъ средствъ, то образовалась длинная цѣпь, и толпа съ рукъ на руки передавала снаряды и ящики съ картечью.

Не забудьте, что все это было заряжено. Выскользни бомба изъ слабой руки женщины, и смерть опустошила бы ряды храбрыхъ гражданъ. Можно было бы предвидѣть опасность, но они, смѣясь, говорили, что нѣтъ времени для предосторожностей, что пруссаки готовы войти и не нужно оставлять имъ ни одного заряда ¹⁾.

Пушки и припасы были распредѣлены по предмѣстьямъ, въ Батиньоль, Монмартръ, Бельвилъ, кромѣ тѣхъ, которые еще раньше находились на Вогезской площади.

Это движеніе, повидимому, сначала носило чисто патріотическій характеръ. Дѣло шло только о томъ, чтобы убрать все въ безопасное отъ пруссаковъ мѣсто. Правительство, въ концѣ концовъ, и не пыталось противодѣйствовать этому. Да и при желаніи оно не могло бы этого сдѣлать.

Десяти тысячъ человѣкъ—силы, которой оно располагало,—было недостаточно, и Парижъ съ начала капитуляціи фактически находился въ рукахъ національной гвардіи, сдѣлавшейся единственнымъ хозяиномъ положенія.

Парижъ больше не имѣлъ правительства. Члены думы уѣхали въ Бордо; армія, лишенная уваженія, была безоружна; генералы презирались всѣми. На улицахъ не видно было ни одного полицейскаго. Не было ни одного настолько популярнаго и авторитетнаго человѣка, чтобы заставить себя слушать.

Надъ нами была только анонимная власть въ лицѣ господина Всѣхъ.

Въ это время—что очень важно, хотя и прошло незамѣченно

¹⁾ Я уже указывалъ нѣсколько разъ, до какой степени доходятъ пренебреженіе къ опасности и беззаботность парижскаго населенія, а также на его характерную веселость, которую онъ проявилъ и въ этомъ частномъ случаѣ.

нымъ, и на чемъ я настаиваю—Коммуна фактически уже существовала въ томъ смыслѣ, что Парижъ, предоставленный самому себѣ, отдѣльный отъ бордосскаго правительства какъ разстояніемъ, такъ и настроеніемъ, жилъ своей собственной жизнью, предоставленный собственной волѣ.

Тамъ оставался, правда, декабрьскій генералъ, по имени Винуа, но лишенный моральной и матеріальной власти, на котораго никто не обращалъ вниманія.

Правительство Фавра—Трошю послѣ 22 января закрыло клубы и запретило двѣ газеты, но остальные пользовались полной свободой.

Вещь неслыханная для парижанина, понять которую можетъ только парижанинъ¹⁾: поставка, разноска и расклейка объявлений были также совершенно свободны.

Газеты и брошюры выкрикивались на улицахъ; на всѣхъ стѣнахъ расклеивали сенсаціонныя афиши и карикатуры, виднѣлись даже плакаты, подписанные: «Бланки».

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Парижъ пользовался полной, абсолютной независимостью, которой онъ никогда не зналъ и которая ставила его въ положеніе проснушагося изъ «Тысячи и одной ночи».

Однако, это положеніе существовало отчасти еще до начала осады; пока пушки грохотали въ окопахъ, военная драма отвлекала умы отъ политической дѣйствительности.

И, однако, въ теченіе этихъ дней не было ни одного убійства, ни одной кражи, ни одной драки, ни одного ночного скандала въ огромномъ городѣ, какъ это бывало раньше.

Всюду открывались магазины, и торговля готова была возобновиться.

Только нѣкоторыя газеты, органы полиціи, обязанные подготовить почву для преднамѣреннаго преступленія правительства, били въ набатъ и расписывали, что Парижъ преданъ революціей террору и анархіи.

Въ подобный моментъ на площади Б. стилии начались манифестаціи, вызванныя жестокостью, угрозами, старческимъ ужасомъ и этой глупостью бордосскаго собранія.

Поводы къ этому дала годовщина 24 февраля.

Въ этотъ день извѣстное число выборныхъ отъ батальоновъ собралось безъ оружія у подножія Іюльской колонны, чтобы сложить тамъ знамена и огромные вѣнки изъ иммортелей. Было

¹⁾ Само собою разумѣется, что подъ словомъ «парижанинъ» я всегда разумѣю не только уроженцевъ Парижа, но всѣхъ вообще живущихъ въ Парижѣ.

произнесено нѣсколько рѣчей. На другой день манифестаціи усилились и депутаціи были многочисленнѣе.

Толпа, предупрежденная о происходящемъ, явилась въ свою очередь, чтобы присутствовать при процессіи, аплодировать и присоединить свои голоса къ возгласамъ за національныхъ гвардейцевъ. Вечеромъ колонна была иллюминирована.

Батальоны, вмѣсто того, чтобы отправить нѣсколькихъ выборныхъ, шли вооруженные, въ полномъ составѣ, съ развернутыми знаменами и барабанами.

Прибывъ на мѣсто, барабанщики забили въ походъ, батальоны медленно обошли колонну, офицеры отдѣлились и передали вѣнки гражданамъ, стоявшимъ на помостѣ. Вѣнки при помощи лѣстницъ были симметрично расположены отъ основанія до верхушки памятника.

Вскорѣ на вершинѣ появилось красное знамя, развѣвающееся надъ головой золотого генія. Ниже появилась огромная надпись колоссальными буквами:

«Да здравствуетъ всемірная республика!»

У каждаго батальона были свои ораторы.

Произносились замѣчательныя рѣчи. Ни одна не содержала ни угрозъ, ни жестокости. Все вращалось около тѣхъ же идей. Говорили объ измѣнѣ, жертвами которой сдѣлались Парижъ и Франція, но прежде всего провозглашались демократія, принципы всемірной республики и демократическая федерація народовъ.

Не думаю, чтобы меня можно было упрекнуть въ сентиментализмѣ¹⁾, но я испыталъ сильное и продолжительное волненіе при видѣ этого народа, выдержавшаго пятимѣсячную осаду, еще не остывшаго отъ битвы, трепещущаго въ патріотической лихорадкѣ, кипящаго отъ гнѣва при мысли о томъ, что пруссаки займутъ частицу городской земли; можно ли безъ волненія глядѣть на этотъ народъ, который бросается дальше въ грядущее, когда настоящее становится все печальнѣе, все гнуснѣе.

Что думали эти французы, что говорили эти парижане въ то самое время, когда Германія устроила съ національную войну, когда Вильгельмъ и его агенты не скрывали желанія и надежды уничтожить Францію?!

Они провозглашали всемірную республику, они провозглашали федерацію народовъ!

Въ отвѣтъ на гранаты Б. смарка они предлагали Германіи свободу и братство.

¹⁾ Нѣтъ ничего глупѣе сентиментализма въ политикѣ.

Тѣмъ, которые приносили имъ смерть, они несли жизнь! Подъ огнемъ круповскихъ пушекъ, направленныхъ на большой революціонный городъ, они исповѣдывали солидарность народовъ!

Жертвы грубой силы, они привѣтствовали справедливость!

Побѣжденные нѣмецкимъ феодализмомъ, преданные, благодаря подлости и измѣнѣ всѣхъ клерикально-монархически-реакціонныхъ элементовъ, они ссылались на абсолютное право!

Въ то время, когда устраивался тайный заговоръ для ихъ окончательной гибели, когда противъ нихъ организовали ложь, клевету и убійства, они подъ открытымъ небомъ замыслили освобожденіе человѣчества!

И, замѣчательная вещь. ихъ патріотизмъ отъ этого не уменьшился, не ослабѣлъ.

Думая, что федерація можетъ возникнуть только между независимыми автономіями, между народами гордыми, возставшими, договаривающимися вполнѣ свободно, съ чувствомъ собственного достоинства; что можно съ пруссаками, какъ съ русскими, англичанами, итальянцами, испанцами, соединиться подъ интернаціональнымъ знаменемъ демократической и соціальной республики,—они были готовы заставить солдаты Бисмарка уважать цѣлость Франціи и честь Парижа.

Они раскрыли свои объятія вселенной, ставшей демократичной, съ условіемъ, чтобы ихъ руки никогда не были закованы въ цѣпи варварскаго завоеванія или покрыты позорными клеймами.

Пусть не обвиняютъ меня въ излишнемъ преувеличеніи и несвоевременномъ энтузіазмѣ; все, что я рассказываю, я самъ видѣлъ и слышалъ. Сотни тысячъ свидѣтелей видѣли и слышали это такъ же, какъ и я.

Если я настаиваю на этомъ, то только потому, что заявленія этой анонимной толпы должны быть отнынѣ великими фактами демократической исторіи.

Ими слишкомъ пренебрегали до сихъ поръ, да пренебрегаютъ еще и теперь.

Писавшіе вообще безсознательно проникнуты старой, монархической, буржуазной и феодальной традиціей и любятъ особенно изображать поступки и жесты нѣсколькихъ замѣчательныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ.

Намъ часто говорятъ о томъ, что произошло въ Кордери, что подумалъ и чего хотѣлъ тотъ или другой; описываютъ происхожденіе и перемѣны въ образованіи центрального комитета, дѣятельность отдѣльныхъ секцій Интернаціонала, въ которыхъ принимали участіе, разумеется, тѣ, которые объ этомъ расска-

зываютъ. Забываютъ толпу и улицу, это безымянное существо съ тысячею головъ, которая изобрѣтаютъ, съ тысячею рукъ, которая борются.

Революція—это народъ; Коммуна—это народъ; демократія, социализмъ—это народъ!

Рядомъ съ преходящими и часто спорными поступками отдѣльныхъ личностей живутъ мысль и желаніе толпы.

О чемъ она думаетъ? Чего она хочетъ?

Такова задача, которую я себѣ поставилъ и которую хочу выполнить въ этой книгѣ; такова цѣль моего труда.

Пусть же не ищутъ въ ней ничего иного.

Отсюда можно сдѣлать выводъ, что, если даже отдѣльные личности совершали ошибки и грѣшили избыткомъ или недостаткомъ сознательной идеи, той идеи, о которой мечталъ народъ, которой онъ пожертвовалъ тысячи жизней въ продолженіе долгой, ужасной, бесплодной борьбы,—эта идея велика, справедлива, великодушна, непобѣдима, и торжество ея обеспечено въ будущемъ.

Изъ этого также можно сдѣлать выводъ, что народъ вполнѣ созрѣлъ для свободы, которую онъ провозгласилъ, и вполнѣ достоинъ новаго идеала, во имя котораго велось коммунистическое движеніе.

Я слѣдилъ съ особеннымъ интересомъ за манифестаціями на площади Бастиліи, которая вначалѣ были совсѣмъ незамѣтны; газеты и журналы избѣгали говорить о нихъ, и репортеры, которыхъ посылали туда, не видѣли тамъ ничего, кромѣ зрѣлища, о которомъ они рассказывали такъ же, какъ нѣкогда о праздникѣ 15 августа.

Эти манифестаціи, я повторяю, съ каждымъ днемъ принимали болѣе общій, болѣе революціонный характеръ и привлекали все больше вниманія.

Всѣ парижскіе батальоны посылали туда своихъ представителей, и почти всѣ являлись туда въ полномъ составѣ.

Это былъ отвѣтъ Парижа на заговоръ роялистовъ Собранія въ Бордо.

Этимъ людямъ, которые отказывались провозгласить республику и допускали только ея поруганіе, считая ее разбитой и неспособной защищаться, столица Франціи отвѣтила единодушнымъ провозглашеніемъ республиканскаго принципа.

Это было утѣшеніемъ и удовлетвореніемъ за военныя пораженія.

Этотъ народъ, разбитый на полѣ битвы, инстинктивно обратился снова къ революціонной идеѣ. Онъ, казалось, понималъ, что единственное надежное удовлетвореніе можетъ ему дать

только демократическая пропаганда, только широкое распространение идей права и законности. Народъ чувствовалъ, что тамъ было спасеніе, что Франція, даже уменьшенная территориально, даже разбитая въ своемъ военномъ могуществѣ, можетъ снова конкурировать и господствовать надъ міромъ, если приметъ на себя роль инициатора и апостола всемірной демократіи.

Онъ стремился благородно отомстить своимъ врагамъ за матеріальныя пораженія нравственной побѣдой, доказывая этимъ свое превосходство.

Съ утра 24 февраля до того дня, когда вошли пруссаки, манифестаціи росли и усиливались; но я повторяю: при этомъ не было совершено ни малѣйшаго насилія, и строгій порядокъ, въ самомъ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ слова, нигдѣ не нарушался. Собравшись на площади Бастиліи, всѣ давали торжественную клятву, поддержанную всѣмъ народомъ, защищать республику противъ всего и всѣхъ. Это было своего рода торжественное и открытое провозглашеніе демократическихъ и социальныхъ убѣжденій двумястами тысячъ вооруженныхъ людей передъ Іюльской колонной, которая сдѣлалась импровизированнымъ жертвенникомъ отечества въ траурѣ и находящагося въ опасности народовластія.

Это торжественное обязательство Парижъ долженъ былъ исполнить до конца, но какой цѣной!

Нѣсколько агентовъ, провокаторовъ, нѣсколько шпионовъ, замѣченныхъ въ толпѣ, были жестоко, но справедливо наказаны.

Парижскій народъ не могъ болѣе выносить нечистаго соприкосновенія съ подлой полиціей, которая въ рукахъ правительства была всегда въ заговорѣ противъ свободы и достоинства честныхъ людей.

Впрочемъ, даже большинство буржуазнаго населенія скорѣе сочувствовало, чѣмъ прогнѣивало этому могучему мирному движенію.

Лавочники, стоя у дверей, съ доброжелательнымъ видомъ смотрѣли на проходившіе батальоны.

Вечеромъ, закрывъ свои лавки, они отправлялись съ женами и дѣтьми на площадь Бастиліи, гдѣ, смѣшавшись съ народомъ, принимали участіе въ спорахъ; но никогда ни одинъ голосъ не поднимался въ защиту Трошю, его товарищей или Собранія въ Бордо.

Только одинъ рестораторъ и виноторговецъ на бульварѣ Бо-Мармэ отказался дать напиться двумъ волонтерамъ Гарибальди и хотѣлъ ихъ выгнать; тогда національные гвардейцы закрыли лавочку, заколотили ставни, приклеили записку, объясняющую проступокъ и наказаніе.

Все это было сдѣлано хладнокровно, съ твердой рѣшимостью, безъ лишняго шума и волненія.

Солдаты, впрочемъ въ очень немногочисленномъ составѣ, также принимали участіе въ этихъ манифестаціяхъ. Тѣ, которые попадали въ толпу, глядѣли съ глупымъ видомъ, ничего не понимая.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить нравственное и умственное ничтожество этихъ безграмотныхъ крестьянъ, которыхъ оторвали отъ плуга, чтобы подчинить безнравственному и отупляющему режиму казармы.

Этому дичку, на которомъ никакая культура не могла вызвать плодовъ, военная дисциплина привила идиотизмъ и приниженность.

Достаточно нѣсколько стакановъ водки, страха и запаха пороха, чтобы обратить ихъ въ дикихъ звѣрей ¹⁾.

Моряки, хотя такъ же мало образованные, такъ же подчиненные дисциплинѣ, проявили все-таки нѣкоторое умственное превосходство.

Они охотнѣе примыкали къ движенію.

У нихъ есть нѣкоторая доля фантазіи и привычка къ разнообразію, благодаря которой они съ дѣтской радостью бросаются на все новое. У нихъ болѣе открытый умъ, и потому они воспримчивѣе.

Въ это время въ Парижѣ всѣ боялись столкновенія национальныхъ гвардейцевъ съ пруссаками.

Чьи-то неизвѣстныя руки покрыли чернымъ крепомъ лица каменныхъ статуй, которыя на площади Согласія изображали главные города Франціи; это была трогательная поэтическая идея, какую иногда можно встрѣтить у великаго артиста, имя котораго — никто и всѣ.

Въ предмѣстьяхъ, повидимому, рѣшились встрѣтить пруссаковъ ружейными выстрѣлами, хотя моментъ для такого отчаяннаго сопротивленія уже прошелъ. До выборовъ въ этомъ, можетъ быть, заключалось спасеніе республики въ Франціи. Теперь же существовало самозванное правительство въ Бордо, и это собраніе обзумѣвшихъ отъ страха роялистовъ не задумалось бы подать руку Бисмарку, чтобы общими силами разрушить революціонный городъ.

Какое бы то ни было сопротивленіе Парижа повело бы теперь только къ его безпощадному уничтоженію.

¹⁾ Это можно было наблюдать сотни разъ, именно: въ декабрѣ 1851 г. и въ маѣ 1871 г.

Было бы гораздо благоразумнѣе сохранить въ цѣлости революціонную армію до болѣе удобнаго момента.

Теперь, когда парижскій народъ завоевалъ независимость, волю и чистое понятіе долга, нужно было ревностно заботиться, чтобы эта новая сила не разбилась бесполезно о случайное препятствіе.

Всѣ члены передовыхъ партій старались успокоить это возбужденіе и избѣжать возможнаго столкновенія съ войсками Вильгельма.

Рѣшили составить кордонъ изъ національныхъ гвардейцевъ вокругъ мѣста, занятаго пруссаками, и, довѣряя ему эту охрану, которая удовлетворяла отчасти ихъ патріотизмъ, достигли того, что буря прошла.

Если бы національной гвардіи оказали недовѣріе, она рѣшилась бы на безразсудные поступки. Но такъ какъ ей самой поручили заботы о самообузданіи, о спасеніи и чести города, то она тотчасъ же сдѣлалась примѣромъ благоразумія.

Она поняла свою роль и исполнила ее такъ, что обратила въ истинное униженіе знаменитый захватъ Елисейскихъ полей, разрѣшенный Жюлемъ Фавромъ прусскому королю.

Между тѣмъ, нравственное напряженіе оказалось настолько сильнымъ и положеніе населенія приняло такой характеръ, что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы въ Бордо не считались съ этимъ новымъ фактомъ въ политическомъ положеніи страны.

Отсутствовавшее правительство получало свѣдѣнія отъ своихъ агентовъ, но оно скрывало или извращало самымъ подлымъ образомъ доходившія до него свѣдѣнія.

Что касается Собранія, то оно было далеко и презираемо всѣми, хотя можно было предполагать, что на него могло бы повліять точное знаніе истины.

Было еще неизвѣстно, что оно безповоротно рѣшило гражданскую войну, что оно нетерпѣливо ждало ее и хладнокровно приговорило къ смерти, въ самомъ прямомъ и матеріальномъ смыслѣ слова, героическую національную гвардію, чтобы наказать ее за желаніе спасти Францію и за спасеніе чести республики.

Съ другой стороны, почти всѣ вожди демократической партіи были въ Бордо, гдѣ они засѣдали на скамьяхъ лѣвой.

Было неизвѣстно, что эти люди, жившіе въ Парижѣ во время осады, видѣвшіе мужественное самоотреченіе населенія и близко знавшіе подлость и предательство правительства 4 сентября, измѣнили своимъ мандатамъ и были готовы стать на сторону Собранія противъ Парижа, были способны два мѣсяца спустя по поясъ въ крови вотировать благодарность версальскимъ пачамъ.

Даже не вполне довѣряя этимъ представителямъ лѣвой, все же трудно допустить, чтобы люди, даже слабые, немощные эгоисты, самолюбивые и трусливые, могли дойти до такого предѣла безчестности, имѣя за собой прошлое, полное борьбы за демократію противъ деспотизма и кровавыхъ репрессій власти.

Я, съ своей стороны, находилъ крайне необходимымъ, чтобы представители Парижа знали его истинное положеніе, и рѣшилъ отправиться въ Бордо, что и выполнилъ въ первый день вступленія пруссаковъ.

Явившись туда, я, дѣйствительно, убѣдился, что тамъ не знали о происходящемъ въ столицѣ или знали плохо, придавая всему совершенно ложный характеръ.

Я излагалъ факты и старался объяснить ихъ значеніе.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, къ кому я обращался, поняли или, по крайней мѣрѣ, хотѣли меня понять: среди нихъ я долженъ особенно отмѣтить Делеклюза ¹⁾.

Остальные приняли меня довольно плохо. Видно было, что они заняли опредѣленную позицію и что это грубое вмѣшательство парижскаго народа стѣсняло ихъ, заставляя какимъ бы то ни было образомъ выйти изъ удобныхъ тумановъ парламентской оппозиціи, за которыми они такъ долго скрывали и алчное желаніе власти, и всѣ компромиссы съ совѣстью.

Луи Бланъ, Ландлуа, Толены и ихъ товарищи хотѣли остаться депутатами и, попросту, продолжать и при новыхъ условіяхъ свое прибыльное ремесло, изъ котораго въ теченіе двадцати лѣтъ безопасно извлекали доходы Жюли Фавры, Жюли Симоны и Пикары.

Положеніе парижскаго народа вырвало ихъ изъ міра сладкихъ грезъ. Но могло ли это заставить ихъ рѣшительно высказаться, сорвать вуаль, соотвѣтствующій ихъ скромному мужеству, суетности ихъ убѣжденій и ихъ дѣйствительному эгоизму?

Къ чорту этого грубаго самозванца, который разрушилъ всѣ ихъ маленькіе планы и обратилъ въ ничто ихъ происки и политику карликовъ!

Я, впрочемъ, тотчасъ понялъ полное безсиліе лѣвой. Она распадалась на множество маленькихъ группъ, лишенныхъ общей идеи, безъ плана, безъ направленія, надъ которыми господствовало нѣсколько личностей, между которыми Луи Бланъ игралъ первенствующую и до утомленія систематическую роль.

Въ этотъ моментъ онъ правилъ лѣвой, но нисколько не руководилъ революціей,—вотъ въ двухъ словахъ объясненіе всего его поведенія.

¹⁾ Я не могъ видѣть Феликса Піа.

Быль ли у него составленъ свой маленькій планъ для собственнаго руководства, отъ котораго онъ хотѣлъ отступить и по которому республика должна была быть составлена изъ цѣлаго ряда безграницныхъ и беззастѣнчивыхъ уступокъ? Позже можно было видѣть примѣненіе этого плана, развитаго Гамбеттой; Луи Бланъ былъ изъ тѣхъ, которые присоединились къ Тьеру, вползая на кучу труповъ, чтобы добраться до убійцы, поцѣловать его сапоги и «предложить ему свою помощь», какъ говорили они. Ихъ отреченіе разскажетъ исторія.

Съ другой стороны, какъ объяснилъ мнѣ Делеклюзъ, нельзя было заставить эту палату выслушать разумное слово; ихъ вой тотчасъ же заглушалъ слова оратора.

Злые и честные люди уже устранились, хорошо сознавая, что нельзя оставаться въ канавѣ, не замаравшись, и ч.о. бываютъ сточныя трубы, въ которыхъ задыхаются тѣ, кто ихъ хочетъ очистить.

Въ теченіе двухъ дней, которые я провелъ въ Бордо, Гамбетта, Ранкъ, Рошфоръ, Малонъ, Тридонъ, Вакторъ Гюго одинъ за другимъ выходили въ отставку.

Мужественные люди, которые оставались, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку, не замедлили послѣдовать примѣру первыхъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ уѣхалъ я изъ Бордо, убѣдившись, что нечего разсчитывать на республиканское меньшинство, имѣя всѣ данныя, чтобы сомнѣваться въ большинствѣ роялистовъ, и вспоминая, что Тьеръ былъ святошей!

VII.

Парижъ и Франція. — Право и необходимость коммунальной идеи.

Вернувшись въ Парижъ, я засталъ положеніе сильно обострившимся.

Прусская оккупация была закончена, миръ вотированъ.

Ничто болѣе не отвлекало мысли отъ внутренней политики, которая сдѣлалась естественной ареной борьбы для противодействія тѣмъ, которые отдали нѣмцамъ двѣ провинціи и обѣщали пять милліардовъ, чтобы имѣть возможность направить всѣ свои силы прогнать республики и народа.

Вопросъ о пушкахъ былъ большимъ вопросомъ.

Съ момента выхода пруссакъъ полиційскія газеты объявляли, что ихъ надо возвратитъ государству, утверждая, что нѣтъ болѣе никакихъ данныхъ для того, чтобы національная гвардія продолжала ими владѣть.

Съ поддѣльнымъ ужасомъ говорили объ укрѣпленномъ Монмартрѣ. Эти батареи, обѣщанныя противъ города, являлись якобы непрерывной опасностью для мирныхъ гражданъ, якобы вызовомъ къ гражданской войнѣ.

Сама національная гвардія чувствовала ненормальность подобнаго положенія вещей, опасность котораго была очевидна.

Дѣйствительно, какъ я уже указывалъ, взятіе пушекъ вовсе не носило вначалѣ политическаго характера. Совершенное при моральной и матеріальной поддержкѣ батальоновъ и сочувствіи всего населенія, дѣло это явилось самопроизвольнымъ актомъ патріотическаго порыва.

Дѣло шло только о томъ, чтобы избѣжать конфискаціи пушекъ врагами Франціи.

Съ тѣхъ поръ положеніе измѣнилось. Теперь важно было знать, не достанутся ли пушки врагамъ республики.

Чтобы понять положеніе, надо разобратъ въ разнообразныхъ чувствахъ, волновавшихъ парижское населеніе, многочисленныя и послѣдовательныя причины которыхъ мы указывали выше.

Въ теченіе протекшихъ пяти мѣсяцевъ Парижъ, отдѣленный отъ остальной Франціи, предоставленный почти исключительно собственнымъ силамъ, много жилъ умственной жизнью, много разсуждалъ и многому научился.

Послѣ имперіи, которая играла судьбой родины въ эгоистическихъ интересахъ династіи, Парижъ попалъ въ руки лѣвой. Они продолжали и завершили работу имперіи, сдавъ столицу и подготавливая самый позорный миръ въ исторіи съ печальныхъ дней сумасшествія Карла VI и разврата Изабеллы Баварской.

Болѣе того, правительство національной обороны проявило по отношенію къ народу столько же пристрастія и умышленной злобы, какъ и правительство Наполеона III, и народъ, демократія и социалисты должны были признать, что плеть формальныхъ буржуазныхъ республиканцевъ нисколько не лучше, чѣмъ великая сабля героя Декабря и Седана.

Въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ этотъ трагическій моментъ, когда дни и мѣсяцы казались героямъ годами, Парижъ убѣдился, что если военно-монархическая диктатура привела Францію къ Седану, то диктатура буржуазія, псевдо-республиканская привела Францію къ миру въ Бордо.

Ему пришлось убѣдиться, что у республики Жюль Фавра нѣтъ ни (большой) любви къ народу, ни (большой) склонности къ социальнымъ реформамъ, чѣмъ у царизма, возникшаго изъ звѣрствъ пьяной солдатчины, какъ въ 1851 году, или явившагося

димцевъ, какъ въ 1830 году.

Этотъ двойной опытъ доказалъ, что однаково глупо, опасно и поведетъ въ будущемъ къ одинаковымъ ошибкамъ и страданіямъ, если отстаиваніе интересовъ и защиту правъ доверить личному деспотизму честолюбца или олигархическому деспотизму касты.

Парижъ чувствовалъ глубочайшее презрѣніе къ двумъ правительственнымъ формамъ, существовавшимъ до сихъ поръ въ нашей странѣ: монархіи и олигархической буржуазной республикѣ.

Какъ при той, такъ и при другой ему не на что было надѣяться. Но вторая имѣла то преимущество, что могла измѣниться безъ насильственныхъ потрясеній, благодаря простому нормальному развитію учреждений, и открывала народу возможность добиться своего законнаго положенія.

Народъ, по крайней мѣрѣ, надѣялся на это.

По заслугамъ презирая и ненавидя этотъ обманъ, именуемый буржуазной республикой, Парижъ все-таки держался за слово «республика» и за республиканскую форму, естественная эластичность которой, казалось ему, даетъ просторъ нарастающимъ силамъ и послѣдовательному прогрессу.

Но Парижъ, кромѣ того, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ былъ отдѣленъ отъ остальной Франціи.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ борьбы противъ пруссаковъ и правительства ратуши онъ убѣдился въ собственной силѣ, огромной жизненности и нравственномъ превосходствѣ надъ своими повелителями.

Что сдѣлали эти господа, чтобы оправдать свою власть?

Они ослабили защиту, растратили необъятныя средства столицы и предали ее нѣмцамъ въ то время, когда населеніе было готово на самыя великія жертвы, чтобы избѣжать этой крайности, и, наконецъ, бросили умирающую Францію къ ногамъ торжествующей реакціи.

Парижскій народъ понялъ, наконецъ, въ какую западню онъ попалъ; съ ужасающей ясностью видѣлъ онъ нити позорнаго заговора, жертвой котораго онъ сдѣлался.

Среди различныхъ группъ ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту Жюль Фаври или Трошю. Приговоръ былъ единодушенъ.

Двадцать разъ, сто разъ въ день вы могли бы слышать, какъ граждане кричали:

«Ахъ, если бы мы знали это тридцать перваго октября!» И выражали глубокое и горькое сожалѣніе, что движеніе въ тотъ день не удалось.

Завѣса разорвалась. Парижъ прозрѣлъ. Парижъ видѣлъ,

что онъ имѣлъ силы спастись и спасти Францію и республику — что онъ не умѣлъ во-время сдѣлать это.

Парижъ видѣлъ, что если бы, вмѣсто того, чтобы по старой монархической и буржуазной традиціи допустить правительство, которое выѣло его или надѣ нимъ, онъ непосредственно принялъ участіе въ правленіи въ лицѣ своихъ естественныхъ представителей, вышедшихъ изъ его среды, дѣйствующихъ заодно съ нимъ, руководимыхъ его волей, прислушивающихся къ общественному мнѣнію, — онъ избѣжалъ бы почти всѣхъ подводныхъ камней, о которые разбѣлись великій народъ и великая идея.

Парижъ видѣлъ, что ему отказали во всемъ, чего онъ требовалъ, во всемъ, въ чемъ было его спасеніе.

Онъ требовалъ раціоновъ — ему предложили милостыню у дверей мэрии.

Онъ требовалъ войны до послѣдней крайности — ему навязали миръ во что бы то ни стало.

Онъ требовалъ коммунальнаго народнаго совѣта, избраннаго, чтобы руководить и быть отвѣтственнымъ за операціи во время осады, — ему предложили выбрать 20 мэровъ и 40 помощниковъ, бездѣятельныхъ, лишенныхъ авторитета, которые, вмѣсто того, чтобы быть представителями народной воли, были, да и не могли не быть, простыми исполнителями указовъ власти.

Послѣ 4 сентября, какъ послѣ 24 февраля, какъ послѣ 1830 года, какъ это наблюдалось въ теченіе 80 лѣтъ, — правительство, явившееся результатомъ народнаго возстанія, тотчасъ же становилось во враждебныя отношенія къ этому самому народу.

Далекое отъ народа, вознесясь какъ бы на недоступное небо, оно оттуда издавало декреты и распоряжалось судьбами страны, на подобіе непогрѣшимаго Бога, котораго нельзя ни контролировать, ни провѣрять и который съ высоты своей всемогущей мудрости не обязанъ никому отчетомъ.

Если столько различныхъ людей въ разныя эпохи дѣйствовали при тѣхъ же условіяхъ совершенно одинаково, то это доказываетъ, что виновны тутъ не только одни люди, но что въ основѣ самой системы лежитъ ошибка, что процессъ и средства грязны и путь ведетъ въ сторону, противоположную цѣли.

Вотъ что съ удивительной ясностью началъ понимать Парижъ.

Онъ чувствовалъ глубокое презрѣніе, непобѣдимое недоумѣніе ко всѣмъ этимъ псевдо-революціямъ, которыя всегда кончаются простой перемѣной личностей, между тѣмъ, какъ

правительственная и общественная машина сохранять всё свои винты и колеса.

Какое мнѣ дѣло, въ концѣ концовъ, что мѣняютъ машиниста, если машина продолжаетъ меня калѣчить!

Какое мнѣ дѣло до того, что мѣняютъ кормчаго, если корабль разбивается на тѣхъ же самыхъ подводныхъ камняхъ и топить меня всегда, когда я уже надѣюсь достигнуть пристани!

Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, несмотря на злую волю правительства, его неспособность, предательство и непрерывный заговоръ, Парижъ во время осады и послѣ капитуляціи пользовался неограниченной свободой дѣйствія.

Несмотря на аресты, произведенные послѣ 31 октября и 22 января, несмотря на то, что газеты были запрещены и клубы закрыты,—свобода прессы, право собраній и ассоціацій фактически существовали долгое время въ полномъ объемѣ, хотя ни одинъ изъ запретительныхъ законовъ на самомъ дѣлѣ не былъ измѣненъ или отмѣненъ.

Даже запрещеніе публичныхъ собраній послѣ 22 января не препятствовало гражданамъ собираться и говорить сколько душѣ угодно о политическихъ дѣлахъ.

Можетъ быть, это происходило оттого, что каждый батальонъ національной гвардіи былъ не чѣмъ инымъ, какъ постояннымъ клубомъ!

Не потому ли это, что каждый постъ, каждое караульное помѣщеніе было удачнымъ мѣстомъ собраній, закрыть которое правительство не могло по своей прихоти.

Господа изъ ратуши, находясь передъ лицомъ огромнаго города, въ которомъ было отъ 300 000 до 400 000 вооруженныхъ людей, въ томъ числѣ не мнѣе 200 000 рабочихъ изъ предмѣстій и демократовъ всѣхъ сословій,—не имѣли ни средствъ, чтобы бороться противъ этой страшной силы, ни времени попытаться это сдѣлать съ какими-нибудь успѣхомъ, когда пруссаки бомбардировали городъ.

Со времени капитуляціи и бѣгства правительства въ Бордо сдѣлалось еще лучше.

Парижъ правилъ и управлялъ собой совершенно самостоятельно.

Съ 4 сентября полиція исчезла. Ее замѣняли усердіе, честность и охрана добровольцевъ-гражданъ. И въ теченіе этихъ 5 мѣсяцевъ Парижъ пользовался непримѣрнымъ спокойствіемъ. Ни одного преступленія противъ личности, ни одного преступленія противъ собственности!

И когда улицы Парижа не были болѣе безопасны.

Во всякое время дня и ночи можно было спокойно пройти

по самымъ пустыннымъ кварталамъ, въ обычное время пользующимся наиболѣе дурной славой. Женщина, даже въ одиночку, могла прогуливаться по всему Парижу въ наиболѣе неурочные часы, не рискуя подвергнуться какому-либо оскорбленію.

А между тѣмъ, какая ужасающая бѣдность! Страшный голодъ царилъ среди населенія.

Среди этихъ патріотическихъ огорченій и многообразныхъ страданій парижскій народъ пользовался дѣйствительной, полной и всеобщей свободой, какою онъ никогда не зналъ, и, пользуясь которой, онъ чувствовалъ, что это льгота, которую могутъ у него ежеминутно отнять.

Почему это? По какому праву?

Онъ оказался достойнымъ свободы. Случайное стеченіе обстоятельствъ позволило ему сдѣлать этотъ огромный и убѣдительный опытъ, изъ котораго парижскій народъ вышелъ побѣдоноснымъ, преobraженнымъ въ собственныхъ глазахъ.

Здѣсь не было мѣста сомнѣнію; народъ доказалъ свою зрѣлость для всѣхъ реформъ, для всѣхъ видовъ свободы.

Испытаніе было очевидно для міра.

Внезапно, безъ всякихъ переходовъ, исключительно благодаря своему нравственному превосходству и умственному развитію, онъ оказался способнымъ ввести такой строй, который считался несовмѣстимымъ съ его темпераментомъ и годнымъ исключительно для американцевъ англо-саксонской расы.

Какимъ бы это было откровеніемъ для честныхъ людей, если бы они стояли во главѣ Франціи!

Избавленный отъ путъ, которыя связывали его члены въ теченіе восемнадцати столѣтій, онъ шагаль твердо и смѣло; когда онъ впервые ступилъ ногой на эту обѣтованную землю социальной революціи, то можно было подумать, что онъ тамъ родился и всегда жилъ,—съ такой легкостью и непринужденностью онъ себя чувствовалъ.

Онъ понималъ не только гнусность старой правительственной идеи, но онъ убѣдился также, чего стоитъ постоянная армія, не способная спасти страну въ случаѣ великихъ бѣдствій, безпокойная въ мирное время, служащая грубымъ орудіемъ подавленія въ рукахъ всякаго деспотизма.

Онъ убѣдился также, что полиція хороша только тогда, когда состоитъ изъ самыхъ обывателей города; что полиція, организованная извнѣ, служить только для того, чтобы обременять гражданъ и изобрѣтать заговоры, когда власть стремится къ популярности или хочетъ уничтожить противника. Онъ понималъ, что полиція является постоянной угрозой для свободы честныхъ людей, постояннымъ оскорбленіемъ личности, выну-

жденной перелосить ея унижительные капризы, ея оскорбленія и насилія корыстнаго характера.

Парижъ, наконецъ, убѣдился, что небо не упало на землю и міръ не былъ потрясенъ ни въ одномъ изъ своихъ естественныхъ законовъ отъ того, что онъ, Парижъ, жилъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ своей собственной жизнью, совершенно отличной, съ точки зрѣнія политической, соціальной и нравственной, отъ остальной Франціи.

Не въ этомъ ли, за исключеніемъ соціальнаго вопроса, заключается вся коммунальная программа?

Смутная греза Парижа была выяснена, и Парижъ обладалъ ею.

Получивъ независимость, онъ понялъ, чѣмъ онъ будетъ, если будетъ самъ управлять собой.

Онъ могъ приспособить если не свои учрежденія, то хотя нравы согласно своему темпераменту, устроить жизнь согласно своимъ идеямъ, установить обстановку, соотвѣтствующую его умственному и нравственному развитію.

Но вдругъ онъ замѣтилъ, что это относительное счастье кончается, что это видѣніе исчезаетъ, что этотъ проблескъ грядущаго снова скрывается.

Онъ внезапно понялъ, что ему препятствуютъ въ торжествѣ идеи, въ моральныхъ побѣдахъ на попрѣхъ политическаго и соціальнаго прогресса искать утѣшенія отъ поражений на полѣ битвы и униженій родины; онъ понялъ, что ему нельзя въ будущемъ путемъ послѣдовательныхъ и неограниченныхъ реформъ завоевать вновь все, что идиотски-преступный деспотизмъ имперіи заставилъ его потерять.

Онъ вдругъ понялъ, что онъ, Парижъ, старшій сынъ девятнадцатаго вѣка, долженъ снова подчиниться закону сыновей, недоносковъ среднихъ вѣковъ, собравшихся въ Бордо.

Вдругъ онъ понялъ, что онъ, могучій умъ, долженъ быть заключенъ въ темницу, гдѣ невѣжество и ученая тиранія держали до настоящаго времени въ загоны неграмотное населеніе деревень, руководимое попомъ, пресмыкающееся передъ полевымъ стражникомъ, представителемъ мэра, который является представителемъ префекта, подчиненнаго центральной власти, которая является олицетвореніемъ принца авторитета минутаго, т.-е. силы, господствующей надъ правомъ, политическаго, соціальнаго и нравственнаго рабства, насилія, нищеты, привилегій.

Дѣйствительно, Парижъ, который обвиняютъ въ томъ, что онъ управлялъ Франціей, что онъ заставлялъ Францію испол-

нять его волю, быть до настоящаго времени рабомъ послѣдняго изъ рабовъ Франціи.

Парижъ произвелъ революцію, но провинціи создали правительство; революціи продолжались три дня или три мѣсяца—правительство существовало 20 лѣтъ.

Парижъ создалъ іюльскіе дни 1830 года; провинція отдалась орлеанцамъ и поддерживала Луи-Филиппа.

Парижъ создалъ 24 февраля и іюньскіе дни 1848 года; провинція послала ему своихъ Феллу, солдатъ и Луи-Наполеона Бонапарта.

Парижъ объявляетъ республику; провинція отвѣчаетъ ему галерами, Кавеньякомъ и имперіей.

Въ теченіе 20 лѣтъ Парижъ вотируетъ противъ имперіи, и въ теченіе 20 лѣтъ провинція поддерживаетъ имперію выборомъ официальныхъ кандидатовъ и двумя плебесцитами, гдѣ, какъ извѣстно, оказалось поразительное большинство.

Въ теченіе этихъ 20 лѣтъ республиканскій, революціонный и социалистическій Парижъ вынужденъ былъ все-таки выносить единоличное, деспотическое, реакціонное и унижительное правительство, которое провинціи заблагоразсудило ему послать.

Въ теченіе этихъ 20 лѣтъ въ борьбѣ съ чуждымъ правительствомъ, которое насилывало его совѣсть, оскорбляло всѣ его вѣрованія, парижскій народъ испыталъ участь покореннаго города, отданнаго на произволъ полиційскихъ и шпионовъ Бонапарта. Піетри вводили правильный порядокъ, изобрѣли заговоры, чтобы арестовать честныхъ людей, арестовывали, чтобы изобрѣтать заговоры, спускали на толпу корсиканскую свору, которая немилосердно была кастетами или колола шпагами прохожихъ, когда правительству нужно было создать подобіе мятежа или увеличить жалованье Лагранжу.

Парижъ создалъ 4 сентября и во второй разъ провозгласилъ республику.

Провинція избираетъ Собраніе Бордо, которое отказывается признать республику и открыто заявляетъ о своемъ намѣреніи возстановить монархію.

Парижъ хочетъ войны, терпитъ голодъ и отдаетъ всю кровь, чтобы спасти честь Франціи и цѣлость національной территоріи; провинція вотируетъ миръ, уступку пруссакамъ Эльзаса и Лотарингіи и пять милліардовъ контрибуціи.

Но это еще не все.

Правительство, вышедшее изъ провинціи, бросаетъ вызовъ Парижу въ самыхъ его стѣнахъ, посылая ему, какъ угрозу, какъ оскорбленіе, людей, присутствіе которыхъ ему невыносимо.

Винуа, соучастникъ декабрьскаго переворота, подписавшій капитуляцію 28 января, назначенъ губернаторомъ.

Валентена, стараго жандарма имперіи, ставятъ во главѣ префектуры полиціи, когда Парижъ не желаетъ иной полиціи, кромѣ муниципальной и гражданской.

Орель де-Палландъ, также бонапартистскій генералъ, отставленный Гамбеттой и подозрѣваемый всѣмъ міромъ, назначается начальникомъ національной гвардіи въ то время, какъ національная гвардія съ правомъ презираетъ генераловъ и армію и объявляетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ право избранія своего главнаго начальника. Все, что Парижъ любитъ и желаетъ, осмѣиваютъ и отнимаютъ у него.

Все, что Парижъ защищалъ своею кровью въ теченіе пяти мѣсяцевъ осады, полной тревогъ и ужасныхъ страданій, волочатъ передъ нимъ въ грязи и готовы растоптать ногами.

Никто вовсе не хочетъ считаться съ желаніями этого великаго города, въ которомъ почти столько жителей, какъ въ нѣкоторыхъ независимыхъ государствахъ, который по количеству населенія являлся 18-й частью Франціи и который всѣ считаютъ самой просвѣщенной, самой умной частью родины.

Его не только лишили будущности, но не оказали даже настолько вниманія, чтобы смягчить отказъ и сдѣлать возможнымъ принять его безъ униженія.

Напротивъ, старались разбедить рану, соединивъ обиду съ отказомъ въ правосудіи, мало: смѣшать самую безстыдную провокацію съ насиліями, бить одновременно по щекамъ и по сердцу.

Такова исторія Парижа въ теченіе 80 лѣтъ!

Вотъ какъ Парижъ управляетъ Франціей и пользуется той славной диктатурой, которой его укоряютъ съ такой горькой ироніей.

Парижъ—вещь, игрушка, жертва Кемперъ Корентена, Бривелла-Гайара, послѣдней деревушки наиболѣе отсталаго департамента, зараженнаго предрасудками, погрязшаго въ невѣжествѣ и религіозной глупости.

При системѣ единства и централистическомъ режимѣ это и не могло быть иначе.

Централизмъ—эта гнойная язва—разрушаетъ и разбиваетъ Францію.

Въ настоящее время Франція представляетъ огромное, анемичное тѣло, наполовину парализованное, вся жизнь котораго сосредоточилась въ мозгу.

Но члены не повинуются болѣе мозгу. И этотъ мозгъ оказывается прикованнымъ къ мѣсту членами, отвыкшими отъ

движенія, неискусными въ дѣйствиіи, противоположающими параличъ революціи, идеи.

Мыслящая голова на трупѣ!

И, неслыханная вещь, провинція не виновата! Она только несчастна!

Она, какъ и Парижъ, подчинена року, избавившись отъ котораго, она вскорѣ пошла бы одинаковымъ шагомъ съ Парижемъ.

И дѣйствительно, Парижъ не представляетъ иной расы, чѣмъ остальная Франція. Даже въ самомъ Парижѣ урожденныхъ парижанъ меньшинство. Многіе изъ тѣхъ, которые бились и умирали за Коммуну, родились въ разныхъ концахъ Франціи.

Парижъ притянулъ ихъ, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. Они напитались его атмосферой, нѣкоторымъ образомъ, обновились въ этомъ удивительномъ тиглѣ, национализировались на этой плодородной почвѣ и слились съ нимъ, вскормленные его сокомъ, разогрѣтые его пыломъ, отмѣченные его печатью.

У себя они были бы тѣмъ же, чѣмъ являются въ Парижѣ, но тамъ почва бѣдна, имъ не хватаетъ воздуха, среды, пространства.

Это преступленіе—умственное обнищаніе и политическое удушеніе цѣлой націи—было дѣломъ Бонапарта-Брюмера.

Съ ужасающей проникательностью буржуазія продолжала это дѣло.

Наше несчастіе происходитъ отъ того, что первая революція создала новую политическую обстановку, не имѣя времени сдѣлать ее доступной народу, задержанная въ своей дѣятельности реакціей термидоріанцевъ, этой матерью іезуитовъ и кровавымъ прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ реакцій.

Едва эта обстановка была создана, какъ буржуазія овладѣла ею, сурово оберегая ее отъ народа.

Революція провозгласила свободу мысли и равенство передъ закономъ.

Чтобы эти великіе принципы не обратились въ пустые слова, необходимо было, чтобы народъ научился думать и сдѣлался способнымъ пользоваться этимъ равенствомъ, записаннымъ въ кодексъ, но теряющимъ всякое значеніе, такъ какъ невѣжество и закрѣпощеніе труда отдають его въ безусловную власть всемогущаго капитала.

Начиная съ термидора, дѣломъ всѣхъ правительствъ было поддерживать это экономическое и умственное неравенство, которое обращало въ пустую насмѣшку политическое равенство, о которомъ такъ много шумятъ.

Теоретическія права—очень хорошая вещь... въ книгахъ и

въ конетитуціяхъ, но на самомъ дѣлѣ это ничто, если я лишень средствъ и возможности ими пользоваться.

Для человѣка, лишеннаго извѣстнаго образованія, для человѣка, обреченнаго на рабство и нищету благодаря низкой заработной платѣ, которая не даетъ ему никакихъ средствъ улучшить свое матеріальное и духовное положеніе,—не существуетъ ни свободы, ни равенства.

При такихъ условіяхъ народовластіе—ложь; всеобщее избирательное право—обманъ, можетъ быть, еще болѣе опасный, чѣмъ циничная грубость старыхъ законовъ, которые были открыто негодны.

Такъ какъ экономическая или социальная революція не послѣдовала непосредственно за революціей политической и руководство перешло изъ рукъ знати по происхожденію въ руки обладателей законной монеты, то новые господа старались всѣми возможными средствами поддержать то неравенство умственного уровня, которое въ современныхъ обществахъ замѣняетъ дѣленіе на касты.

Вмѣсто прежнихъ трехъ сословій государства—знати, духовенства и третьяго сословія,—въ настоящее время образовалось два: образованное и невѣжественное, богатое и бѣдное.

Это раздѣленіе неимѣетъ, къ счастью, никакихъ точно опредѣленныхъ границъ.

Несмотря на всѣ усилія высшей буржуазіи, мало-по-малу свѣтъ проникаетъ въ извѣстные крупные центры, напимѣръ, въ Парижъ и въ нѣкоторые другіе большіе города.

Несмотря на всѣ усилія, повторяю, несмотря на недостатокъ школьных помѣщеній, несмотря на то, что начальное образованіе сдѣлано преднамѣренно безмысленнымъ, передавъ его отчасти въ руки духовенства,—тамъ же вѣтъ такой могучей потокъ идей, что народъ воспитывается благодаря простому знакомству и наблюденію окружающаго.

Можно почти сказать, что эти идеи въ воздухѣ, что ими дышать, что онѣ проникаютъ въ мозгъ такъ же, какъ кислородъ проникаетъ въ легкія.

Но въ то время, какъ эти немногочисленные центры г. необходимости развиваются и умственная жизнь тамъ бьетъ черезъ край, народная масса остается на мѣстѣ или же подается назадъ подъ двойнымъ объединеннымъ воздѣйствіемъ ужасающаго централизма и постоянного заговора всѣхъ привилегированныхъ противъ духовнаго освобожденія—этого предтечи матеріальнаго освобожденія.

Централизмъ, единство и сильная власть, дѣйствительно,

великія орудія деспотизма и являются необходимымъ условіемъ его существованія.

Первый Бонапартъ не ошибся, когда хотѣлъ возстановить принципъ авторитета.

Онъ централизовалъ, онъ объединилъ, онъ прошелъ тяжелымъ административнымъ каткомъ по всей странѣ, разрушая всѣ препятствія, сглаживая неровности, уничтожая всякую инициативу.

Граждане, лишенные власти, найдя прибѣжище въ Парижѣ, возвышавшемся надъ ополченной націей, живя въ таинственномъ и благопріятномъ отдаленіи, были лишены возможности получить политическое образованіе, развиваться и складываться въ плодотворной борьбѣ политической жизни.

Лишенные возможности посвятить себя наиболѣе благородной и возвышенной дѣятельности, они стали судорожно цѣпляться за мелкія дѣлашки обыденной жизни, частной эгоистической борьбы за кусокъ хлѣба и физическое благосостояніе.

Передъ лицомъ власти одного была нація, безконечно раздробленная, обращенная въ пыль, гдѣ личность, ставшая песчинкой, отдается безпрекословно дѣйствию силъ, сконцентрированныхъ въ рукахъ отдѣльныхъ людей.

Невѣжество, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, относительно увеличивается, потому что развитіе привилегированныхъ центровъ идетъ гигантскими шагами, тѣмъ самымъ непрерывно расширяя и углубляя пропасть, отдѣляющую эти центры отъ остальной массы націи.

Образованіе оставалось въ рукахъ монаховъ, невѣжественныхъ монаховъ и жалкихъ учителей. Эти учителя, плохо оплачиваемые, голодные, прислуживающіе попу, вынужденные бояться гнѣва полевого стражника, мэра, ректора, епископа, министра, окончательно падаютъ духомъ и нравственно унижаются.

Образованіе, идущее такимъ образомъ изъ ихъ вѣроломныхъ или невѣжественныхъ рукъ, не только не угрожаетъ власти, но становится его лучшей опорой, обманывая учащихъ.

Такимъ образомъ, 80 лѣтъ спустя послѣ великой революціи, Франція напоминала необъятную пустыню съ нѣсколькими оазисами, какіми являлись два или три большіе города.

Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось дѣло, потому что разница умственного уровня увеличивалась.

Между тѣмъ, какъ административный централизмъ коверкалъ характеры, уничтожалъ національныя добродѣтели и создалъ съ вышней стороны искусственное единство на обломкахъ

частной инициативы,—единство умственное и нравственное раз-
билось на тысячи неравных кусковъ, ничѣмъ не связанныхъ
между собою.

Дѣйствительно, что можетъ быть общаго между деревней
Бретани и пригородомъ Парижа? Ничего, кромѣ однообразнаго
подчиненія Бонапарту, Тьеру, Макъ-Магону или любому главѣ
правительства.

Съ другой стороны, революція отчасти передала землю
крестьянамъ.

Изъ рабовъ они стали собственниками, но собственниками,
отягощенными налогами, разоренными закладными и процен-
тами. Хотя и голодая надъ полемъ, которое онъ обрабатываетъ,
онъ у себя дома, послѣ государства, сборщика и ростовщика,
все-таки хозяинъ.

Такимъ образомъ, крестьянинъ выигралъ или вѣрить въ
то, что выигралъ отъ революціи, между тѣмъ, какъ городской
рабочій рѣшительно ничѣмъ не обязанъ новому строю, потому
что онъ вовсе не сдѣлался собственникомъ и остался крѣпост-
нымъ капитала, какъ нѣкогда крестьянинъ былъ крѣпостнымъ
дворянина.

Этотъ мнимый возвратъ земли крестьянину, совершенный
при неблагопріятныхъ условіяхъ, самъ по себѣ, при полномъ
незнакомствѣ съ истинами экономическихъ законовъ, повелъ
къ тому, къ чему и долженъ былъ повести, такъ какъ не сопровож-
ждался однообразными измѣненіями всей общественной обста-
новки.

Не освободивъ, въ дѣйствительности, крестьянина, онъ
заковалъ его въ кандалы, которые задерживаютъ его развитіе,
дѣлаютъ неподвижнымъ, но въ то же время поддерживаютъ
манію древняго раба, который видитъ свободу и достоинство
въ собственности, хотя онъ платитъ за свое владѣніе, можетъ
быть, дороже того, что оно стоитъ.

Онъ сдѣлался собственникомъ, хотя слишкомъ мелкимъ для
того, чтобы освободиться отъ рабства упорнаго труда, погло-
щающаго всѣ его силы, всѣ способности. Онъ сдѣлался собствен-
никомъ въ такой средѣ, гдѣ собственность является несправед-
ливой привилегіей, простымъ злоупотребленіемъ личнаго эго-
изма. Онъ сталъ собственникомъ прежде, чѣмъ могъ развити
свой умъ, перекалить свое сознаніе въ великомъ горнилѣ со-
временныхъ идей. Поэтому поле, являясь, повидимому, его
матеріальнымъ освобожденіемъ, поработило его нравственно.

Будучи рабомъ, онъ дѣйствовалъ всегда заодно со всѣмъ
страдающими и эксплуатировавшимися.

Собственникъ въ настоящемъ, онъ становится соучаст-

никомъ всѣхъ эксплуататоровъ и неистовымъ консерваторомъ
безъ разбору, безъ разсужденія, безъ мѣры, просто изъ страха,
чтобы у него не отняли этотъ клочокъ земли—его идеаль, пред-
метъ его страсти, его имущество.

Онъ не понимаетъ того, что самъ является первой жертвой.
Онъ не понимаетъ, что это поле—приманка, едва достаточная,
чтобы поддержать его существованіе и въ то же время обрекаю-
щая его на покорность передъ всѣми властями, всѣми тиранами
и беззаконіями.

Онъ не понимаетъ, что дурное правительство и скверные
законы создаютъ тяжелые налоги, разоряющіе его и принижаю-
щіе передъ землевладѣльцемъ и крупнымъ собственникомъ.

Онъ не понимаетъ, что его поле и его трудъ принадлежатъ,
въ дѣйствительности, казнѣ и что онъ непосредственно тер-
питъ отъ всѣхъ ненавистныхъ привилегій, защитникомъ кото-
рыхъ онъ сдѣлался съ того дня, когда его убѣдили, что и онъ
имѣетъ мѣсто на пиршествѣ привилегированныхъ.

Нѣкогда онъ нападалъ на замки.

Теперь онъ сталъ добровольнымъ охранителемъ замка,
воображая, что его десятина виноградника или пшеницы по-
добна дворянскому парку, его жилище на подобна замку.

Нѣкогда онъ возставалъ по призыву парижскаго народа,
разрушавшаго Бастилію.

Теперь, вероудѣтый солдатомъ, онъ съ беспощадной же-
стокостью душитъ остающаго городского рабочаго, возражая,
что этотъ рабочій хочетъ лишить его земли, отнять его собствен-
ность.

Это положеніе объясняетъ неудачу всѣхъ революцій, на-
чавшихъ съ 89 года.

Централизмъ убилъ жизнь въ провинціи; національная
мысль расшаталась. Она бьетъ ключомъ въ Парижѣ, Ліонѣ,
Марсели.

Въ другихъ же мѣстахъ она умерла.

Ели нодушіе и единообразіе стремленій исчезли. Крестьянинъ
воображаетъ, что его интересы отличны отъ интересовъ город-
скихъ рабочихъ.

Матеріальное неравенство нарушило нравственное единеніе.

Въ одномъ мѣстѣ приливъ крови, въ другомъ—анемія.

Слѣдствіемъ этого явилось подчиненіе передовыхъ цен-
тровъ отсталой массѣ: Биссонъ правитъ Аомъ нами, голова
повинуется остальнымъ членамъ, самые чудные порывы ве-
дутъ къ ужаснѣйшему пораженію. Если мы не отрѣшимся отъ
старой монархической, самодержавно-буржуазной выдумки о
государствѣ, основанномъ на единствѣ и централизціи, Фран-

ція и революція погинути; бросивъ въ міръ сѣмена всѣхъ великихъ идей соціального освобожденія.

Чтобы исцѣлиться отъ зла, которое насъ убиваетъ, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе, чтобы поднять умственный уровень и единство чувствъ и стремленій, которое является единственнымъ законнымъ равенствомъ и единствомъ, нужно порвать со старой политикой и вступить на новый путь, основы котораго заложены 18 марта.

Надо рѣшительно подойти къ осуществленію принциповъ, написанныхъ на знамени соціальной революціи.

Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ и автономіи группъ.

Это значитъ, возстановить дѣятельность и независимость живыхъ силъ націи, замѣнить государство свободной федераціей этихъ силъ, естественнымъ представителемъ которыхъ является Коммуна.

Пропаганда Интернаціонала уже нѣсколько лѣтъ сѣяла зачатки этихъ идей среди населенія.

Осада и ея послѣдствія доказали правоту этихъ идей, а жестокости деревенщины, собравшейся въ Бордо, давая возможность предвидѣть, какой ненавистный режимъ предстоить Франціи, показали Парижу, каковъ будетъ его политическій и соціальный удѣлъ при республикѣ Тьера.

Это было однимъ изъ рѣдкихъ положеній народа, рѣшающаго будущее.

Парижъ стоялъ на перепутьѣ; передъ нимъ было три дороги; онъ долженъ былъ выбрать между тремя рѣшеніями.

Онъ могъ, покорный и приниженный, выдать свои пушки и, надѣтъ снова ярмо и предоставить Франціи и республикѣ потонуть въ реакціонной грязи, которая, вслѣдствіе страха и глупости, сопровождаетъ всѣ политическія бури нашей несчастной родины.

Онъ могъ сдѣлать попытку вызвать новую революцію на старый ладъ, зарядъ въ ружья, объявить выборы 8 февраля недействительными и выбросить за окно Собраніе въ Бордо.

Первое средство—это самоотреченіе, это самоубійство, это подлость.

Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, не имѣетъ права отказать я отъ своей миссіи; прятать голову, когда ему угрожаютъ, закрывать глаза, когда его бьютъ, падать ницъ въ грязь передъ тѣми, кто хочетъ лишить его чести, когда хотятъ сковать его члены, посягаютъ на его совѣсть.

Второе средство, съ одной стороны, вовсе непрактичное, а съ другой стороны, какъ я это уже объяснилъ, послѣ столькихъ

неудачныхъ революцій Парижъ совершенно утратилъ вѣру въ силу этихъ большихъ возстаній, которыя на 8 дней даютъ ему диктатуру и на 20 лѣтъ бросаютъ въ руки реакціи.

Если бы даже эта революція произошла, допустивъ, что это возможно, народу снова пришлось бы прибѣгнуть къ выборамъ, которые были бы тѣмъ же, чѣмъ были до сихъ поръ и будутъ впредь, пока будутъ упорствовать и держаться старой системы ¹⁾.

Съ другой стороны, такъ какъ никто и не думалъ отмѣнять республику, то какой же предлогъ могла имѣть подобная революція и какихъ результатовъ можно было ожидать отъ нея ²⁾.

Четвертое превозглашеніе республики, столь же тщетное, столь же бесполезное, какъ и предыдущія?

Провозгласить республику ничего не стоитъ. Главное—это ее утвердить; а утвердить ее можно только на почвѣ соціалистическихъ реформъ, только путемъ полного измѣненія всѣхъ нашихъ учреждений.

Но такое измѣненіе никогда не явится слѣдствіемъ разсужденій собранія представителей, выбранныхъ въ силу централизаціи и диктатуры государства, которые обнародуютъ конституцію, подобныхъ которой у насъ было уже два—три десятка.

Сдѣлавшись правительствомъ, уже въ силу своего выбора подобное собраніе останется правительствомъ, т.-е. будетъ болѣе или менѣе раздѣлять предразсудки всякаго правительства; приметъ дѣло подъ новымъ ярлычкомъ и въ лучшемъ случаѣ создастъ, въ сторонѣ отъ старой колеи, колею новую, гдѣ опрокинется будущность демократіи.

Парижъ не могъ принять первое средство, недостойное его мужества, и не хогѣлъ пробовать второе, которое считалъ непрактичнымъ, бесполезнымъ и непроизводительнымъ.

Парижъ рѣшился на третье. Такъ какъ не касались политической формы, то-есть самой республики, то онъ рѣшилъ предоставить дѣйствовать правительству, избранному остальной Фран-

¹⁾ Не надо создавать себѣ иллюзіи на этотъ счетъ оттого, что французскія газеты шумѣли относительно республиканскихъ выборовъ провинцій.

Эти выборы, за небольшими исключеніями, послали людей оттѣнка Тьера къ людямъ гамбеттовскаго типа. Это буржуа, формалисты, централисты, стоящіе за единство, антисоціалисты, древняя программа которыхъ не имѣла ничего общаго съ желаніями Парижа и большихъ центровъ съ новыми нуждами нарождающагося общества.

Эти выборы доказали только, что провинція привыкла къ слову республика и не боится его болѣе; этого прогресса я не отрицаю, но выборы эти ни въ коемъ случаѣ не обезпечивали болѣе или менѣе либеральной политической формы.

²⁾ Пти какой бы то ни было республикѣ не можетъ быть политической революціи: можетъ быть революція соціальная, процессъ движенія и развитіе которой совершенно отличны.

дѣй; что же касается его лично, то онъ рѣшилъ держаться твердо своего абсолютнаго права.

Онъ хотѣлъ начать великое движеніе коммунальной автономіи, которая одна въ состояніи разрѣшить современныя задачи, предоставляя народу его долю власти, всѣмъ же естественнымъ группамъ—ихъ законную самостоятельность. Онъ рѣшилъ начать глубокую революцію, которая проникаетъ корнями въ самую пѣдра человѣчества и которая можетъ произойти безъ насилія, безъ диктатуры, почти безъ потрясеній.

Однимъ словомъ, Парижъ рѣшилъ остаться спокойнымъ, несмотря на всѣ провокаціи, готовый на политической почвѣ защищать республику, если ей будутъ угрожать или захотятъ ее свергнуть. Онъ требовалъ вначалѣ только двухъ исполнѣ законныхъ вещей: сохраненія оружія и избранія муниципальнаго совѣта съ административной властью и внутренней полиціей.

Дѣйствительно, легко понять, что передъ Парижемъ, вооруженнымъ и правильно управляемымъ, реакція была бы вынуждена къ нѣкоторой застѣнчивости.

Прежде всего была спасена республиканская форма, и это было важно, потому что незачѣмъ было больше заботиться о сверженіи монархіи.

Затѣмъ, благодаря этой формѣ, къ которой привыкла Франція, можно было надѣяться, что новые болѣе благопріятные и достаточно либеральные выборы, уничтоживъ извѣстные препятствія, позволятъ встать понемногу на социалистическую почву и добиться хотя небольшихъ уступокъ, которыя фактически можно будетъ расширить.

Наконецъ, въ худшемъ случаѣ, Парижъ, сохранивъ оружіе, могъ въ будущемъ проявлять до извѣстной степени свое вліяніе на общее рѣшеніе и, во всякомъ случаѣ, обезпечить собственную независимость и заставить уважать осуществленіе своихъ идей въ своей внутренней жизни.

Онъ не могъ бы оказаться жертвой четырехъ или пяти-сотъ бѣшеныхъ мумій, которыхъ несчастіе Франціи вырвало изъ ихъ деревенскихъ склеповъ.

Во всякомъ случаѣ, не заходя слишкомъ далеко и не увлекаясь разсужденіями слишкомъ высокими или слишкомъ общими, ясно, что Парижъ, подозрѣваемый и обвиняемый Собраніемъ въ Бордо, оскорбленный, униженный и угрожаемый за то, что онъ ради общаго спасенія хотѣлъ исполнить свой долгъ, даже болѣе, чѣмъ долгъ,—Парижъ имѣлъ неотъемлемое право заботиться о собственной защитѣ въ силу той истины, которая за всякимъ физическимъ или нравственнымъ существомъ признаетъ право борьбы за свое существованіе.

Это право—болѣе, чѣмъ принципъ; это—инстинктъ, который природа вложила въ грудь всего живущаго, и этотъ инстинктъ называется инстинктомъ личнаго самосохраненія.

Итакъ, въ мартѣ мѣсяцѣ Парижъ былъ далекъ отъ того, какъ я это докажу, чтобы мечтать о возстаніи и о насильственной революціи.

Онъ не хотѣлъ собственной гибели—вотъ и все.

Онъ рѣшилъ отразить силу силой, но призналъ также законное правительство, избранное Франціей, съ условіемъ, что это правительство будетъ признавать существованіе, достоинство и цѣлость Парижа.

VIII.

18 марта.

Національная гвардія приняла федеративную организацію; вмѣсто того, чтобы оставаться неорганизованной, инертной толпой, подчиненной высшему начальству, она приняла автономную организацію, объединявшую роты и батальоны, и образовала обширную ассоціацію, подчиненную своимъ уставамъ, управляемую и руководимую своими собственными депутатами. Эти депутаты положили начало тому, что было названо впоследствии, центральнымъ комитетомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, національная гвардія—вовсе не армія, и ея батальоны не должны быть полками. Такъ какъ гражданинъ, беря ружье, не перестаетъ быть человѣкомъ и остается человѣкомъ и въ мундирѣ, то онъ стоитъ выше солдата-машины. Въ виду опасности быть обезоруженной, національная гвардія искала спасенія въ примѣненіи великаго социалистическаго принципа: самоуправленія и федераціи, то-есть независимости группъ при свободномъ соединеніи ихъ между собою; она во все не желала, чтобы ей назначили начальникомъ посторонняго человѣка изъ арміи.

Объявивъ всенародно, что всѣ офицеры, безъ исключенія, отъ капрала до генерала, будутъ назначаться по выбору, національная гвардія публично и мирно приступила къ этой республиканской организаціи, которая, надо сознаться, не нарушала ни одного закона и не угрожала государству, если только само государство не намѣревалось погубить свободу или употребить противъ нея насиліе.

Не ожидая помощи ни отъ какого правительства, національная гвардія производила этотъ, повторяю, мирный переворотъ;

она искала спасенія въ томъ, въ чемъ только возможно найти его, то-есть въ частной индустріи, основанной на соли дагности, которая является правомъ и обязанностию всякой естественной группы, имѣющей общіе интересы и самостоятельность; революціонно-соціалистическая партія, съ своей стороны, вовсе не хотѣла вызывать гражданской войны. Она всѣми силами старалась избѣжать этого, по крайней мѣрѣ, отсрочить взрывъ насколько возможно.

Въ самомъ дѣлѣ, какую выгоду могла она извлечь изъ насильственной революціи, если бы она произошла немедленно?

Никогда Парижъ не былъ такъ единодушно республикански настроенъ. Никогда народъ не былъ такъ хорошо вооруженъ. Никогда національная гвардія не была такъ демократически организована.

Хотя весь Парижъ и не имѣлъ радикальныхъ и социалистическихъ стремленій, но во всякомъ случаѣ онъ былъ республикански настроенъ и, чувствуя, «чѣмъ ему угрожаетъ Собраніе въ Бордо», онъ объединилъ всѣ свои силы.

Впрочемъ, это Собраніе въ Бордо, простирая безчестіе до глубины, оттолкнуло отъ себя даже наиболѣе реакціонную часть парижскаго населенія, издавъ два закона, которые непосредственно подгывали столичную торговлю и довели до банкротства или до крайней нужды въ деньгахъ значительную часть купцовъ.

Я говорю о двухъ законахъ: о просроченныхъ векселяхъ и о просрочкѣ квартирной платы.

Извѣстно, что логичные до конца дѣятели 4 сентября, отвергая рации, готовы были отсрочивать квартирную плату, такъ что къ окончанію войны благосостояніе и кредитъ всѣхъ были бы сдѣлаемы или менѣе подорваны, и каждый былъ бы вынужденъ выяснять источники своего дохода домовладѣльцамъ, единственно не пострадавшимъ отъ этого огромнаго національнаго бѣдствія.

Собраніе въ Бордо, составленное изъ собственниковъ, желая поразить Парижъ даже въ его матеріальномъ благополучіи, даже въ его промышленности, которая составляетъ славу и честь богатства всей Франціи, издало два декрета, которые, принуждая промышленниковъ платить по обязательствамъ и векселямъ безъ отсрочки или съ отсрочкой, которая казалась насмѣшкой, дѣйствительно разорили ихъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ Парижѣ—въ мартѣ, если и не всѣ были изъ Коммюны, то, по крайней мѣрѣ, никто не былъ за правительство въ Бордо.

Благодаря этому, революціонная партія оказалась въ не-

ожиданно благоприятныхъ обстоятельствахъ. Она опиралась на всеобщее неудовольствіе города въ два милліона жителей и располагала арміей, по крайней мѣрѣ, въ двѣсти тысячъ чело-вѣкъ, побывавшихъ въ огнѣ и доказавшихъ свою рѣшительность, храбрость и энергію.

При этихъ условіяхъ было очевидно, что Собраніе принуждено будетъ считаться съ этой страшной стихійной силой, которую поддерживало сочувствіе всѣхъ большихъ городовъ; ихъ объединяла не только общность идей и интересовъ, но и совмѣстная дѣятельность съ Парижемъ.

Подобное положеніе могло продолжаться не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и Собранію въ Бордо, окончивъ постыдное дѣло, для котораго оно было созвано, то-есть миръ съ пруссаками, оставалось только выйти въ отставку.

Оно никогда не осмѣлилось бы овладѣть властью и объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ передъ вооруженной силой такихъ городовъ, какъ Парижъ, Ліонъ, Марсель, Бордо, Тулуза, Нантъ и другіе.

Его старческое насиліе, его грубая и возмутительная неспособность въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ лишили его уваженія, которымъ оно пользовалось раньше, и отвращеніе честныхъ людей, поддерживавшее нѣсколькими сотнями тысячъ національной гвардіи, распространенное по всей странѣ, скоро принудило бы Собраніе убраться туда, откуда оно явилось.

Такимъ образомъ, безъ единого выстрѣла, сохраняя только существующій порядокъ вещей, основали бы во Франціи республику, изгнали бы Собраніе въ Бордо и, конечно, лишили бы власти Тьера, то-есть избавили бы народъ отъ самаго неумолимаго врага.

Понятно, что всякій членъ республиканской, демократической, революціонной или социалистической партіи не хотѣлъ отказаться отъ уличной борьбы; напротивъ, всѣ смѣлые и энергичные люди, руководимые здравымъ смысломъ и общественнымъ мнѣніемъ, старались избѣжать гражданской войны, подстрекательство къ которой могло исходить только со стороны правительства, которое долго и тщательно подготовляло эту рѣшенную Собраніемъ и Тьеромъ провокацію, планъ которой намъ сдѣлается сейчасъ ясенъ.

Все было построено на вопросѣ о пушкахъ, вопросѣ, созданномъ правительствомъ, которое его поддерживало и разожгло.

Какъ я уже упоминалъ много разъ, пушки были увезены съ чисто-патріотическою цѣлью, чтобы отнять ихъ у пруссаковъ.

Когда пруссаки ушли и эта опасность миновала, весь французский народ вообще и париж не, в частности, были настолько доверчивы и так скоро забыли все предательства, жертвою которых они всегда бывали, что национальная гвардия охотно отдала бы пушки, не дожидаясь угрозы из Бордо и всех этих тогплирых мероприятий, которые были настоящим обременением войны Парижу и республике.

Поэтому, выдача пушек без всяких условий была бы подлостью и даже глупостью.

Вопросом было уже то, кому именно их отдать.

Пушки почти всецело были лично собственностью национальной гвардии.

Государство не вывозило их из своих арсеналов, чтобы доверить их на время войны. Они были куплены на суммы, полученные от подписки между батальонами, и на частные средства отдельных граждан.

Не нужно забывать, что своим действительно грозным вооружением Париж был обязан исключительно гражданской самоотверженности населения. Так как правительство бездействовало и плакалось на отсутствие артиллерии, население заказало пушки на свой счет.

Верно и то, что правительство, не имея возможности помешать этому патристическому движению, отказалось, по крайней мере, от права пользования этим новым оружием, и эти пушки остались нетронутыми даже во время вылазки Бузювеля 19 января.

По закону они принадлежали национальной гвардии в большей, если это возможно, степени, чем их ружья, являясь их собственностью, оплаченной их наличными деньгами.

Пока никакой закон не упразднял национальной гвардии и не предписывал ее разоружения, она имела полное право сохранить все свое оружие, включая и ее пушки.

Ее право на это всегда казалось мне неоспоримым. Можно было спорить только о том, каким образом она будет сохранять эти пушки.

Никто, кажется, не оспаривал того, что присутствие их на вершинах Монмартра, где они были окружены окопами и господствовали над городом, ненормально и безусловно не продолжительно.

Это представляло опасность, если не материальную, то моральную.

Нечего было, конечно, бояться того, что предместья захотят разгромить город, неся туда смерть и опустошение.

Чем преступлений, которые могли

зародиться только в старческом и кровожадном мозгу Тьера, ревностные и добровольные исполнители которых могли найтись только в шайках военных бонапартистских и роялистских генералов и консерваторов всех оттенков.

Никогда народ не имел подобных намерений, не задумывал подобной гнусности. Его часто можно упрекнуть в излишней доверчивости, в снисходительности по отношению к своим побужденным врагам, но во всей его истории не найдется страницы, где был бы указан хоть один акт подобного рода.

Ужасные убийства с трудом вызывали репрессии со стороны народа, репрессии, казавшиеся ребячеством и шуткой сравнительно с теми кровавыми банями, которые периодически устраивали Тропманы порядка, семьи, собственности и религии.

Но хотя эти пушки не представляли никакой материальной опасности, потому что первыми они никогда не стали бы стрелять в город, лежащий у их ног, но они были неоспоримо опасны морально, ибо давали реакции повод к обвинению национальной гвардии в дурных намерениях, что могло породить беспокойство среди части населения.

Образованное версальское Собрание ухватило за этот предлог и сдѣлало из него чудо. Полицейские газеты, оплачиваемые Тьером, объявляли каждый день, что гражданская война началась, что улицы залиты кровью, а столица отдана на разграбление.

В это время национальная гвардия вовсе не думала об атаке, а, наоборот, как я уже это объяснял, разставляла караулы вокруг своих импровизированных стоянок и была, так сказать, все время на военном положении.

Она живо чувствовала неудобства и искала способа выйти из этого положения, которое не могло долго продолжаться и неизбежно должно было привести к катастрофе.

Она первая сдѣлала шаг к перемирию, заявив через уполномоченных, посланных к губернатору Парижа, что она готова не отдать пушки государству с тем, чтобы оно поместило их в арсеналы ¹⁾, а собрать их в каком-либо указанном месте, где они будут охраняться всеми батальонами поочередно ²⁾.

¹⁾ Она, однако, предлагала отдать несколько пушек, принадлежащих постоянной армии, которые могли в первый день случайно попасть в число пушек национальной гвардии.

²⁾ Центральный артиллерийский комитет требовал восстановления артиллерийского легions национальной гвардии, обещая тотчас же отдать ему пушки.

Въ стремленіи къ перемирію нельзя было идти дальше. Правительству оставалось указать участку въ Парижѣ, и все, относящееся къ этому специальному вопросу, было бы временно улажено.

Каждый день рота находилась бы у воротъ парка; гражданская милиція была бы удовлетворена и боязливые умы успокоились бы.

Въ общемъ, національная гвардія требовала одной очень простой и законной вещи: охранять пушки, которыя она купила и спасла отъ захвата пруссаками и которыя составляли отдѣльную часть ея вооруженія.

Предположимъ на мгновеніе, что Тьеръ хотѣлъ примиренія и желалъ избѣгнуть кровопролитія: ни чего не могло быть легче. Правительство поблагодарило бы національную гвардію за ея патристическую предусмотрительность, отвело бы 2 или 3 участка внутри Парижа, гдѣ помѣстили бы пушки, которыя и охранялись бы ежедневно смѣняемыми караулами національной гвардіи.

Въ этомъ для правительства не было ничего унижительнаго. Предположивъ даже, что правительство имѣло заднюю мысль присвоить себѣ въ удобный моментъ эту не принадлежащую ему артиллерію, оно не могло достигнуть этого легче и удобнѣе.

Всякій, знакомый съ темпераментомъ парижанъ, понимаетъ, что подобная уступка усыпила бы недовѣріе большинства.

Мало-по-малу строгій надзоръ первыхъ дней ослабѣлъ бы. Нашлась бы тысяча предлоговъ и случаевъ, пользуясь которыми можно было бы взять пушки, не придавая этому характера грубой провокаціи и государственнаго переворота.

Правительство отказалось воспользоваться мирными предложеніями большинства батальоновъ и даже не отвѣтило на нихъ ¹⁾.

Представители 61-го батальона (Монмартра) пошли еще дальше и официально уполномочили Клемансо, мэра 18-го округа, передать, что отдадутъ артиллерійскія орудія подъ условіемъ, что будетъ найдена форма удовлетворяющая самолюбію національной гвардіи.

Правительству не могли быть неизвѣстны мирныя наклонности населенія. Но мирной развязкой оно не достигало своей цѣли. Оно хотѣло битвы, чтобы обезоружить національную гвардію послѣ побѣды и уничтожить всѣхъ революціонеровъ и социалистовъ.

¹⁾ Нельзя считать официальнымъ отвѣтомъ устные предложенія, сдѣланные Орелье-де-Пагадиномъ нѣсколькимъ мэрамъ и помощникамъ. Эти предложенія были не больше какъ хитростью и ложью, чтобы выиграть время, успокоить подозрѣніе и усыпить бдительность.

Слѣдуя освященной тактикѣ, введенной Тьеромъ, власти отвѣтили на нихъ презрительнымъ молчаніемъ.

Тьеръ вовсе и не хотѣлъ возвратить пушки; онъ желалъ уничтожить парижскихъ рабочихъ, революціонную и социалистическую партіи.

Онъ желалъ гражданской войны, которая позволила бы ему съ топоромъ въ рукѣ войти въ Парижъ побѣдителемъ, во главѣ ста тысячъ палачей.

Разрѣшеніе вопроса о пушкахъ отодвинуло бы грезы всей его жизни. Но въ его годы ждуть неохотно.

Дѣйствительно, онъ понималъ такъ же хорошо, какъ и революціонная партія, какія преимущества давало сохраненіе настоящаго положенія дѣлъ республикѣ и демократіи.

Онъ понималъ, что, восторжествуй Парижъ, онъ лишится власти.

Онъ остерегался вызывать, разыскивать или выслушивать разсудительныя замѣчанія такъ же, какъ и во время Коммуны: онъ хладнокровно отвергъ всѣ мирныя условія, предложенныя нѣкоторыми мэрами и группами примирителей.

Можно было бы даже предположить, что онъ не хочетъ сразу забрать пушки изъ боязни посягнуть полный безпорядокъ и уныніе въ революціонныхъ батальонахъ.

Зная, что національная гвардія, утомленная пятимѣсячной осадой, тяготеетъ карауломъ на вершинахъ Монмартра, — тѣмъ болѣе, что дежурить приходилось все время батальону квартала, что дѣйствительно было очень утомительно, — то казалось, что онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы поддержать усердіе этихъ преданныхъ гражданъ.

Да и чѣмъ другимъ можно объяснить эти ежеминутно отменяемые распоряженія о минимомъ захватѣ пушекъ!

Этими промедленіями онъ далъ возможность центральному комитету немного сорганизоваться и соединиться съ вооруженными группами боевой демократіи.

Послѣ одной или двухъ демонстрацій противъ окоповъ Монмартра, 16 марта произвели подобную же демонстрацію противъ менѣе значительной стоянки на площади Вогезъ.

Этотъ паркъ, расположенный на площади въ кварталѣ Марэ, охранялся батальонами, которые отличались гораздо меньшей революціонной энергіей, чѣмъ гвардія предмѣстій.

И дѣйствительно, они состояли на половину изъ представителей мелкой и крупной буржуазіи.

16 марта, въ 11 часовъ вечера, шайка парижскихъ гвардейцевъ всрхомъ, въ сопровожденіи ломовыхъ лошадей, появилась у входа въ улицу Вогезъ,

Не отвѣчая на вопросъ часового, кто идетъ, солдаты продолжали подвигаться впередъ. По сигналу караульнаго, вооруженные постовые вышли и, ставъ на колѣни, подняли штыки и заявили, что будутъ стрѣлять. Кавалерійцы остановились, повернулись и исчезли.

Тамъ было, однако, отъ 30 до 40 гражданъ, способныхъ къ сопротивленію.

Въ стратегическомъ отношеніи позиція была отвратительна и негодна для серьезной борьбы. Не было ничего легче, какъ окружить площадь, имѣющую 3 выхода, съ глухимъ переулкомъ въ глубинѣ.

Кварталь спалъ.

Если бы правительство имѣло твердое намѣреніе взять расположенныя тамъ пушки, то послано было бы не 50, а нѣсколько сотъ человекъ. Они заняли бы все выходы сразу и такъ стѣснили бы бывшихъ тамъ національныхъ гвардейцевъ, что они очутились бы запертыми, какъ въ мышеловкѣ. Черезъ часъ пушки исчезли бы, а кварталъ и не подозрѣвалъ бы этого.

Напротивъ, оно послало недостаточную силу, съ предписаніемъ отступить въ случаѣ, если будетъ оказано какое либо сопротивленіе.

Въ кварталѣ подняли тревогу. Национальные гвардейцы сбѣгались со всехъ сторонъ, баррикадировали проходы, располагались бивуаками на ночь, готовые отбить атаку, если бы она повторилась.

Центральный комитетъ, извѣщенный объ этой попыткѣ, далъ соотвѣтствующія приказанія. Зная, что невозможно защищать площадь Вогезовъ, которая находилась въ центрѣ округа Марэ, слышаго реакціоннымъ, онъ на слѣдующій день утромъ отправилъ нѣсколько преданныхъ батальоновъ, которые убрали пушки, увезя ихъ на себѣ къ предместью Антуанъ, гдѣ поставили ихъ въ улицѣ Басфруа и въ окрестностяхъ.

Среди бѣла дня—быль, вѣроятно, полдень—въ теченіе одного-двухъ часовъ, когда происходило это перемѣщеніе, не было видно ни одного солдата.

Правительство, предупрежденное объ этомъ, не мѣшало.

Не боялось ли оно, что артиллерія площади Вогезовъ останется имъ слишкомъ легко и что народные батальоны предмѣстья Антуанъ будутъ лишены такимъ образомъ одного изъ основныхъ средствъ для возстанія, проектируемаго Тьеромъ и его соучастниками?

Эта попытка съ моральной точки зрѣнія также имѣла большое значеніе, потому что національная гвардія, даже внѣ предмѣстій, даже въ 4 округѣ, который ошибочно считали сравнительно

реакціоннымъ, въ чемъ я убѣдился впоследствии, имѣла вѣрное средство обузданія, не дожидаясь, когда ее разоружать и оставлять беззащитной передъ бордоскимъ Собраніемъ.

Люди иные, чѣмъ будущіе версальскіе убійцы, задумались бы, видя единодушіе и удостовѣрившись, что парижское движеніе не ограничивалось окраинами и пустило глубокіе и живучіе корни даже въ центральныхъ округахъ, гдѣ нельзя было предположить, что «пьяницы пердмѣстій» были въ большинствѣ.

Я не могу припомнить номера батальона, бывшаго въ этотъ день на караулѣ на площади Вогезовъ, но каковъ бы онъ ни былъ, онъ проявилъ рѣшительность, спокойствіе и энергію, достойныя высшей похвалы.

Вечеромъ 17 марта положеніе было вполне ясно. Съ одной стороны—вооруженный Парижъ, рѣшившійся защищаться противъ всякой попытки разоруженія и государственнаго переворота со стороны правительства; съ другой стороны—правительство, рѣшившее заставить Парижъ выйти изъ этого положенія, возбудить бурю гражданской войны, чтобы воспользоваться этимъ, какъ предлогомъ устроить бойню, которая позволить ему сразу уничтожить всехъ своихъ враговъ, всехъ противниковъ и сдѣлать это самымъ ужаснымъ способомъ.

Моментъ былъ благопріятенъ.

Они думали, что Франція, утомленная войной съ пруссаками, стремилась къ покою. Они надѣялись, что легко будетъ поднять противъ великаго города провинцію, обособленную отъ Парижа въ теченіе 7 мѣсяцевъ и соотвѣтствующимъ образомъ подготовленную съ 4 сентября.

Наконецъ, пруссаки были еще тамъ, и въ ихъ рукахъ была еще половина фортовъ, господствовавшихъ надъ городомъ.

Если бы парижское возстаніе показалось очень страшнымъ и грозило сдѣлаться побѣдосноснымъ, стоило бы только подмигнуть Бисмарку, и Тьеръ заодно съ иностранцами раздавилъ бы революціонные элементы, собранные въ Парижѣ.

Правда, это относится къ разряду такихъ гнусностей, которыя даже мысленно не рѣшаешься приписать своимъ самымъ злѣйшимъ врагамъ, но факты налицо: здѣсь говорить исторія.

Вызвать парижскій народъ на улицу на глаза нѣмцамъ—побѣдителямъ, разжечь гражданскую войну подъ неостывшими еще пушками пруссаковъ—таковъ былъ маккиавелистскій расчетъ. таково гнусное преступленіе старика, одержимаго неутолимой жаждой власти, исподвѣдомой ненавистью къ рабочему классу и принципамъ социализма. Онъ не боялся замышлять

и выполнять съ терпѣливымъ убѣжденіемъ, хладнокровіе котораго изумляло человѣческое сознаніе.

Тьеру было важно начать атаку и вызвать битву до того времени, когда Парижъ оправится отъ первой осады, до полной организациі національной гвардіи и, особенно, до того, какъ Парижъ получитъ возможность войти въ сношеніе съ остальной Франціей и разоблачить ложь, жертвой которой онъ сдѣлался, и заразить провинцію патріотическимъ и революционнымъ огнемъ, которымъ онъ самъ пылалъ.

Для Тьера было также весьма важно, чтобы сопротивленіе было достаточно серьезно, чтобы, внушивъ безумный страхъ буржуазіи, воспользоваться этимъ случаемъ, сказаться ея спасителемъ и сдѣлаться ей необходимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каковъ былъ бы результатъ мирнаго разоруженія Парижа?

Торжество реакціи, немедленное паденіе республики, массовая высылка республиканцевъ и социалистовъ, объявленіе главнаго намѣстничества, потомъ монархіи. Началось бы снова 2 декабря.

Но въ такомъ случаѣ всѣ каштаны изъ огня Тьеръ вытащилъ бы для другихъ. Власть прошла бы мимо него. Въмѣсто перваго мѣста,—что было мечтой его жизни—онъ получилъ бы второе или третье.

Кто знаетъ? Можетъ быть, Шамборъ или Д'Омаль вернули бы его даже къ частной жизни!

Революція была бы побѣждена, но Тьеръ не былъ бы побѣдителемъ.

Ему нужна была, я это повторяю еще разъ, битва,—битва страшная, которая льстила бы его высокомерию, какъ великаго капитана, побѣда котораго была заранее обезпечена, за что ручались пруссаки; ему нужна была битва, страшные, угрожающіе размѣры которой самой силой вещей передали бы власть въ его руки.

Нужно было, чтобы этотъ гнусный маневръ обезпечилъ ему, какъ и Бонапарту, возбуждавшему всегда его удивленіе, дѣйствительную диктатуру, которой онъ жаждалъ, которую стремился сохранить всеми возможными способами, даже учрежденіемъ такъ называемой «версальской республики».

Если только я выразился достаточно ясно, то должно быть понятно, что единственной цѣлью реакціи было вызвать гражданскую войну, и время ея было сообразовано исключительно съ личными планами и скрытымъ честолюбіемъ господина Тьера.

Нужно прибавить и то, что Тьеръ хранилъ про себя тайну своего плана.

Если бы планъ этотъ былъ извѣстенъ Собранію въ Бордо, оно воспріятствовало бы ему. Большинство просто хотѣло утвержденія монархіи, но никто не хотѣлъ работать для вышней всѣмъ ненавистнаго Тьера.

Кромѣ того, это Собраніе было неспособно не только изобрѣсти, но даже просто понять какой бы то ни было политическій планъ.

Соучастниковъ Тьеръ могъ найти только на лѣвѣй, но онъ не нуждался въ нихъ, зная хорошо, что послѣ побѣды они сдѣлаются его прислужниками.

Этимъ полнымъ невѣдѣніемъ, въ которомъ находилось само правительство относительно плановъ своего главы, можно объяснить, быть можетъ, нерѣшительность и противорѣчивые поступки представителей власти въ теченіе первой половины марта.

Если откинуть эти объясненія, событія, предшествующія 18 марта и происшедшія въ этотъ день, останутся для исторіи совершенно непонятными и безусловно нелѣпыми.

Нужно выбирать между утонченнымъ злодѣянствомъ и абсолютной глупостью.

Хотя подъемъ духа парижскаго народа превзошелъ расчеты Тьера, хотя онъ легко могъ попасть въ собственную ловушку, ударъ былъ рассчитанъ съ поразительной логикой.

Тьеръ ошибся только въ томъ, въ чемъ ошибаются всѣ эти маленькія чудовища, вылѣпленные изъ лукавства, которые всегда забываютъ учитывать тѣ огромныя силы, о которыхъ они не имѣютъ и понятія и которые называются: преданность дѣлу, героизмъ народа, возмущеніе нравственнаго чувства!

Наступилъ день, котораго никогда не забудетъ исторія, день, который отмѣтилъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ усилій въ борьбѣ за будущее.

Началась кровавая борьба; Парижъ былъ обреченъ.

Проснувшись, Парижъ прочелъ на стѣнахъ высокомерную и угрожающую прокламацію¹⁾, объявляющую, что правитель-

¹⁾ Вотъ конецъ этой прокламаціи, настолько же угловатой по формѣ, насколько жестокой и ложной по содержанію:

«Жители Парижа!

... Въ вашихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ вашего города, какъ и цѣлой Франціи, правительство рѣшилось дѣйствовать. Въ новыя въ желаніи учредить правительство будутъ переданы законному суду. Пушки, украденныя у правительства, будутъ поставлены въ арсеналы, и, чтобы выполнить этотъ крайній актъ справедливости и порядка, правительство надѣется на вашу помощь. Нужно, чтобы добрые граждане отдѣлились отъ дурныхъ. Нужно, чтобы они помогали общественной власти, а не сопротивлялись ей. Они возвращаютъ этимъ спокойствіе городу и въ то же

ство, не сдѣлавъ ни одной попытки къ перемирію, отвергая всѣ подобныя предложенія, объявляетъ войну парижскому народу.

Перчатка была брошена; нужно ли было ее поднять?

Нужно ли было подчиниться или зарядить свое ружье?

Склонить голову—значило обречь себя, пожертвовать республикой, отказаться отъ социальнаго возрожденія, протянуть шею палачамъ народа, унизиться и отречься отъ власти!

Спротивляться, схватиться за оружіе — значило, безъ сомнѣнія, идти на вѣрную смерть.

Бывъ ютъ такія условія, когда нужно уметь умереть, потому что умереть—значитъ доказать свою вѣру, подтвердить принципъ, поднять знамя, вмѣстѣ со своей кровью бросить въ міръ новую и истинную идею.

Парижъ предпочелъ бороться.

Это было, если угодно, безуміемъ съ его стерсены, но безуміемъ высшимъ, героическимъ, пледотворнымъ, результаты котораго сказались уже, потрясая всю Европу.

Всѣ знаютъ подробности этого дня.

Монмартрскія высоты были сначала взяты, но такъ какъ эта легкая побѣда не нужна была Тьеру, то оказалось, что войска не захватили съ собою вовсе лошадей и упряжи, чтобы увезти пушки.

Побѣдители потеряли время, необходимое для того, чтобы національная гвардія была предупреждена и могла собраться.

Тутъ проявились проблески той почти трогательной чувствительности, которой такъ богатъ парижскій народъ. Женщины явились первыми. Онѣ бросались на пушки, бывшія уже въ рукахъ солдатъ, вырывали ихъ изъ рукъ и замирали на пушкахъ.

Онѣ бросались въ ряды враговъ, умоляя солдатъ не стрѣлять въ своихъ братьевъ, убѣждая ихъ одного за другимъ, отбирая ихъ ружья.

Въ это время національные гвардейцы вооружились и собрались въ свою очередь.

Солдаты, утомленные битвой, лишенные дисциплины благодаря пораженіямъ, не имѣя болѣе довѣрія и уваженія къ своимъ начальникамъ, позволяли увлечь себя. Поднявъ приклады, они побратались съ толпой.

время послужать республикѣ, репутація которой, благодаря безпорядкамъ, поколебалась въ глазахъ Франціи.

«Парижане, мы обращаемся къ вамъ съ этимъ воззваніемъ, потому что мы уважаемъ вашъ здравый смыслъ, вашъ умъ, вашъ патріотизмъ; но предупреждаемъ васъ, вы заставите насъ обратиться къ силѣ, потому что нужно какой бы то ни было цѣной и безъ промедленія установить необходимый для вашего существованія неизмѣнный порядокъ»

Жандармы, парижская стража, старые городскіе сержанты одни устояли противъ общаго перехода къ восстаніямъ.

Для этихъ были наготовѣ ружья сыновей, братьевъ, мужей. Они отступили.

Въ предмѣстьѣ Антуанъ охрана была лучше. Паркъ въ улицѣ Басфруа захватить врасплохъ не могли.

Когда я утромъ пришелъ на площадь Бастиліи, она была покрыта войсками и орудіями. Полицейскіе обѣивали вѣнки, висѣвшіе вдоль колонны.

Красное знамя, возвышавшееся надъ Геніемъ, исчезло такъ же, какъ и надпись, возвышавшая всемірную республику.

Но всѣ улицы, прилегающія къ предмѣстью, уже были покрыты баррикадами. На каждомъ углу этихъ улицъ національный гвардеецъ съ оружіемъ въ рукахъ хладнокровно прогуливался въ двадцати шагахъ отъ передовыхъ карауловъ вражескаго стана.

Солдаты, въ общемъ, казались недовольными, усталыми, унылыми, безъ тѣни энергіи. Это были совершенно молодые новобранцы. Они выходили изъ рядовъ, чтобы выпить въ винной лавкѣ съ публикой, которая ихъ усовѣщивала и наставляла.

Въ полдень пришелъ приказъ отступить. Онъ былъ отданъ повсюду. Армія ушла, и національная гвардія, бывшая вся подъ ружьемъ, осталась властительницей города.

Даже батальоны, приверженцы порядка, воздержались предложить свою вооруженную руку версальскимъ кондотьерамъ.

Въ тотъ же вечеръ правительство бѣжало, и Парижъ вдругъ, неожиданно, вовсе этого не желая, въ этотъ моментъ оказался предоставленнымъ самому себѣ.

Жребій былъ брошенъ.

Нарождалась Коммуна!

IX.

Центральный комитетъ.

18 марта, какъ и 4 сентября, не было въ собственномъ смыслѣ слова, сраженія.

Жандармы дали нѣсколько залповъ по первымъ рядамъ національной гвардіи, застигнутой врасплохъ и оказывавшей напрасное сопротивленіе, но какъ только вооруженный народъ собрался съ силой, регулярное войско повернулось и отступило.

Число убитыхъ и раненыхъ было незначительно.

Поднялся, однако, большой шумъ по поводу разстрѣла генераловъ Леконта и Клемана Тома.

Я не могу ничего объ этомъ разсказать, потому что я тамъ не былъ. Извѣстно, однако, что первый погибъ отъ солдатской пули, а другой упалъ подъ ударами раздраженнаго незнакомца, вспомнившаго июнь 1848 года и несправедливыя жестокости Клемана Тома во время осады по отношенію къ національной гвардіи, ему подчиненной.

Всѣмъ было извѣстно, что онъ сердцемъ, волей, поступками былъ сообщникомъ предательства правительства Фавра—Трошю.

Онъ палъ жертвой гнѣва нѣсколькихъ человѣкъ безъ какой-бы то ни было предупрежденія или приказа со стороны центрального комитета или какой-либо организованной группы, которая могла повліять или подѣйствовать на толпу.

Центральный комитетъ узналъ объ ихъ арестѣ одновременно съ извѣстіемъ объ ихъ смерти: онъ не виноватъ въ этихъ капляхъ крови, которыя были пролиты безъ его соучастія.

Это былъ случай почти неизбѣжный среди сильнаго народнаго волненія, возбуждавшаго и доведшаго до крайности всѣ страсти и воспламенившаго разумъ.

Что, дѣйствительно, замѣчательно и достойно быть отмѣченнымъ, это то, что городъ въ два милліона человѣкъ, лихорадочно возбужденныхъ пяти мѣсячной осадой, битвой, жестокими лишеніями, страдающій патріотическими, политическими и социальными ранами, оскорбленный, подло обманутый и подвергшійся жестокому нападенію, на всѣ жестокости и репрессіи отвѣчалъ только этими единичными фактами, которые не находили себѣ подражателей.

Что это въ сравненіи съ неумолимой жестокостью, съ кровавой маніей умѣренныхъ, людей порядка, спасителей общества, каждый разъ, какъ ихъ враги подпадаютъ подъ ихъ власть?

Этотъ крикъ вырвался у меня на другой день на улицѣ Биржи, гдѣ очень элегантно одѣтый господинъ, стоя возлѣ своей кареты, говорилъ противъ жестокостей народа и напыщенно распространялся о жертвахъ революціи.

— Ихъ сейчасъ только двѣ, — сказалъ я. — Если бы люди порядка, какъ вы ихъ называете, были побѣдителями, ихъ было бы десять тысячъ!

Господинъ посмотрѣлъ на меня, какъ на змѣю, когда на насъ наступятъ ногой, и вошелъ въ карету, ничего мнѣ не отвѣтивъ.

Десять тысячъ! Увы! На нѣсколько десятковъ тысячъ я ошибался, не считая раненыхъ, стариковъ, женщинъ, дѣтей и беременныхъ!

Далѣе начинаются событія, которыхъ никто не могъ понять, а потому не могъ и предвидѣть.

Такъ, напримѣръ, два раза, 18 марта, какъ и 4 сентября,

народъ—побѣдитель: и во второй разъ, послѣ законной защиты противъ гнуснаго нападенія, показалъ себя гуманнымъ, скупымъ на кровь своихъ враговъ, расточителемъ только своей собственной крови.

Революція эта въ общемъ была настолько неожиданна для тѣхъ, кто несъ за нее отвѣтственность, что, когда члены центрального комитета сдѣлались господами Парижа послѣ побѣды національной гвардіи, прямыми представителями которой они являлись,—они въ теченіе нѣсколькихъ часовъ колесались, прежде чѣмъ взять власть въ свои руки и отправиться въ ратушу.

Въ концѣ концовъ они сошлись тамъ, убѣдившись, что радикальные мэры и депутаты Парижа отсутствуютъ.

Мѣсто, дѣйствительно, должно было быть занято во избѣжаніе большихъ несчастій и ужасныхъ катастрофъ.

До этого момента центральный комитетъ представлялъ изъ себя исключительно оборонительную силу, организованную только для поддержки законныхъ правъ Парижа, для защиты отъ нападеній предусмотрительныхъ заговорщиковъ изъ Бордо, но никакъ не для возбужденія революціи. Впрочемъ, въ данное время, по указаннымъ выше причинамъ, никто въ Парижѣ этой революціи не желалъ.

Она была подстроена правительствомъ, и можно съ достовѣрностью утверждать, что 18-е марта не было возстанія.

Возстаніе должно сопровождаться народнымъ волненіемъ, нападеніемъ на существующую власть, намѣреніемъ и попыткой ее низвергнуть.

Здѣсь не было ничего подобнаго.

Народъ не нападалъ и не волновался, и люди, попавшіе въ ратушу, когда представители существующей власти покинули свои мѣста, избѣгали высказываться о павшемъ правительствѣ, настойчиво объявляя отъ имени Парижа о разлнхъ мѣропріятіяхъ, которыя предохраняютъ ихъ отъ государственнаго переворота, обезпечать ихъ свободу самоуправленія и освободятъ ихъ отъ рабства, до котораго довелъ ихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ чудовищный централизмъ.

Однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобы идти на Версаль и попытаться провести свою программу во всей Франціи, какъ это дѣлаютъ всѣ инсургенціонныя правительства, они остались на коммунальной почвѣ и, стремясь избѣжать гражданской войны и уважая законность, они позволяли обмнывать себя всевозможнымъ примирителямъ, искреннимъ и измѣнникамъ, державшимся между двумя партіями.

Я еще вернусь къ центральному комитету, а теперь зай-

мемся Парижемъ и другими подробностями ужасной загадки, стоящей передъ нами.

На этотъ разъ Парижъ-побѣдитель принялъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ онъ имѣлъ на другой день послѣ народной побѣды.

Въ подобныхъ случаяхъ обыченъ взрывъ общей радости, нѣчто въ родѣ общественнаго празднованія. Гордый городъ, разбивъ сдерживавшее его ямо, выпрямляется, потягивается, разминаетъ свои члены, съ жадностью вдыхаетъ воздухъ свободы, опьяняется имъ, отдается далеки мъ надеждамъ и видитъ все въ розовомъ свѣтѣ, употребляя это избитое выраженіе, которое однако точно передаетъ положеніе.

Но ничего подобнаго не было 18 марта: эта славная революція, потонувшая въ крови столькожъ жизней, началась величественно, печально, почти злоеюще.

Безпокойство царило повсюду: въ революціонной и социалистической партіяхъ, которыя чувствовали, что ихъ насильно толкнули въ движеніе въ то время, когда онѣ этого не хотѣли; среди предусмотрительныхъ людей, мечтавшихъ о пруссакахъ; у патріотовъ, у которыхъ сердце обливалось кровью при мысли, что врагъ и иноземецъ видятъ нашу распрю; у формалистовъ-республиканцевъ, которые боялись, что подобная агитація отвратитъ большинство страны отъ самой республики; наконецъ, среди буржуазіи, которая, боясь народа и презирая версальцевъ, не знала, къ кому святому молиться, къ какому направленію присоединиться.

Я объяснилъ вѣдь, что первыя распоряженія правительства изъ Бордо глубоко раздражили и оскорбили аристократическую часть парижской буржуазіи.

Бѣгство правительства 18 марта окончательно раздражило ее. Она прежде всего видѣла въ этомъ неизъяснимую подлость и настоящую измену; кромѣ того, это бѣгство оставляло ее одну, безъ правительства, безъ опоры, на произволъ революціи.

Первымъ чувствомъ, господствовавшимъ надъ всѣми остальными, такъ какъ оно было единадушнымъ, было чувство гнѣва и досады противъ правительства.

Это чувство сохранилось долго и во время Коммуны, когда буржуазія, презирая социалистическое движеніе, не чувствовала ни малѣйшей симпатіи къ версальцамъ и привѣтствовала ихъ побѣду, какъ самый худой и прискорбный выходъ.

Поворотъ во мнѣніяхъ, который можно было наблюдать во время вступленія версальцевъ въ маѣ, проявился только подъ конецъ и произошелъ отъ причинъ, о которыхъ я скажу въ свое время.

Ко всѣмъ этимъ грустнымъ обстоятельствамъ нужно до-
вить фактъ, впервые имѣвшій мѣсто въ исторіи, именно: что
вые люди, попавшіе, въ силу обстоятельствъ, въ ратушу, были
все неизвѣстны массѣ населенія.

Я самъ, какъ журналистъ по ремеслу, принимавшій участіе
въ движеніи, поддерживавшій уже много связей со всѣми орга-
низациями социально-революціонной партіи и потому имѣвшій
возможность знать людей, и я съ трудомъ могъ бы назвать пять-
шесть именъ между тѣми, которые подписали первыя прокла-
маціи центральнаго комитета.

Всѣ эти граждане, выбранные частными выборами своихъ
ротъ или батальоновъ, были извѣстны только тѣмъ небольшимъ
группамъ, чьими делегатами они являлись.

Что это за люди? каковы они и что они хотягъ дѣлать?

Какую трагедію создаютъ эти вопросительные знаки въ
такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ!

Первый, самый просвѣщенный городъ міра, который при-
выкли считать авангардомъ цивилизаціи и прогресса, находится
не только въ неизвѣстности, но и въ рукахъ неизвѣстныхъ.

Въ ратушѣ создано анонимное правительство, состоящее
почти исключительно изъ простыхъ рабочихъ и мелкихъ служа-
щихъ, три четверти именъ которыхъ не были извѣстны за пре-
дѣлами ихъ улицы или конторы.

Страшенъ и неизвѣстенъ былъ вопросъ о томъ, какой точки
зрѣнія будутъ они держаться.

Четвертаго сентября, какъ и 24 февраля, имена лицъ, став-
шихъ у власти, представляли, по крайней мѣрѣ, извѣстную
программу.

Ихъ знали. Ихъ прошлое казалось, могло отвѣчать за буду-
щее. У нихъ были прецеденты. Довольные и недовольные знали
или, по крайней мѣрѣ, думали, что знаютъ, что имъ дѣлать.

Но эта анонимная диктатура,—каково, повторяю, было ея
содержаніе?

Это съ перваго дня было въ высшей степени характерной
чертой революціи 18 марта.

Въ ратушѣ были люди, имена которыхъ никому не были
извѣстны, потому что они имѣли только одно имя—

Народъ!

Традиція была нарушена.

Нѣчто неожиданное произошло въ мірѣ.

Тамъ не было ни одного члена правящихъ классовъ.

Вспыхнула революция, которая не была представлена ни адвокатомъ, ни депутатомъ, ни журналистомъ, ни генераломъ.

Вмѣсто нихъ, рудокопъ изъ Крезо, переплетчикъ, поваръ и т. д. Подобное событіе въ Парижѣ, повторяю, представляло положеніе, никогда ранѣе не имѣвшее мѣста.

Въ книгѣ исторіи перевернули страницу, началась новая глава.

Столь же неслыханная вещь заключалась въ томъ, что этотъ большой Парижъ, безпокойный, трепещущій, измученный, испуганный и вмѣстѣ съ тѣмъ господствующій, повиновался этимъ незнакомцамъ, далъ имъ управлять собою и они умѣло управляли имъ.

Въ продолженіе десяти дней центральный комитетъ былъ полнымъ господиномъ столицы; въ продолженіе десяти дней онъ тамъ распоряжался, отдавая приказы, которые исполнялись, разсуждая съ официальными представителями парижскаго народа, наконецъ, съ наиболее знаменитыми людьми прежняго порядка и прежней идеи, принуждая мэровъ считаться съ нимъ, ставя свои условія, выставляя свои желанія и добиваясь ихъ торжества.

Это было одно изъ тѣхъ изъ ряда вонъ выходящихъ зрѣлищъ, которыя изумляютъ столько же актеровъ, сколько и зрителей.

Движеніе 18 марта и политическое положеніе, явившееся его результатомъ, представляли одну изъ тѣхъ великихъ социальныхъ потребностей, одно изъ тѣхъ великихъ историческихъ предопредѣленій, только два или три примѣра которыхъ можно найти въ лѣтописи человѣческаго рода.

Это было зарожденіемъ нѣкоторыхъ оригинальныхъ концепцій, возникшихъ въ нѣдрахъ народа, потому что этотъ народъ, когда все казалось неизвѣстнымъ, безпорядочнымъ, полнымъ мрака и хаоса, шелъ прямо впередъ безъ колебанія. И устами неизвѣстныхъ, засѣдавшихъ въ ратушѣ, изложили свою программу полного политическаго и социального освобожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, перечитывая прокламаціи центрального комитета уже со дня его торжества до дня учрежденія Коммуны, поражаешься ихъ краснорѣчіемъ и ясностью.

Люди, которые ихъ подписали, раздѣляя общее чувство, также тревожились съ отъ сознанія отвѣтственности и говорили объ этомъ съ той искренностью, которая придавала художественность прокламаціямъ.

«Мы неизвѣстны,—повторяютъ они безпрестанно¹⁾,—мы это знаемъ, и мы спѣшимъ избавить себя отъ этой диктатуры, которой мы нисколько не искали.

Мы—неизвѣстные органы, покорное орудіе въ рукахъ атакованнаго народа, который намъ поручилъ организацію своей обороны. Мы—не политическая сила и не хотимъ ею быть. Служители народной воли, мы тутъ, чтобы быть его эхомъ, чтобы доставить ему торжество. Народъ хочетъ Коммуны, и мы останемся, чтобы приступить къ выборамъ Коммуны²⁾.

Ни больше, ни меньше.

Эти диктаторы не поднимались выше и не спускались ниже толпы. Чувствовалось, что они живутъ съ ней, въ ней, посредствомъ нея, что они совѣтуются съ ней каждую секунду, что они слушаютъ и передаютъ то, что слышатъ, стремясь только въ сжатой формѣ, въ нѣсколькихъ важныхъ фактахъ передать мнѣнія трехсотъ тысячъ человѣкъ.

Они старательно избѣгали рѣшать нѣкоторые вопросы, они стремились поддержать неприкосновенность существующаго порядка до того дня, когда народъ свободными и правильными выборами создастъ власть, облеченную правомъ рѣшать всѣ вопросы и затрудненія.

Центральный комитетъ считалъ себя обязаннымъ обеспечить свободное и прямое представительство народа.

Онъ былъ несговорчивъ относительно этого пункта.

Ничто не могло въ этомъ пунктѣ поколебать или ослабить его.

Насколько онъ былъ остороженъ и упоренъ, когда дѣй-

¹⁾ Одной изъ главныхъ причинъ гнѣва противъ насъ была неизвѣстность нашихъ именъ. Увы! много именъ было извѣстно, и эта извѣстность для насъ была роковой...

«Учитель (народъ), ты освободился!

«Неизвѣстные нѣсколько дней тому назадъ, мы также неизвѣстные вернемся въ твои ряды и покажемъ правящимъ, что можно, держа высоко голову, спуститься со ступеней твоей ратуши съ увѣренностью встрѣтить руку рукопожатіе твоей честной и сильной руки».

(Центральный Комитетъ, 19-го марта).

²⁾ «Граждане»

вы намъ поручили организовать защиту Парижа и вашихъ правъ. Мы убѣждены, что исполнили это порученіе.

Въ данное время наше полномочіе окончилось, потому что мы не имѣемъ заняты мѣста тѣхъ, кого низвергло доверіе народа.

Приготовляйтесь, начинайте сейчасъ же ваши коммунальные выборы и дайте намъ единственную награду, на которую мы надѣялись: видѣть, что вы основываете истинную республику.

Въ ожиданіи этого мы, именемъ народа, остаемся въ ратушѣ.

Центральный Комитетъ.

ствовали противъ Версальцевъ въ сношеніяхъ Парижа съ правительствомъ, настолько же онъ былъ откровененъ и рѣшителенъ, когда дѣло шло объ утвержденіи Парижской Коммуны и объявленіи ультиматума Парижа относительно его внутреннихъ дѣлъ.

Съ рѣдкой ясностью всюду можно было прослѣдить у него двойственный способъ выраженія и двойственный образъ дѣйствія.

Всѣ вопросы онъ раздѣлялъ на двѣ категоріи: одни онъ отлагалъ, такъ какъ считалъ себя не въ правѣ ихъ разрѣшать; другіе, напротивъ, онъ разрѣшалъ рѣзко, въ самой категорической формѣ.

Онъ объявилъ, что Парижъ хочетъ самъ себя защищать, имѣть собственную полицію и не желаетъ терпѣть въ своихъ стѣнахъ присутствіе постоянной арміи, которая ежеминутно угрожаетъ переворотомъ.

Онъ объявилъ, что Парижъ хочетъ учредить Коммуну, т.-е. полную автономію собственнаго существованія; но дальше этого онъ не шелъ, предоставляя остатокъ власти будущему народному представительству.

Скоро проявились послѣдствія такого поведенія. Оно отстраняло всякій поводъ для противодѣйствія партіи консерваторовъ и реакціонеровъ которую всѣми силами стремился поднять Версаль.

Поведеніе это было такъ умно, такъ разсудительно, такъ хорошо отвѣчало общему настроенію большого города, который не хотѣлъ гражданской войны, не хотѣлъ новой революціи по старому образцу, осужденной на неудачу по примѣру своихъ предшественницъ, а хотѣлъ свободнаго распространенія, хотѣлъ защиты противъ заговорщиковъ прошлаго, сохраненія преимуществъ, завоеванныхъ во время осады; хотѣлъ принадлежать себѣ и идти своимъ путемъ, который обрекалъ буржуазные округа на бездѣятельность, такъ какъ они не знали, на чемъ поймать центральный комитетъ или во имя чего идти противъ него: дѣйствовать развѣ во имя версальскаго Собранія?

Это значило—заранѣе обречь себя на неудачу, потому что это Собраніе было презираемо и ненавидимо всѣмъ населеніемъ.

Дѣйствовать отъ имени республики?

Но республика не была ни уничтожена, ни угрожаема, ибо движеніе 18 марта было, напротивъ, чисто республиканскимъ и поэтому было консервативно противъ официальной власти, монархическія тенденціи и надежды которой были извѣстны всему Парижу.

Если положеніе казалось труднымъ для центрального комитета, то оно было во сто разъ болѣе ложно для его противниковъ.

У центрального комитета было знамя, былъ связующій лозунгъ, опредѣленная и ясно выраженная программа.

Реакція не могла поднять своего знамени, не смѣла открыть своего лозунга, объявить свою программу, потому что знамя, лозунгъ и программа—все вызвало бы ненависть девяти десятыхъ парижскаго населенія.

Реакція могла только провозгласить республику, которой никто не угрожалъ, и Собраніе, которое всѣ ненавидѣли.

Она должна была потерпѣть постыдную неудачу, что съ ней и случилось, когда она попробовала свои силы на знаменитой манифестаціи на площади Вандомъ, организованной адмираломъ Сессэ съ помощью де-Пена и остатковъ цвѣта сливокъ монархистовъ и бонапартистовъ.

Какъ это кончилось, извѣстно.

Національные гвардейцы центрального комитета, собравшись на Вандомской площади, силой отбили силу.

Съ большимъ терпѣніемъ они старались снести оскорбленія этой кучки императорскихъ сводниковъ и полицейскихъ агентовъ, но когда послѣдніе дошли до того, что стали стрѣлять изъ револьверовъ и убили и ранили нѣсколькихъ гражданъ, тогда только они отвѣтили тѣмъ же.

Манифестанты разсѣялись.

Это была послѣдняя открытая попытка реакціи въ Парижѣ.

Центральный комитетъ велѣлъ произвести разслѣдованіе о причинахъ этой стычки, и слѣдствіе и на этотъ разъ доказало, что нападеніе было сдѣлано со стороны людей порядка и что первая кровь была пролита ими.

Серьезно ли разсчитывалъ Тьеръ на успѣхъ этого внутренняго движенія?

Я не думаю этого.

Покупая ихъ, онъ имѣлъ двойную цѣль: занять центральный комитетъ, выиграть время и вызвать народъ этими безразсудными провокаціями на жестокости, которыя его обезчестятъ и скомпрометируютъ въ глазахъ остальной Франціи.

Хорошо было бы телеграфировать повсюду, что Парижъ во власти самой страшной анархіи, что жизнь и имущество добрыхъ гражданъ находятся во власти горсти бунтовщиковъ, болѣею частью бѣжавшихъ изъ-подъ суда; что ежедневнымъ и обычнымъ занятіемъ и препровожденіемъ времени центрального комитета являются грабежъ и убійства и что кровь льется по улицамъ.

Но если бы, наконецъ, удалось заставить комитетъ въ самомъ дѣлѣ пролить нѣсколько капель крови, совершить нѣсколько актовъ страшной репрессіи—это было бы еще гораздо лучше.

Тьеръ дѣлалъ все возможное, чтобы довести населеніе до подобныхъ крайностей.

Онъ не могъ этого добиться и былъ такъ же удивленъ, какъ и раздраженъ этимъ, потому что этотъ маленький Маккиавелли искренно ненавидѣлъ, презиралъ и боялся народа; смотрѣлъ на него, какъ на подлую толпу, одержимую разрушительной и порочной страстью. Когда эта толпа, доведенная до крайности страданіями и провокаціей, возставала, онъ воображалъ, что она дѣйствовала въ силу тѣхъ же вождельній, которыми были полны онъ самъ и вся окружавшая его монархически-буржуазная среда.

Но если онъ потерпѣлъ неудачу во второй части своего плана, то ему вполнѣ удалась первая часть, которая состояла въ томъ, чтобы выиграть время.

Здѣсь онъ нашелъ драгоцѣнныхъ сотрудниковъ въ лицѣ мэровъ и депутатовъ Парижа.

Мэры и депутаты могли бы, дѣйствительно, сыграть большую роль, спасти положеніе и устранить хоть отчасти страшныя событія, имѣвшія мѣсто въ послѣдствіи.

Мэры были нѣсколькихъ отѣнковъ. Вашеро, Вотренъ и еще другіе были не болѣе, какъ агентами Версаля и, притворяясь, что идутъ на компромиссъ, старались только о томъ, чтобы дать Тьеру возможность собрать свои войска и организовать правильную осаду столицы Франціи.

Они были, попросту, созданіемъ полиціи.

Многіе же, напротивъ, какъ, напримѣръ, Г. Моттю и Бонвалэ, дѣйствовали вполнѣ искренно, открыто и серьезно стараясь помѣшати кровавому столкновенію и найти нейтральную почву для соглашенія прѣстѣвположенныхъ требованій Парижа и Версаля путемъ обоюдныхъ уступокъ.

Они потерпѣли неудачу, они должны были ее потерпѣть, и ихъ благія намѣренія дали тѣ же результаты, какъ и вѣроломство и измѣна ихъ сотоварищей.

Впрочемъ, если бы даже всѣ муниципальные выборы имѣли прекрасныя намѣренія и точное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ, ихъ дѣятельность парализовалась бы и слѣдилась бы на нѣтъ поведеніемъ парижскихъ депутатовъ, которые одни могли бы сказать сильное дѣйствіе одновременно на Версаль и Парижъ.

Поведеніе этихъ депутатовъ останется въ исторіи памяти комъ безстыдства и подлости.

Исключая тѣхъ, которые присоединились къ Коммунѣ и ушли изъ версальскаго Собранія, отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ, ни одинъ не оказался на высотѣ положенія, не могъ понять и не осмѣлился выполнить своего долга.

Избранные нѣсколько недѣль тому назадъ Парижемъ, раздѣляя якобы грѣвъ народа во время имперіи, его страданія и негодованія во время осады, они не могли не знать глубокихъ причинъ и законныхъ мотивовъ движенія 18 марта.

Депутаты, засѣдавшіе въ Бордо, засѣдавшіе въ Версалѣ, лучше, чѣмъ кто-либо, знали, какъ зародились страхъ и недоверіе въ Парижѣ. Они знали, изъ какихъ людей состояло Собраніе, каковы были его намѣренія, какіе заговоры оно составляло.

Они знали, наконецъ, что, если бы Парижъ отдалъ свое оружіе 18 марта, республика была бы низвергнута и нѣсколько дней спустя утвердилась бы монархія.

Они знали, что они сами, Луи Бланы, Ланглуа и Толены, принуждены были бы бѣжать или были бы высланы вмѣстѣ съ Делеклюзами и Феликсами Пиа, потому что торжествующая реакція никогда не останавливается на полпути и со слѣпой яростью поражаетъ тѣхъ, кто заставлялъ ее трепетать или могъ служить ей прпятствіемъ.

Знающая 18 марта и отражая несправедливыя нападенія, жертвою которыхъ онъ былъ, Парижъ въ то же время спасъ республику и, безъ сомнѣнія, свободу тѣхъ депутатовъ, которые отдавали теперь Парижъ подъ ножъ генераловъ-мясниковъ Бонапарта и Тьера.

Въ концѣ концовъ, чего требовалъ Парижъ, чего требовалъ центральный комитетъ въ этотъ моментъ, который не могъ считаться благопріятнымъ даже самыми умными и умѣренными людьми?

Онъ требовалъ, чтобы ему предоставили полное, нераздѣльное руководство въ своей внутренней администраціи и чтобы обезпечили независимость этой администраціи; онъ требовалъ, чтобы его избавили отъ грознаго присутствія постоянной арміи, объявляя, что Парижъ хочетъ организовать за этими стѣнами свою собственную общественную силу.

Но онъ потребовалъ этого послѣ того, какъ увидалъ на дѣлѣ, что національная гвардія сумѣетъ въ одно и то же время отбить внѣшняго врага и исполнять обязанности внутренней полиціи.

Они требовали этого потому, что наканунѣ присутствіе постояннаго войска не помѣшало горсти роялистскихъ бунтовщиковъ сдѣлать попытку повторить декабрьскій переворотъ 1851 г.

Какимъ образомъ эти люди, въ теченіе двадцати лѣтъ про-
клинавшіе этотъ переворотъ и злодѣя, совершившаго его, могли
считать подобную просьбу преувеличенной или несвоевременной?

Весь Парижъ смотрѣлъ на нихъ, весь Парижъ ожидалъ съ
ихъ стороны рѣшительнаго, законнаго и мужественнаго поступка.

Если было желательно избѣжать гражданской войны и
кроваго пролитія, то они одни могли сдѣлать эту попытку съ нѣ-
которой надеждой на успѣхъ.

Въ то время, какъ Тьеръ говорилъ обманутой Франціи:

— Преступники возстали противъ законнаго правительства,
кучка бунтовщиковъ и бѣлыхъ преступниковъ терроризуетъ
Парижъ...

Они были обязаны отвѣчать:

— Это ложь. Парижъ не возставалъ. На него напали — и
онъ защищался. Онъ единодушно сохранилъ свое оружіе, чтобы
спасти республику, которой угрожали. Парижъ не террори-
зованъ. Центральный комитетъ и національная гвардія не про-
лили ни единой капли крови, не совершили ни одной жесто-
кости.

Вмѣсто этого, даже не политическаго акта, а просто свидѣ-
тельскаго показанія, которое честные люди были обязаны дать
Франціи и извращаемой исторіи, они опубликовали огромныя
прокламаціи безъ руководящаго плана, безъ идеи, безъ точнаго
смысла, какъ бы торопясь отдѣлаться для проформы отъ скуч-
ной обязанности. Эти прокламаціи, кромѣ того, вѣроломны
потому, что онѣ проповѣдуютъ согласіе и умѣренность, не го-
воря о томъ, откуда идетъ жестокость. Уже однимъ тѣмъ, что
эти прокламаціи не обвиняютъ версальцевъ передъ лицомъ
народа, тѣмъ самымъ онѣ осуждаютъ парижскій народъ.

Въ сущности, эти мнимые вожди демократіи чувствовали
только гнѣвъ и раздраженіе противъ Парижа.

Утромъ 19 марта я отправился въ мэрію второго округа,
гдѣ, какъ мнѣ сказали, собралась большая часть мэровъ и де-
путатовъ Парижа.

Я проникнулъ къ нимъ не безъ труда.

Луи Блана въ это время тамъ не было. Я увидѣлъ Г. Г.
Шельхера, Ланглуа, Толена, Бриссона и нѣкоторыхъ другихъ.

Никогда я не видалъ такихъ скучныхъ лицъ, такого раздра-
женнаго вида, такого сварливаго настроенія.

Я подчеркиваю эти эпитеты, которые болѣе подходятъ къ
первымъ женщинамъ, чѣмъ къ политическимъ дѣятелямъ, за-
нятымъ высшими дѣлами и обремененнымъ страшной отвѣт-
ственностью.

Эти господа, дѣйствительно, были гораздо болѣе раздра-

жены, чѣмъ растроганы, скорѣе скучны, чѣмъ серьезны, скорѣе
сварливы, чѣмъ взволнованы.

Г. Ланглуа, по обыкновенію жестикулируя, говорилъ исклю-
чительно объ убійцахъ Леконта и Клемана Тома.

Самый ограниченный, самый глупый между консерва-
торами, тупыми буржуа, которые видятъ только самая происше-
ствія, не будучи въ состояніи отвлечься отъ нихъ, чтобы оты-
скать причины и возложить на кого слѣдуетъ отвѣтственность,
не могъ бы поступить лучше.

Гражданинъ Ланглуа! Забудемъ на минуту объ этихъ двухъ
группахъ, которыхъ ничто не можетъ уже возвратить къ жизни,
и подумаемъ о живыхъ, о Парижѣ, который скоро превратится
въ огромную могилу народа и идеи, если мы не приложимъ всей
нашей энергіи, всего благоразумія, всей нашей преданности.

Оставивъ жестикулировать гражданина Ланглуа, я обра-
тился къ гражданину Толену.

Толень былъ рабочій, одинъ изъ членовъ и основателей
ассоціаціи интернаціонала.

Если другіе не понимали ни причинъ, ни значенія, ни осно-
ваний движенія, Толень могъ и долженъ былъ его освѣтить,
потому что онъ-то прекрасно зналъ, въ чемъ дѣло, и былъ зна-
комъ съ тѣми неизвѣстными людьми, которые руководили дви-
женіемъ.

Толень съ досадой покачъ плечами и повернулся ко мнѣ
спиной.

Тогда я обратился къ гражданину Бриссону, спрашивая,
что думаетъ дѣлать лѣвая и каковы, именно, рѣшенія предста-
вителей Парижа.

— «Мы еще ничего не рѣшили, отвѣтилъ онъ мнѣ, но, честное
слово, мы должны доказать Франціи, что республиканцы въ
собраніи не имѣютъ ничего общаго съ бунтовщиками и сумѣютъ
защитить порядокъ и заставить уважать установленные законы».

Такимъ образомъ, Ланглуа не видѣлъ ничего, кромѣ убійцъ
Леконта и Клемана Тома; Толень хранилъ молчаніе, а Брис-
сонъ смотрѣлъ на національную гвардію, какъ на простыхъ мя-
тежниковъ, съ которыми ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣ-
шиваться.

Къ другимъ присутствующимъ не стоило и обращаться.
Шельхеръ, сидя передъ каминомъ, дѣлалъ видъ, что не узнаетъ
меня, хотя онъ разговаривалъ со мной наканунѣ, 18 марта, на
площади Бастиліи; остальные показывали мнѣ взглядами, что
мое присутствіе очень тягостно и неумѣстно въ святилищѣ.

Мое присутствіе, дѣйствительно, должно было ихъ стѣснять.
Я почти всѣхъ ихъ зналъ лично. Всѣ они на моихъ глазахъ при-

нимали торжественныя обязательства и произносили революціонныя рѣчи.

Я зналъ, при какихъ условіяхъ они были избраны, потому что я былъ свидѣтелемъ ихъ договора.

Мы участвовали въ однихъ и тѣхъ же обществахъ и въ республиканскихъ и социалистическихъ ассоціаціяхъ; я долженъ былъ быть ихъ товарищемъ и въ собраніи.

Однѣмъ видѣ мой слишкомъ напоминалъ имъ о вещахъ, о которыхъ они старались забыть.

Я нашелъ ихъ тамъ такими же, какими я ихъ предполагалъ въ Бордо,—готовыми объединиться около законной власти, т.-е. подъ каблукомъ Тьера, рѣшившись сохранить свои мѣста депутатовъ; получивъ уже отъ республики и народнаго бѣдствія все, на что они могли надѣяться, попавъ изъ положенія просителей въ положеніе управителей, они глядѣли отнынѣ на движеніе черезъ другой конецъ трубы.

Начиналась вѣчная исторія, которая не прекратится до тѣхъ поръ, пока мы окончательно не отдѣлается отъ старой правительственной идеи, отъ древняго понятія о государствѣ.

До тѣхъ поръ, пока останется хоть какая-нибудь сильная и централизованная власть, призванная автократически управлять судьбами народа и конституціей страны, мы будемъ всегда присутствовать при подобныхъ прискорбныхъ и печальныхъ зрѣлищахъ.

Если даже во главу этого правительства попадутъ новые люди съ самыми революціонными взглядами—и они, достигнувъ власти, затянутся этой машиной. Они сдѣлаются противниками свободнаго развитія естественныхъ группъ, они будутъ предписывать законы, они будутъ регламентировать, управлять, они, однимъ словомъ, въ силу своего положенія, сдѣлаются прогнѣнными народа.

Создайте это новое правительство исключительно изъ рабочихъ, изъ представителей трудящагося класса—это ничуть не измѣнитъ сущности вещей¹⁾.

Я повторяю еще разъ: нужно измѣнить не людей, а учрежденія, самые принципы, на которыхъ покоится социальный механизмъ.

Если у васъ будетъ собраніе, вмѣсто короля,—это собраніе составитъ диктатуру, и вы лишитесь своей свободы.

«Нашъ врагъ—это нашъ хозяинъ».

Все тѣ, которые не хотѣли ни въ комъ случаѣ отдѣлаться

отъ народа, постепенно отдалялись отъ правительства и, какъ Делеклюзъ, Феликсъ Пиа, Гамбонъ, Миллеръ, Разуа, Курнэ, покинули версальское Собраніе, чтобы занять мѣсто въ Коммунѣ или сражаться во главѣ героевъ-федералистовъ.

Въ заключеніе, чтобы возложить на каждого его долю ответственности, надо отмѣтить, что лично Луи Бланъ имѣлъ особенное вліяніе на рѣшенія своихъ товарищей, онъ оказывалъ на нихъ ошеломляющее дѣйствіе, онъ былъ, однимъ словомъ, Трошю республиканской лѣвой.

Есть извѣстныя животныя, къ которымъ нельзя приблизиться или дотронуться, не испытывая чувства онемѣнія, оцѣпенѣнія и потери воли.

Существуютъ также извѣстные люди, посѣщая и слушая которыхъ нельзя не испытывать умственного изнеможенія, ослабленія волевыхъ центровъ. Ихъ пріятная для уха или краснорѣчивая рѣчь васъ усыпляетъ, ихъ обманчивая разсудительность, одѣтая въ маску мнимой мудрости, мнимаго ума, мнимой опытности, мнимаго патріотизма и мнимой честности, возбуждаетъ въ васъ всѣ инстинкты эгоизма и подлости, которые поднимаются изъ глубины сердецъ, превращаются въ печальный, но необходимый долгъ, облекаются хорошими именами и ведутъ васъ къ отреченію отъ принциповъ, гдѣ ваши личные интересы всегда находятъ себѣ удовлетвореніе.

Позже я увидѣлъ человѣка дѣла, котораго я долженъ былъ судить такимъ, какимъ онъ былъ тогда.

Мнѣ было это тяжело, какъ потеря всякой иллюзіи, но истина не должна зависѣть отъ темперамента.

Центральный комитетъ остался одинъ подъ тяжестью ноши, въ положеніи, труднѣе котораго едва ли можно найти въ исторіи.

Передъ лицомъ версальцевъ, гдѣ царствовали самые непримиримые враги республики и народа; передъ лицомъ пруссаковъ, подстерегающихъ добычу и готовыхъ, по всей вѣроятности, выйти изъ своего мнимаго бездѣйствія, если только восторжествуетъ социально-демократическая республика, угрожая возвратитъ Франціи мужество и вырвать ее изъ рукъ измѣнниковъ, обдѣлывающихъ дѣлишки Бисмарка; передъ лицомъ враждебной буржуазіи, раздраженныхъ до крайности

1) Тѣмъ, которые сочтутъ, что я слишкомъ строгъ по отношенію къ Луи Блану, я долженъ замѣтить, что говорю о Луи Бланѣ 1871 г. Въ 1848 г. я его вовсе не зналъ.

Я прибавлю, что 4 сентябрю въ то время, когда Луи Бланъ вернулся во Францію, я былъ искреннимъ поклонникомъ его огромнаго таланта, и онъ возбуждалъ во мнѣ истинную симпатію, какъ представитель социалистическихъ идей во время февральской республики.

1) Въ 1848 г. изъ одиннадцати рабочихъ, попавшихъ въ палату, десять изъ нихъ или народному съезду.

господствующих классов; передъ лицомъ всего стараго міра, осужденнаго въ своихъ дѣлахъ и соединившаго свои силы, чтобы предотвратить катастрофу, висящую надъ его головой,—покинутый всѣми центральный комитетъ могъ опереться только на возставшій парижскій народъ, на вооруженный пролетаріатъ, съ помощью немногихъ людей, оставшихся вѣрными своимъ принципамъ.

Эти люди оплакивали часъ, назначенный для битвы; они предвидѣли пораженіе, но понимали, что разъ дѣло начато—это былъ ихъ долгъ, потому что въ этомъ было право, будущности, справедливость и истина.

Что могъ и что долженъ былъ дѣлать центральный комитетъ?

Передъ нимъ было два пути:

Или замкнуться на автономной, социалистической, коммунальной почвѣ.

Или идти на Версаль и попытаться произвести общую революцію, прогнавъ собраніе, декретируя низложеніе правительства, призывая Францію къ оружію.

Часто съ тѣхъ поръ упрекали центральный комитетъ, что онъ 19 марта не двинулся на версальцевъ.

Дѣйствительно, ничего не могло быть легче.

Версальцы въ это время имѣли очень мало войскъ, да и то было деморализовано. Федералисты завладѣли бы, вѣроятно, этимъ городомъ безъ кровопролитія. Тьеръ и собраніе бѣжали бы въ какой-либо другой уголокъ Франціи.

Но послѣ?

Вотъ причины, останавливавшія центральный комитетъ.

Пруссакки были тамъ; они занимали половину парижскихъ фортовъ, всѣ окружающіе департаменты, цѣлую треть Франціи. Въ случаѣ всеобщей революціи они вмѣшались бы.

— А наши милліарды? Кто намъ ихъ заплатитъ?—сказали бы они.—Мнѣ нужно вознагражденіе, нужна гарантія. Это вознагражденіе, эту гарантію я могу получить только у правильного и достаточно реакціоннаго правительства, которое сможетъ удержать Францію въ состояніи моральнаго и матеріальнаго упадка, обезпечившаго мои побѣды.

Пруссакки тогда снова начали бы наступательное движеніе, возобновили войну, бомбардировали, заняли Парижъ, расширили въ провинціи площадь, занимаемую войсками, при полнѣйшей невозможности оказать имъ сопротивленіе.

Какими силами, въ самомъ дѣлѣ, можно было противодѣйствовать имъ среди полной дезорганизаціи?

Конечно, не версальское правительство отправило бы про-

тивъ нихъ остатки регулярной арміи, соединившись съ революціонерами; а революціонеры, не имѣя даже двадцати четырехъ часовъ впереди, чтобы организовать какую-нибудь силу, могли только умереть.

Они это сдѣлали, но Франція погибла.

Въ игрѣ Тьера былъ одинъ козырь, и этимъ страшнымъ козыремъ были пруссаки.

Съ ними ему нечего было бояться.

Побѣдоносную на день революцію, которой онъ даже не пытался оказать сопротивленіе, которую онъ поджидаль въ Версаль съ саквояжемъ подъ мышкой, можно было на другой же день разбить о прусскіе штыки.

Вмѣстѣ съ пруссаками онъ раздавилъ бы ее и поднялъ бы остальную часть страны, крича:

«Посмотрите на этихъ революціонеровъ, на этихъ социалистовъ: это они выдаютъ отечество чужеземцамъ и обрекаютъ насъ на самое большое униженіе, соглашаясь на страшныя уступки; это—соучастники, это—подкупленные Бисмарка, это—пруссаки!»¹⁾

Новая коммунальная идея не могла бы родиться, утвердиться и развиваться; обезчещенная, она исчезла бы и потонула въ огромномъ крушеніи родины.

Эта мысль, эта боязнь прусскаго вмѣшательства преобладала надъ всѣми предубѣжденіями центральнаго комитета, подавляла всѣ его рѣшенія.

Слѣды этого можно было видѣть во всѣхъ прокламаціяхъ; попытки эти замѣчались въ поспѣшности, съ которой онъ считалъ себя обязаннымъ объявить, что, что бы ни случилось, Парижъ во всемъ, что его касается, будетъ уважать условія мира, подписаннаго въ Бордо, и выполнить обязательства.

Еще другое соображеніе удерживало центральный комитетъ. Въ первые дни онъ вовсе не былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Многіе округа Парижа, занятые реакціонной національной гвардіей, возбужденные и подстрекаемые агентами Тьера, отказались признать революцію 18 марта.

Центральный комитетъ не рѣшался вывести войска, чтобы отправить ихъ на Версаль, боясь быть атакованнымъ и опрокинутымъ его приверженцами.

Онъ хотѣлъ сначала обезпечить себя относительно этихъ послѣднихъ, т.-е. подчинить упрямецъ.

Онъ это сдѣлалъ очень ловко, проявивъ энергію и умѣренность, не проливъ ни одной капли крови, не сдѣлавъ ни одного

¹⁾ Онъ много разъ пытался убѣдить въ этомъ. Онъ говорилъ объ этомъ съ трибуны. Это ясно доказываетъ, что это было имъ заранее рассчитано.

выстрѣла, не доставивъ Тьеру удовольствія видѣть пруссаковъ у себя на содержаніи, сломавъ въ его рукахъ его лучший аргументъ и самое вѣроломное его оружіе передъ лицомъ исторіи.

Наконецъ, населеніе вначалѣ не было единодушно въ требованіи этого наступательнаго движенія, находясь также подъ впечатлѣніемъ вышеизложенныхъ соображеній, усыпленное, обманутое, разуверенное ложными шагами, лживыми обѣщаніями Сессэ, подкупленными примирителями и посредниками честными, но глупыми, которые думали о возможности уступокъ со стороны Версаля.

Парижъ, я уже говорилъ, это городъ иллюзій. Тамъ никогда не вѣрятъ вполне въ подлость своихъ враговъ. Я всегда видѣлъ, какъ они гибли благодаря этому.

Большинство населенія въ такой же степени горячо хотѣло избѣжать гражданской войны, въ какой желало заставить уважать свои права, добиться справедливости, дать у себя начало новой жизни на основѣ радикальной реформы, политической и социальной.

Оно не представляло себѣ, чтобы во Франціи могъ найтись хоть одинъ французъ, способный мечтать, желать, допустить осаду столицы Франціи.

Оно не представляло себѣ, чтобы во Франціи могло быть французское правительство, способное желать, мечтать и подготовить страшную, истребительную войну противъ перваго города въ свѣтѣ за то, что этотъ городъ для блага народа предпринялъ вновь великое движеніе средневѣковыхъ городскихъ коммунъ, объявивъ гарантіи, свободы и привилегіи, употребляя старое выраженіе, соотвѣтствующія его интеллектуальному развитію и общественнымъ нуждамъ.

Оно думало, что этотъ человекъ, что это правительство пойдутъ на уступки и, вмѣсто того, чтобы навлекать на всю страну страшное несчастіе, согласятся на нѣкоторыя жертвы, примутъ нѣкоторыя условія, которыя были простымъ долгомъ самой элементарной честности, человечности и банальнаго патріотизма.

Мэры и депутаты обѣщали населенію добиться этихъ уступокъ. Оно ожидало ихъ, оно рассчитывало на нихъ, но даже и тѣ, которые хорошо знали версальцевъ, которые прекрасно видѣли глубокую пропасть подъ своими ногами, все-таки не рѣшались еще безусловно вѣрить такому гнусному плану; ихъ совѣсть возмущалась противъ предказаній холоднаго разсудка и опыта.

Эти иллюзіи такъ же, какъ и безрѣшительность центрального комитета, были фатальными, такъ какъ всякая резолюція, которая не переходитъ въ наступленіе, обречена на пораженіе.

Соображенія двойкаго рода удерживали комитетъ, и при томъ,

причина, имѣвшая отношеніе къ внутреннему состоянію Парижа, не была самой сурьезной, потому что, очевидно, самый вѣрный способъ завоевать Парижъ—это завладѣть Версалемъ.

Что же касается прусскаго вмѣшательства, то тутъ вопросъ сколько мѣняется.

Слѣдовало ли его опасаться? Безъ сомнѣнія, да.

Слѣдовало ли рисковать?

Если бы провинція высказалась въ томъ же тонѣ, какъ и Парижъ, если бы можно было рассчитывать на большой революціонный подъемъ съ ея стороны, то это была бы страшная игра, но которая могла бы быть выиграна.

Передъ цѣлой Франціей, поднявшейся съ оружіемъ въ рукахъ, рѣшившейся бороться до послѣдней капли крови, Пруссія могла поколебаться и могла предпочесть переговоры опасной авантюры, которая могла свести на нѣтъ всѣ ея предыдущія побѣды.

Но поднимется ли съ такимъ непреодолимымъ единодушіемъ Франція, деморализованная своими пораженіями, разслабленная двадцатью годами имперіи, оставленная Гамбеттой въ рукахъ креатуръ Наполеона, отдѣленная въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ отъ Парижа, не знающая причины своего гнѣва и своихъ стремленій?

Я только ставлю вопросъ, не пытаюсь разрѣшить его.

Я думаю, однако, что для того, чтобы это движеніе вспыхнуло, чтобы народная буря однимъ ударомъ снесла пруссаковъ и версальцевъ, отразила одновременно и нападеніе и реакцію,—нужно была дѣятельная, рѣшительная помощь лѣвыхъ радикаловъ, всѣхъ этихъ членовъ Собранія, которые въ глазахъ невѣжественной массы населенія являлись представителями республиканскихъ и демократическихъ идей.

Въ виду ихъ враждебнаго отношенія нельзя было вовсе надеяться, чтобы плохо подготовленная и обученная провинція поддержала Парижъ, потому что провинція еще преклонялась передъ именами, видѣла въ нихъ спасителей.

Наконецъ, моментъ для побѣды былъ плохо выбранъ. И, какъ я уже говорилъ, коммунальная партія никогда не избрала бы его сама.

Его ей навязали.

Когда напали на народъ, онъ принялъ вызовъ, и центральный комитетъ, окруженный небывалыми трудностями, безпримѣрными опасностями, дѣлалъ то, что считалъ возможнымъ и необходимымъ, не выходя за предѣлы своей коммунальной программы и требуя немедленныхъ выборовъ.

Такимъ образомъ, онъ, по крайней мѣрѣ, сохранилъ резолю-

цій 18 марта ея оригинальный характер; не изменивъ нисколько идеѣ социализма и автономіи.

Съ этой стороны его усилія увѣнчались успѣхомъ. Мэры и депутаты сдавались. Они согласились подписать объявленіе приглашавшее избирателей для выбора Коммуны.

Въ этотъ день Парижъ считалъ себя спасеннымъ. Парижъ думалъ о побѣдѣ и, къ своей великой радости, могъ сказать, что центральный комитетъ хорошо послужилъ республикѣ и народу.

Х.

Выборы. Объявленіе Коммуны.

Объявленіе, коллективно подписанное членами центрального комитета, мэрами, помощниками и многими депутатами Парижа, приглашавшее народъ къ выборамъ, объявленнымъ съ перваго дня, повлекло за собой умиротвореніе и утѣшеніе.

Думали, что гражданской войны удалось избѣжать.

Думали, что версальскіе заговорщики пойдутъ на уступки и, если выборы будутъ закончены, всегда легко можно будетъ найти пункты соглашенія между Собраніемъ и Парижемъ.

И дѣйствительно, можно ли было предполагать, что такіе официальные чиновники, какъ мэры и депутаты, имѣвшіе ежедневныя сношенія съ версальскимъ правительствомъ, сами явятся изъ Версаля, чтобы принять участіе въ созывѣ избирателей,—можно ли было предполагать, что эти люди будутъ такъ дѣйствовать, не будучи на то уполномочены?

Если они дѣйствовали такимъ образомъ, не будучи на то уполномочены, то этотъ созывъ съ ихъ стороны былъ настоящимъ бунтомъ противъ законной власти, фактомъ чрезвычайной важности, такъ какъ онъ придалъ опредѣленную форму революціонному движенію, утвердившему Коммуну.

Они могли заявить, что имъ и въ голову не приходило избирать что-либо, кромѣ муниципальнаго совѣта, и во всякомъ случаѣ не всесильную Коммуну, но вѣрно то, что эти выборы происходили либо съ согласія правительства, либо противъ его воли.

Но если эти выборы происходили съ согласія правительства, какъ смѣло оно третировать, какъ обыкновенныхъ преступниковъ, людей, которыхъ оно снабдило полномочіями, и людей, которые служили новому правительству.

Почему мэры и депутаты, подписавшіе объявленіе, никогда не напоминали правительству о его согласіи, чтобы, опираясь на это, вырвать изъ его рукъ хоть часть жертвъ?

Если же, напротивъ, мэры и депутаты дѣйствовали сами

по себѣ и пошли дальше воли палаты и г. Тьера; то это, повторяю, былъ бунтъ. Они стали мятежниками, у которыхъ не хватало только мужества стоять на аванпостахъ и за баррикадами.

Почему же ихъ не преслѣдовали?

Почему нѣкоторые продолжали засѣдать въ палатѣ, власти которой они открыто не признавали?

Какимъ образомъ другіе со вступленіемъ версальцевъ могли снова занять свои мѣста, какъ мэры?

Были ли они только простыми соучастниками? ¹⁾

Неужели они соглашались играть роль агентовъ-провокаторовъ въ пользу правительства, претендующаго на законность, подготавливая выборы, которые должны были привести къ казнь и смерти всѣхъ, кто имъ вѣрилъ?

Здѣсь необходимо освѣтить вопросъ, который съ 22 мая замалчивали обѣ партіи; это молчаніе не можетъ длиться вѣчно.

Что касается массы населенія, то она съ нѣкоторымъ правомъ вѣрила въ существованіе, по меньшей мѣрѣ, скрытаго соглашенія съ правительствомъ.

Она думала, что выборы, давшіе достаточное количество бюллетеней, отнимутъ у Версаля всякую возможность продолжать клеветать на парижское дѣяніе и отказываться его признавать.

Она думала, что, въ виду грандіозной манифестаціи всеобщихъ выборовъ, невозможно будетъ телеграфировать по всей Франціи, что Парижъ находится во власти кучки бунтовщиковъ и бродягъ, которые поработили его и ввели царство террора.

Она думала, что принципъ суверенитета всеобщаго избирательнаго права воспринять и освященъ во Франціи даже самимъ версальскимъ Собраніемъ, какъ единственное основаніе права на управленіе; что оно непреложно для Парижа, какъ и для послѣдней французской деревни.

Она думала, наконецъ, что въ тотъ день, когда Парижъ выразитъ свою волю въ формѣ свободной подачи голосовъ, эта воля перестанетъ казаться мятежной, получивъ даже въ глазахъ своихъ противниковъ характеръ истинной законности.

И дѣйствительно, признанная всей Франціей законность движенія 4 сентября до 31 октября не имѣла подъ собою основы выборовъ.

¹⁾ Для нѣкоторыхъ мэровъ соучастничество было установлено на основаніи ихъ собственныхъ показаній. Г. Вотренъ, мэръ 4-го округа, и г. Вашеро сами хвастали этимъ

Люди, облеченные властью национальной гвардіей въ таких же условіяхъ, какъ и члены центрального комитета, признавали себя и признавались другіми тѣхъ качествъ истинныхъ правителей не только Парижемъ, который ихъ провозгласилъ, но и во Франціи, съ которой не совѣтовались.

Развѣ члены временнаго правительства февраля 1848 г. дѣйствовали иначе?

Развѣ Орлеанскій домъ могъ сослаться на иное право?

Развѣ Бонапартъ I, развѣ всѣ, послѣдовательно смѣнявшіеся въ теченіе 80 лѣтъ правительства имѣли иное происхожденіе, чѣмъ революціонное, имѣли какія-либо иныя права кромѣ правъ мятежниковъ?

Я не говорю о Бурбонахъ, которые были возвращены изъ фурахъ казаковъ въ 1814 г., что представляетъ другой родъ права и, надо признать, еще гораздо низшаго сорта и еще болѣе спорнаго.

Центральный комитетъ сдѣлалъ только то же, что дѣлали Трошю и Фавръ 4 сентября 1870 г., Ламартинъ и Луи Бланъ въ 1848 г. и Тьеръ съ товарищами въ 1830 году. Онъ имѣлъ только то преимущество, что, созданный волею парижскаго народа, онъ не претендовалъ вовсе на управленіе всей Франціей, а требовалъ только права договора отъ имени Парижа.

Почему же тогда при одинаковыхъ условіяхъ являются двѣ марки, два сравненія?

Потому, что участники 4 сентября были представителями буржуазіи и реакціи. Потому, что участники Коммуны были представителями народа и революціи.

Все дозволено господамъ, а рабамъ все запрещено.

Все законно, что исходитъ отъ эксплуататоровъ. Все, исходящее отъ эксплуатируемыхъ, преступно.

Выборы произошли при полнѣйшемъ спокойствіи; въ нихъ участвовало двѣсти тридцать тысячъ избирателей.

Если принять во вниманіе, что со времени снятія осады и революціи 18 марта извѣстная часть жителей покинула Парижъ; если принять во вниманіе обычную цифру отсутствующихъ, то окажется, что двѣсти тридцать тысячъ голосовъ представляютъ болѣе двухъ третей всѣхъ избирателей, не только записанныхъ, но присутствующихъ въ Парижѣ, за вычетомъ больныхъ и тѣхъ, которые никогда не высказываются по политическимъ вопросамъ.

Во всякомъ случаѣ, эта сумма значительно превосходила ту, которая избирала мэровъ и помощниковъ послѣ 31 октября.

Я былъ избранъ четвертымъ округомъ вмѣстѣ съ гражданиномъ Л. Франсэ, Клемансъ, Е. Жерарденъ и Амуру.

Я претендѣлъ это избраніе и сомнѣвался въ немъ, и я сожа-

лѣю, о тѣхъ, кто домогался званія члена Коммуны изъ-за честолюбія или самослюбія.

Я былъ далекъ отъ того, чтобы добиваться или искать этого званія, въ которомъ, повторяю, я глубоко сомнѣвался, и я принималъ его только какъ тяжелую обязанность, налагаемую на меня честью.

Въ этотъ день народъ могъ считать своихъ искреннихъ друзей, преданныхъ ему до смерти, преданныхъ, что очень рѣдко, до готовности жертвовать даже своимъ политическимъ будущимъ.

Въ этотъ день было много случаевъ слабости и перебѣжничества.

Многіе, кого видѣли все время во главѣ всѣхъ движеній, исчезали, какъ по волшебству, поспѣшно удалялись, ища забвенія и тѣни съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ раньше добивались славы и извѣстности.

Многіе рѣшительно снимали свою кандидатуру, наконецъ, другіе, которые не могли или не смѣли уклониться въ первый день отъ этой опасной чести, спѣшили подать въ отставку, въ виду трудностей и опасностей, предвидя пораженіе и массовые разстрѣлы.

Что касается меня, то я долженъ объяснить, почему я колебался при своемъ избраніи.

Я принадлежалъ къ числу людей, которые не увлекаются никакими иллюзіями.

Я слишкомъ хорошо зналъ людей, съ которыми намъ нужно было бороться, чтобы ожидать отъ нихъ хоть тѣни справедливости или просто человѣчности.

Я зналъ, что съ ихъ стороны можно было ожидать только войны непримиримой, безчестной клеветы и холодной жестокости.

Я зналъ также, что революція, которая замыкается и остается на мѣстѣ, обречена на пораженіе. На предыдущихъ страницахъ я объяснялъ, почему Парижъ-побѣдитель, вмѣсто того, чтобы разлиться по всей Франціи, замкнулся въ своихъ стѣнахъ.

Военная побѣда была очень сомнительна. Она могла явиться только результатомъ движенія въ провинціи, которая выступила бы посредникомъ между Версалемъ и Парижемъ, обратившись къ Версалю со слѣдующими словами:

— Довольно пролито крови! Довольно подобныхъ звѣрствъ!

— Мы требуемъ того же, чего требуетъ Парижъ.

— Версальское Собраніе должно быть уничтожено, уступивъ мѣсто представителямъ Коммуны, соединившимся съ Франціей!

Можно ли было надѣяться на подобное движеніе? Я думаю, что нѣтъ, въ виду соображеній, изложенныхъ въ седьмой главѣ ¹⁾

Всякую минуту можно было ожидать, съ согласія Тьера, вмѣшательства присутствующихъ тамъ пруссаковъ, которые могли выставить противъ насъ побѣдоносную армію.

Мнѣ казалось поэтому, что насъ ждало пораженіе. Это былъ простой расчетъ возможностей.

Оставалось одержать великую моральную побѣду.

Если люди будутъ побѣждены, идея можетъ торжествовать. Дѣло шло о томъ, чтобы утвердить коммунальный принципъ такимъ образомъ, чтобы даже послѣ возможнаго пораженія въ настоящемъ онъ оставилъ достаточно глубокіе корни для будущаго.

Дѣло было въ томъ, чтобы утвердить социальную революцію и вызвать возрожденіе обездоленныхъ классовъ такимъ образомъ, чтобы эта первая вѣха не могла быть впредь вырвана и чтобы слѣдъ отъ гигантскихъ шаговъ, отпечатавшихся на землѣ, служилъ путеводителемъ для грядущихъ поколѣній.

Вѣроятность пораженія, высылки, смерти и—что всего хуже—клеветы не могла меня остановить, но меня ужасало сознаніе страшной моральной отвѣтственности.

Что мы сдѣлаемъ для этой великой, народной идеи, которую народъ ввѣрилъ намъ?

Останемся ли мы на высотѣ этого труднаго призванія?

Нужно было окончательно выяснить эту идею, запечатлѣть ее въ будущемъ, придать ей матеріальную, осязаемую форму; нужно было, несмотря на всѣ препятствія, чтобы она восторжествовала фактически, по военному, въ этотъ же день. Хотя побѣда была и трудна, но она не была невозможна.

Меня ужасало одно: я долженъ былъ принять на себя долю отвѣтственности въ побѣдѣ или пораженіи, въ жизни или смерти этого парижскаго народа, величію котораго я удивлялся, иллюзіи котораго я зналъ, дѣло котораго было такъ справедливо, требованія такъ обоснованы, желанія такъ благородны, воля такъ героична, цѣли такъ высоки.

До этого времени, какъ всѣ люди, рожденные при политической жизни имперіи, я все время былъ въ оппозиціи и занимался теоріей.

¹⁾ Между тѣмъ, событія показали, что если бы Парижъ могъ продержаться еще мѣсяцъ или чудовищнымъ усиленіемъ прогнать шайку Тьера, пока она не проникла въ городъ, провинція могла оттѣснить ужасную шуанскую партію въ сальцевъ, принудивъ правительство къ мирной сдѣлкѣ, результаты которой могли быть благопріятны побѣдѣ коммунальныхъ идей.

Я боролся противъ злоупотребленій, будилъ новыя мысли, провозглашалъ новые принципы, велъ партизанскую войну противъ социальнаго зла.

Теперь нужно было разстаться съ теоріей и перейти къ практикѣ, перейти отъ оппозиціи къ дѣйствию, приложить къ жизни столь долго провозглашаемые принципы.

Это былъ для всѣхъ насъ новый міръ.

Мы должны были вступить въ борьбу съ трудностями практики и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя никогда еще не приходилось переживать народу; передъ такими неблагопріятными условіями рѣдко приходилось стоять человеку.

Въ это дѣло нужно было внести твердую рѣшимость и непоколебимую волю.

Нужно было броситься въ водоворотъ безъ всякой задней мысли, измѣривъ свои силы и сознавъ себя выше слабости.

Если нѣкоторые счастливые умы не замѣчали ничего, кромѣ величія и красоты этой миссіи, то я до жестокости ясно предвидѣлъ всѣ ужасныя трудности. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я испыталъ ужасную тоску. Какія мученія ожидали меня, если я окажусь недостойнымъ этой миссіи, если нечаянно, по моей ошибкѣ, дѣло будетъ въ опасности и этотъ народъ погибнетъ!

Но я рѣшилъ все-таки принять ее.

Дѣло было правое; борьба была начата; мой долгъ звалъ меня туда.

Сколько борцовъ, повѣрившихъ нашимъ статьямъ, нашимъ рѣчамъ, сказаннымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нашей пропаганды, увлеченныхъ нашими обѣщаніями лучшаго будущаго, бросилось въ схватку, пробудилось къ политической жизни сколько возбужденныхъ нашимъ примѣромъ!

Если бы среди этой безыменной толпы, взявшейся за ружье, нашелся хоть одинъ такой, онъ имѣлъ бы право съ своей стороны потребовать нашего присутствія.

Нужно было бороться, побѣдить или умереть съ нимъ рядомъ.

Никто не имѣлъ права прославлять революцію, указывать народу цѣль, и уйти домой въ рѣшительный день битвы, уклониться подъ предлогомъ того, что плохо выбранъ день, что обстоятельства неблагопріятны и что, вѣроятно, возможно пораженіе.

Ничто не подрываетъ сильнѣе вѣры націи, не понижаетъ такъ его моральнаго уровня, не дѣлаетъ ее воли болѣе нерѣшительной, не лишаетъ ее вѣрнаго представленія о добрѣ и злѣ, какъ эти отступничество и осторожность, которыя можно было назвать болѣе строго.

Я искренно думаю, что отреченіе Жюля Фавра и Жюля Симона, отступничество Луи Блана ослабляютъ и разрушаютъ

болѣе, чѣмъ двадцатилѣтній деспотизмъ какого-нибудь Бонапарта.

Относительно Бонапарта извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ врагъ, человекъ презрѣнный. Если онъ развращаетъ тѣхъ, которыхъ приближаетъ, онъ раздражаетъ массы, онъ ихъ давитъ, онъ возбуждаетъ, но не лишаетъ мужества.

Но видъ людей, ставшихъ во главѣ движенія, проповѣдывавшихъ бунтъ, дававшихъ обѣтъ несчастнымъ и винувшихъ, всѣмъ эксплоатируемымъ зловѣщую рѣшимость,—видъ этихъ людей, бѣгущихъ, з кривыя глаза и зажженные уши, въ минуту опасности, когда народъ, выйдя на улицу, зоветъ ихъ за собой раздѣлить его участь, развращаетъ народъ, лишаетъ его мужества, дѣлаетъ бездѣльнымъ скептикомъ.

Хорошо, впрочемъ, и то, что въ мартѣ 1871 года рабочіе не остались совершенно одни, какъ въ іюнѣ 1848 г.

Передъ лицомъ версальцевъ, объявлявшихъ, что социальная революція—дѣло кучки бандитовъ, нужно было доказать всему міру, что эта революція—дѣло принципа, къ которому должны присоединиться всѣ мужественные люди. Надо было доказать, что дѣло шло не только о мѣстномъ возстаніи рабочаго класса, но о проведеніи новой и справедливой идеи, которая сплетила вокругъ одного знамени во имя правды, любви, равенства и твердаго желанія социальнаго прогресса всѣхъ, къ какому бы классу они ни принадлежали благодаря случайности рожденія.

За два дня до начала выборовъ я получилъ письмо, въ которомъ меня приглашали явиться въ мою четвертаго округа.

Мнѣ предложили подняться въ большой залъ, гдѣ я засталъ 300 солдатъ національной гвардіи, делегатовъ одиннадцати батальоновъ округа, собравшихся установить списокъ своихъ кандидатовъ.

Предсѣдателемъ на собраніи былъ Клемансъ, рабочій—переплетчикъ, мой будущій товарищъ по Коммунѣ, котораго я видѣлъ въ первый разъ.

— Гражданинъ, — сказалъ онъ мнѣ, — передъ вашимъ приходомъ обсуждалась ваша кандидатура. Возьмите слово и объясните, какъ вы выполните это полномочіе.

Я, вообще, врагъ символовъ вѣры, которые ничего не означаютъ, которые всегда туманны и носятъ общій характеръ. Я прекрасно знаю это, такъ какъ былъ много разъ свидѣтелемъ того, что ничего не стоитъ увлечь собраніе при помощи нѣсколькихъ трескучихъ, общихъ фразъ, которыя каждый присутствующій понимаетъ какъ хочетъ и которыя послѣ выборовъ ни къ чему не обязываютъ избраннаго. Однимъ словомъ, я самый рѣшительный приверженецъ императивныхъ мандатовъ и ду-

маю, что не кандидатъ долженъ излагать свои идеи и предлагать избирателямъ принять ихъ, но избиратели должны выразить свою волю, а дѣло кандидата рѣшить, насколько это согласуется съ его собственными чувствами, позволяеть ли ему его совѣсть поддержать ее и бороться за ея торжество.

Поэтому я заявилъ, что, воздерживаясь отъ всякихъ безполезныхъ изложеній программъ, такъ какъ мои взгляды извѣстны, я прошу собраніе поставить ясно и категорически вопросы, чтобы я могъ отвѣтить на нихъ такъ же ясно и опредѣленно.

Я могъ себя поздравить съ этимъ рѣшеніемъ, которое не допускаетъ какого-либо ораторскаго обмана со стороны кандидата.

Я могъ, такимъ образомъ, утѣдиться, насколько программа этихъ гражданъ была опредѣленна и какъ они въ ней разбирались.

Ихъ программу можно было резюмировать такъ:

«Мы не хотимъ навязывать нашей воли остальной Франціи. Мы требуемъ для себя существенныхъ правъ и гарантій.

Мы хотимъ полной автономіи Парижской Коммуны.

Мы хотимъ, чтобы въ чертѣ Парижа администрація, судъ, полиція, войско—все было наше.

Мы хотимъ, чтобы все, касающееся налоговъ, религіи, народнаго образованія, организаціи труда и прочее, касающееся Парижа, регулировалось нами.

Мы не хотимъ отдѣляться отъ Франціи.

Во всемъ, что не будетъ посягать на нашу коммунальную автономію, мы примемъ всѣ общіе законы, изданные центральнымъ правительствомъ, при условіи, что это правительство будетъ республиканское.

Такимъ образомъ, мы уплатимъ свою долю военной контрибуціи.

Несмотря на то, что мы хотѣли бы уничтожить рекрутскій наборъ и постоянную армію, мы въ случаѣ войны обязуемся выставить свой отрядъ, но мы выставимъ его такимъ, какъ мы этого хотимъ.

Мы предложимъ другимъ французскимъ коммунамъ послѣдовать нашему примѣру и вступить съ нами въ федерацію.

Однимъ словомъ, мы хотимъ быть у себя хозяевами, жить по-своему, согласно нашимъ убѣжденіямъ и нашимъ нуждамъ.

Если Версаль признаетъ нашу автономію, мы не будемъ бороться противъ него.

Если онъ на насъ нападетъ, мы будемъ защищаться, такъ какъ мы усталы носить ярмо французской деревенщины.

Мы не просимъ, чтобы центральное правительство верну-

лось въ Парижъ. Мы предпочитаемъ отказаться отъ титула и матеріальныхъ преимуществъ столицы, чтобы воспользоваться ею сто разъ болѣе цѣнными правами нашей свободы.

Во всякомъ случаѣ, если бы правительство захотѣло вернуться въ Парижъ, съ условіемъ не приводить съ собой ни одного военнаго, ни одного агента полиціи и отказываясь заранее вмѣшиваться въ наши коммунальныя дѣла, мы готовы отворить ему ворота, зная что національная гвардія одна обязана будетъ караулить и защищать его отъ насъ такъ же, какъ и насъ отъ него».

Эта программа, такая ясная, такая радикальная и такая умѣренная по формѣ, если бы была принята, понятна и предложена Франціей правительству, должна была положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ и всякой борьбѣ, давая возможность притти постепенно къ соглашенію въ подробностяхъ и къ разрѣшенію безъ насильственныхъ потрясеній всѣхъ социальныхъ и политическихъ вопросовъ. Эта программа, разбивъ объединенную политику и централизацию, обезоружила бы деспотизмъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго собранія, не нарушая французскаго единства въ томъ, что законно и необходимо. Эта программа прямо возвращала народу управление интересами народа, ограничивая государство въ управленіи общими дѣлами, единственно подвѣдомственными государству, которое должно быть представителемъ только общихъ интересовъ федераціи коммунъ. Эта программа, такая простая, такая новая, такая логичная, была спасеніемъ и возрожденіемъ Франціи, революціи, народа и основывала бы социальную республику на непоколебимыхъ основахъ. Я принялъ эту программу и обязался поддерживать и защищать ее до конца.

Это была программа центральнаго комитета, во имя которой была поднята революція 18 марта.

Если Коммуна иногда должна была нѣкоторыми поступками уклоняться отъ этой программы, то это зависѣло отъ тѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ условій, которыя возникали съ ходомъ событій.

Передавая эту программу на память, всю въ цѣломъ, если и не въ подлинныхъ выраженіяхъ, выясняя, по крайней мѣрѣ, ея духъ, я особенно хотѣлъ дать понятіе о простотѣ ея характера, умѣренности ея и явномъ желаніи, сквозящемъ въ каждой строкѣ, избѣжать гражданской войны и предоставить мѣсто примиренію съ правительствомъ, если у него окажется достаточно для этого справедливости, человѣчности и патріотизма.

Это желаніе примиренія со стороны національной гвардіи не вело, однако, къ слабости и нисколько не колебало рѣшимо-

сти поддерживать всѣми средствами до конца права Парижа и побѣду коммунальной идеи, т.-е. торжество социальной революціи.

Я былъ изоранъ восемью тысячами шестьюстами восемью голосами, Лефрансэ получилъ восемь тысячъ шестьсотъ девятнадцать; Клемансъ и Е. Жерарденъ ¹⁾ были выбраны позже болѣе, чѣмъ восемью тысячами голосовъ каждый.

Между Лефрансэ и Амуру, послѣднимъ въ списокѣ, была разница почти въ семьсотъ голосовъ ²⁾.

За Луи Блана, стоявшаго во главѣ реакціоннаго списка, гдѣ фигурировалъ и Вотрэнъ, было подано пятьсотъ голосовъ.

Одновременно я былъ выбранъ отъ восьмого департамента, безъ моего вѣдома и не будучи предупрежденъ; я узналъ объ этомъ только изъ «Официальнаго Журнала» ³⁾, опубликовавшаго результаты выборовъ.

На другой день послѣ выборовъ я отправился въ ратушу въ центральный комитетъ, чтобы знать, въ какой день будутъ объявлены результаты голосованія и официально провозглашена Парижская Коммуна.

Трудно было представить себѣ зрѣлище болѣе характерное и болѣе интересное, чѣмъ то, которое представляла площадь передъ ратушей и внутренность коммунальнаго дворца.

Всѣ выходы на площадь были заняты огромными баррикадами, возведенными 18 и 19 марта. Изъ-за нагроможденной мостовой угрожающе выглядывали жерла пушекъ и митральезъ; за ними блестѣли штыки національной гвардіи.

Это была настоящая крѣпость, живописная и величественная.

На самой площади за баррикадами находился внушительный отрядъ артиллеріи, составленный на скорую руку изъ пушекъ всевозможнаго калибра, на случай битвы противъ реакціи или противъ наступленія версальскихъ войскъ.

Среди пушекъ—вооруженная національная гвардія.

На тротуарахъ, вдоль стѣнъ домовъ, между колесами артиллерійскихъ повозокъ—матрацы и вязанки соломы для импровизированнаго лагеря революціонной арміи.

Много преданныхъ людей съ перваго дня не покидали караула у ратуши, не довѣряя никому общественное спасеніе.

Наступилъ полдень, когда я пробрался на площадь. Горючее весеннее солнце играло на винтовкахъ и искрилось на лакированныхъ жерлахъ пушекъ.

¹⁾ Рабочій-маляръ.

²⁾ Лефрансэ : 8.619

Амуру : 7.950

³⁾ Вотъ списокъ: Рауль Риго, Вайанъ, Артуръ Агню, Али.

Люди, утомленные ночным караулом, лежали на матрацах, соломѣ или артиллерійскихъ дорогахъ.

Но что поражало съ перваго взгляда,—всѣ усердно читали газеты.

Это одно сразу указывало на то, что передъ нами не солдаты правительства, а волонтеры революціи.

Отдыхавшіе борцы обращались въ гражданъ, занимающихся политикой, изучающихъ святой долгъ, которому они отдавали свою жизнь вчера и за который готовы умереть завтра.

Въ это время другіе гвардейцы готовили пищу для своихъ товарищей.

На баррикадахъ у проходовъ, оставленныхъ для публики, стояло нѣсколько часовыхъ, весело помогавшихъ женщинамъ преодолевать препятствія, пересмѣливаясь съ уличными мальчишками, которые своими маленькими, черными отъ грязи руками прибавляли кусокъ бульжника или горсть земли къ импровизированному валу; вѣжливые съ публикой, которую они пропускали безъ раздраженія, безъ оскорбленій и нетерпѣнія, несмотря на сильную усталость, они старались сдѣлать возможно менѣе замѣтнымъ массѣ любопытныхъ и дѣловымъ людямъ временное препятствіе для свободной прогулки по Парижу.

Самое зданіе ратуши также представляло любопытное зрѣлище.

Она вся была наполнена вооруженными людьми. Внутренній стеклянный дворъ, въ серединѣ котораго поднимается двойная лѣстница изъ бѣлаго мрамора, былъ обращенъ въ огромную общую спальню.

Тамъ нельзя было сдѣлать ни одного шага, не рискуя наступить на спящаго гвардейца.

Сюда скрывались тѣ, которые несли ночью наиболѣе тяжелую службу. Съ боковъ, подъ галлереей, маркитантки поставили свои маленькія печки, установили свои легкіе боченки, угощая круглыми сосисками или стаканомъ водки тѣхъ, кто не довольствовался обычной порціей.

Въ первомъ этажѣ, въ огромномъ тронномъ залѣ, были установлены большіе столы, гдѣ обѣдали главный штабъ, офицеры, гонцы, люди, подъ тѣмъ или инымъ именемъ состоявшіе на службѣ у центрального комитета; обѣдъ подавался каждый часъ, потому что каждый часъ приходили и уходили безъ перерыва.

Передъ окнами—пирамидки изъ ружей.

Я долженъ былъ пройти черезъ этотъ залъ, чтобы добраться до центрального комитета, устроившагося въ части, раньше занимаемой префектомъ департамента Сены.

Прежде, чѣмъ добраться до него, я прошелъ 7 или 8 комнатъ, занятыхъ разными делегатами, обязанными принимать публику, отвѣчать на всѣ вопросы, разрѣшать всѣ затрудненія и брать на себя рѣшенія въ затруднительныхъ случаяхъ.

У каждой двери два часовыхъ.

На столахъ, гдѣ делегаты писали ордера, записывали постановленія и регистрировали требованія, лежало возможнаго рода оружіе: сабли, винтовки, револьверы.

Всѣ они были въ формѣ.

Отпавлявшій, наглымъ, прокламацію въ наборъ имѣлъ въ своемъ поясѣ цѣлый арсеналь.

Многіе закусывали наскоро, во время разговора, не имѣя времени сѣсть за столъ. Многіе провели тамъ ночь; нѣкоторые не раздѣвались уже восемь дней подрядъ.

Эти подробности могутъ разсмѣшить или вызвать неприязненное негодованіе.

Находили необыкновеннымъ, что граждане, не заставлявшіе публику дожидаться въ передней, ѣли на глазахъ этой самой публики. Находили неприличнымъ, что люди, проводившіе всю ночь безъ сна, пили при нихъ кофе, чтобы возбудить переутомленный умъ. Находили смѣшнымъ, что борцы, еще не отдохнувшіе отъ вчерашней битвы, уже готовые биться сегодня и предвидя битву на завтра, окруженные врагами, угрожающими тысячею козней, не снимаютъ оружія во время исполненія гражданскихъ обязанностей.

Возможно, что многіе это и преувеличивали, отдаваясь ребяческому хвастовству войною. Впослѣдствіи Коммуна много разъ возставала противъ этой маніи къ галунамъ и уборамъ изъ кинжаловъ.

Но въ общемъ, въ виду существовавшихъ обстоятельствъ, въ этомъ не было ничего смѣшного, и я находилъ даже, что было поразительно видѣть этихъ людей съ оружіемъ въ рукахъ, охраняющихъ народное дѣло; а картинность нѣкотораго индивидуальнаго преувеличенія придавала всему только характерную яркость.

Это была дѣйствительно картина народа, готовящагося къ битвѣ, и такъ какъ этотъ народъ умѣлъ умирать, не положивъ оружія, то послѣднимъ впечатлѣніемъ должно было остаться впечатлѣніе величія¹⁾.

Конечно, для посѣтителей салона Г. Гауссманъ это былъ обидный контрастъ.

¹⁾ Въ наши безпокойные дни человекъ только тогда вполне человекъ, когда онъ вооруженъ. Безоружный народъ—рабъ, потому что онъ отданъ во власть грубой силы.

Г. Гауссманъ никогда не ѣлъ передъ тѣми, къмъ управлялъ: онъ предпочиталъ брать деньги и проводить безсонныя ночи только съ наложницами, оплачиваемыми нашими деньгами.

Кромѣ того, меня удивлялъ видъ караульныхъ національ-гвардейцевъ у этихъ дверей, которымъ они придавали видъ святого святыхъ революціи, и видъ народа, и полу-удивленный, полу-испуганный видъ просителей, для которыхъ эта святыня была не больше, какъ «убѣжище демагогіи».

Эти часовые, по два возлѣ каждой двери, хранили благоговѣйное молчаніе, которое сдѣлало бы честь для стараго служаки, наиболѣе изломаннаго дисциплиной.

Они, очевидно, испытывали нѣчто подобное мистическому трепету, который охватываетъ вѣрующаго, когда онъ входитъ въ храмъ своего Бога.

Эти дѣти народа дѣйствительно были вѣрующими, были приверженцами самой прекрасной, самой великой, самой благородной вѣры,—вѣры въ будущность человѣчества, вѣры въ равную справедливость для всѣхъ.

Изумленный собственной побѣдой, ихъ взглядъ выражалъ смѣсь сомнѣнія, боязни и сдерживаемаго энтузіазма при видѣ своихъ делегатовъ, своихъ людей, людей народа, засѣдающихъ среди этихъ золотыхъ украшеній, на шелковыхъ креслахъ, опирающихся на эти столы, попирающихъ эти густые ковры въ этихъ блестящихъ комнатахъ, гдѣ такъ долго жили враги народа, пособники преступленій, слуги тираніи въ ея многообразныхъ правительственныхъ формахъ.

Особенно вспоминаю я одного стараго гвардейца, съ энергичной бронзовой головой, съ сѣдѣющими волосами, всклоченной бородой и съ костлявыми членами, высушенными нуждой и исковерканными работой.

Онъ не спускалъ горящаго взгляда съ членовъ центрального комитета, проходившихъ по залу, входъ въ который онъ охранялъ. Во взглядѣ, которымъ онъ меня провожалъ, можно было прочесть нѣжную благодарность, почтительное удивленіе, вмѣстѣ съ суровой рѣшимостью защищать свою побѣду до самой смерти.

Этотъ борецъ мечталъ, можетъ быть, въ теченіе пятидесяти лѣтъ о побѣдѣ народа и вотъ въ одинъ прекрасный день увидѣлъ свои мечты осуществленными!

Онъ видѣлъ здѣсь рабочихъ, какъ онъ, товарищей по мастерской, своихъ любимыхъ ораторовъ изъ клуба, видѣлъ, какъ они распоряжались и какъ имъ повиновались!

Онъ видѣлъ буржуа, крупныхъ коммерсантовъ, толстыхъ промышленниковъ, хозяевъ, покорныхъ, кроткихъ, вѣжливыхъ,

просящихъ аудіенціи, пришедшихъ просить пропуска для своихъ вояковъ или семьи.

— Наконецъ-то,—говорилъ его взглядъ!

— Увы—казалось, шептало все его существо, изболѣвшее отъ усилій неблагодарнаго труда въ борьбѣ противъ возрастающей нищеты.

Бѣдный старикъ! Съ огчапнемъ отъ пораженія, которое было тебѣ горше смерти, ты зарыть гдѣ-нибудь подъ мостовой на мѣстѣ, гдѣ въ углу мрачнаго перекрестка высилось нѣсколько баррикадъ, и ѣдкая извѣсть разрушила твои старые кости!

Просители, о которыхъ я упоминалъ, имѣли совершенно иной видъ. Одни были взволнованы, безпокойны, точно попали въ клѣтку ко льву, другіе держались такъ, будто попали въ неприличное мѣсто, гдѣ неловко быть узаннымъ; подъ забавнымъ, притворно-вѣжливымъ выраженіемъ лица сквозила смѣсь страха и гнѣва.

Вскорѣ къ этому присоединилось истинное удивленіе, когда они увидѣли передъ собой людей, вмѣсто дикихъ звѣрей и грязныхъ оборванцевъ, которыхъ рисовало имъ ихъ воображеніе.

У немногихъ, которые были болѣе ограничены, а потому рабски подчинены идиотскимъ предразсудкамъ, чѣмъ дѣйствительно одержимы подлостью, предубѣжденіемъ и свирѣпой ненавистью безумнаго эгоизма,—замѣтно было глубокое впечатлѣніе, хотя еще нѣсколько смутное и колеблющееся.

Нѣкоторые выглядѣли почти успокоенными и наполовину обращенными, но только на одинъ мигъ. Какъ только они возвращались къ своему обычному обществу, прежніе взгляды овладѣвали ими съ быстротою молніи.

Всѣ безъ исключенія были изумлены, когда ихъ приняли, выслушали, когда они убѣдились, что ихъ требованія исполнялись, если они были справедливы и не угрожали безопасности Парижа.

Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ гражданина Эдуарда Моро, котораго я совершенно не зналъ. Эго былъ еще очень молодой человѣкъ, блѣдный, бѣлокурый съ выразительными чертами, холоднымъ и мало симпатичнымъ выраженіемъ лица.

Товарищи поручали ему составлять прокламаціи отъ имени центрального комитета.

Онъ былъ разстрѣлянъ версальцами.

Я не зналъ совершенно гражданина Моро.

Я не могъ бы сказать, какую роль игралъ онъ въ политическихъ событіяхъ, но человѣкъ, писавшій прокламаціи, принимаемая комитетомъ, былъ, навѣрное, съ большимъ талан-

томъ и очень способнымъ писателемъ, ибо всё эти прокламации были превосходны какъ по формѣ, такъ и по содержанію, часто отличались истиннымъ краснорѣчіемъ и говорили съ народомъ понятнымъ ему въ одно и то же время яснымъ, сильнымъ, смелымъ и возвышеннымъ языкомъ.

На другой день официально была провозглашена Коммуна.

Передъ ратушей, на эстрадѣ, покрытой красными драпировками, вокругъ большого стола застѣдали члены центрального комитета въ красныхъ шарфахъ съ серебряной бахромой¹⁾, всё въ формѣ національной гвардіи.

За ними статуя Генриха IV, скрытая подъ складками красного знамени.

Безъ всякихъ афишъ и приглашеній, кромѣ одной строчки въ «Официальной Газетѣ», если не ошибаюсь, болѣе ста тысячъ національных гвардейцевъ, во-время предупрежденныхъ, прибѣжали на площадь и заняли всё сосѣднія улицы.

На баррикадахъ выдѣлялись группы людей.

Любопытные наполняли мансарды аристократическихъ домовъ на улицѣ Риволи. Окна первыхъ этажей оставались болѣею частью герметически закупоренными. Жильцы отсутствовали или прятались.

Чудное солнце освѣщало эту величественную картину переливаясь на штыкахъ и на золотыхъ или серебряныхъ галунахъ офицеровъ, заливая волнами ослѣпительнаго свѣта знамена всѣхъ батальоновъ, собранныя вдоль ограды, и разноцвѣтныя знамена, потому что красное знамя не вездѣ еще замѣнило трехцвѣтныя знамена Седана и Версаля.

Когда центральный комитетъ объявилъ имена избранниковъ Коммуны, когда пушечный залпъ внезапно потрясъ городъ, изъ тысячъ окружающихъ грудей раздался крикъ, полный такого энтузіазма, такого единодушнаго и рѣшительнаго провозглашенія республики и Коммуны, что этого не забудеть никто изъ присутствовавшихъ на этомъ праздникѣ, хотя бы ему пришлось жить столѣтія.

Сто тысячъ ружей, сверкнувъ ста тысячами огней, поднялись надъ ста тысячами обнаженныхъ головъ, которыя клялись всему народу побѣдить или умереть.

Эти сто тысячъ человѣкъ да двѣсти тысячъ человѣкъ, поднявшихся 2 апрѣля, узнавъ о нападеніи версальцевъ,—была та горсть мятежниковъ и бѣжавшихъ отъ суда преступниковъ, которыхъ Тьеръ доносилъ невѣжественной испуганной провинціи.

¹⁾ Пелевякъ членовъ Коммуны была также красная, только серебряная бахрома была замѣнена золотыми жолудями на концахъ.

Сколько осталося ихъ теперь, этихъ федералистовъ, которые были тогда полны надеждъ и подъ голубымъ небомъ, подъ громъ пушекъ провозгласили Коммуну и всемірную республику?

Тысячи томятся въ каторжныхъ работахъ, въ ссылкѣ, въ Новой Каледоніи.

Другіе страдаютъ и борются въ изгнаніи.

Остальные—бѣгущая часть поживаетъ подъ мостовыми, которыя они полили своей кровью въ теченіе недѣли убійствъ, послѣ шестидесяти дневной безпощадной борьбы.

Это провозглашеніе новой идеи и социальной революціи было такъ трогательно и такъ грандіозно, что даже наши враги испытывали настолько глубокое впечатлѣніе, что одинъ изъ нихъ не удержался отъ удивленія, исторгнутаго у него на мигъ не совѣстью, конечно,—у этихъ людей ее нѣтъ,—а потрясенными и покоренными нервами.

Вотъ конецъ отрывка изъ книги, полной клеветы, подъ заглавіемъ: «Семьдесятъ три дня Коммуны», подписанной Катумомъ Мендесомъ.

«Батальоны одинъ за другимъ выстроились на площади съ музыкой во главѣ.

Музыка играла Марсельезу, подхваченную хоромъ въ пятьдесятъ тысячъ рѣшительныхъ голосовъ; этотъ музыкальный громъ потрясалъ всё души, и великая пѣсня, забытая изъ-за нашихъ поражений, на мигъ обрѣла вновь свою прежнюю силу.

Вдругъ громъ пушекъ. Пѣніе страшно усиливается; огромная волна знаменъ, штыковъ, кепи подходитъ, уходитъ, волнуется, тѣснится передъ эстрадой. Пушки палятъ непрерывно, но громъ ихъ слышенъ только въ перерывѣ пѣнія. Потомъ все это тонетъ въ единодушномъ восклицаніи, въ общемъ крикѣ неисчислимой толпы. У всѣхъ этихъ людей одно сердце, какъ одинъ голосъ.

Ахъ! Парижскій народъ! Въ тебѣ кипитъ такой вулканъ великодушныхъ страстей, что при приближеніи твоемъ даже сердца осуждающихъ тебя покоряются, очищаются огнемъ твоимъ!

Наканунѣ, одинъ изъ нашихъ, журналистъ, писатель, поэтъ, Жюль Валлэ, написалъ своимъ горячимъ, яркимъ, жгучимъ, полнымъ истинно-революціоннаго краснорѣчія языкомъ слѣдующую замѣчательную страницу:

«Нѣжное и ясное солнце, золотящее жерла пушекъ, запахъ букетовъ, трепетаніе знаменъ, рокотъ революціи, которая идетъ тихая и прекрасная, какъ голубая рѣка, содроганія, отблески, громъ мѣдныхъ трубъ, отсвѣтъ бронзы, пламенные надписи, благоуханіе славы побѣдной республиканской арміи—было отъ чего уплыть гордостью и радостью.

О, великій Парижъ!

Труссы, мы уже говорили, что нужно покинуть тебя, удалиться от твоихъ предмѣстій, которыя считали мертвыми!

Прости, отечество славы, городъ-избавитель, очагъ революціи!

Что бы ни случилось, будемъ ли мы завтра побѣждены или должны умереть, наше поколѣніе утѣшено! Мы вознаграждены за двадцать лѣтъ поражений и тоски.

Горнисты, наполните звуками воздухъ. барабанщики, бейте въ походъ!

Обними меня, товарищъ, твои волосы также сѣды, какъ мои

И ты, мальчуганъ, игравшій въ шарики за баррикадами иди сюда, чтобы я могъ и тебя обнять.

18 марта прекрасно сохранило тебя, шалунишка! И, можетъ быть, какъ и мы, ты вырастешь среди тумана, будешь валяться въ грязи, кататься въ крови, издыхать отъ голода и стыда, нынчать въ невыразимой скорби безчестій!

Конецъ!

Мы за тебя истекали кровью и слезами. Ты примешь наше наслѣдство. Сыны бывшихъ въ отчаяніи, ты будешь свободнымъ человекомъ».

Почти всѣ члены Коммуны присутствовали при этой церемоніи. Всѣ были глубоко тронуты. Я чувствовалъ, какъ у меня сжимается горло и глаза наполняются слезами.

Среди этихъ безконечныхъ восклицаній, этой пылкой вѣры передъ этимъ потокомъ надежды, который хлынулъ на насъ отъ этой толпы, передъ этими ста тысячами гражданъ, которые намъ говорили: «Вотъ наша кровь, наша жизнь! Берите все, пользуйтесь всѣмъ безъ пощады, мы не будемъ торговаться, не спасите республику, утвердите Коммуну и равенство. Судьба наша, судьба Франціи, революціи, т.-е. всего человѣчества,—въ вашихъ рукахъ!»—у меня кружилась голова и мнѣ было страшно отъ сознанія огромной отвѣтственности!

Курне былъ около меня.

Я схватилъ его за руку, указывая на эту картину.

«Сколько отвѣтственности!»—сказалъ я ему,

«Но и сколько правъ!»—отвѣтилъ онъ мнѣ.

XI.

Коммуна.—Большинство и меньшинство.—Делеклюзъ.—

Гамбонъ.—Феликсъ Піа.—Политика.

Первое засѣданіе Коммуны было въ день ея обнародованія, 28 марта, вечеромъ, въ ратушѣ.

Это собраніе произошло само собой, такъ какъ ни одинъ членъ не получалъ приглашенія.

Приглашеніе на это собраніе не могло исходить отъ бюро Коммуны, еще не учрежденнаго; оно должно было быть сдѣлано центральнымъ комитетомъ, который уклонился отъ этого.

Въ самомъ дѣлѣ, проявивъ большое безкорыстіе и большую способность, пока власть принадлежала ему одному, какъ только Коммуна, выборы которой онъ обезпечилъ, приняла осязательную форму и стала фактомъ, центральный комитетъ сталъ поступать совсѣмъ иначе.

Чувство своей огромной отвѣтственности до тѣхъ поръ преобладало надъ маленькими личными страстями, возвышало сердца и разсудокъ народныхъ диктаторовъ. Но лишь только обнародованіе Коммуны избавило ихъ отъ этого страшнаго бремени, они опять становятся людьми, поддаются жаждѣ соперничества, и нѣкоторые начинаютъ вдругъ жалѣть о той власти, которую они съ такой поспѣшностью возвратили избранникамъ парижскаго народа.

Исполнивъ свой долгъ, они стали скучать.

Ничего не было приготовлено, чтобы принять насъ въ ратушѣ, когда мы явились туда.

Не было ни одной залы, которая хоть отчасти не была бы занята свитой центрального комитета.

Члены Коммуны, прибывшіе первыми, блуждали тамъ наугадъ, не зная, гдѣ мы должны собраться.

Забывъ сказать часовымъ, чтобы они насъ пропустили, и такъ какъ въ данный моментъ у насъ не было ни пароля, ни какого-либо знака, по которому они бы насъ узнали, намъ долго пришлось вести переговоры передъ оградой, прежде чѣмъ мы могли проникнуть во внутрь.

Многіе изъ насъ, имя или лицо которыхъ были мало извѣстны, были вынуждены въ этотъ вечеръ уйти, въ виду суроваго приказа стражи.

А между тѣмъ, къ 10 часамъ мы были въ достаточномъ числѣ, чтобы вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

Вспомнивъ тогда, какъ бывший участникъ 4 сентября, что въ ратушѣ была особенная зала для засѣданій мун. ци. пального совѣта, я повелъ туда моихъ смущенныхъ товарищей.

Дверь была з перта. Членовъ центрального комитета невозможно было найти.

Пришлось искать слесаря. Зала, долго никѣмъ не посѣщаемая, была полна пыли. Лампы не было.

Многіе изъ насъ чувствовали сильное раздраженіе по отношенію къ центральному комитету, приписывая ему умыселъ, котораго, вѣроятно, сознательно не было, по крайней мѣрѣ, у всѣхъ.

Наконецъ, худо ли хорошо ли, мы могли вступить въ испол-

неніе своихъ обязанностей. Тогда явилась делегація изъ трехъ членовъ, чтобы передать намъ власть центрального комитета въ выраженіяхъ, которыя были приняты благосклонно, и Коммуна высказала, что комитетъ оказалъ важныя услуги республикѣ и Парижу.

Гражданинъ Блелай, старшій по возрасту, былъ назначенъ предсѣдателемъ засѣданія.

Я никогда не имѣлъ намѣренія писать исторію Коммуны въ буквальномъ смыслѣ, а просто хотѣлъ собрать мои личные воспоминанія и искренно рассказать то, что я видѣлъ, что считалъ интереснымъ, чтобы лучше выдѣлить коммунальную идею, довольно неясную даже для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые сражались подъ ея знаменемъ, и—что было важнѣе всего,—для многихъ, которые были обязаны доставить ей торжество.

Важно также освободить ее отъ тѣхъ клеветъ, подъ которыми старались задушить ее ея враги-побѣдители, и отвѣтить тѣмъ милымъ друзьямъ, можетъ быть, еще хуже враговъ, которые жмутъ вамъ руку, какъ заблудившимся несчастнымъ, достойнымъ почти въ такой же степени жалости, какъ и порицанія.

Но я лично отвергаю это сожалѣніе, это снисхожденіе.

Идея была велика и справедлива.

Въ ней было спасеніе народа.

Если же люди совершали ошибки, если они оказались ниже своей задачи, пусть ихъ судятъ, пусть исторія къ нимъ будетъ такъ же строга, какъ они того заслуживаютъ; я не уклоняюсь вовсе отъ строгаго суда исторіи. Но пусть къ этому приговору не примѣшиваютъ самого дѣла.

Если обстоятельства и наши силы не позволили намъ обезпечить побѣду этому дѣлу, въ настоящее время нужно, по крайней мѣрѣ, понять какъ слѣдуетъ эту идею, чтобы не думали, что имѣютъ дѣло съ болѣе или менѣе героическимъ, болѣе или менѣе справедливымъ возстаніемъ. Надо ясно понять слѣдующее.

Парижская Коммуна была болѣе, чѣмъ возстаніе, и нѣчто совершенно иное.

Она была возникновеніемъ принципа, утвержденіемъ политики. Однимъ словомъ, она не была только еще одной революціей, она была новой революціей, несущей въ складкахъ своего знамени цѣлую самобытную и своеобразную программу.

Въ тотъ день, когда это будетъ какъ слѣдуетъ понято, все будетъ спасено.

Поэтому я не буду вовсе писать восхваленія Коммунѣ и ея дѣятелямъ. Я стараюсь болѣе всего быть справедливымъ и безпристрастнымъ, говоря объ ней и объ нихъ.

Если мы были разбиты, несмотря на величіе дѣла и не-

сматривая на величіе нагода, который пролилъ за него свою кровь, это зависитъ отъ почти безвыходныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находились,—обстоятельствъ, которыя не мы создавали, которымъ мы должны были подчиниться.

Это зависитъ также отъ недостатка ясности въ политикѣ Коммуны.

Надо въ самомъ дѣлѣ это признать. Парижская Коммуна, рассматриваемая, какъ правительственная власть, часто вела противорѣчивую политику, и можно наблюдать своеобразное явленіе, что коммунальная идея, такъ рѣзко опредѣленная и очерченная послѣ 18 марта и во время господства центрального комитета, становится все болѣе неопредѣленной и болѣе нерѣшительной, начиная съ того дня, когда явилось собраніе подъ именемъ: Парижская Коммуна.

Между тѣмъ, въ этомъ собраніи, которое такъ унижали, которое старались попеременно и одновременно изобразить гнуснымъ и смѣшнымъ, въ числѣ членовъ было много знаменитыхъ людей, имѣвшихъ неоспоримое интеллектуальное значеніе.

Что касается честныхъ, благонамѣренныхъ людей, твердо рѣшившихъ исполнить свой долгъ, то, можетъ быть, никогда не было собранія, гдѣ бы ихъ было такъ много.

Въ самомъ дѣлѣ, далеко не замѣчательными людьми были такіе, какъ Делсклюзъ, Феликсъ Піа, Варленъ, Жюль Валлэ, Тридонъ, Верморель, Теизъ, Прото, Лонге, Гамбонъ, Лефрансе, Малонъ и т. д. и т. д.

Но можно ли удивляться, если рядомъ съ этими людьми и другими, которыхъ я не называю, чтобы бесполезно не удлинять этого списка ¹⁾, если рядомъ съ людьми замѣчательными по таланту или характеру, или по тому и другому одновременно, находились въ Коммунѣ и смѣшные люди?

Демократія также имѣетъ своихъ Лоржерилей, своихъ Белькастелей и своихъ Баракьоновъ.

Человѣческая слабость встрѣчается повсюду.

Впрочемъ, главная опасность для Коммуны и ея главная слабость заключались не въ этомъ. Я повторяю: ея ошибки и нерѣшительный характеръ ея политики имѣли источникомъ другія причины, изъ которыхъ я укажу главные.

¹⁾ Такъ, есть люди, о которыхъ я совсѣмъ не упоминаю, какъ о членахъ Коммуны; такіе, какъ Дюваль, Флугансъ, Бланки, Клузере и т. д., такъ какъ одни погибли вначалѣ, другіе никогда не присутствовали и не участвовали въ нашихъ совѣщаніяхъ, хотя и были правильно избраны.

Извѣстно, что Дюваль и Флугансъ были убиты 3 апрѣля версальцами и что Бланки былъ асстованъ реакціей.

Что касается Клузере, то онъ оставался военнымъ министромъ до своего ареста.

Не успѣли мы собраться и вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, какъ мы должны были признать тотъ весьма важный фактъ, что слова «Парижская Коммуна» разными членами собранія понимались двояко.

Для однихъ Парижская Коммуна выражала, олицетворяла первое примѣненіе гнѣтительнаго принципа, войну со старымъ понятіемъ единого централизованнаго деспотическаго государства.

Коммуна для нихъ являлась торжествомъ принципа автономіи свободно соединенныхъ группъ и возможно болѣе непосредственнаго управленія народа самими собой.

По ихъ мнѣнію, Коммуна была первымъ этапомъ огромной, какъ соціальной, такъ и политической революціи, которая должна окончательно уничтожить старый порядокъ. Это было безусловное отрицаніе идеи диктатуры, это было захватомъ власти самимъ народомъ и, слѣдовательно, уничтоженіе всякой власти внѣ и надъ народомъ.

Люди, которые такъ чувствовали, думали и желали, образовали то, что позднѣе называлось группою социалистовъ или меньшинствомъ.

Для другихъ Парижская Коммуна, напротивъ, была продолженіемъ прежней Парижской Коммуны 93 года. Она, по ихъ мнѣнію, была диктатурой имени народа, огромной концентраціей власти въ нѣсколькихъ рукахъ, разрушеніемъ прежнихъ учреждений, замѣной прежде всего новыми людьми лицъ, стоящихъ во главѣ этихъ учреждений, немедленно преобразованныхъ въ военную силу, чтобы они служили народу противъ его враговъ.

Среди людей этой авторитарной группы не вполне исчезла идея единства и централизаціи.

Если они принимали, если они записали на своемъ знамени принципъ коммунальной автономіи и свободной федераціи группъ, то потому что этотъ принципъ былъ имъ навязанъ волю Парижа, но нѣкоторые его мало или плохо понимали или вводили туда значительныя ограниченія.

Впрочемъ, подъ вліяніемъ привычекъ, обусловленныхъ требованіями ума, долгой жизни полной борьбы, они, какъ только доходили до дѣла, снова шли тѣмъ путемъ, къ которому привыкли издавна, и съ несомнѣнно добрыми намереніями желали примѣнить старый образъ дѣйствія къ новой идеѣ. Они не понимали, что въ подобномъ случаѣ форма поглощаетъ почти всегда самую сущность и что, желая основать свободу диктаторскими или произвольными средствами, убиваютъ то, что хотятъ спасти.

Эта группа, составленная, впрочемъ, изъ довольно различныхъ элементовъ, представляла большинство и назвала себя: революціонерами-якобинцами.

Это названіе, какъ и то, которое примѣняли къ меньшинству, было несправедливо въ томъ смыслѣ, что оно было слишкомъ одностороннимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство, исключая отдѣльных личностей, не было въ общемъ анти-соціалистическимъ, какъ и меньшинство не было анти-революционнымъ.

Никто въ Коммунѣ не думалъ возставать противъ необходимости соціальныхъ реформъ, и всѣ декреты соціального характера проходили безъ всякихъ возраженій обыкновенно единогласнымъ рѣшеніемъ.

Съ этой точки зрѣнія большинство было соціалистическимъ. Но тамъ господствовало предубѣжденіе революціонныхъ традицій, употребленныхъ, какъ способъ, и оно смотрѣло по большей части, какъ на постороннее, на то, на что большая часть членовъ меньшинства смотрѣла, какъ на главное.

Большинство, взятое въ цѣломъ, имѣло менѣе ясное и определенное представленіе о своеобразномъ и новомъ коммуналистическомъ движеніи. Занятое по необходимости потребностями ежедневной борьбы, оно не только заботилось о томъ, чтобы укрѣпить основы для будущности и блестяще подчеркнуть тотъ принципъ, которому мы должны были доставить торжество или, во всякомъ случаѣ, общее признаніе: оно вынуждено было, повторяю, для спасенія Парижа прибѣгать, часто безъ разбора, къ традиціоннымъ средствамъ.

Они, обыкновенно, голосовали за соціалистическія мѣропріятія, когда ихъ предлагала группа, извѣстная своими экономическими познаніями.

Съ другой стороны, меньшинство не было анти-революционно, чему служило доказательствомъ его участіе и его дѣятельность въ такомъ революціонномъ движеніи, какъ начатое 18 марта.

Необходимо даже признать, что съ извѣстной точки зрѣнія меньшинство было революціоннѣе большинства въ томъ смыслѣ, что оно смѣлѣе занесло руку надъ самыми учреждениями, что оно било по самымъ основамъ стараго соціального и политическаго строя, что оно хотѣло порвать со всеми традиціями и создать дѣйствительно совершенно новое дѣло, измѣнивъ сверху донизу старинныя отношенія правящихъ къ управляемымъ, открывъ, однимъ словомъ, совершенно новую эру, выйдя безповоротно изъ той колеи, гдѣ въ теченіе восьми десяти лѣтъ увязали всѣ правительства, порожденные народными движеніями.

Въ концѣ концовъ, въ цѣломъ оно не противорѣчило ни

одной крайней мѣрѣ, лишь бы это мѣропріятіе было цѣлесообразно и не шло въ разрѣзъ съ самымъ принципомъ, во имя котораго мы взяли за оружіе.

Насколько несправедливы и исключительны были прозвища въ примѣненіи ко всему большинству и меньшинству, можно судить по тому, что въ группѣ такъ называемыхъ революціонеровъ-якобинцевъ было извѣстное число членовъ Интернаціонала, людей, участвовавшихъ въ социалистическомъ движеніи, точно такъ же, какъ среди меньшинства были бланкисты Тридонъ и журналисты радикальной прессы, болѣе извѣстные своей революціонной дѣятельностью во время имперіи, чѣмъ принадлежностью къ социалистическому движенію¹⁾.

Нельзя было также утверждать, что въ той или другой группѣ было болѣе представителей буржуазіи или трудящихся классовъ, такъ какъ, если главные и самые пылкіе вожди большинства, Феликсъ Піа, Рауль Рюго, Вильямъ, Ферре, Гамбонъ, Паскаль Груссе, Прото, Рокеръ, Лео Меллие, Міо, принадлежали къ буржуазіи, именно къ журналистамъ и адвокатурѣ, то Шардонъ, Амуру, Шаленъ Дереръ, Тренке, Юаннаръ и др. были рабочіе.

Точно также, если въ меньшинствѣ были буржуа, какъ Лефрансе, Лонгюс, Жюль Волле, Верморель, Тридонъ, Андриэ, Журдъ, Артуръ Агню, то тамъ были и рабочіе, какъ Клемансъ, Е. Жерарденъ, Тейсъ, Матонъ, Пинди, Серайеръ, Авриэль и, наконецъ, Варленъ.

Итакъ, причины раскола, происшедшаго подъ конецъ среди членовъ Коммуны, не слѣдуетъ искать въ дѣленіи на касты, разницѣ по образованію и т. п.

Расколъ произошелъ по другимъ причинамъ; какъ я объяснялъ, онъ произошелъ оттого, что одни, имѣя менѣе ясное представленіе о коммуналистической идеѣ, хотѣли пользоваться средствами, создавшими политическую и буржуазную революцію 1789 г., между тѣмъ, какъ другіе объявляли, что

¹⁾ Совершенно ошибочно, поэтому, утверждать, что члены Международной Ассоциации представляли съ перваго дня прочную группу, сидѣвшую слѣва и звывшуюся социалистами.

Меньшинство образовалось вовсе не такъ.

Образование это было гораздо медленнѣе и не было результатомъ предварительнаго соглашения.

Въ дѣйствительности небольшое число людей съ одинаковыми взглядами и тенденціями постепенно выяснились другъ для друга своими рѣчами и голосованіемъ, образовали опредѣленную группу и вступили въ сношенія только въ силу необходимости, уже совершенно въ концѣ Коммуны.

Голосование комитета общественнаго спасенія впервые проявило официальное существованіе меньшинства и связало членовъ его между собою.

Коммуна—оригинальная революція, по существу своему социальная и народная, которая должна закончить, а вовсе не возобновлять первую революцію; старались подчеркнуть ея своеобразный характеръ, примѣнять новыя средства, соответствующія новому принципу, не отвергая впрочемъ ни одной энергичной мѣры, вызванной небывалыми обстоятельствами, въ какихъ мы были.

Однимъ словомъ, мы требовали цѣлесообразныхъ мѣропріятій, между тѣмъ какъ большинство, по нашему, примѣняло частью средства неудачныя, болѣе того, совершенно безсильныя, и вовсе неэффективные при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ находилась Коммуна.

Доказательствомъ, что мы были правы, служить то, что большая часть мѣропріятій похвальныхъ, но рѣдко примѣняемыхъ, такъ какъ они не соответствовали ни средѣ, ни событіямъ, ускорили только паденіе Коммуны и сдѣлали его болѣе глубокимъ.

Если большинство членовъ собранія высказалось противъ насъ, то это произошло еще потому, что среди членовъ такъ называемой революціонной группы находились такіе люди, какъ Делеклюзъ, Феликсъ Піа, Гамбонъ, которые, благодаря возврату и долгой борьбѣ, имѣли преобладающее вліяніе въ собраніи, почти цѣлкомъ составленномъ изъ новичковъ въ политикѣ.

Имена эти являлись всегда главариами во всякой борьбѣ, во всякой оппозиціи, за ними признавали извѣстную опытность въ общественной жизни, такъ какъ дѣятельность ихъ восходила до 1848 г. и борьбы тогдашней демократіи. У нихъ было все, чтобы внушить довѣріе и привлечь умы, они только неясно понимали то дѣло, которое выпало на нашу долю.

Среди меньшинства, напротивъ, кромѣ Беслай и Лефрансе, никто изъ насъ не могъ принимать дѣятельнаго участія въ событіяхъ, предшествовавшихъ имперіи. Мы развились самостоятельно, безъ всякихъ традицій, на одномъ изученіи исторіи. Родившись къ нравственной жизни подъ гнетомъ, мы ненавидѣли, боролись какъ кто умѣлъ, кто перомъ, кто словомъ, кто, организуя рабочее движеніе, какъ Варленъ и другіе члены Международнаго Собранія, которыхъ социализмъ привелъ къ революціи такъ же, какъ нѣкоторыхъ изъ насъ революція привела къ социализму.

Люди 1848 года, войдя въ Коммуну, внесли съ собою по необходимости, я уже сказалъ, привычки ума и свойственное имъ понятіе о революціи, которое рѣшительно не соответствовало столь глубоко своеобразному движенію, какъ было движеніе 18 марта.

Въ известномъ возрастѣ привычки укрѣпляются.—Они были представителями другого поколѣнія, иныхъ чувствъ, иного способа дѣйствія.

Мы не касаемся здѣсь ихъ характеровъ, ихъ искренности, преданности и ума.

Делеклюзъ проявилъ величіе и самоотреченіе, которыя сдѣлали изъ него изъ ряду вонъ выходящую историческую фигуру, достойную уваженія и всеобщаго удивленія.

И на меня лично онъ произвелъ ничѣмъ неизгладимое, живое и сильное впечатлѣніе.

Это былъ благородный характеръ, герой въ полномъ смыслѣ слова.

Его любовь къ народу, его преданность революціи подъ конецъ заглушили въ немъ всякій личный эгоизмъ. Онъ отделился, такъ сказать, отъ самого себя и парилъ надъ людьми и событіями, не видя ничего, кромѣ священной цѣли и высшаго закона—блага народа!

Онъ, старый якобинецъ, созданный по образцу людей Конвента, послѣднимъ и прекраснымъ воплощеніемъ которыхъ онъ былъ, принадлежа къ поколѣнію, влюбленному въ единство и мало знакомому съ социальными вопросами,—онъ вскорѣ замѣтилъ, что отдастъ всю жизнь коммуналистическому дѣлу, многіе принципы котораго противорѣчили нѣкоторымъ его самымъ дорогимъ убѣжденіямъ. Если онъ не раздѣлялъ всѣхъ пожеланій борцовъ Коммуны, если нѣкоторыя изъ этихъ стремленій оскорбляли принципы, которымъ онъ посвятилъ свою жизнь, или проявляли новую сторону вопроса и этимъ вносили колебаніе и смущеніе въ его умъ, привыкшій къ иному способу мышленія,—тѣмъ не менѣе нужно отдать ему справедливость,—онъ прекрасно понималъ новую программу и ея значеніе.

Можетъ быть, его симпатіи влекли его и не туда, но тамъ былъ народъ, тамъ была его воля.—Онъ подчинился и, какъ стоикъ, принесъ необходимую жертву.

Никогда съ устъ его не срывалось горькаго слова обвиненія или упрека меньшинству; можно сказать даже, что къ концу онъ стоялъ между меньшинствомъ и большинствомъ, которое охотно уничтожило бы первое, какъ препятствіе. Онъ покрывалъ его своимъ покровительствомъ и онъ, котораго сорокалѣтняя борьба и темпераментъ всецѣло влекли къ большинству, онъ умѣлъ быть справедливымъ къ меньшинству, умѣлъ понять и признать его роль. Такъ какъ въ этотъ торжественный часъ онъ умѣлъ отрѣшиться отъ личнаго самолюбія, то онъ ясно понималъ, что какъ наѣво, такъ и направо были только вѣрные слуги народнаго дѣла.

Гамбонъ принадлежалъ также къ этой категоріи людей. Онъ также мало интересовался расколомъ, который къ концу, казалось, раздѣлилъ Коммуну на два лагеря. Единственно озабоченный триумфомъ революціи и побѣдой парижскаго народа, онъ посвятилъ этому всѣ свои силы съ преданностью, мужествомъ и самоотреченіемъ, достойными всякой похвалы. Онъ шелъ въ рядахъ большинства, но никогда не падалъ на меньшинство, никогда не высказывалъ раздраженія или подозрѣнія, и я думаю, что въ случаѣ надобности онъ, какъ и Делеклюзъ, вмѣшался бы, чтобы напомнить нѣкоторымъ, особенно склоннымъ забывать, что врагъ въ Версалѣ и что революція знаетъ только преданныхъ борцовъ на всѣхъ скамьяхъ Коммуны.

Къ несчастью, я не могу сказать того же о Феликсѣ Піа, который, напротивъ, вносилъ часто въ споры большую горячность и несносную язвительность и позволялъ себѣ въ своемъ журналѣ доходить до высшей степени несправедливаго непониманія нашихъ стремленій, которыя не могли возбуждать сомнѣнія ни въ одномъ умномъ и добросовѣстномъ человѣкѣ.

Это казалось и кажется мнѣ глубоко печальнымъ.

Если ошибочная оцѣнка и непониманіе даннаго положенія простительны нѣкоторымъ умамъ, болѣе убѣжденнымъ, чѣмъ просвѣщеннымъ, и непривыкшимъ разсматривать вопросъ со всѣхъ точекъ зрѣнія,—умамъ, у которыхъ страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ и которые забавляются громкими фразами въ ущербъ логикѣ, то это совсѣмъ не извинительно по отношенію къ Феликсу Піа, умному и талантливому человѣку.

Во время своей долгой политической дѣятельности онъ всегда проявлялъ смѣлость ума и несомнѣнную революціонную энергію. Съ этой стороны, ему, какъ Делеклюзу и Гамбону, нечего было доказывать. Какъ они, онъ могъ и долженъ былъ стать выше мелкой вражды и несправедливостей, не возбуждая подозрѣнія даже самыхъ требовательныхъ и недовѣрчивыхъ.

Если онъ этого не дѣлалъ, то я предполагаю, что личная вражда къ нѣкоторымъ членамъ меньшинства увлекала его за предѣлы строгой справедливости, какъ это бываетъ у нервныхъ и впечатлительныхъ темпераментовъ съ артистическимъ направленіемъ.

Возвращаясь къ предыдущему, я могъ убѣдиться, что для многихъ членовъ большинства коммуналистическая идея прошла совершенно незамѣченной, что они ее совершенно не поняли и не могли вовсе отрѣшиться отъ связи съ прошлымъ.

Въ ихъ глазахъ революція 18 марта была простой революціей, и они дѣйствовали соответственно этому, не отдавая себѣ отчета въ глубокомъ отличіи ея отъ прежнихъ, не только послѣд-

Я не буду дольше останавливаться на этом, потому что и хочу и решительно избегаю касаться личностей.

Да и что значат личности?

Если и были среди нас грѣшившіе легкомысліемъ, непониманіемъ обстоятельствъ или просто неспособностью, то время судить ихъ еще не наступило. Никто не въ правѣ сомнѣваться въ ихъ намѣреніяхъ, ихъ убѣжденіяхъ, которыя выше всякихъ нападокъ. И конецъ, теперь они—побѣжденные, нѣкоторые—мученики, жестоко искупившіе заблужденіе ума.

Установимъ ошибку, но не будемъ касаться личностей.

Эта ошибка, впрочемъ, является, по моему, слѣдствіемъ первой, самой тяжелой и непоправимой изъ всѣхъ, ошибка которая была мною указана и которая состояла въ томъ, что Коммуна изолировала себя, отвергла полную гласность; что она, такъ сказать, не зашла на площади.

Необходимо было твердое диктаторское правленіе въ военныхъ вопросахъ.

Во всемъ остальномъ слѣдовало жить съ толпой, совѣтоваться съ ней, жить ею. Отъ этой близости съ толпою родилась бы искра, которая должна была бы ярко освѣтить весь путь нашего слѣдованія.

Я думаю, что отмѣтилъ зло съ большою откровенностью и безпристрастіемъ, забывая маленькія столкновенія, которыя могли насъ раздѣлять.

Да позволять мнѣ теперь изложить смягчающія обстоятельства.

Ихъ было много.

Прежде всего мы были обременены работой, изнемогали отъ усталости, не имѣя ни минуты покоя, ни одного мгновенія, когда спокойное размышленіе могло бы оказать свое спасительное воздѣйствіе.

Имѣютъ ли представленіе о томъ, каково было наше существованіе въ теченіе этихъ семидесяти двухъ дней? Какъ разрушительная работа сушила и разрушала нашъ мозгъ?

Въ качествѣ членовъ Коммуны мы обыкновенно засѣдали два раза въ день.

Въ два часа и вечеромъ до глубокой ночи.

Эти два засѣданія прерывались только настолько, чтобы слегка закусить.

Кромѣ того, всякій изъ насъ принималъ участіе въ одной изъ комиссій, исполняющихъ работу разныхъ министерствъ и обязанныхъ управлять однимъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: народнымъ образованіемъ, военнымъ, продовольствіемъ, внѣшними

сношеніями, полиціей и т. д., завѣдыванія которымъ было достаточно, чтобы поглотить всѣ силы человѣка.

Съ другой стороны, мы были мэрами, гражданскими офицерами, обязанными управлять нашими соотвѣтствующими округами.

Многіе изъ насъ были командирами національной гвардіи; и между нами не было, можетъ быть, ни одного, кто не долженъ былъ каждую минуту бѣжать на аванпосты, идти въ форты, чтобы ободрять сражающихся, выслушивать ихъ требованія, удовлетворять ихъ или самому обсуждать военное положеніе.

Каждый изъ насъ въ этихъ ужасныхъ условіяхъ, гдѣ малѣйшая ошибка, малѣйшее невѣрное движеніе могли все погубить, долженъ былъ брать на себя благополучно вести тысячи разнообразныхъ работъ, достаточныхъ, чтобы занять восемь или девять человѣкъ.

Мы не спали. Что касается меня, то я не помню, чтобы я въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ раздѣвался и ложился десять разъ. Кресло, стулъ, скамья на нѣсколько мгновеній, часто прерываемыхъ, служили намъ постелью.

Это существованіе, въ которомъ мы изнемогли бы физически, если бы оно продолжилось, и которое, несомнѣнно, лишало мысль хладнокровія и ясности, было впрочемъ результатомъ идеи о концентраціи, которая господствовала у большинства членовъ Коммуны. Они полагали, что силы ихъ будутъ соответствовать ихъ преданности и что для того, чтобы все было хорошо, необходимо было, чтобы все было сдѣлано Коммуной¹⁾.

Ни одно засѣданіе, добавимъ, не проходило безъ неожиданныхъ происшествій, которыя увлекали умъ отъ разумнаго и зрѣлаго обсужденія и будили наши страсти.

Это были военные новости. Это были извѣстія плѣнныхъ федералистовъ, умерщвляемыхъ версальскими войсками. Это было извѣстіе о сестрѣ милосердія, восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, изнасилованной и задушенной солдатами Винуа или Галлфэ въ то время, какъ она перевязывала раненаго. Это

¹⁾ Долженъ признаться, что я голосовалъ за то, чтобы управленіе округами было передано членамъ Коммуны.

Эта мѣра имѣла нѣкоторыя большія неудобства, какъ я убѣдился на практикѣ.

Я былъ увлеченъ тѣмъ опасеніемъ, что трудно будетъ такъ сразу найти способныхъ администраторовъ, которые не попытались бы основать власть муниципальную рядомъ съ властью коммунальной.

Я предвидѣлъ тутъ причины возможнаго конфликта.

Поведеніе центрального комитета и препятствія, которыя онъ сдѣлалъ на нашемъ пути, способствовали тому, что я боялся умноженія неприятностей.

ствіе полной ея законности, но такое вслѣдствіе ея исключительнаго значенія.

Нѣкоторые изъ молодыхъ также присоединились къ этой группѣ, увлеченные и опьяненные властью.

Всякая власть развращаетъ.

Будучи революціонеромъ, легко вообразить, что эта власть революціонна, и удовольствіе сознавать себя господиномъ дѣлаетъ насъ слѣпыми.

Они всѣми силами добивались диктатуры, надѣясь принять въ ней участіе.

Поспѣшимъ прибавить, что число молодыхъ людей, увлекаемыхъ личными расчетами, было очень ограничено.

Съ перваго засѣданія обозначилъ съ эти два теченія двумя противоположными предложеніями по одному и тому же вопросу.

Я внесъ предложеніе о томъ, чтобы засѣданія Коммуны были публичны.

Паскаль Груссе, напротивъ, внесъ предложеніе, чтобы засѣданія Коммуны были секретны и, поддерживая свой проектъ, сказалъ:

— Коммуна должна быть Совѣтомъ Десяти.

По моему мнѣнію, это было полнымъ отрицаніемъ коммуналистической идеи.

Коммуна должна была, по моему, быть, поскольку позволяли обстоятельства, полнымъ народовластіемъ.

Секретное засѣданіе, Совѣтъ Десяти, издающій декреты, выработанные втайнѣ, вдали отъ народа и внѣ вліянія общественнаго мнѣнія, — это былъ чисто императорскій режимъ и система людей 4 сентября.

Не подъ прикрытіемъ ли этой тайны и этого принципа, высшій авторитетъ по волѣ народа, они могли задумать и совершить предательство?

Не стоило бороться противъ этого и свергать ихъ, чтобы создавать снова!

Мы дѣйствовали во имя народа для народа, во имя революціи для революціи.

Допустимъ.

Но развѣ мы непогрѣшимы?

А если мы ошибаемся?

Почему, будучи избранными, мы должны удалиться отъ избирателей и сдѣлаться всевѣдущими и всемогущими?

Конечно нѣтъ!

Это было, именно, измѣной истинно революціоннымъ традиціямъ подъ предлогомъ революціонализма.

Конвентъ всегда рѣшалъ на глазахъ народа и всѣ монта-

ньяры шли въ клубы, чтобы предлагать народу или обсуждать съ нимъ тѣ предложенія, которыя они вносили потомъ на голосованіе правительственнаго собранія.

Что касается меня, то, будучи въ ожиданіи лучшаго приверженцемъ императивнаго мандата, я не могъ, такъ мѣ образомъ, отречься отъ самого себя и отказаться отъ примѣненія своихъ собственныхъ принциповъ.

Я не думаю, чтобы избранный, разъ онъ избранъ, зависѣлъ исключительно отъ своей совѣсти, какъ полагаетъ Жюль Фавръ, совѣсть котораго извѣстна!

Я думаю, что избранный есть и долженъ быть живой и говорящей совѣстью избирателей. Неправъ онъ, когда совѣсть его идетъ въ разрѣзъ съ совѣстью избирателей. Ему остается только уйти и начать личную борьбу.

По разнымъ соображеніямъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были очень серьезны, Коммуна долго колебалась надъ рѣшеніемъ этого перваго вопроса.

Между тѣмъ, по моему, это былъ вопросъ принципа первостепенной важности.

Я непремѣнно спорилъ, и подъ конецъ собраніе голосовало хотя и не за полную публичность засѣданій¹⁾, но за печатаніе отчетовъ въ «Официальной газетѣ»

Къ несчастью, эти отчеты часто были весьма неполны и, по неопытности составлявшихъ ихъ почти никогда не давали точнаго представленія о засѣданіяхъ.

Говоря о большинствѣ и меньшинствѣ, я значительно предупредилъ событія, потому что эти двѣ группы образовались только въ послѣдніе дни Коммуны и получили официальное существованіе по поводу голосованія комитета народнаго спасенія.

Очень долго между тѣми, которые должны были составить меньшинство, не было никакого соглашенія.

Мы мало знали другъ друга.

Всякій, слѣдуя своему темпераменту, говорилъ и голосовалъ по повседневнымъ вопросамъ согласно своимъ принципамъ и своему политическому идеалу.

Я сказалъ, что мы мало знали другъ друга.

Лично я зналъ только двоихъ или троихъ изъ будущихъ двадцати двухъ.

Я вступилъ въ сношенія съ Лсфрансе только 4 сентября, и эти сношенія были очень рѣдки и поверхностны.

¹⁾ Разумѣется, рѣчь шла не о тѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ говорилось о передвиженіи войскъ. Эти засѣданія всегда должны быть секретны.

Я зналъ также Вермореля, но въ то время я еще раздѣлялъ недоверіе, которое онъ внушалъ, главнымъ образомъ, революціонной партіи, и избѣгалъ съ нимъ всякихъ сношеній.

Только видя его дѣятельность въ Коммунѣ, я понялъ, что онъ былъ жертвой клеветы, и сталъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

Только съ однимъ меня связывала двадцатилѣтняя личная дружба; его бурная и часто мучительная жизнь протекала на моихъ глазахъ, и я всегда удивлялся его великому таланту и любилъ его оригинальный и смѣлый умъ. Съ радостью, хотя и безъ удивленія, я видѣлъ, что, когда позволили обстоятельства и онъ оказался въ соотвѣтствующей средѣ, онъ проявилъ истинный политическій смыслъ.

Я говорю о Жюль Валле.

Исключая его и двухъ только что названныхъ борцовъ, къ которымъ надо добавить Малона, Пинди, Варлена и Авріаля, остальныхъ я вовсе не зналъ.

По имени и какъ умственную силу я зналъ Лонгюе и Тридона, но, вѣроятно, я съ ними никогда не говорилъ.

Несомнѣнно, у меня было больше личныхъ друзей среди группы, образовавшей впоследствии большинство, такъ какъ эта группа состояла, главнымъ образомъ, изъ журналистовъ¹⁾, съ которыми я, какъ журналистъ, по необходимости постоянно имѣлъ сношенія. Мнѣ даже трудно было отдѣлаться отъ нихъ и, чувствуя къ большинству личную симпатію, не бороться болѣе въ ихъ рядахъ, какъ мы это дѣлали съ такимъ жаромъ во времена имперіи.

Я поступалъ такъ, какъ мнѣ приказывала совѣсть, и я презиралъ бы себя, если бы этого не дѣлалъ. Безъ сомнѣнія, они поступали такъ же. Я думаю, что они ошибались. Они думали, что ошибаюсь я. Будущее рѣшить, кто заблуждался, кто былъ правъ.

Но если официально раскола не существовало, то тѣмъ не менѣе въ открытомъ видѣ существовали оба теченія и, вліяя безсознательно другъ на друга, они придавали политикѣ Коммуны тотъ неопредѣленный и колеблющійся характеръ, на который я указывалъ въ началѣ главы.

Первой ошибкой Коммуны, которая повлекла за собою всѣ остальные, было то, что она смотрѣла на себя слишкомъ, какъ на правительство, какъ на обыкновенное высшее собраніе, желала издавать законы и дѣйствовать по своей исключительной

иниціативѣ, тогда какъ она обязана была смотрѣть на себя исключительно, какъ на исполнительную власть парижскаго народа.

Собираясь на тайныя засѣданія, куда народъ не имѣлъ вовсе доступа, не печатая даже вначалѣ отчетовъ засѣданій, она изолировала себя, и это изолированіе позволило нѣкоторымъ личностямъ оказывать исключительное воздѣйствіе на собраніе, придавало имъ нежелательное вліяніе на частныя мнѣнія и темпераменты его членовъ.

Если бы мы остались на глазахъ народа, если бы мы допустили въ свою среду великое теченіе общественнаго мнѣнія, всѣ эти различія утонули бы въ этомъ теченіи. Намъ приходилось бы только опредѣлять желанія и волю толпы и осуществлять ихъ, и разногласія между нами были бы во сто разъ менѣе замѣтны, такъ какъ всѣ мы были преданными слугами народа, потому что всѣ мы добивались только его блага, его торжества.

Это изолированіе, эти правительственныя замѣтки вызвали немедленно въ Коммунѣ ослѣпленіе коммунальной идеи, которая съ первыхъ же дней должна была быть установлена и опредѣлена въ чистомъ ея видѣ.

Предоставленная частному вліянію своихъ членовъ, изъ которыхъ большинство, какъ я уже неоднократно повторялъ, наиболѣе видныхъ и уважаемыхъ было подъ вліяніемъ долгаго прошлаго, плохо подготовившаго ихъ къ федералистическому пониманію будущаго, а многіе были слишкомъ новичками въ политикѣ, чтобы ясно видѣть опасности и достаточно опредѣленно знать собственные стремленія,—Коммуна, вмѣсто этого забыла изложить свою программу и издала первую прокламацію въ слѣдующемъ видѣ:

Граждане,

Ваша Коммуна учреждена.

Голосованіе 26 марта утвердило побѣдоносную республику.

Подло насильственная власть схватила васъ за горло; честно защищаясь, вы отбросили отъ своихъ стѣнъ правительство, которое хотѣло васъ обезчестить, навязавъ вамъ короля.

Теперь преступники, которыхъ вы не пожелали даже преслѣдовать, злоупотребляютъ вашимъ великодушіемъ, создавая у самыхъ воротъ города очагъ монархическаго заговора. Они вызываютъ гражданскую войну; они примѣняютъ всѣ способы развращенія; они принимаютъ кого угодно въ сообщники, они осмѣлились выпрашивать поддержки у иностранца.

Мы привлекаемъ ихъ за эти отвратительные происки на судъ Франціи и міра.

¹⁾ Явленіе это легко объяснить, но это выходитъ за предѣлы моего предмета.

Гидис,

Вы создали учреждения, которые могут пренебрегать всеми покушениями.

Вы хозяева ваших судеб. Сильное вашей поддержкой представительство, которое вы учредили, исправляет бедствия, причиненные павшим правительством. Поставленная в тяжелое положение промышленность, прекращенная работа, уничтоженные торговые сделки получают сильный толчок.

Сегодня решен ожидаемый вопрос о квартирной платѣ.

Завтра будет решен вопрос о платежах по векселям.

Все общественные учреждения будут преобразованы и упрощены.

Национальная гвардія, которая отнынѣ единственная вооруженная сила въ городѣ, будет немедленно реорганизована.

Таковы будут наши первыя задачи.

Избранные народомъ, ради торжества республики, просятъ только поддержать ихъ своимъ довѣріемъ. Что же касается ихъ, они исполняютъ свой долгъ.

Парижская Коммуна.

Эта прокламація грѣшитъ во многихъ пунктахъ.

Прежде всего, она крайне неопредѣленна, и читающій ее не выноситъ вовсе несомнѣннаго убѣжденія, что она произведение Парижской Коммуны. Ее могло бы подписать всякое другое правительство, возникшее изъ народной революціи.

Коммуна выставляетъ себя спасителемъ народа, говоря ему: я собираюсь сдѣлать то и это, разрѣшить этотъ вопросъ, выполнить эту задачу, уврачевать бѣдствія, возстановить промышленность, возобновить работу, дать могучій толчокъ всей общественной машинѣ.

Это прекрасныя вещи, чудныя намѣренія, но нѣтъ правительства, которое не говорило бы того же самаго.

Съ другой стороны, прокламація эта объявляетъ, что парижскій народъ создаетъ «учрежденія», которые могутъ пренебрегать всеми «покушениями».

Какія учреждения?

Парижскій народъ въ это время не создавалъ ни какихъ учреждений. Онъ совершилъ только великій актъ, провозгласивъ принципъ коммунальной автономіи, избравъ всю Коммуну.

Это было теперь дѣломъ этой Коммуны—въ согласіи съ народомъ вырабатывать тѣ учрежденія, о которыхъ говорилось и которыхъ не существовало.

Наконецъ, каково будетъ поведеніе Коммуны по отношенію къ версальскому правительству, по отношенію къ Франціи.

Этого вопроса не касаются; а; между тѣмъ: надо съгласиться, это имѣло значеніе.

Прокламація говоритъ о спасеніи республики. Прекрасно! Но какими средствами?

Желають ли признать или свергнуть правительство, бѣжавшее въ Версаль?

Желають ли основать Парижскую Коммуну, законодательствовать, дѣйствовать во имя ея, или желаютъ говорить, законодательствовать, дѣйствовать во имя всей Франціи, для всей Франціи, однимъ словомъ, занять мѣсто версальскаго правительства?

Въ прокламаціи ничего ясно не сказано.

Мы въ полной неизвѣстности и, что хуже всего, въ полной неопредѣленности.

Ясно одно, что Коммуна говоритъ, какъ правительство, облеченное полной властью, принимающее на себя всю отвѣтственность, которое будетъ дѣйствовать отнынѣ въ силу своего всемогущества и принимаетъ на себя спасеніе положенія.

Очевидно, тутъ проявляется вліяніе старой традиціи государства, стараго централистическаго понятія.

Это революціонно въ старомъ значеніи слова, это будетъ социалистично; но это вовсе не коммунистично.

Коммуна исчезаетъ, видно только правительство.

А между тѣмъ нужно было ясно установить двѣ вещи:

Политику внутреннюю.

Политику внѣшнюю.

Слѣдовало въ немногихъ словахъ формулировать съ социалистической точки зрѣнія столь простую и такъ точно опредѣленную программу коммунальной автономіи: разъяснить населенію немногосложный механизмъ правительства, дѣйствующаго непосредственно при помощи естественныхъ группъ, учрежденных и сфедерированныхъ воедино. Слѣдовало объявить рабочимъ, что отнынѣ они избавлены отъ законныхъ препятствій, отдающихъ ихъ на произволъ капитала; имъ нужно только объединиться, придти ко взаимному соглашенію съ хозяевами и на основаніи полного равенства съ предпринимателями опредѣлить новыя отношенія труда и капитала въ такомъ видѣ, какъ они вытекаютъ изъ истинныхъ экономическихъ законовъ.

Съ точки зрѣнія чистой политики, дѣло было сдѣлано. Оставалось только принять программу центрального комитета: уничтоженіе арміи, замѣненной національной гвардіей, муниципальное, полицейское, судебное, финансовое и т. д. управленіе Парижа—уполномоченными Парижа.

Вотъ что нужно было для внутренней политики.

Что касается внешней политики, то следовало объявить, что Париж не хочет вовсе навязывать своих желаний и своего главенства остальному народу и не имеет притязания на какую-либо диктатуру; что он готов признать то центральное правительство, которое признает остальная Франция, в такой степени, в какой это правительство признает коммунальные вольности Парижа. Следовательно, что он никому не объявляет войны, решив только защищать свое право, если это право будут отвергать или нарушать.

Подобное заявление сделала Коммуна 19 апреля, правда, в выражениях несколько неопределенных, но поистине прекрасных ¹⁾.

Она сделала это под давлением общественного мнения, по личному настоянию нескольких членов, которые чувствовали, насколько ложно положение, если не будет решительным образом отграничена истинная почва революции 18 марта ²⁾.

Тем не менее, документ этот останется, как блестящее свидетельство значения и необходимости коммунального движения, величия его цели и великодушия его программы. К несчастью, было уже поздно.

¹⁾ Заявление французскому народу от 19 апреля написано Делеклюзом при содействии Жюль Валле, участвовавшего в избранной для этого комиссии. Я не могу вспомнить имен других членов этой комиссии.

²⁾ Вот некоторые выдержки из этого заявления, которое слишком длинно, чтобы привести его здесь целиком:

«... Чего требует Париж?»

Признания и утверждения республики, единственной формы правительства, которая совместима с правами народа и правильным и свободным развитием общества.

Полной автономии коммун, распространенной на все местности Франции и обезпечивающей каждой неприкосновенность ее прав и всем французам полное применение их дарований и их способностей, как человека, гражданина и работника.

Автономия Коммуны будет ограничена равным автономным правом для всех других коммун, участвующих в договоры и ассоциации которых должна обезпечить французское единство.

(Следует перечисление прав Коммуны).

«... Никаких иных местных гарантий Париж не желает, само собой разумеется при том условии, что он найдет в великом центральном управлении, представительстве федерации коммун, осуществление и применение тех же принципов.

Но пользуясь своей автономией и свободой действий, Париж сохраняет за собой право произвести у себя административные и экономические реформы, как потребует его население, создавать собственные учреждения, кредит; обобществить власть и собственность, согласно потребности времени, желание заинтересованных и данным опытом...»

Уже пятнадцать дней струилась кровь, версальцы бомбардировали Париж, и она не могла оказать того впечатления, какое произвела бы в первые дни, теперь, когда слово принадлежало пушке, и бытность борьбы на смерть овладела всеми умами, теперь, когда Тьер имел время в самом широком объеме возстановить провинцию против Парижа ложью и клеветой.

До битвы, когда Тьер еще при помощи пруссаков собирал разбитые войска Бонапарта, подобная прокламация, составленная в просто обдуманных и умело подобранных выражениях, могла бы смущать и вызвать во всей Франции широкое движение общественного мнения.

Не думаю, чтобы это остановило Тьера.

Он желал власти, он желал уничтожить революцию, и на него не могли оказать влияния никакие соображения политические или нравственные. Но подобная программа, брошенная в мир от избранных двумястами тридцатью тысячами избирателей, могла бы изменить воззрения остальной части нации.

Во всяком случае, Коммуна сделала бы все от нее зависящее, и в том виде, в каком в сущности она была в праве это сделать.

Мне возразят, что центральный комитет неоднократно делал подобные заявления, но они, однако, не достигли цели. Забывают, что центральный комитет носил несколько иным образом повстанческий характер. Между тем, — это всегда надо помнить, — Коммуна, избранная по предложению законных мэров и официальных депутатов Парижа, заседавших еще в Версальском Собрании, имела вполне законный характер, и в глазах честных, беспристрастных и здравомыслящих людей ее народное рождение не было делом горсти бандитов и беглых преступников.

Если я настойчиво указываю на то, что считаю ошибками Коммуны, то, конечно, не для того, чтобы умалить ее значение или из любви к критике, потому что все мы до известной степени ответственны и солидарны в этих ошибках.

Я указываю на эти ошибки потому, что история прошлого должна быть уроком, а не моделью для будущего, потому что добытый опыт должен служить тем, кто замстит нас в этой вечной борьбе угнетенных против притеснителей, в этом требовании права и справедливости, в этой выработке принципов будущего общества.

Впрочем, в этих ошибках нет ничего позорного, ничего такого, за что приходилось бы краснеть.

Они явились результатом таких подавляющих обстоя-

тельствъ, что можно спросить себя, могло ли бы даже собраніе геніевъ избѣжать всѣхъ подводныхъ камней и безъ ложныхъ маневровъ привести въ гавань, хотя уже не государственное судно, а ладью, разбитую волнами, которая несла народъ и его богатства.

Не нужно дѣйствительно забывать, что, едва собравшись, Коммуна подверглась безжалостному нападенію версальцевъ. Не прошло еще и восьми дней съ момента ея образованія, такъ что члены собранія не имѣли возможности ни познакомиться, ни достаточно оцѣнить другъ друга, ни сговориться и хотя бы намѣтить основное направленіе политики, какъ война, война гражданская, война дикая, заклеянная фактами жестокости, достойными крестовыхъ походовъ противъ альбигойцевъ, нарушила душевное равновѣсіе, разгорячила холодный разумъ и подняла законную бурю въ сердцахъ тѣхъ, которые стремились къ добру, всѣмъ своимъ сознаніемъ, исполненнымъ истины и справедливости.

Часто положеніе наше сравнивали съ положеніемъ Конвента, имѣвшего за собой едва ли не половину Франціи и боровшагося противъ войны внѣшней и внутренней, противъ европейской коалиціи и вооруженной Вандеи.

Однако, какая разница!

Конвенту предшествовало два другихъ собранія, которые начали дѣло, намѣтили дорогу, поставили вѣхи.

Очутившись у власти, онъ нашелъ въ полномъ ходу еще раньше организованную машину.

Несмотря на войну и возстаніе, Конвентъ имѣлъ свободу дѣйствій.

Большая часть его членовъ, вожаки, по крайней мѣрѣ, уже принимали участіе въ предыдущихъ движеніяхъ, были опыты въ дѣлахъ, особенно революціонныхъ, и ясно понимали современное положеніе.

Конвентъ не былъ запертъ, какъ зачумленный, въ осадномъ положеніи въ стѣнахъ города, отрѣзаннаго отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ.

Онъ могъ вліять на страну и на Европу.

Онъ имѣлъ войска, правда неопытная, но все-таки войска.

У него была уже реорганизованная администрація, готовая передавать приказы и слѣдить за ихъ исполненіемъ.

Ничего подобнаго не было у Коммуны.

Коммуна сразу должна была дѣйствовать въ совершенно неподготовленной средѣ, не имѣя передъ собой ни одной руководящей тропы.

Малѣйшій промахъ, промахъ неизбежный въ подобномъ положеніи, долженъ былъ обратиться противъ нея.

Ничего не было организовано. Ничего, что могло бы служить руководствомъ или оказать поддержку.

Кругомъ ни простору, ни воздуху. Въ распоряженіи только одинъ городъ и вокругъ этого города двѣ вражескія арміи—пруссакіи и версальцы, которые сжимали его кольцомъ желѣза и непрекращающагося огня, которые закрыли передъ Коммуной море, закрыли Францію, изолировали отъ всѣхъ симпатій, которые заглушали ея голосъ безъ отзыва, которые обрекали ее на ограниченную сферу дѣятельности въ своемъ тѣсномъ кругу.

Большая часть членовъ самой Коммуны были новые люди, никогда не бывшіе у дѣлъ и не имѣвшіе возможности подготовиться при предшествовавшихъ правительствахъ, потому что, благодаря системѣ политики единства и централизму, никто во Франціи, кромѣ чиновниковъ и известной категоріи всѣхъ же лицъ, составляющихъ министерства, не могъ быть посвященъ, ознакомленъ съ политической жизнью, никто не зналъ общественныхъ дѣлъ, не принималъ и не могъ принимать участія въ управленіи.

Этимъ объясняется то, что послѣ всякой революціи тѣ же люди оказываются снова у власти. Республика назначаетъ министрами министровъ монархическихъ, и монархія беретъ своихъ министровъ у республики. Эти инструменты безсмѣнны, ихъ нельзя замѣнить.

Другихъ нѣтъ, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока господствуетъ у насъ идея централизованнаго государства и власти.

Среди цѣлой націи, совершенно неосвѣдомленной въ государственныхъ дѣлахъ, совершенно лишенной политическаго и административнаго опыта, существуетъ категорія людей, сдѣлавшая своею спеціальностью быть министрами и государственными людьми.

Гдѣ націи получить эту опытность?

Но не будучи министромъ, ни префектомъ, ни депутатомъ, нельзя во Франціи найти обстановку, гдѣ гражданинъ могъ бы научиться тому, что при желаніи легко узнать каждому умному гражданину Швейцарской федераціи, который въ случаѣ довѣрія согражданъ принимаетъ дѣятельное соучастіе сперва въ своей коммунѣ (canton), затѣмъ въ своемъ кантонѣ и, наконецъ, въ федеральномъ управленіи.

Во Франціи же всякое новое правительство, достигнувъ власти, находитъ администрацію на посту. Стоитъ только дать знакъ, и мы идѣть своимъ обычнымъ ходомъ.

Относительно Коммуны дѣло обстояло не такъ.

Ни въ думѣ, ни въ министерствахъ, ни въ мѣрѣяхъ не осталось ни одного чиновника.

Чтобы узнать, гдѣ помѣщаются канцеляріи, чтобы найти, напимѣръ, книги, гдѣ вписываются браки, рожденія, смерти, приходилось обращаться къ привратнику, если онъ остался, или терять цѣлые дни на поиски самыхъ простыхъ вещей, нарочно спрятанныхъ, а часто унесенныхъ.

Когда я съ Пискарелемъ Груссе вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, привратникъ и полоторъ были единственными нашими проводниками и, не имѣя возможности дать намъ другихъ разъясненій, по крайней мѣрѣ, познакомили насъ съ расположеніемъ зданія.

Приходилось, поэтому, все создавать отъ начала до конца, все вновь организовывать, начиная отъ веденія списковъ умершихъ и родившихся до подметанія и освѣщенія улицъ.

Наконецъ, для борьбы у насъ была національная гвардія, удивительное войско, исполненное мужества и преданности, далеко превосходящее армію, которая никогда бы не удержала Парижъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ второй осады, но оно было разстроено бѣгствомъ почти всѣхъ начальниковъ и измѣной нѣкоторыхъ изъ оставшихся.

Приходилось вновь создавать цѣлый корпусъ офицеровъ, и это подъ непріятельскимъ огнемъ, не имѣя времени выбирать, измѣнять или вводить улучшенія.

Что касается революціонной дѣятельности, это было легко Конвенту, господствовавшему надъ тремя четвертями Франціи, который могъ устрашать міръ энергіей своихъ рѣшеній и дѣйствій. Но Коммуна, обреченная дѣйствовать на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ, не имѣя никакихъ сношеній съ остальной страной, была лишена даже этого сомнительнаго средства воздѣйствія; этого-то не понимали многіе члены Коммуны изъ тѣхъ, которые видѣли спасеніе въ примѣненіи средствъ 92-го и 93-го года.

Какимъ образомъ могли мы устрашить нашихъ враговъ? Они не были у насъ въ рукахъ.—Они были въ Версалѣ.

Наши декреты, наши угрозы раздражали ихъ, незатрагивая, и давали поводъ къ клеветѣ.

Парижъ принадлежалъ намъ, мы были тамъ хозяевами, и версальцы смѣялись бы только надъ нашими запугиваніями и ни на одинъ снарядъ не уменьшили бы дождя бомбъ, падающихъ въ осажденный городъ.

Несомнѣнно, въ Парижѣ были предатели, шпіоны, заговорщики, враги.

Ихъ надо было лишить возможности дѣйствовать; это укрѣпило бы наше внутреннее положеніе, не измѣнивъ ни въ чемъ нашихъ внѣшнихъ отношеній.

Сравненіе положенія Коммуны и Конвента было поэтому неточно и могло насъ только сбить съ толку.

Въ исключительномъ положеніи, конечно, слѣдовало примѣнять и исключительныя мѣры; но въ положеніи новомъ и небываломъ необходимо было найти и мѣропріятія новыя и небывалыя.

Извѣстные члены говорили всегда о возвратѣ къ революціонной традиціи, не понимая того, что, въ сущности, ничего общаго не было между той пропастью, на которой мы боролись, съ той, гдѣ побѣдоносно боролись наши отцы.. И я всегда думаю, что мы были правы, возставая противъ извѣстныхъ мѣръ, которыя мы считали непроизводительными и во сто разъ болѣе опасными для насъ, чѣмъ для нашихъ противниковъ.

Но меньшинство или, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые были въ состояніи это сдѣлать, сдѣлали большую ошибку, не предлагая другихъ средствъ, столь же энергичныхъ и соответствующихъ особымъ условіямъ.

Критика меньшинства была справедлива, возраженія покоились на истинныхъ основаніяхъ, но не было достаточно инициативы.

Оно было право въ области доктринъ. Оно было право во всемъ, что касалось внутренней политики. Оно было право, желая, чтобы революція 18 марта сохранила свой народный, социалистическій, коммуналистическій, автономный и федералистическій характеръ.

Но большинство было право, говоря: насъ бомбардируютъ, разстрѣливаютъ нашихъ плѣнныхъ, со всѣхъ сторонъ насъ окружаютъ опасность и гибель, мы приближаемся къ катастрофѣ.

Необходимо средство избѣжать ея, необходимо средство, чтобы устрашить, удержать, принудить отступить нашихъ противниковъ.

Существуетъ ли подобное средство? Можетъ быть. Но оно было не тамъ, гдѣ его искали до послѣдней минуты.

У Коммуны не было заложниковъ, но у нея были залогі матеріальныя. Не думали или подумали слишкомъ поздно о недостаткѣ истинной революціонной энергіи, которая состоитъ не въ томъ, чтобы носиться съ исторіей прошлаго, замыкаться въ ограниченной области того, что было, но въ томъ, чтобы открыть и примѣнить для даннаго положенія истинное спасительное средство.

былъ аванпостъ, захваченный врасплохъ; благодаря паролю, выданному какому-то предателемъ.

Это были доносы на военныхъ делегатовъ, которыхъ приказали арестовать.

Это была странная отставка Росселя.

Это было открытіе заговора въ Парижѣ.

Это были тысячи трагическихъ или печальныхъ происшествій, которыя, пробуждая въ членахъ Коммуны всѣ инстинкты справедливости и человечности, сбивали съ толку, увлекали толпу и вызывали крики горя и негодованія, причемъ не всегда были разсчитаны выраженія и значеніе ихъ.

Скажутъ, что политическое собраніе не должно давать увлечь себя подобнымъ движеніемъ.

Допустимъ! Но какое собраніе могло противостоять этому?

Почему міръ столь снисходительно относится къ трусости, эгоизму и подлости собранія монархическихъ заговорщиковъ, безсердечной буржуазіи, заждавшаго въ крови и позорѣ родины, въ Версалѣ? почему онъ столь сурово относится къ болѣе чѣмъ естественнымъ слабостямъ дѣятелей Коммуны?

Да, несомнѣнно, много разъ Коммунѣ не хватало политическаго смысла. Но ошибка эта является ошибкой всѣхъ французскихъ собраній и зависитъ отъ нашего воспитанія и правительственной среды, въ какой мы жили.

Революція не имѣла и не могла имѣть политическихъ традицій.

Ничего подобнаго не существовало во Франціи передъ 1789 г. Наша несчастная страна по прекращеніи смутнаго феодализма, преданная единоличному царизму, имѣла только монархическія традиціи.

Революція, съ первыхъ дней схваченная за горло реакціей, обреченная на единоборство безъ перерыва и пощадъ, предприняла борьбу и погибла прежде, чѣмъ исполнила предназначенное дѣло.

Послѣ 9 термидора правленіе перешло въ руки буржуазіи, имѣвшей относительно политику макіавелизма, лжи и страха, — политику недовѣрія безъ инициативы, резюмирующуюся однимъ словомъ: сохранить!

Что сохранить? Свои привилегіи и рубли!

Народъ устранился ею отъ общественной жизни такъ же, какъ устранился при монархіи произвола.

Нѣсколько семействъ были родоначальниками государственныхъ людей, и можно утверждать, что въ шестьдесятъ лѣтъ не нашли бы во Франціи во главѣ дѣла шестьдесятъ новыхъ именъ.

Нынѣ молодой республикой управляли въ Версалѣ восьми-

десятилѣтніе старцы временъ царствованія Луи - Филиппа, объединившись съ инвалидами 1848 года и разбойниками имперіи, Можно найги тамъ даже такихъ, происхожденіе которыхъ восходитъ къ реставраціи или до Наполеона I.

Когда одинъ изъ нихъ умираетъ, ему наследуетъ сынъ, и этимъ все сказано.

У людей этихъ есть своя политика и они примѣняютъ ее.

Внѣ ихъ остальные не имѣютъ политики, и демократическая партія живетъ только воспоминаніями о борьбѣ и битвахъ.

Парижская Коммуна, провозгласившая небывало новую идею, первая революція, несущая въ міръ осуществленіе социалистической программы, не имѣла точки опоры и примѣра въ прошломъ, что могло бы ею руководить.

Обращаясь къ 98 году, она находила страшную борьбу, торжество которой было обезпечено средствами, соответствующими обстоятельствамъ и средѣ.

Внѣ ея не было ничего. Все нужно было изобрѣтать, нужно было создавать себѣ политику во всемъ.

У нея были превосходныя перспективы, несмотря на войну, хотя она была призвана къ борьбѣ, борьбѣ безъ конца. Несомнѣнно, она намѣтила направленіе, указала цѣль стремленія, употребила усилія, слѣды которыхъ останутся, и начала дѣло, порою неясное и едва намѣченное, но указывающее планъ небытнаго сооруженія для будущности.

Неопытность Коммуны была ея несчастіемъ, а не ея виною, и отсутствіе практическаго смысла, которое она проявила въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, еще болѣе доказываетъ, насколько необходима для Франціи революція, которую она хотѣла обосновать, если Франція не желаетъ жалкой гибели въ рукахъ касты господствующихъ эксплуататоровъ, которая умственно истощаетъ ее со времени торжества термидоріанцевъ.

XII.

Коммуна.—Ея декреты.

Я указалъ, каковы были общія причины слабости Коммуны происхожденіе большинства ея ошибокъ.

Къ этому надо прибавить второстепенную причину, которая, дѣйствительности, имѣла главное значеніе и на которую я уже указалъ въ предыдущей главѣ.

Ко дню ея паденія Коммуна состояла изъ семидеяти восьми членовъ.

Двое, Дюваль и Флурансъ, погибли раньше; одинъ, Бланки, когда не участвовалъ въ засѣданіяхъ.

Изъ этихъ семидесяти восьми нѣкоторые, какъ генераль Кюзерэ, избранный въ военное министерство, а затѣмъ по приказу Коммуны заключенный въ Мазасъ, никогда не принимали участія въ совѣщаніяхъ.

Другіе оставались въ мэрии или исполняли обязанности внѣ города на аванпостахъ, какъ, напримѣръ, Брюнель, Эюдъ, Бержере, облеченные военной властью, и потому, очень рѣдко появлявшіеся на засѣданіяхъ.

Въ дѣйствительности всегда не хватало, по крайней мѣрѣ, десятковъ двухъ членовъ, отсутствіе которыхъ доводило, приблизительно, до пятидесяти число тѣхъ, которые обыкновенно обсуждали и голосовали декреты.

Понятно, что при такомъ незначительномъ числѣ голосующихъ нѣсколько голосовъ могутъ составить большинство.

Понятно также, что въ собраніи, столь поспѣшно избранномъ, при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, когда многіе, которые должны были быть во главѣ движенія, отстранились, измѣняя изъ страха и эгоизма народному дѣлу, туда могли проскользнуть нѣкоторые, неудачно выбранные.

Въ общемъ, я искренно думаю, что въ Коммунѣ было болѣе выдающихся, умныхъ и достойныхъ людей, чѣмъ въ большинствѣ обыкновенныхъ политическихъ собраній; но въ ней было также нѣсколько очень невѣжественныхъ, совершенно неспособныхъ членовъ и даже съ весьма сомнительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ прошлымъ.

Изъ нихъ подъ конецъ Коммуна обнаружила и велѣла арестовать двоихъ, изъ которыхъ одинъ былъ избранъ только благодаря подложному имени ¹⁾.

Среди нихъ были люди и недалекіе, и экзальтированные, умъ которыхъ изнемогъ подъ тяжестью миссіи, выпавшей на ихъ долю, и одного изъ нихъ мы должны были запереть, какъ помѣшаннаго.

Эти случаи, неизбежныя въ каждомъ собраніи людей, въ обычное время имѣютъ только небольшое значеніе. Но въ томъ положеніи, въ какомъ находились мы, все было тяжело.

Эти-то невѣжественные, колеблющіеся, лишенные мысли и ничтожные люди произносили тѣ неумѣлыя рѣчи, которыя съ тѣхъ поръ съ такою злобою приписывали всей Коммунѣ.

Ихъ было немного, какъ я уже сказалъ, но они могли, перейдя направо или налево, составить иной разъ большинство, потому что въ баллотировкѣ голоса считаются, а не оцѣни-

¹⁾ Это дѣлаетъ, безусловно, честь Коммунѣ, бывшей безпощадной по отношенію къ своимъ паршивымъ овцамъ, тогда какъ версальское собраніе бегло своихъ Жюлей Фавровъ, которыхъ оно должно было бы предать суду за разныя преступленія, предусмотрѣнныя и караемыя кодексомъ.

ваются и голосъ сумасшедшаго или невѣжды имѣетъ столько же значенія, какъ голосъ Делеклюза, Вермореля или Варлена.

Добавимъ еще, что, естественно, давали порученія и назначенія въ разныя министерства людямъ, умственные качества которыхъ внушали наиболѣе довѣрія, такімъ образомъ, что собраніе, которое засѣдало, обсуждало и голосовало, увлеченное на самомъ дѣлѣ меньшинствомъ людей болѣе рьяныхъ, чѣмъ просвѣщенныхъ, зачастую оказывалось лишеннымъ большинства тѣхъ, которые могли бы оказывать спасительное и преобладающее вліяніе на принятые рѣшенія.

Я очень часто возставалъ противъ такого положенія, представлявшаго величайшія неудобства, и я лично рѣшалъ не пропускать ни одного засѣданія, отказываясь и избѣгая всякихъ внѣшнихъ порученій, которыя помѣшали бы мнѣ регулярно присутствовать на совѣщаніяхъ Коммуны.

Я думаю, что, оставаясь на скамьяхъ Коммуны, нѣкоторые оказали бы гораздо больше услугъ, чѣмъ исключительно занимаясь той или другой отраслью управленія, гдѣ ихъ могли бы замѣнить какіе-нибудь способные и усердные граждане.

Слѣды ихъ усилій и ихъ преданности въ исполненіи этихъ специальныхъ обязанностей, относящихся къ кругу дѣятельности различныхъ министерствъ, останутся почти незамѣченными и ничего не скажутъ въ пользу коммунистической идеи. Ограничившись же болѣе скромной ролью простого члена Коммуны, они способствовали бы болѣе отчетливому выясненію ея программы, той программы, которая станетъ и уже становится ея великимъ орудіемъ міровой пропаганды и ея лучшимъ отвѣтомъ на клевету недобросовѣстныхъ противниковъ.

Посмотримъ теперь, каковы были постановленія этого собранія, изучимъ его главные декреты.

Они были многочисленны, слишкомъ многочисленны. Я займусь только болѣе характерными.

Ихъ можно раздѣлить на три категоріи.

1-я — декреты, касающіеся текущихъ дѣлъ, вызванные тѣми особенными обстоятельствами, которыя были созданы первой осадой и революціей 18 марта.

2-я — декреты принципиальные.

3-я — декреты боевые.

Въ числѣ первыхъ, наиболѣе важными были декреты относительно квартирной платы, срочныхъ платежей по коммерческимъ векселямъ, относительно пенсій вдовамъ и сиротамъ воиновъ, павшихъ въ гражданской войнѣ.

Оба декрета о квартирной платѣ и срокахъ коммерческихъ векселей были неотложны, и въ этомъ отношеніи версальцы

сыграли въ руку Коммуны, рѣшивъ оба вопроса самымъ несправедливымъ образомъ и возбудивъ все парижское населеніе, интересы котораго были совершенно нарушены двумя законами, принятыми въ Бордо.

Чтобы сдѣлать хорошо, нужно было только быть справедливымъ.

Было несправедливо и возмутительно, что послѣ долгой осады, уничтожившей сдѣлки, прекратившей работы, разрушившей отчасти торговлю, владѣльцы требовали квартирную плату; такимъ образомъ, они одни ничѣмъ не страдали отъ народнаго бѣдствія, поразившаго все матеріальное благосостояніе.

Всѣ были также согласны съ Коммуной въ томъ, что квартирную плату нужно передать квартирантамъ, возложивъ и на собственность соотвѣтствующую часть общихъ убытковъ.

Но наряду съ абсолютнымъ принципомъ слѣдовало принять въ расчетъ извѣстныя соображенія.

Не всѣ одинаково пострадали отъ осады. Нѣкоторые даже выгадали, обогатившись на счетъ общественной бѣдности.

Прежде всего, это были рантье, занесенные въ большую книгу. Ихъ доходы ни мало не уменьшились, и по окончаніи осады они оказались такими же богатыми, какъ и прежде.

Было также нѣсколько промышленниковъ, торговцевъ събытными припасами и тому подобными продуктами. Благодаря потворству и соучастію людей 14 сентября, они могли сосредоточить въ своихъ рукахъ значительное количество запасовъ и спекулировать на голодъ въ цѣляхъ полученія возмутительныхъ барышей.

Были, наконецъ, чиновники, врачи и тому подобныя категоріи, средства которыхъ серьезно не пострадали.

Эти соображенія были представлены Коммунѣ именно мною, но она не приняла ихъ во вниманіе. Она прямо и просто вотировала общую отсрочку квартирной платы за октябрьскій триместръ 1870 и за январскій и апрѣльскій 1871 г.

Отсрочка квартирной платы была хорошей мѣрой, справедливой и неизбежной.

Несправедливо и скверно было позволить пользоваться этой отсрочкой милліонерамъ и преступникамъ, которые заставляли народъ голодать для своего обогащенія.

Этимъ упущеніемъ декретъ грѣшилъ.

Для того, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ справедливъ, дѣйствителенъ и заслужилъ одобренія всего населенія, для того, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ задѣлъ тѣхъ, кого имѣлъ въ виду, въ немъ недоставало необходимой поправки, которой требовали справедливость и здравый смыслъ.

На слѣдующій день одиннадцать членовъ попытались внести поправку къ ошибкѣ, совершенной наканунѣ, и предложили слѣдующую резолюцію:

«Парижская Коммуна, принимая во вниманіе, что есть торговцы и промышленники, которые во время осады занимались прибыльнымъ промысломъ; принимая во вниманіе, что есть чиновники и рантье, которые во время осады пользовались тѣми же доходами, что и въ обыкновенное время — постановляетъ:

Всѣ граждане, пользовавшіеся обычными доходами во время осады, обязываются внести въ муниципальныя кассы суммы ихъ квартирной платы.

Въ каждомъ округѣ имѣетъ быть назначена коммиссія, чтобы установить тѣхъ лицъ, которые находятся въ такомъ положеніи.

Подписи: Л. Франкель, Артуръ Арну, Ж. Б. Клеманъ, С. Дереръ, Эд. Вапанъ, Ант. Агно, Деканъ, Е. Ланжевенъ, Адольфъ Клемансъ, Е. Жерарденъ, Бабюкъ».

Принимая это постановление, Коммуна однимъ ударомъ добила съ бы поступленія въ общественную кассу значительныхъ суммъ (назначеніе которыхъ было бы опредѣлено позднѣе) и обезпечила бы исполненіе своего декрета, такъ какъ никому не пришлось бы по душѣ дважды платить за наемъ квартиры: одинъ разъ Коммунѣ, другой разъ владѣльцу дома.

Въ виду того, что декретъ, постановлявшій отсрочку квартирной платы, не содержалъ, въ противорѣчіе сдѣланнаго выше предложенія, никакого подтвержденія, осмѣлилось и смогло имъ воспользоваться лишь незначительное число гражданъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ противники Коммуны, всѣ богачи, всѣ торговцы, всѣ тѣ, кому нужно было оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ со своими домовладѣльцами, — а число такихъ было значительное, — заплатили въ срокъ такъ же точно, какъ если бы декрета и не существовало.

Такимъ образомъ, частная собственность, противъ которой былъ направленъ декретъ Коммуны, лишь въ исключительныхъ случаяхъ была имъ затронута. Другіе, воспользовавшись обстоятельствами, предложили своимъ домовладѣльцамъ третью часть или половину слѣдуемой суммы и заставили выдать себѣ установленную закономъ расписку въ полномъ расчетѣ.

Такимъ образомъ, осталась недостигнутой та цѣль, которую ставила себѣ Коммуна, цѣль справедливая, состоявшая въ томъ, чтобы возложить въ равной мѣрѣ на всѣхъ тѣ потери, издѣлаться отъ которыхъ никто не имѣлъ права.

Въ большинствѣ случаевъ домовладѣльцы получили все, въ особенности самые состоятельныя, тѣ, которымъ принадлежатъ дворцы въ элегантныхъ и богатыхъ кварталахъ.

Декретъ, дѣйствительно, принесъ пользу рабочимъ и бѣднякамъ, но онъ такъ же хорошо помогъ бы имъ и въ тѣхъ условіяхъ, которыя я указалъ выше.

Само собою разумѣется, что не изъ удовольствія критиковать я останавливаюсь на этомъ первомъ декретѣ, но потому, что данный декретъ можетъ дать типичную картину постановлений, сдѣланныхъ Коммуной, и возбуждаемая имъ критика доступна обобщенію.

Въ самомъ дѣлѣ, ошибка Коммуны почти всегда заключалась не въ содержаніи рѣшеній, а въ ихъ редакціи.

Съ прекрасными намереніями, основываясь на справедливыхъ принципахъ, исходя изъ справедливыхъ или возвышенныхъ идей, она придавала многимъ изъ своихъ декретовъ слишкомъ абсолютную и неполную форму. При этомъ она забыла, что самыя лучшія постановленія, для того, чтобы произвести свое дѣйствіе и быть понятыми толпой, нуждаются въ извѣстной окраскѣ, въ извѣстныхъ указаніяхъ на переходныя ступени, облегчающія ихъ проведеніе въ жизнь.

Пусть теорія не оставляетъ пробѣловъ, но факты неразрывно связаны между собою и, когда отъ теоріи переходятъ къ практикѣ, нельзя пренебрегать всомогательными мѣрами, единственно обеспечивающими успешное примѣненіе теоріи.

Подобныя пробѣлы, повторяю, объясняются тѣмъ, что люди практики участвовали въ Коммунѣ въ незначительномъ числѣ и преобладающее вліяніе зачастую оказывали сентименталисты, которые всегда и во всякомъ вопросѣ видятъ только одну его сторону.

Впрочемъ, долгое время источникомъ слабости революціонной партіи являлось то, что она была партіей чувства.

Она начала, наконецъ, становиться на твердую почву экономической и научной дѣйствительности, когда масса не вышла еще изъ первоначальнаго періода, а въ политикѣ же нѣтъ ничего болѣе гибельнаго и опаснаго, чѣмъ чувство.

Революція является не дѣломъ чувства или страсти—это вопросъ здраваго смысла, логики и знанія.

Декретъ о срочной уплатѣ коммерческихъ векселей изучили гораздо основательнѣе, обсудили гораздо серьезнѣе и лучше взвѣсили: здѣсь не могло примѣняться чувство, и вопросъ нужно было разсматривать исключительно на почвѣ дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, должники и кредиторы были въ равномъ

мѣстѣ заинтересованы, ибо тотъ, кто былъ кредиторомъ одного, являлся должникомъ другого, и не было возможности установить различія между имущими и неимущими въ этой области.

Кромѣ того, Коммуна приостановила продажу вещей, заложенныхъ въ ссудныхъ кассахъ, въ ожиданіи, пока ей удастся приступить къ ликвидаціи этихъ учреждений.

Нѣтъ нужды останавливаться на этомъ вопросѣ; по поводу его могло быть лишь одно мнѣніе.

Я говорилъ уже о декретѣ, который возлагалъ управленіе округами на отвѣтственность членовъ Коммуны. Я не буду возвращаться къ этому.

Затѣмъ слѣдуетъ декретъ, предоставляющій пенсію отъ 300 до 1.200 франковъ каждому федералисту, раненому въ бою за Коммуну, декретъ справедливый, неоспоримый, дававшій кусокъ хлѣба тому, кто не пожалѣлъ своей крови для торжества народнаго дѣла.

Оставаясь въ предѣлахъ того же круга идей, Коммуна издала другой декретъ, въ которомъ она назначала пенсію въ 600 фр. законной или незаконной женѣ федералиста, убитаго непріателемъ, и ежегодную пенсію въ 365 франковъ для каждаго ребенка, признаннаго или непризнаннаго отцомъ, до восемнадцатилѣтняго возраста.

Этотъ декретъ, принятый, если я не ошибаюсь, единогласно, принадлежитъ къ такимъ постановленіямъ, которыя заслуживаютъ вниманія. Вниманія онъ заслуживаетъ не тѣмъ, что назначается пенсія вдовѣ или дѣтямъ бѣйца, павшаго на службѣ Коммуны (передъ такимъ постановленіемъ никто бы не задумался), но тѣмъ, что онъ допускаетъ къ пользованію этой пенсіей жену—законную или незаконную, дѣтей—признанныхъ или непризнанныхъ.

Для освобожденія женщины, для поддержанія ея достоинства эти шесть словъ декрета Коммуны сдѣлали больше, чѣмъ любой изъ моралистовъ и законодателей прошлаго.

Быть можетъ, въ этомъ заключался наиболѣе смѣлый поступокъ Коммуны, ибо здѣсь, кореннымъ образомъ она разрѣшила вопросъ морали и ставила памятникъ глубокаго измѣненія въ современномъ строѣ семьи.

Возвышая женщину на одну ступень съ мужчиной, предоставляя передъ закономъ и въ правахъ полное равенство ей и мужчине, этотъ декретъ становился на почву истинной морали и наносилъ смертельный ударъ религіозно-монархической системѣ брака, наблюдающійся въ современномъ обществѣ.

Это былъ въ то же время актъ справедливости, потому что пора развязаться съ этимъ гнуснымъ предразсудкомъ, съ этимъ

узаконеннымъ варварствомъ, въ силу котораго въ томъ опредѣленіи, какое дается въ наше время сожителству въ противоположность законному браку, всѣ страданія возлагаются на слабыхъ: на соблазненную женщину, на невинное дитя.

Союзъ мужчины и женщины, по существу своему, долженъ быть актомъ свободнымъ, совершаемымъ двумя равно ответственными личностями. Въ этомъ союзѣ какъ права, такъ и обязанности должны быть взаимны и равны.

Когда мужчина дѣлается любовникомъ женщины и дѣлаетъ ее матерью, эта женщина—его жена, рожденныя ею дѣти—его дѣти.

Если общество вовсе не караетъ любовника, почему стремится оно покарать любовницу, почему караетъ дѣтей, которыхъ, въ всякаго сомнѣнія, не просили родить ихъ на свѣтъ?

Къ этому декрету, вотированному всей Коммуной, повторяю, безъ всякихъ возраженій, и вотированному, я могу прибавить, съ радостью, была присоединена лишь одна поправка, которой требовало тогдашнее состояніе нравовъ: было рѣшено, что комиссія, созываемая въ каждомъ округѣ подъ предсѣдательствомъ члена Коммуны, должна произвести разслѣдованіе, устанавливающее, что незаконная жена отнюдь не являлась простой проституткой, случайной связью, но дѣйствительно честно жила съ мужчиной, котораго она избрала.

Никогда, повторяю, не было сдѣлано такъ много для того, чтобы возвысить женщину, никогда не ставили ее болѣе рѣшительно на равную ногу съ мужчиной.

Кромѣ того, ни одно правительство, ни одна революція такъ искренно братски не протягивали руку женщинѣ, какъ Парижская Коммуна, социальная революція 18 марта.

Женщины поняли это. Никогда съ болѣе энергіей, въ болѣе большомъ количествѣ не присоединялись онѣ къ политическому движенію и никогда, съ другой стороны, враги не проливали ихъ кровь въ такомъ изобиліи съ болѣе гнусной жестокостью, съ болѣе хищной яростью.

Пусть женщины не забываютъ этого! Пусть помнятъ онѣ, что лишь путемъ социальной революціи суждено имъ занять то, поистинѣ, достойное, равное, почетное мѣсто, которое имъ принадлежитъ, пусть помнятъ онѣ и то, что требовать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нихъ, своего освобожденія, отдѣляя ихъ дѣло отъ общаго дѣла всѣхъ слабыхъ, всѣхъ угнетенныхъ и всѣхъ эксплуатируемыхъ,—значитъ совершать преступную измѣну, значитъ поворачиваться спиной къ желанной цѣли.

Презрѣніе къ женщинамъ, ея подчиненіе капризамъ и похо-

тямъ мужчины, унижительная оценка ихъ—все это дѣло праздныхъ гулякъ, а не рабочихъ.

Не выходя за предѣлы своей природы и своей роли, женщина не будетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, не будетъ имѣть тѣхъ правъ, которыя она должна имѣть—до тѣхъ поръ, пока преобразованное общество не устранитъ всѣ виды злоупотребленія силой, не провозгласитъ полное соотвѣтствіе обязанностей и функцій.

Какимъ образомъ тотъ, кто эксплуатируетъ человека, кто низводитъ его до состоянія машины, раба заработной платы, будетъ уважать женщину?

Какимъ образомъ тотъ, кто въ большинствѣ своихъ ближнихъ видитъ лишь орудіе для созданія своего богатства, увидитъ въ женщинѣ что-нибудь другое, кромѣ средства наслажденій, предъ которымъ курятъ и мѣмятъ и которое топчутъ ногами?

По своему личному опыту, по многократнымъ наблюденіямъ во времена Коммуны, я могу утверждать, что если женщинамъ воздавалась широкая, полная справедливость, если ихъ встрѣчали, какъ сестеръ, это было благодаря рабочимъ, благодаря всѣмъ социалистамъ¹⁾. Если иногда въ этомъ отношеніи я сталкивался съ недоброжелательствомъ, съ предрасудками, съ насмѣшками, почти всегда они встрѣчались со стороны тѣхъ, кто принадлежалъ къ высшимъ классамъ общества, классамъ празднымъ и кто не умѣлъ еще отдѣлаться отъ всѣхъ впечатлѣній, отъ всѣхъ привычекъ и предрасудковъ извѣстной среды.

Таковы были главныя постановленія по текущимъ дѣламъ, продиктованныя тѣми особенными обстоятельствами, въ которыхъ мы находились.

Декреты принципиальные были болѣе многочисленны, и всѣхъ ихъ я не буду разсматривать.

Достаточно упомянуть такіе, какъ запрещеніе штрафовъ вычетовъ въ мастерскихъ и управленіяхъ и отмена политической и профессиональной присяги²⁾.

Этотъ декретъ не представлялъ собою даже ничего смѣлаго, потому что онъ, какъ и вся политическая сторона революціи, составлялъ часть программы лѣвой республиканской, высказанной въ Версальскомъ Собраніи.

Если не всѣ, то почти всѣ депутаты оппозиціи, избранные при имперіи, выставляли требованія отдѣленія церкви отъ государства и уничтоженія бюджета на вѣроисповѣданіи.

¹⁾ За исключеніемъ нѣкоторыхъ прудонистовъ.

²⁾ Само собою разумѣется, что это относилось не къ собранію, именуемому Коммуной, но ко всѣмъ вообще гражданамъ населяющимъ территорию автономной Коммуны.

А между тѣмъ декретъ этотъ оспаривался многими членами, какъ несвоевременный и выходящій изъ области вѣдѣнія Коммуны.

Критика второго рода была справедлива съ извѣстной точки зрѣнія.

Парижская Коммуна, дѣйствительно, не имѣла права объявлять отдѣленіе церкви отъ государства по той простой причинѣ, что Парижская Коммуна вовсе не являлась представительницей государства и должна была тщательно избѣгать всего, что могло бы дать поводъ думать, что у нея есть какія-либо намѣренія замѣнить правительство и управлять всей Франціей.

Это была редакціонная ошибка, такъ какъ никто не былъ въ правѣ употребить принятую формулу. Измѣнивъ два слова въ текстѣ декрета, избѣжали бы этой критики.

Было бы достаточно сказать:

«Парижская Коммуна не признаетъ никакой вѣры и ни одну изъ нихъ не желаетъ поддерживать платей».

Имѣнія, такъ называемыя духовныя имущества, принадлежащія религіознымъ конгрегаціямъ, движимыя и недвижимыя, объявляются коммунальною собственностью, а не національною какъ сказано въ декретѣ.

Декретъ относительно освобожденія отъ рекрутскаго набора и стносительно уничтоженія постоянной арміи могъ быть не менѣе оспариваемъ.

Достаточно было бы добавить: «въ Парижѣ», чтобы онъ былъ безукорызнъ какъ по формѣ, такъ и по содержанию.

Я останавливаюсь на этихъ ничтожнѣйшихъ подробностяхъ редакціи потому, что онѣ имѣли большее значеніе, чѣмъ думаютъ, придавъ политикѣ Коммуны съ самаго начала тотъ колеблющійся и плохо опредѣленный характеръ, на который я указывалъ въ предыдущей главѣ.

Излагая оригинальную и новую идею, нечего опасаться излишней ясности и опредѣленности; Коммуна была представительницей идеи автономіи и свободной федераціи группъ.

Если въ этомъ отношеніи Парижъ зналъ, что онъ хочетъ, и что намѣренъ дѣлать, этого могла не знать провинція; узнавъ, что мы провозгласили отдѣленіе церкви отъ государства, уничтожили рекрутскій наборъ и т. д., декреты въ ихъ традиціонной формѣ могли послужить поводомъ къ тому, что Коммуну смѣшлютъ съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ централистическихъ правительствъ, которыя смѣнялись послѣ всѣхъ нашихъ революцій.

Двумя другими декретами Коммуна опредѣлила наибольшій

окладъ жалованья въ 6.000 франковъ и въ 15 фр. ¹⁾ въ день вознагражденія членамъ собранія.

Назначивъ себѣ приблизительно столько, сколько зарабатываетъ хороший, умѣлый и трудолюбивый рабочий въ хорошемъ ремеслѣ, члены Коммуны совершили актъ безкорыстія, о которомъ не приходится много говорить.

За пятнадцать франковъ въ день каждый изъ нихъ исполнялъ три или четыре обязанности, которыя: любой монархинѣ, какъ и при республикѣ г. Макмагона, оцѣнили бы отъ 30 до 100 тысячъ франковъ каждая.

Эти воры, грабители, разбойники во всякомъ случаѣ доказали, что они не жаждали денегъ и, запрещая полученіе одновременнаго жалованія за нѣсколько должностей, они и не думали отказываться съ утомленія и опасности, вызываемой подобнымъ совмѣщеніемъ.

Н вѣрное никогда не видали правительства, которое бы стоило дешевле народу.

Правда, что въ то время, какъ Коммуна проявляла такую мелочную бережливость по отношенію къ себѣ и своимъ ч новикамъ, она почти удвоила жалованье учителямъ и учительницамъ, поднявъ его до 2.000 фр., а помощникамъ—до 1.500 фр.

Вслѣдъ за этими декретами появилось нѣсколько другихъ—ч то социалистическаго характера.

Остановимся сперва на выборѣ комиссіи почта общественной помощи.

Комиссія эта должна была обратиться ко всѣмъ представителямъ труда, делегатамъ Интернаціонала, рабочимъ союзамъ, промышленнымъ и ученымъ группамъ, запросить у нихъ доклады и проекты, обсудить ихъ съ ними, подготовитъ на основаніи этого матеріала декреты, которые должны были подвергнуться голосованію Коммуны.

Въ сущности, это былъ своего рода государственный совѣтъ безъ жалованья, имѣвшій цѣлью придать практическую форму желаніямъ рабочихъ, которымъ Коммуна дала бы затѣмъ законную силу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, гдѣ она могла рѣшать или, по крайней мѣрѣ, вмѣшаться.

Между комиссіей почта и государственнымъ совѣтомъ была еще та существенная разница, что, вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ правительства и получить отъ него приказъ, она была, напротивъ, орудіемъ народа и рабочихъ, каналомъ, передававшимъ выраженіе своихъ нуждъ Коммунѣ, которая могла удовлетворить ихъ своимъ вмѣшательствомъ.

¹⁾ Менѣе 200 руб. въ мѣсяцъ и менѣе 6 руб. въ день —Перев.

Единственным возможным камнем преткновения въ подобномъ случаѣ было то, что рабочіе, привыкшіе къ правительству, могли требовать отъ Коммуны регламентаціи авторитетнаго разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, относящихся къ труду, которые могутъ и должны разрѣшаться только свободнымъ починомъ рабочихъ группъ. Власть, какова бы она ни была, можетъ вмѣшаться въ подобномъ случаѣ только съ тѣмъ, чтобы заставить уважать обоюдныя желанія и обязательства договаривающихся сторонъ.

Дѣйствительно, разъ они, рабочіе, въ полной мѣрѣ пользуются своими правами и своей независимостью, это ихъ собственное дѣло—непосредственно разрѣшать вопросы труда.

Въ противномъ случаѣ явится произволъ.

Если бы государство получило право разрѣшить эти задачи по своему произволу, то кто можетъ намъ поручиться, что, рѣшивъ ихъ сегодня въ пользу рабочихъ, завтра оно, если власть перейдетъ въ другія руки, не рѣшитъ ихъ въ пользу привилегіи?

Впрочемъ, какое бы названіе не носила власть: монархія, республика или Коммуна, она ни въ какомъ случаѣ не компетентна въ этой области. Сами заинтересованные полномочны рѣшать ихъ.

Коммуна въ этомъ отношеніи сдѣлала только одну неожиданную ошибку,—издавъ декретъ о прекращеніи ночной работы въ булочныхъ; такихъ неожиданностей она, впрочемъ, не повторяла.

Несомнѣнно, что тутъ принципъ былъ прекрасенъ. Ночной трудъ противорѣчитъ гигиенѣ и даже нравственности, такъ какъ отдѣляетъ работника отъ общества и вырываетъ его изъ семейной жизни.

Декретированіе прекращенія ночного труда вовсе не было дѣломъ Коммуны. Это было дѣломъ рабочихъ хлѣбопеконъ, сговорившихся между собою отказаться отъ нея.

Коммуна должна была только заставить уважать это рѣшеніе, отчуждая собственность (экспроприруя) во имя общественной пользы всѣхъ тѣхъ хозяевъ, которые предпочтутъ лучше закрыть лавочку, чѣмъ подчиниться. Она передавала въ такихъ случаяхъ рабочимъ пользованіе лавкой, дѣлавшейся собственностью коллективной.

Дѣйствуя иначе, беря на себя починъ и декретируя прекращеніе ночной работы ранѣе, чѣмъ это сдѣлали сами рабочіе, добились только того, что декретъ никогда серьезно не примѣнялся. Многіе хозяева булочники продолжали ночную работу въ согласіи съ ихъ рабочими, и Коммуна совершенно напрасно

дѣлала видъ, будто прекращаетъ злоупотребленія въ извѣстной отрасли промышленности, не освобождая, въ дѣйствительности, рабочихъ, которымъ она хотѣла покровительствовать противъ крайней эксплуатаціи.

Коммуна предписала также каждой моріи вести списки спроса и предложенія труда, указывая условія того и другого.

Относительно сдачи работъ съ торговъ она провела также временную реформу, имѣвшую большое значеніе.

Она потребовала, чтобы была заведена тетрадь, опредѣляющая заработную плату поденщиковъ во всѣхъ сдѣлкахъ, уже заключенныхъ, и тѣхъ, которыя должны были быть заключены Коммуной¹⁾.

При современной системѣ торговъ предпочтеніе отдается тому предпринимателю, который соглашается на низшую цѣну. Но, конечно, предприниматель этотъ ни въ какомъ случаѣ не пожертвуетъ своей прибылью, потому что онъ беретъ подрядъ только съ цѣлью получить какой-либо доходъ. Слѣдовательно, необходимо, чтобы онъ какимъ бы то ни было образомъ возмѣстил пониженіе цѣны, на которую онъ согласился. Это онъ не можетъ сдѣлать иначе, какъ уменьшая количество доставляемыхъ продуктовъ и понижая заработную плату поденщикамъ.

Такимъ образомъ, это является источникомъ двойного грабежа, и государство, отдающее работу съ торговъ, не заботясь о заработной платѣ рабочихъ, которые будутъ заняты въ этихъ работахъ, даетъ только премію на пониженіе заработной платы или на обманъ.

Однимъ словомъ, оно ведетъ игру за счетъ нищеты.

Отдавъ приказъ завести тетрадь съ таксировкой заработной платы чернорабочимъ, Коммуна исполнила свою прямую обязанность и предоставила доходъ на капиталъ свободному вліянію одной конкуренціи.

Въ виду бѣгства значительнаго числа промышленниковъ, она предписала также, чтобы покинутыя заведенія, послѣ того, какъ будетъ произведено слѣдствіе и будутъ охранены права хозяевъ, были переданы въ руки рабочихъ ассоціацій, которыя и продолжали бы работу.

Къ сожалѣнію, Коммуна ничего серьезно и кореннымъ образомъ не измѣнила въ организаціи судопроизводства, несмотря на несомнѣнное усердіе, которое доказалъ Г. Прото,

¹⁾ Впрочемъ, само собой понятно, что Коммуна соглашалась имѣть дѣло съ предпринимателями только условно и исключительно въ томъ случаѣ, если не могла найти организованной ассоціаціи, которой непосредственно могла бы имѣть дело.

делегать по отдѣлу юстиціи, который, при общемъ невниманіи къ этому дѣлу, не предложилъ ни одного проекта, который могъ бы предложить.

Достойно сожалѣнія, что Коммуна, вмѣсто того, чтобы терять цѣлыя засѣданія на неожиданныя предложенія и бесплодные личные счеты, не утвердила въ чистомъ видѣ этотъ принципъ выбораго начала и отвѣтственности для судей всѣхъ степеней.

Въ огромномъ большинствѣ мы были согласны въ этомъ основномъ принципѣ. Исключительныя обстоятельства, въ которыхъ мы находились, трудность собрать выборщиковъ, которые почти всѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, сражались на аванпосахъ, заставили отложить это мѣропріятіе, которое можно было провести въ первый спокойный день.

Тѣмъ не менѣе, можно было провозгласить этотъ принципъ съ тѣмъ, чтобы приложеніе его отложить до конца войны.

Мнѣ нужно было еще поработать надъ расчисткой городского управленія и надъ судебной администраціей.

Для этого не хватало времени и спокойствія духа.

Нельзя ни въ коемъ случаѣ забыть, что Коммуна засѣдала только съ 28 марта до 22 мая и что со 2-го апрѣля шла непрерывная пятидесятидневная битва.

Военные декреты, то-есть декреты, продиктованные необходимостью отвѣчать на жестокости версальцевъ, защищать личности федералистовъ, обезпечить военную защиту, или декреты, вырванные гнѣвомъ, внутреннимъ безчестіемъ нашихъ противниковъ и желаніемъ видѣть въ насъ спасительный ужасъ, были самыми спорными и вызывали больше всего напдокъ.

Другіе, напротивъ, не требовали ни разъясненій ни подтвержденій.

Таковъ напр., относительно преданія суду членовъ версальскаго правительства за ихъ вѣрительныя дѣйствія противъ Парижа и объ обезпеченіи семействъ жертвъ 22 января и 18 марта.

Въ эту послѣднюю категорію вошли очень многіе декреты. Но только два изъ нихъ слѣдуетъ изучить основательно, потому что они дали поводъ къ самымъ горькимъ жалобамъ противъ Коммуны.

Это были:

1. Декретъ о заложенныхъ.

2. Декретъ, предписывающій изверженіе Вандомской колонны.

Декретъ о заложенныхъ былъ единогласно принятъ, если я не ошибусь, тотчасъ же послѣ усмирившихъ въ плѣнъ Флуранса и Дюваля; одинъ изъ нихъ, Флурансъ былъ убитъ

рукой жандармскаго офицера, другой, Дюваль,—по приказанію и на глазахъ одного изъ декбурскихъ генераловъ, Винау.

Дюваль и Флурансъ были членами Коммуны.

Дюваль и Флурансъ были генералами въ арміи федералистовъ.

Извѣстіе объ ихъ смерти вызвало жгучую боль и страшное негодованіе.

Вскорѣ мы со всѣхъ сторонъ получили донесенія о томъ, что версальцы хладнокровно разстрѣливали плѣнныхъ.

Если можно было сомнѣваться относительно этихъ мерзостей, если можно было предполагать преувеличеніе со стороны нашихъ приверженцевъ, то у насъ были версальскіе журналы,—которые объявляли съ радостью объ этихъ убійствахъ,—и прокламаціи мужа г-жи Галлѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, подъ впечатлѣніемъ этихъ волненій, желая сохранить жизнь людямъ, защищающимъ Коммуну отъ системы убійства, нѣкоторые члены предложили декретъ о заложникахъ.

Къ которому я уже упоминалъ, онъ былъ принятъ единогласно.

Относительно этого декрета можно многое сказать.

Въ дѣйствительности нельзя отрицать, что онъ оправдывался всѣми обычаями войны, когда приходилось имѣть дѣло съ людьми, которые душили безоружныхъ.

Во время Африканской войны французская армія всегда брала заложниковъ, которые должны были отвѣчать за повиновеніе покоренныхъ племенъ, дѣлавшихъ попытки къ возстанію и не исполнявшихъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Можно было подумать, что эти варварскія мѣры, безъ сомнѣнія, отменены въ Египтѣ, но почему же версальцы снова вернулись къ варварству, разстрѣливая раненыхъ и плѣнныхъ?

— Это были повстанцы,—говорили они.

Въ гражданской войнѣ какъ можно утверждать, что именно повстанецъ, до побѣды, которая одна рѣшаетъ виновность?

Если бы мы побѣдили, то въ глазахъ самой исторіи повстанцы оказались бы въ Версалѣ.

Да, конечно, мы возстали противъ Версаля,—но версальцы возстали противъ Парижа.

Если мы мѣя, писанные права были за нами, то на нашей сторонѣ было право вѣчное!

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія практики, въ революціи очень опасно и неблагоразумно угрожать врагу, котораго нельзя поймать.

Вотировалъ ли Тьеръ въ Версальскомъ Собраніи спеціальный декретъ, предписывающій убійства плѣнныхъ?

Издаль ли онъ въ этомъ собраніи декретъ, предписывающій версальской арміи, если она когда-либо войдетъ въ Парижъ, убивать раненыхъ въ ихъ постеляхъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, или молодыхъ людей—всѣхъ безъ различія принимавшихъ участие въ національной гвардіи федералистовъ?

Ни въ коемъ случаѣ! Это дѣлалось своевременно!

Коммуна, напротивъ, съ отвращеніемъ взвалила на себя декретъ, хотя ужасный, но совершенно согласный съ точнымъ понятіемъ права, который она, впрочемъ, никогда не примѣняла.

Нужно ли было защищать жизнь героев-волонтеровъ коммунальной арміи, которыхъ не желали признавать?

Говорили, что необходимо устрашить версальцевъ.

Согласенъ, но возможно ли было такимъ образомъ этого достигнуть?

Для того, чтобы этотъ декретъ о заложникахъ имѣлъ какую-либо дѣйствительную цѣну, нужно было, чтобы у Коммуны были дѣйствительно серьезные заложники, жизнь которыхъ хотя сколько-нибудь цѣнилась бы версальцами.

Но съ 18 марта всѣ эти заложники имѣли время бѣжать, чѣмъ они широко и воспользовались, такъ какъ центральный комитетъ не принялъ никакихъ мѣръ въ этомъ отношеніи.

Кромѣ парижскаго архіепископа и сенатора Бажанъ¹⁾, у Коммуны не было другихъ заложниковъ, кромѣ нѣсколькихъ жандармовъ, нѣсколькихъ приставовъ, нѣсколькихъ плѣнныхъ версальской арміи и нѣсколькихъ шпионовъ низкаго пошиба.

Какое значеніе для Тьера имѣла жизнь этихъ людей?

Въ чемъ могъ сдержать его страхъ передъ ихъ смертію?

Чѣмъ большее число ихъ было бы разстрѣляно Коммуной, тѣмъ яростнѣе становились бы эти сотни тысячъ раздраженныхъ до крайности, осаждающихъ Парижъ людей, готовыхъ на всякія преступленія послѣ захвата Парижа.

Тьеръ и его соучастники, бонапартистскіе офицеры, настолько не сомнѣвались въ такого рода репрессіяхъ, которыхъ не примѣняла Коммуна, что не только рассказывали своей арміи объ ихъ широкомъ примѣненіи, но еще разукрѣпляли ихъ.

Я заимствую эти факты отъ одного изъ нашихъ хирурговъ, который отличился преданностью и мужествомъ на фортѣ В. нѣ.

¹⁾ Это не были даже серьезные заложники, потому что, если и погибъ парижскій архіепископъ, то потому, что этого преднамѣнно желалъ Тьеръ!

Одинъ раненый линейный солдатъ былъ приведенъ въ фортъ.

Э отъ несчастный не хотѣлъ ни ѣсть, ни дать сдѣлать себѣ перевязку. Ему скалили, что федералисты отравляютъ своихъ плѣнныхъ.

Не смотря на всѣ настоянія, онъ отказывался отъ всякой пищи. Чтобы воспрепятствовать ему умереть съ голода, хирургъ, принося п. шу, первый пробовалъ ее самъ.

Нѣтъ, убійство нѣсколькихъ сотенъ, даже нѣсколькихъ тысячъ жандармовъ и полицейскихъ агентовъ не могло заставить Тьера положить конецъ подлымъ жестокостямъ какого-нибудь Галифэ или Винуа.

Это входило даже въ его расчеты.

Что значить для этихъ людей жизнь глупыхъ орудій, которыми они пользуются?

Развѣ наборъ, невѣжество, нищета и дисциплина не дадутъ имъ опять столько, сколько понадобится?

Развѣ это ихъ трогаетъ?

Развѣ они уже жуютъ человѣческую жизнь?

Развѣ они чувствуютъ себя обязанными передъ тѣми, кто страдаетъ и умираетъ?

Это хорошо для революціонеровъ и социалистовъ:

Состоя изъ людей съ болѣе высокимъ моральнымъ уровнемъ, для которыхъ всякое человѣческое существованіе, равное и подобное ихъ собственному, представляется чѣмъ-то священнымъ, Коммуна думала, что, декретировавъ законъ о заложникахъ, она наноситъ тяжелый ударъ врагу.

Она принесла вредъ только самой себѣ!

Во всякомъ случаѣ, если бы было доказано, что этотъ декретъ,—несмотря на то, что онъ далъ врагамъ возможность клеветать на Коммуну,—спасъ жизнь хоть одному федералисту, онъ былъ бы совершенно оправданъ.

Во всякомъ случаѣ не тѣмъ, кто хладнокровно избивалъ цѣлое населеніе въ пертсѣ Парижѣ, кто одобрялъ или поощрялъ безъ протеста совершить это ужасное убійство, кричать объ этомъ и обвинять насъ, разыгрывая негодованіе.

Не высохшая еще кровь, ихъ покрывающая, доказываетъ, что мы имѣли право примѣнять всѣ возможные средства, чтобы защитить героев—солдатъ Коммуны—противъ версальскихъ убійцъ.

Когда Коммуна была побѣждена, ея враги искали въ ея декретахъ причины для того, чтобы, хотя и немного поздно, оправдать гнусность ихъ кровавой жестокости и поддѣлать исторію.

Коммуна угрожала, но не была.

На слова ей отвѣчали картечью; а эти слова, увы, забыты исторіей и вспоминаются невѣжественной толпой!

Декретъ о Вандомской колоннѣ носилъ совершенно иной характеръ.

Онъ, быть можетъ, былъ неловко составленъ въ томъ отношеніи, что парижанинъ, какъ нѣкогда латинскій и римскій народъ, очень дорожить своими памятниками. Онъ этимъ лично гордится. Они являются его собственностью. Это артистъ. Самые равнодушные люди, у которыхъ не нашлось ни одной слезы для своихъ убитыхъ согражданъ, возмущались, видя, какъ гранаты Тьера падали въ Триумфальную арку, принося сильныя поврежденія барельефамъ.

Можно также возразить, что Коммуна имѣла болѣе неотложныя дѣла, чѣмъ низверженіе какого-то памятника.

Но во всякомъ случаѣ, этотъ декретъ, такъ плохо принятый вначалѣ значительной частью населенія, имѣлъ большое моральное значеніе.

Онъ явился яркимъ выраженіемъ господствующихъ принциповъ Коммуны. Этимъ она заявляла свой полный разрывъ со всѣмъ прошлымъ, гдѣ господствовала ложная слава и торжество пушекъ.

Это было осужденіемъ войны и завоеванія, приговоромъ народа и будущаго надъ тѣмъ деспотомъ, который революцію и провозглашеніе правъ человека обратилъ въ порабощеніе Франціи и Европы.

Передъ лицомъ завоевателей и побѣдителей пруссаковъ декретъ этотъ указывалъ истинное мѣсто и отмѣчалъ печатью презрѣнія побѣды и завоеванія грубой силы.

Опрокидывая эту бронзовую колонну, привезенную изъ-за границы, сбрасывая въ навозъ статую Наполеона ІІІ и звукахъ марсельезы, Коммуна протягивала руку освобожденной вселенной и въ то же время снимала съ себя позоръ нашихъ послѣднихъ поражений,—ибо она надѣялась на побѣду.

Это была идея, воплощенная въ дѣйствіе: народъ, топчущій въ грязь деспотизмъ, клѣймащій краснымъ желѣзомъ революціи плечи всѣхъ великихъ капитановъ, всѣхъ вчерашнихъ Бонапартовъ, всѣхъ современныхъ Вильгельмовъ, всѣхъ завтрашнихъ Бисмарковъ.

Я не стану продолжать дальше разборъ декретовъ Коммуны.

Я выбиралъ самые характерные, которые могли указать характеръ и тенденцію движенія и настроеніе собранія.

Тѣ, которые я пропустилъ или забылъ, относятся къ одной

изъ трехъ категорій, уже указанныхъ мною въ обзорѣ, и мнѣ пришлось бы только повторяться.

Я ни въ коемъ случаѣ не старался скрыть ошибокъ тамъ, гдѣ думалъ, что дѣйствительно были ошибки. Я указывалъ неловкости, но старался объяснить и ихъ благотворное вліяніе.

Никто не безгрѣшенъ, никто не безупреченъ.

Я былъ достаточно справедливъ и ясенъ, если изъ этихъ страницъ станетъ понятно, что сумма добра на много превзошла сумму зла, что намѣренія всегда были честны и великодушны, хотя декреты не всегда бывали безукоризненны съ точки зрѣнія формы или графичности.

XIII.

Коммуна.—Война, полиція, пресса.

Причину паденія Коммуны нужно искать не только въ ошибкахъ, совершенныхъ ею. Въ общемъ, нѣтъ ни одного политическаго собранія, которое не совершало бы ошибокъ, и ошибокъ гораздо болѣе важныхъ. Не бывало никогда собранія, одушевленнаго такимъ искреннимъ демократическимъ чувствомъ, такой рѣшительной любовью къ народу, и это вполнѣ можетъ искупить нѣкоторую несовершенство, нѣсколько невѣрныхъ движеній, бывшихъ результатомъ горячности и отчаянія безпощадной борьбы.

Помимо указанныхъ уловокъ, сдѣлавшихъ побѣду очень трудной, если не совсѣмъ невозможной, непосредственныя нравственныя причины паденія Коммуны были совершенно иныя.

Ихъ нужно искать въ организаціи полиціи, въ военномъ управленіи, которыя составляли двѣ слабыя стороны ея организаціи.

Всѣ усилія версальцевъ были также направлены именно туда, чтобы произвести тамъ наибольшій беспорядокъ, зная хорошо, что имъ не удастся повліять на самое собраніе.

Я, впрочемъ, не останавливался долго на этихъ двухъ пунктахъ, такъ какъ они выходятъ за предѣлы программы моихъ личныхъ воспоминаній и моей компетенціи въ военныхъ вопросахъ.

Я ничего не разумѣю въ этихъ вопросахъ, и я боюсь произнести ошибочное или буржуазное сужденіе.

Какъ и всѣ граждане Парижа, я участвовалъ въ національной гвардіи во время первой осады. Какъ націонал-гвардеецъ, я не одинъ разъ бывалъ на аванпостахъ и хорошо знаю службу въ осажденной мѣстности.

Можно привыкнуть слушать безъ сильнаго волненія

свистъ гранатъ и пуль, но это, конечно, не могло дать достаточнаго знакомства съ военной наукой.

Я долженъ удовольствоваться нѣсколькими общими замѣчаніями, которыя доступны всякому здравомыслящему человеку во всѣхъ обстоятельствахъ, если только онъ знакомъ съ фактами.

Въ военномъ министерствѣ было три делегата отъ Коммуны: Кюзерэ, Россель и Делеклюзъ.

Кюзерэ принялъ военное управленіе послѣ вылазки 3 апрѣля, въ ужасный моментъ, когда капитальная ошибка преданныхъ, но неопытныхъ генераловъ Коммуны испортила наше положеніе послѣдней атакѣ, которая граничила съ истиннымъ бѣдствіемъ.

Съ матеріальной точки зрѣнія это несчастье можно было еще поправить, но съ моральной точки зрѣнія оно имѣло самыя гибельныя послѣдствія, съ перваго же дня приведя въ уныніе войско, гдѣ энтузіазмъ и преданность много превосходили дисциплину и опытность.

2 апрѣля, когда Парижъ впервые услыхалъ версальскія пушки, онъ загорѣлся всеобщимъ чувствомъ негодованія.

Послѣ первой пятимѣсячной осады, когда городъ носилъ еще слѣды прусской бомбардировки, когда населеніе было еще истощено штурмомъ во время суровой зимы и голода, столько женщинъ было уже въ траурѣ, когда столько дѣтей уже остались сиротами, безъ отцовъ,—можно было бояться усталости и унынія. Этого можно было тѣмъ болѣе опасаться, что Парижъ, въ массѣ, до послѣдней минуты не вѣрилъ въ возможность гражданской войны, надѣялся со свойственной ему склонностью къ иллюзіямъ, что версальцевъ остановить отвѣтственности за пролитую кровь, что правительство никогда не осмѣлится совершить это преступленіе, которому нѣтъ имени, и осадить на глазахъ у пруссаковъ этотъ героическій городъ, который правительство не могло ни сдать, ни защитить. Невозможно было допустить, чтобы это правительство, заявивъ, что не имѣетъ ни арміи, ни снарядовъ, ни денегъ, чтобы выгнать врага, это правительство—изъ рядъ вонъ выходящее по своей подлости и измѣнѣ—имѣло достаточно безстыдства и членовоконавистничества, чтобы найги людей, пороку и золота, чтобы оскорблять, жечь, грабить и брать приступомъ столицу своей общей родины.

Были тысячи естественныхъ основаній, чтобы воздѣйствовать на умы и удержать отъ борьбы, и я думаю, что эти доводы оказали бы свое воздѣйствіе на всякое другое населеніе, но не на парижанъ.

На парижанъ это не дѣйствуетъ!

При дѣлѣхъ раскаты пушекъ они поднимались все съ мужественнымъ энтузіазмомъ и мужественнымъ негодованіемъ, которые при умѣломъ руководствѣ могли явиться залогомъ побѣды.

Какъ только стало извѣстно о паденіи версальцевъ, въ единодушномъ порывѣ все батальоны взялись за оружіе, и въ нѣсколько часовъ двѣсти тысячъ человекъ собрались на пространствѣ отъ площади Бастиліи до площади Согласія.

Когда я увидѣлъ эту толпу, выстроенную въ полномъ порядкѣ, съ ружьемъ у ноги, просящихъ сраженія и поющихъ Марсельезу, я почувствовалъ на мгновеніе радость и серьезную надежду, и я былъ гордъ, сознавая себя человекомъ.

Я доходилъ даже до того, что надѣялся, будто версальцы, понявъ единодушіе этого движенія, остановятся, призадумаются.

Можетъ быть, они хотягъ только испугать Парижъ, пощупать почву.

При видѣ настроенія національной гвардіи и населенія, видя, что для того, чтобы успокоить Парижъ, понадобятся долгіе мѣсяцы братоубійственной войны и рѣки пролитой крови, развѣ не поколеблѣлся бы въ своемъ преступномъ рѣшеніи всякій человекъ, имѣющій совѣсть, нравственное чувство и сердце?

Все это ничего не значило для Тьера!

Онъ хотѣлъ власти и уничтоженія революціи. Что ему за дѣло до всего остального?

Чѣмъ выше и величественнѣе проявлялъ себя Парижъ, чѣмъ онъ дѣлался славнѣе, тѣмъ важнѣе было его раздавить.

Въ концѣ концовъ, для того, чтобы отступить, нужно было, чтобы онъ повѣрилъ, дѣйствительно повѣрилъ, что движеніе 18 марта было дѣломъ нѣсколькихъ которжниковъ, какъ онъ извѣщалъ объ этомъ вселенную.

Но Тьеръ не вѣрилъ своей собственной лжи, и въ его глазахъ вопросъ имѣлъ совершенно иной видъ.

Онъ не старался узнавать объ единодушіи Парижа; дѣло шло о томъ, чтобы повторить 2 декабря, только по болѣе широкому плану, въ свою пользу и въ пользу буржуазіи. Дѣло шло о томъ, чтобы обезпечить свои привилегіи.

Пруссія объявила намъ національную войну, Тьеръ объявлялъ войну сословную, войну ужасную, подлую, въ которой право, справедливость и нравственность не играли никакой роли, у которой была одна задача:

Н дѣтъ ярмо на возставшій пролетаріатъ, сохранить господство хозяина, вооруженнаго кнутомъ, заглушить ихъ требованія подъ грудой труповъ!

Тьеръ и его Собраніе были поэтому такъ же неспособны слушать Парижъ, разговаривать съ нимъ, какъ нѣкогда римскій

сенать былъ неспособенъ признавъ права рабовъ и вести съ ними переговоры во время рабской войны.

Эдъ, Бержерэ, Дюваль, Флурансъ, наши молодые народные генералы, увлеченные горячностью своего возраста, подкупленные энтузіазмомъ, который, какъ электричество, исходилъ отъ этой великодушной толпы, рѣшили попытаться сдѣлать огромную вылазку, пасть на версальцевъ, разогнать и пойти на Версаль, и это безъ согласія исполнительной комиссіи, которая одна имѣла право предписать такое важное движеніе.

Такимъ образомъ, вылазка эта произошла при такихъ условіяхъ, что Коммуна не была предупреждена, исполнительная комиссія не дала своего разрѣшенія. Онъ совершилъ, этотъ безразсудный поступокъ въ безпорядкѣ, неизбежномъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; ничего не было организовано; не были подготовлены въ достаточной степени артиллерія, припасы и продовольствіе. Оно происходило, наконецъ, подъ огнемъ Монъ-Валеріена, оцарапавъ въ рукахъ версальцевъ, между тѣмъ, какъ національная гвардія, кромѣ нѣсколькихъ начальниковъ, думала, что онъ въ рукахъ федералистовъ.

19 марта центральный комитетъ могъ снова завладѣть Монъ-Валеріеномъ съ такою же легкостью, какъ и всѣми другими фортами. Онъ сдѣлалъ ошибку, поручивъ это важное дѣло генералу Люллие, страданія котораго въ Новой Каледоніи—двойной позоръ для версальцевъ, потому что они пользовались его услугами.

Правда, это былъ храбрый, не очень неустойчивый въ своихъ мнѣніяхъ человекъ; онъ вернулъ, зная, что комендантъ крѣпости далъ честное слово держаться строгаго нейтралитета.

Центральный комитетъ сдѣлалъ непростительную, огрѣмную ошибку, оставивъ тамъ коменданта, не сообразивъ, что на другой день версальцы могутъ замѣнить его новымъ, свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ.

Эта ошибка въ значительной степени рѣшила судьбу Парижа, который былъ открытъ для обстрѣла съ Монъ-Валеріена, господствующаго надъ городомъ, огонь котораго позволилъ версальцамъ спокойно производить свои осадныя работы противъ укрѣпленій.

Если бы Монъ-Валеріенъ былъ въ рукахъ Коммуны, военные дѣйствія шли бы совершенно иначе, и сопротивленіе Парижа могло бы происходить при условіяхъ во сто разъ болѣе благоприятныхъ.

Первымъ послѣдствіемъ этой непонятной ошибки было пораженіе національной гвардіи федералистовъ 3 апрѣля.

Батальоны, проходившіе передъ фортомъ, были неожиданно

осыпаны картечью, раздѣлены и разбѣяны. Мысль объ измѣнѣ облетѣла умы и вызвала неизбежную панику, которая, съ безпорядкомъ и уныніемъ, сильно способствовала тому, чтобы обратитъ результатъ битвы противъ насъ.

Дюваль и Флурансъ заплатили своей жизнью за это послѣдствіе неосторожности, а народъ потерялъ двухъ мужественныхъ борцовъ, двухъ героевъ, преданныхъ общественному дѣлу и демократіи солдатъ.

Что касается Эда и Бержерэ, то и ихъ личное мужество, ихъ безпримѣрная преданность не могли исправить этихъ несчастій. Послѣ перваго успѣха и пылкой атаки они были принуждены собрать своихъ разрозненныхъ, утомленныхъ и приведенныхъ въ уныніе солдатъ.

Эта вылазка была ошибкой во всѣхъ отношеніяхъ, потому что она не была подготовлена съ предосторожностями, необходимыми въ такомъ сложномъ дѣлѣ, происходила, кромѣ того, въ ненормальныхъ условіяхъ, подъ огнемъ непріятельской крѣпости и, наконецъ, потому, что съ перваго же дня подвергла національную гвардію опасности пораженія, чего всегда нужно избѣгать съ молодыми, въ высшей степени чувствительными войсками.

Энтузіазмъ этихъ двухъ сотъ тысячъ людей, просящихъ битвы,—вотъ гдѣ, поистинѣ, была замѣчательная сила, серьезная опора для побѣдоноснаго сопротивленія, но при условіи умѣлаго и ловкаго пользованія ею. Нужно было внушить довѣріе этой гражданской арміи, каждый день приучать ее къ войнѣ, дѣлать небольшія рекогносцировки, гдѣ она могла бы имѣть успѣхъ, а не рисковать ею, ставя всю ставку на одну карту.

Это безъ сомнѣнія и сдѣлалъ бы болѣе осторожный и болѣе опытный въ военномъ дѣлѣ человекъ. Этого наши молодые генералы не могли понять, увлеченные народнымъ движеніемъ, которое нужно было регулировать и направлять.

Къ этой первой ошибкѣ они присоединили еще одну, не менѣе важную, воспользовавшись арміей Коммуны, я это повторяю, безъ согласія Коммуны, безъ прямого приказа исполнительной комиссіи, которая, неся за все отвѣтственность, не могла допустить, чтобы поступили такимъ образомъ—по собственному побужденію въ такой опасный моментъ ¹⁾.

На слѣдующій день Коммуна ввѣрила генералу Кюзерэ заботу о преобразованіи національной гвардіи и распоряженіе военными дѣйствіями съ помощію и подъ наблюденіемъ комиссіи,

¹⁾ Безъ сомнѣнія, намѣренія гражданъ Эда и Бержерэ стоятъ выше всякихъ подозрѣній.

составленной изъ членовъ Коммуны, которая собиралась каждый день въ военномъ министерствѣ.

Первой заботой Клузерэ было запретить до новаго приказа вылазки въ открытое поле и ограничить дѣйствія простой защитой фортовъ и укрѣпленій, прикрытыхъ занятіемъ Нельи и еще нѣсколькихъ передовыхъ фортовъ. За это время онъ считалъ возможнымъ организовать изъ національной гвардіи дѣятельную военную силу, съ которой можно было бы производить частыя и энергичныя вылазки.

Здѣсь произошла вторая, еще болѣе печальная ошибка, которая, какъ мнѣ кажется, насколько я могу судить, повлекла за собою еще болѣе плачевные результаты. Эта ошибка состояла въ желаніи расдѣлить національную гвардію, какъ и во время первой осады, на двѣ части—на походную и на осадную¹⁾.

Быль поэтому отданъ приказъ, чтобы всѣ люди отъ девятинадцати до сорока лѣтъ пошли въ боевые батальоны, а свыше сорока—остались въ Парижѣ, не выходя за укрѣпленную ограду.

Ничто такъ не ослабило защиту, такъ полно не дезорганизовало батальоновъ.

Въ вылазкѣ 3 апрѣля шли всѣ, и всѣ могли понять, что теперь далеко не тѣ условія, какія были во время войны съ пруссаками.

Война между Версалемъ и Парижемъ была гражданской войной, войной политической.

Правительство, заставлявшее въ думѣ, хотя и правилами избранное населеніемъ, было въ общемъ, правительствомъ революціоннымъ по духу и по поступкамъ. Нужно было считаться съ этимъ положеніемъ, нужно было понять, что мы можемъ бороться только опираясь на энтузіазмъ народа, на добрую волю преданныхъ и убѣжденныхъ гражданъ, готовыхъ отдать свою жизнь на службу коммунальному дѣлу.

Для тысячи человѣкъ, составляющихъ батальонъ, вопросъ возраста не имѣетъ никакого значенія, а вопросъ убѣжденія—все. Среди этой тысячи человѣкъ были мочже сорока лѣтъ.

¹⁾ Спѣшу оговориться, что отвѣтственность за эту ошибку падаетъ не лично на генерала Клузерэ, который не присутствуя самъ во время первой осады, думалъ, по отзыву тѣхъ, которыхъ считалъ очень осведомленными, что эта организация существовала всегда, и потому слѣдуетъ ею воспользоваться.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ обманутъ ложными разъясненіями, въ которыхъ онъ, однако, не имѣлъ повода сомнѣваться. Дѣйствуя такъ, онъ хотѣлъ прежде воспользоваться наличными революціонными силами и въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали, чтобы имѣть время, не торопясь изучить и преобразовать, не приводя ничего въ разстройство.

Онъ самъ не замедлилъ убѣдиться въ неудобствахъ подобной мѣры.

которые желали паденія Коммуны, и старше сорока лѣтъ, которые не пощадили сы для нея своей крови.

Нужно было хорошо понять, что въ національной гвардіи каждый батальонъ, каждая рота—это настоящая семья, состоящая изъ сосѣдей, товарищей по мастерской, обитателей одной и той же улицы, одного и того же дома, и что, разрывая эту нравственную связь, уничтожаютъ серьезное, глубокое, разумное единство, которое ничѣмъ нельзя замѣнить въ интересахъ службы.

Не слѣдовало, кромѣ того, забывать, что все величіе и все оправданіе гражданской войны, войны политической, состоитъ въ сознаніи борцовъ, которые являются не только солдатами, но живыми идеями, и что такую войну нельзя вести какъ войну противъ иноземнаго вторженія.

Тамъ невозможно никакое раздѣленіе, никакое колебаніе. Передъ прусскимъ завоеваніемъ не было и не должно было быть, послѣ 4 сентября, никого, кромѣ французовъ, защищающихъ свое отечество, и правительство поэтому должно было только заботиться о чисто внѣшнихъ явленіяхъ этого нападенія.

Совсѣмъ не то передъ лицомъ версальцевъ.

Понятно, въ Парижѣ, какъ и въ остальной Франціи, не всѣ были согласны между собой, не всѣ всѣмъ сердцемъ желали побѣды соціальной революціи: нѣкоторые смотрѣли на нее даже какъ на мерзкое и отчаянное дѣло.

Декретомъ или словами нельзя было заставить ихъ идти, и если бы они пошли, то только съ задней мыслью—или перейти на сторону врага, или, обратившись въ бѣгство при первомъ выстрѣлѣ, вызвать панику и повлечь пораженіе.

Организуя походныя роты и роты осадныя, достигли того, что между тѣми, которые, въ силу закона, не участвовали въ битвахъ, находились люди преданные, рѣшительные, энергичные, готовые съ радостью пролить свою кровь подъ краснымъ знаменемъ съ золотой бахромой, тогда какъ рота, составленная изъ молодыхъ, которые должны идти въ огонь, набирались съ трудомъ, и ея составъ, вслѣдствіе дезертирства и сопротивленія непокорныхъ, былъ почти всегда ниже того, какой можно было бы требовать.

Многіе батальоны, увлеченные революціоннымъ порывомъ, не считаясь съ декретомъ, шли массой, не справляясь съ ограниченіями возраста. Въ четвертомъ округѣ я насчитывалъ среди одиннадцати три батальона, которые отказались отъ преимуществъ закона и въ полномъ составѣ пошли въ огонь.

Не было ли это наилучшей критикой декрета?

Напротивъ, во многихъ другихъ батальонахъ люди, не

желавшіе Коммуны, сгруппировались въ осадныя роты, чтобы получать плату и сохранить свое оружіе, такъ какъ Коммуна рѣшила, что люди, которые не будутъ служить, будутъ обезоружены¹⁾.

Этотъ декретъ имѣлъ еще то неудобство, чтобы не сказать болѣе, что заставлялъ начать вновь всю военную организацію подъ непріятельскимъ огнемъ и вызвалъ этимъ потерю драгоценнаго времени.

Въ каждомъ батальонѣ, въ каждой ротѣ нужно было совершать тяжелую и длинную работу распредѣленія, а кончивъ это, приступить къ двойнымъ выборамъ офицеровъ и т. д., и т. д.

Все это, я повторяю, заставляло терять драгоценное время²⁾, ослабило, мѣшало защитѣ и, въ концѣ концовъ, уменьшило почти на цѣлую треть наличное число борцовъ, не считая недовольства, явившагося въ результатѣ всего.

Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ національной гвардіи всегда нужно было считаться съ тѣми чувствами и впечатлѣніями, которыя можно было игнорировать у грубого и невѣжественнаго солдата. Національная гвардія, помимо военной силы, есть сила моральная. Каждый гвардеецъ думаетъ, размышляет, отзывается на все, имѣетъ свою волю. Нужно считаться также съ мнѣніемъ женщинъ, которыя оказываютъ сильное воздѣйствіе на своихъ мужей, возлюбленныхъ, сыновей, братьевъ, отцовъ. Если два человѣка живутъ на одной площадкѣ, вамъ будетъ очень трудно доказать одному изъ нихъ, и особенно его женѣ, что онъ долженъ быть убитъ, потому что ему тридцать девять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ, въ то время, какъ его сосѣдь останется вдали отъ опасности потому, что ему сорокъ лѣтъ и нѣсколько дней.

Вмѣстѣ, предоставленные одинаковой опасности, они, побуждаемые соревнованіемъ, будутъ бодро сражаться. Если ихъ раздѣлять, то идущій унесетъ съ собой заднюю мысль, видя свою жену раздраженной этимъ неравенствомъ, причину котораго ей непонятна.

Съ національной гвардіей въ томъ видѣ, какой она была, нужно дѣйствовать просто и прямо, не утруждая категорій, а, созвавъ батальоны, отправлять на аванпосты всѣхъ явившихся, вмѣсто того, чтобы заводить новую организацію, невозможную при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находились.

¹⁾ Коммуна не могла, въ самомъ дѣлѣ, оставить въ Парижѣ противниковъ, которые были въ состояніи поднять движеніе противъ нея или въ время нападенія присоединиться къ версальцамъ.

²⁾ Батальоны цѣлыя недѣли тратили на эти выборы, и все это время ихъ нельзя было посылать въ бой.

Граждане увлекали бы другъ друга, каждый національный гвардеецъ дѣлался бы полицейскимъ своего дома, увлекая своего сосѣда. Не оставалось никакого предлога для непокорныхъ, ни одной уловки для возраженій, для хитрости и лжи.

Коммуна тотчасъ же узнала бы, кто за нее и кто противъ. Она платила бы только тѣмъ, кто ей служилъ. Она обезоружила бы другихъ, и дѣйствительное число борцовъ значительно увеличилось бы.

Третья ошибка, во сто разъ болѣе печальная, чѣмъ двѣ другія, это небрежность по отношенію къ постройкѣ баррикады въ Парижѣ, хотя я не знаю еще, на кого падаетъ за это прямая отвѣтственность.

Коммуна основала комиссію баррикады, отдавала приказъ за приказомъ, тратила много денегъ, а ничего полезнаго или умнаго не было сдѣлано.

Баррикадировать Парижъ на глазахъ пруссаковъ было ребячествомъ или комедіей. Нечего было бояться, что рѣшится ихъ штурмовать. Эти неосторожности не въ ихъ характерѣ, Бисмаркъ, кромѣ того, хорошо зналъ людей, которые приняли на себя защиту отечества, чтобы не сомнѣваться, что эти люди не сегодня—завтра сдѣдаютъ ему Парижъ.

Съ версальцами въпрямую нѣсколько мѣнялся. Они не могли безконечно тянуть осаду. Можно было съ увѣренностью предвидѣть, что въ одинъ прекрасный день они рѣшнутся начать личную войну. Это было неизбежно въ данной войнѣ, и къ тому нужно было готовиться.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ существованія Коммуны было исполнѣе достаточно времени, чтобы возвести за первой цѣпью укрѣпленій вторую, потомъ третью, за баррикадировать всѣ дороги, гдѣ пройдутъ войска, и создать изъ Монмартра и другихъ возвышенныхъ пунктовъ настоящія крѣпости, которыя дѣлали бы Парижъ безусловно недоступнымъ для любой непріятельской арміи. Пройдя первую цѣпь укрѣпленій, возможность чего можно было давно предвидѣть, версальцы оказались бы не въ лучшемъ положеніи, а во сто разъ худшемъ.

Имъ пришлось бы отступать или они оказались бы въ тѣткѣ.

При сопротивленіи такого рода версальцы были бы разбиты, ихъ войска потеряли бы присутствіе духа и провинція, въ силу необходимости заставила бы заключить миръ или, по крайней мѣрѣ, прекратить военныя дѣйствія до выбора новаго собранія.

Вмѣсто этого ничего не было сдѣлано.

Я всегда буду помнить, съ какимъ отчаяніемъ я убѣдился

въ понедѣльникъ 22 . . . уц смъ гдѣ съ порученіи мѣ Делю . . . на Батиньоль и Моимъ . . . , что въ Парижѣ, кромѣ баррикады на улицѣ Риволи, которыя были опрокинуты и нѣ къ чему годны, не было ни одной баррикады, годной для обороны.

Приходилось поспѣшно строить ихъ во время битвы, б общаго плана, въ то время, когда непріятель уже былъ повсюду въ Парижѣ.

Эта небрежность, отчего бы она ни происходила, была болѣе чѣмъ ошибкой,—она была преступленіемъ.

Я имѣю право говорить объ этомъ, потому что во все время Коммуны я непрерывно указывалъ на это, запрашивалъ, работаютъ ли серьезно надъ разумной стратегической постройкой этихъ баррикадъ, этихъ внутреннихъ къ постей, которыя были главнымъ залогомъ нашего спасенія, которыя могли бы все спасти въ то время, какъ версальцы думали бы, что одержали побѣду.

Я надѣлся рѣшымъ воспримъ депутатами моими зятленіями.

Всюду мнѣ отъвѣчали: «это дѣлается».

Если мнѣ не измѣняетъ память, генераль Клузевъ имѣлъ планъ. Но онъ не слѣдилъ или не имѣлъ времени слѣдить за его исполненіемъ.

Россель былъ военнымъ и только военнымъ.

Онъ никогда не вѣрилъ въ баррикады, какъ солдаты, любя и не понимая этой уличной борьбы, которая является гениемъ самого народа, преимущественно народа парижскаго.

Когда же Делюкльзъ вступилъ въ военное министерство, было уже слишкомъ поздно, чтобы размышлять и наверстать потерянное время.

Въ общемъ главная ошибка всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ военному министерству, всѣхъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе касался руководства военными дѣйствіями, состояла въ томъ, что, увязнувъ по шею въ рутину, они хотѣли вести правильную, классическую войну.

Тщетно тратили силы, организуя армію, полки, распредѣляя начальство, сочиняя стратегическіе планы.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ посылались въ окопы, на фланги и на аванпосты отборныя части революціоннаго населенія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ гибли тысячи самыхъ лучшихъ людей, при чемъ тѣ, отъ кого это зависѣло, не могли придумать ничего новаго и оригинальнаго, не могли додуматься до того, чтобы серьезно организовать истинную народную войну.

Большинство требовало съ шумомъ и гамомъ революціонныхъ мѣропріятій.

Вотъ тутъ-то ихъ и нужно было примѣнить.

Тутъ было все допустимо, потому что здѣсь была суть вопроса, и на этой почвѣ побѣденской обороны было бы достигнуто безъ борьбы и колебаній общее согласіе.

Предпочитали играть въ большую войну и терять людей въ продолжительномъ, безплодномъ сраженіи въ окопахъ.

Жертвовали тысячами героевъ для продолжительной обороны извѣстныхъ фортвъ, которые нельзя было спасти, которые роковымъ образомъ должны были пасть при бомбардировкѣ¹⁾.

Тьеръ, говорили, будетъ бомбардировать весь городъ, какъ онъ бомбардировалъ съ первыхъ дней извѣстные кварталы.

Можетъ быть!

Что мы могли отъ этого потерять?..—Или у федералистовъ еще были дома, отели, дворцы въ Парижѣ?

Если бы Тьеръ бомбардировалъ центръ Парижа, онъ стрѣлялъ бы въ своихъ избирателей, онъ разорялъ бы своихъ приверженцевъ, всю поддержку. Впрочемъ, повѣрьте, во всѣхъ отношеніяхъ онъ не рѣшился бы на эту крайность.

Человѣкъ такого рода можетъ очень хладнокровно отдать приказъ систематически задушить сотню тысячъ рабочихъ и социалистовъ-революціонеровъ. Это не составляетъ видимыхъ слѣдовъ, это не раздражаетъ вовсе владѣльцевъ.

Чтобы доказать, что мать умерла на трупѣ отца, нужно подняться на пустой чердакъ, гдѣ находятся плачущіе отъ голода дѣти.

Чтобы сосчитать жертвы, чтобы собрать убитыхъ, нужно поднять мостовую, подъ которой гниютъ тѣла побѣжденных.

Иностранецъ, гуляя по городу, ничего этого не видитъ.

Собственникъ, ступая въ свой нетронутый домъ, потираетъ себѣ руки, маленькій толстякъ, проводящій ночи съ женщинами, а днемъ редактирующій «Фигаро», въ восторгѣ отъ того, что смерть родителей и ни щета возобновили его сераль изъ прости-гутокъ.

Но сжечь Парижъ, разрушить дворцы,—никогда!

Можно выпотрошить женщинъ и дѣтей.

Нельзя разрушить дома.

Это будетъ замѣтно, а онъ не даромъ защитникъ собственности.

Въ дѣйствительности, три четверти пожаровъ въ Парижѣ въ майскіе дни были дѣломъ рукъ версальцевъ, но въ суматохѣ отвѣтственность за это можно было свалить на Коммуну. И

¹⁾ На послѣдней недѣлѣ батальонъ четвертаго округа въ количествѣ двухсотъ сорока человекъ пошелъ занять фортъ Ванъ. Вернулось оттуда шестьдесятъ человекъ, остальные были убиты или ранены.

многіе министры, многіе генералы Тьера, многіе бонапартисты однимъ словомъ—многіе консерваторы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы уничтожить въ огнь компрометирующія бумага.

Это были случайности. Офіціального приказа дано не было.

Передъ укрѣпленнымъ Парижемъ Тьеръ, я думаю, и рѣшился бы дать приказъ разрушать городъ, а если бы онъ сдѣлалъ эту гнусность, то это пало бы на него и было бы невозможно.

Для людей порядка кѣмни священны!

Коммунѣ дѣйствительно не доставало военнаго генія и геніа революціоннаго, который, понявъ положеніе, изобрѣлъ бы для исключительныхъ обстоятельствъ исключительный планъ.

Объ этомъ думали, но неуверенно, нескладно и неослѣдительно.

Ничего не было организовано.

Хотѣли устрашить версальцевъ, и поступали какъ раз наоборотъ, наполнивъ тюрьмы шайкой людей, которыми версальцы дорожили больше, чѣмъ солдатами.

А, между тѣмъ, это давало прекрасный поводъ для клеветы на насъ противники.

Оплачивали тысячи ни на что негодныхъ людей, которыхъ можно было употребить на постройку оборонительныхъ сооружений, не уменьшая въ то же время число идущихъ въ бой.

Въ казармѣ оставляли большое число солдатъ безъ дѣла, которымъ имѣли основаніе не довѣрять, но которые, вмѣстѣ съ всѣми обезоруженными бунтовщиками, могли быть употреблены на земляныя работы, на перевозку артиллеріи и снарядовъ.

Надо сказать правду.

Извѣстно ли, почему никто объ этомъ не думалъ, а кто думалъ, не встрѣчалъ вокругъ сочувствія?

Оттого, что этого не было въ революціонныхъ традиціяхъ.

Такъ какъ Парижъ не былъ осажденъ въ 93 году, то Конвентъ не предпринималъ никакихъ мѣропріятій въ этомъ родѣ.

Арестовывали, потому что онъ арестовывалъ.

Сажали въ тюрьму, потому что онъ сажалъ въ тюрьму.

Создали законъ о заложникахъ, какъ Конвентъ создалъ законъ о подозрительныхъ.

Нѣкоторые хотѣли даже арестовать и разстрѣлять меншистство, потому что монтаньяры арестовали и посадили на эшафотъ жирондистовъ.

Намъ все время давило прошлое. И вмѣсто того, чтобы согласовать дѣйствія съ обстоятельствами, нѣкоторые думали, что, повторяя дѣло нашихъ отцовъ, мы спасемъ Коммуну, какъ участники Конвента спасли сразу отечество и республику.

Я хотѣлъ бы, чтобы меня поняли, какъ слѣдуетъ: я не прославляю здѣсь ни насилія, ни умеренности,—я прославляю здравый смыслъ.

Ни насиліе, ни умеренность не являются принципами. Этого не бываетъ. Надо дѣлать то, что нужно. Вотъ и все.

Никогда я не ствергну мѣропріятія, потому что оно кажется насильственнымъ, или потому, что оно умеренно. Я отвергну всегда то мѣропріятіе, которое нахожу слишкомъ бочнымъ, нелогичнымъ, опаснымъ, несправедливымъ, противорѣчащимъ преслѣдуемой цѣли.

Что изъ того, что къ этому мѣропріятію приклеиваютъ этикетъ революціоннаго!

Мѣропріятіе революціи не потому, что оно насильственно; оно революціонно, если по своимъ свойствамъ можетъ доставить торжество революціи.

У меня не было и никогда не будетъ иного мѣрила.

Нужно было воспрепятствовать паденію Парижа.

Но, ни декреты о заложникахъ, которыхъ у насъ не было, ни аресты—такіе, какъ они производились, ни выборы Комитета общаго спасенія не могли спасти Парижъ.

Это было потерянное время!

Съ матеріальной точки зрѣнія, Парижъ могло спасти хорошее военное руководство, котораго безусловно не доставало.

Съ моральной точки зрѣнія, Коммуну могла спасти хорошая внутренняя организація и широкія социальныя реформы, которыя осуществили бы на первый разъ удивительную и радикальную программу современной революціи, революціи, которая должна взять общество за его основу и разбить его живые корни: капиталъ, привилегію, городское управленіе, полицію, вооруженную силу, церковь, финансы, народное образованіе.

Это нужно было и можно было сдѣлать¹⁾.

Это такъ и было-бы, если бы нѣкоторые изъ насъ, вмѣсто того, чтобы забавляться громкими фразами, пожелали бы выслушать и понять тѣхъ, которые, какъ и они, рискуя своей жизнью, имъ говорили:

— Вы слишкомъ блѣды.

Къ несчастью, полиція, которая, наряду съ военнымъ дѣломъ, была слабымъ мѣстомъ Коммуны, почти всегда ускользала отъ контроля Коммуны и представляла, нѣкоторымъ образомъ, государство въ государствѣ.

¹⁾ Намъ почти не нужно было заниматься политикой. Это было несвоевременно. Этимъ слишкомъ увлеклись. На это тратили драгоценное время, и только благодаря этому возникли всѣ расколы.

По вопросу о полиции существует, по моему мнению, принцип и действительность.

Въ принципѣ, централизованная полиція въ народа должна быть уничтожена. Полицейскаго управленія не должно существовать. Въ каждомъ кварталѣ, въ каждомъ округѣ, въ каждой общинѣ полицейскую службу должны нести сами граждане. Только они сдѣлаютъ это хорошо и безопасно для честныхъ гражданъ. Мы имѣемъ доказательство этому во время осады. Если, кромѣ того, необходимо центральное бюро, чтобы соединять и обобщать справки, и если это бюро нуждается въ специальныхъ агентахъ для нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, эти агенты должны быть ответственны и назначеніе ихъ должно быть обставлено серьезными гарантіями.

Такъ называемый комиссаръ полиціи долженъ быть простымъ правительствомъ, назначеннымъ по выбору на ограниченное время, какъ и всѣ члены городского управленія.

На дѣлѣ я не принадлежалъ къ тѣмъ, которые думали, что эта реформа, бывшая, наряду съ уничтоженіемъ арміи, самой настоятельной, должна быть проведена въ то время, когда Коммуна боролась противъ версальцевъ.

Нужно было просто установить принципъ, подготовить новую, революціонную и коммунальную организацію и отложить примѣненіе ея до конца войны.

Дѣйствительно, Парижъ былъ полонъ версальскими агентами и заговорщиками всякаго рода. Обстоятельства были ужасны, ненормальны, нужно было сохранить еще на нѣсколько дней организацію вполне готовую, централизація которой могла представить много временныхъ преимуществъ, въ видѣ тѣхъ условий, въ которыхъ мы находились.

Итакъ, я допускаю, что въ теченіе войны нужно было сохранить делегата при полицейскомъ управленіи, который долженъ былъ пользоваться довольно широкой властью.

Къ несчастію, выборъ людей, которымъ доверили это дѣло, крайне шекотливое и требовавшее исключительныхъ качествъ, былъ неудаченъ.

При полиціи было три делегата: Рауль Риго, Курнэ и Феррэ. Курнэ провелъ тамъ мало времени, и я рѣшительно не знаю, въ чемъ выразилась его дѣятельность. Поэтому я не могу о ней говорить.

Что касается Рауля Риго и Феррэ, то другое дѣло. Полиція въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при Коммунѣ, была ихъ дѣломъ. Не надо преувеличивать, когда я говорю, что она была ихъ дѣломъ, потому что она была также результатомъ

обстоятельствъ, дѣлавшихъ положеніе это наиболѣе труднымъ и шекотливымъ.

Рауль Риго и Феррэ, получившіе специальное и ясно ограниченное порученіе, требовавшее большой смѣлости, величайшей энергіи, безусловнаго презрѣнія къ опасности, оказали выдающіяся услуги тому дѣлу, за которое они умерли. Но, чтобы исполнить эти обязанности при тѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились, было бы не лишнимъ и человѣкъ выдающейся гениальности.

Прежде всего, съ политической точки зрѣнія, это были люди, наименѣе понимавшіе исключительный и оригинальный характеръ Коммуны 1871 года и видѣвшіе въ ней только болѣе или менѣе разумное продолженіе первой революціонной Коммуны. Они были еще въ томъ возрастѣ, за нѣкоторыми исключениями, когда переживаютъ чужія мысли, вмѣсто того, чтобы жить собственнымъ мышленіемъ¹⁾.

Затѣмъ, полицейское управленіе они нашли въ полномъ беспорядкѣ и никогда не имѣли въ своемъ распоряженіи средствъ, необходимыхъ для всякой хорошей полиціи.

Аресты безъ разбора дѣлались почти всегда на сторонѣ. Истинные версальскіе агенты ускользали отъ преслѣдованія или арестованные отпускались на другой день, при чемъ почти всегда было неизвѣстно, кѣмъ и какъ обзаводились.

Наконецъ, почти весь міръ понимаетъ очень хорошо, чего не хватало Раулю Риго именно на этой должности.

Съ самаго начала заботой первой исполнительныя комиссіи, состоявшей изъ Курнэ, Делеклюза, Феликса Піа, Тридона, Вайана, Вермореля, было замѣстить Рауля Риго, котораго Коммуна застала назначеннымъ отъ центральнаго комитета.

Особенно поддерживали въ этомъ Делеклюза Верморель и Феликсъ Піа. Всѣ трое настойчиво и неоднократно предлагали мнѣ эту должность, не чувствуя себя специально подготовленными для такого дѣла.

Верморель, очевидно, былъ человѣкомъ, созданнымъ для этой должности, гдѣ онъ могъ бы примѣнить вполне свою подлинность, тонкость и тактичность. Но онъ не хотѣлъ обзаводиться и слышать, и это было большимъ несчастьемъ для нашего дѣла.

¹⁾ Само собой понятно, что я не думаю вовсе нападать на Феррэ, какъ на человѣка, прекрасно зная его глубокую преданность революціонному делу.

Передъ военнымъ совѣтомъ Феррэ велъ себя удивительно. Великъ онъ и въ Сатори, и смерть его столь прекрасна, что каждый можетъ претендовать на то, и Коммуна можетъ гордиться тѣмъ, что въ ея средѣ были такіе герои.

Въ Коммуна Р.улю Ригу часто дѣлались запросы именно со стороны Вермореля, который долгое время былъ членомъ комиссіи общ. и безопасности и, видя вблизи дѣятельность новаго полицейскаго управленія, относился къ ней очень сурово.

Делеклюзъ также неоднократно при полномъ собраніи имѣлъ горячія стычки съ Р.улемъ Р.го.

Тѣмъ не менѣе, Коммуна держала его, и рѣшающей причиной продолжительности его власти было то, что не знали, кого назначить ему въ преемники.

Такое положеніе продолжалось долго, хотя не одобряли ни его дѣйствій, ни вообще его руководства полиціей.

На конецъ, онъ подалъ въ отставку, вслѣдствіе постановленія собранія, сдѣланнаго по поводу моей рѣчи, гдѣ я нападалъ на выпытываніе секретовъ у заключенныхъ, какъ явленіе безнравственное и бесполезное.

Коммуна, наконецъ, приняла многія мѣры, чтобы по возможности исправить результаты произвольныхъ арестовъ, произведенныхъ по приказу ея делегатовъ. Гражданинъ Протъ поставилъ на голосованіе декретъ, приказывающій, чтобы всѣ аресты, произведенные комиссіей общественной безопасности, подписывались въ двѣдцать четыре часа делегатомъ юстиціи, который увѣдомляется о причинахъ ареста; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ всякую силу.

Были запрещены также обыски безъ законнаго предписанія.

Несомнѣнно, много было бесполезныхъ и несправедливыхъ арестовъ, и приходится признаться, что они часто были результатомъ личныхъ ошибокъ нѣсколькихъ человѣкъ или запутанныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы боролись, лишаясь хладнокровія людей самаго положительнаго характера.

Они бывали также результатомъ неспособности, предательства, преднамѣренной невождедержанности *) неподготовленныхъ агентовъ, которымъ делегатъ долженъ былъ пользоваться, и на неспособность которыхъ онъ первый же жаловался.

Слѣдуетъ, наконецъ, побывать въ подобныхъ условіяхъ, чтобы понять, до какой степени разумный приказъ можетъ быть извращенъ тѣми, которые призваны его исполнять и кото-

рые передаютъ его часто прямо противоположно тому, какъ вы этого желаете †).

Многіе изъ моихъ товарищей въ своихъ округахъ имѣли многочисленныя столкновенія и ссоры съ центральной полиціей.

Лично, кромѣ принципиальныхъ вопросовъ, которые я оспаривалъ въ Коммуна, у меня никакихъ столкновеній не было. Въ округѣ я имѣлъ право на четырехъ комиссаровъ полиціи. Не знаю, были ли они выбраны; я видѣлъ только одного, который приходилъ предлагать мнѣ свои услуги, которыми я нѣсколько разъ пользовался.

Вообще, съ согласія моихъ товарищей по округу, мы сами непосредственно исполняли полицейскія обязанности; мы хотѣли пользоваться національной гвардіей и всѣ чувствовали себя хорошо, потому что, я думаю, въ округѣ никогда не было большаго спокойствія.

Кромѣ полиціи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, болѣе всего упрекали Р.уля Ригу за его войну съ газетами, за запрещенія и закрытія по его приказанію газетъ.

Въ этомъ не онъ одинъ былъ виноватъ. Коммуна такъ же постановляла закрытіе разныхъ газетъ ‡).

Несомнѣнно, если какое-либо правительство можно извинить за то, что оно не уважало свободы печати, то это правительство коммунальное.

Обстоятельства были ужасны. Шло непрерывное сраженіе, со всѣхъ сторонъ грозили казни; журналы, почти всѣ находившіеся въ рукахъ буржуазіи, были органами версальцевъ, безъ умолку призывали паденіе Коммуны, рукоплескали нашимъ пораженіямъ, поносили федералистовъ, описывали наши военныя движенія, однимъ словомъ, открыто вступали въ заговоръ съ непріятелемъ, что въ горѣ на военномъ положеніи является дѣйствительнымъ преступленіемъ, высшей измѣной, заслуживающей уголовной кары.

Въ этомъ отношеніи нужно было что-нибудь сдѣлать.

Населеніе возмущалось глумленіемъ надъ своими страданіями, и федералисты требовали прекращенія этой гнусной провокаціи и открытаго заговора. Однако, эти конфискаціи и запрещенія газетъ собраніемъ, многіе члены котораго были сами

*) Это постановленіе заключалось въ томъ, что комиссія изъ членовъ Коммуны получала право входить въ тюрьмы и допрашивать всѣхъ заключенныхъ.

‡) Именно на полицію версальцевъ направили главныя свои усилія. Тьеру удалось ввести туда нѣсколькихъ своихъ агентовъ, которые нарочно прибѣгали къ произволу и насилию. Отому было много доказательствъ.

†) Въ мѣрѣ 4-го округа я убѣдился въ слѣдующемъ: изъ трехъ отданныхъ мною приказовъ одинъ не былъ вовсе исполненъ, одинъ совершенно извращенъ и только одинъ исполненъ, какъ слѣдуетъ. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

‡) Засѣданіе, гдѣ это голосовалось, было одно изъ двухъ, на которыхъ я по болѣзни не присутствовалъ.

журналистами, требовавшими во время Второй империи свободы печати съ такимъ же жаромъ, какъ и права собраній, ассоціацій,—казались нелогичными и противными.

Поступая такъ, казалось, что мы совершаемъ проступокъ передъ собой и, достигнувъ власти, отвергаемъ принципъ, которые исповѣдывали наканунѣ, будучи въ оппозиціи.

Между тѣмъ, никто не удивлялся, когда Версальцы, вступивъ въ Парижъ, запретили всѣ газеты, которые не восхваляли убійствъ и не называли освобожденіемъ разграбленіе Парижа мужемъ г-жи Галифэ и другими Винуа.

Эти люди были бѣры себѣ.

Они стояли за силу, но не за право.

Не такъ дѣло обстояло съ Коммуной, и какъ только она коснулась прессы, она стала въ ложное положеніе, которое сдѣлало, которое мѣшало ей регулярно и плодотворно работать.

Она сдѣлала здѣсь довольно, чтобы осрамить себя и дать поводъ къ нападкамъ, но недостаточно для того, чтобы серьезно защититься.

Дѣйствительно, запрещенные журналы на завтра появлялись подъ новымъ названіемъ; это была охота, гдѣ побѣда никогда не бывала на сторонѣ охотниковъ. Преслѣдуемые Коммуной журналы представлялись жертвами, взывали къ великимъ принципамъ, и парижское населеніе, которое стоитъ всегда за оппозицію преслѣдуемыхъ, почти сочувствовало презрѣннымъ, которыхъ желали и готовили его гибель.

Не замедлили также сказать, что журналисты въ Коммунѣ преслѣдуютъ газеты противниковъ, чтобы увеличить спросъ на собственные газеты.

Что касается меня, то, чтобы избѣжать подобныхъ подозрѣній, я не позволялъ себѣ писать ни строчки въ газетѣ, пока засѣдалъ въ Коммунѣ, хотя журнализмъ былъ моимъ единственнымъ заработкомъ.

А между тѣмъ, можно было кое-что сдѣлать и даже крайне радикальное.

Многіе изъ насъ предлагали на все время войны запретить всѣ, безъ исключенія, газеты, кромѣ газеты официальной, которая печатала бы декреты и другіе правительственные акты.

Это мѣропріятіе имѣло большія неудобства, на которыхъ бесполезно останавливаться. Но оно было, по крайней мѣрѣ, логично и могло въ известной степени быть оправдано тѣмъ, что со времени нападенія Версальцевъ Парижъ сталъ лагеремъ, а народъ арміей.

Ни одна армія въ лагерь не можетъ и не должна терпѣть въ своихъ предѣлахъ измѣнниковъ, шпионовъ, тѣхъ, которые

желаютъ ея гибели и дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы ее захватить.

Подобный декретъ—хотя я не стоялъ за него—имѣлъ все-таки то преимущество, что не затрагивалъ такъ непосредственно принципа свободы печати, какъ та имперіалистская процедура, которой пользовался Рауль Риго противъ газетъ.

Въ дѣйствительности, я думаю, что это было бесполезно и что можно было и должно было ввести что-нибудь новое въ этой области, обеспечивая во всякомъ случаѣ высшій интересъ, который мы должны были защищать и доказать превосходство истинныхъ принципъ, не касаясь ихъ.

Чего мы всегда требовали во время имперіи? Отмѣны всѣхъ временныхъ законовъ противъ печати, и возстановленія общаго права.

Мы должны были довольствоваться общимъ правомъ.

Если журналисты при помощи газеты устраивали заговоръ на гибель Коммуны, если они давали непріятелю свѣдѣнія о нашихъ военныхъ движеніяхъ, развѣ обычныя законы были недостаточны, чтобы покарать эти преступленія?

Если, напротивъ, они довольствовались тѣмъ, что обсуждали наши дѣйствія, критиковали нашу политику, оспаривали перомъ наши тенденціи и желанія,—это было ихъ право, право безусловное, неприкосновенное.

Развѣ у насъ не было также газетъ, чтобы имъ отвѣчать? чтобы защищать наши идеи, пропагандировать ихъ и распространять среди населенія?

И развѣ успѣхъ этихъ газетъ не превосходилъ далеко успѣха газетъ оппозиціонныхъ?

Ихъ извѣстность основывалась только на глупыхъ сплетняхъ, къ которымъ они всегда прибѣгали, благодаря опасному забвенію истинныхъ принципъ.

Въ этомъ отношеніи я не могу упрекнуть себя въ какомъ-либо постановленіи, вызванномъ обстоятельствами новыми и поистинѣ трагическими, въ какихъ мы находились. Не потому, чтобы я свои личныя идеи ставилъ выше потребностей общественнаго блага, но потому, что я думалъ и думаю еще теперь, что можно успѣшно защищаться, не затрагивая самой существенной свободы человѣка—свободы мысли и слова.

Я никогда не измѣняю своихъ чувствъ, убѣжденій у политики потому, что случайныя обстоятельства измѣнили мое положеніе, оттого что я и мои друзья вмѣсто того, чтобы быть жертвою власти, становимся властью сами, какъ это было при Коммунѣ. Я выразилъ эту мысль, когда на очень бурномъ засѣданіи по поводу сохраненія декрета для заключенныхъ я вскричалъ:

«Я не понимаю, что люди, все люди, боровшиеся против следов деспотизма, я не понимаю, говорю я, как эти самые люди, достигнув власти, стараются впасть в те же самые ошибки. Одно из двух—или секретъ вещь неизбежная и хорошая, или гнусная. Если хорошая, то против нея не следовало бороться, а если она гнусна и безправственна, то мы не должны ее сохранять».

Те, которые меняютъ взгляды сообразно тому, находятъ они вверху или внизу, доказываютъ свою безпринципность и борются только противъ того, что имъ мѣшаетъ.

Нужно бороться противъ того, что несправедливо.

Зло не становится добромъ отъ того, что вмѣсто того, чтобы затрагивать насъ, оно затрагиваетъ другихъ.

Эта почва, по-моему, единственно истинная, на ней я держался и всегда буду держаться.

Во время имперіи я требовалъ свободы печати и заявлялъ, что эта свобода—право безусловное, основное и естественное, точно такъ же, какъ право ассоціаціи и собраний. Я заявлялъ, что эти права такъ же, какъ права дышать, ходить и ѣсть, не должны быть предметомъ никакого исключительнаго законодательства.

Въ каждомъ обществѣ существуютъ покровительственные законы, которые преслѣдуютъ преступленія и проступки. Итакъ, если я при помощи пера или слова совершалъ проступокъ, предусмотрѣнный закономъ, то я подхожу подъ законъ, какъ и все остальные граждане, и меня должны судить равные мнѣ. Но я не могу допустить, чтобы могли препятствовать свободѣ выраженія моихъ мыслей, свободѣ обсужденія общественныхъ актовъ. Если не добьются того, чтобы серьезно уважались нѣкоторые серьезные принципы, если не приучатся мириться съ ними, будучи побѣдителями,—послѣ того, какъ требовали ихъ, будучи побѣжденными,—никогда не удастся основать что-ли бо серьезное во Франціи.

Мы всегда будемъ жертвою прихоти силы, а нѣтъ ничего причудливѣй силы, которая никогда не остается въ однихъ рукахъ, которая, переходя отъ одного къ другому, является обоюдоострымъ орудіемъ, поражающимъ сегодня жертву, а завтра того, кто ею злоупотребляетъ. Никогда не нужно забывать, что власть—временное явленіе для партіи, какова бы она ни былъ, что сегодняшніе побѣдители будутъ завтра побѣждены и что за предѣлами уваженія къ праву и справедливости существуютъ только хаосъ, гибель и гоненія, безо всякой пользы для свободы.

Пусть хорошо поймутъ, что подъ уваженіемъ къ праву и

справедливости я не подразумеваю здѣсь прощеніе и преступную слабость по отношенію къ врагамъ народа, по отношенію къ тѣмъ, которые замышляютъ его гибель, которые купаются въ его крови.

Нѣтъ, уваженіе къ справедливости и торжество права требуютъ, чтобы преслѣдовали воровъ и убійцъ,—я говорю о великихъ ворахъ, которые жертвуютъ отъ національных богатствъ, о великихъ убійцахъ, которые льютъ кровь народовъ на улицахъ и на поляхъ битвъ.

Но если необходимо касаться отдѣльных личностей, когда они виновны, то есть извѣстныя права, прирожденные всякому существу, которыхъ не должна касаться никакая власть: это право жить, право вступать въ союзы съ себѣ подобными, права свободно выражать свои мысли словомъ и перомъ, право пользоваться полнымъ продуктомъ своего труда.

Во время Коммуны слѣдовало пѣсису разрѣшить обсужденіе дѣйствій Коммуны, но, въ виду войны, нужно было также преслѣдовать и звѣстные проступки, совершенные словомъ или перомъ, которые, въ силу обстоятельствъ, становились истинными преступленіями, выходящими изъ предѣловъ.

Еще разъ повторяю: осажденный городъ не можетъ допустить, чтобы въ немъ выражали желаніе его гибели, чтобы побуждали его застрѣлится къ отступленію, сообщали непріятелю движеніе его войскъ.

Это имѣло мѣсто въ Парижѣ при Коммунѣ.

Коммуна, не касаясь журналовъ, могла воспользоваться этими законами противъ нѣкоторыхъ журналистовъ не какъ таковыхъ, а какъ предателей и враговъ общества, когда они выходили за предѣлы, указываемые осаднымъ положеніемъ, въ которомъ мы находились, когда они выходили за предѣлы свободной критики, чтобы подать руку осаждающимъ.

Въ Версаль не терпѣли вовсе коммунистическихъ журналовъ.

Въ Парижѣ мы не должны были терпѣть только версальцевъ, которые устраивали заговоръ—подъ маской журналистовъ.

XIV.

Коммуна.—Отставки.—Новые выборы.—Комитетъ общественнаго спасенія.—Манифестъ меньшинства.

До настоящаго времени я не говорилъ объ отставкѣ нѣкоторыхъ членовъ Коммуны, которая, однако, произвела непріятное впечатлѣніе не столько благодаря личному достоинству вышедшихъ въ отставку, сколько благодаря обстоятельствамъ, и, главнымъ образомъ, личнымъ отношеніямъ послѣднихъ.

Дѣйствительно, вышедшіе въ отставку всѣ принадлежали къ буржуазіи и нѣкоторые, благодаря ихъ связи съ Гамбеттою и передовыми людьми лѣвой, имѣли дѣйствительно большое значеніе. Никто не думалъ удивляться или осуждать ихъ за то, что они наканунѣ выборов отказались отъ мандатовъ народа и отклонили честь этой огромной опасности и великаго долга.

Нѣсколько лишнихъ дезертировъ среди многихъ другихъ могли бы пройти незамѣченными; затѣмъ, какъ я уже говорилъ, рассказывая о моихъ собственныхъ колебаніяхъ и тоскѣ, всякій имѣетъ право взвѣсить свои силы и допросить свою совѣсть прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу.

Слѣдуетъ только пожалѣть, что многіе члены Коммуны не поняли, насколько дѣло превосходитъ ихъ силы, и не отказались отъ исполненія обязанностей, которыя они не должны были принять на себя по своему невѣжеству и неопытности. Но принять сначала мандатъ, а затѣмъ отказаться отъ него въ то самое время, когда версальцы напали на Парижъ,—это значитъ сѣять сомнѣніе въ умахъ и подавать скверный примѣръ и удобный предлогъ всѣмъ тѣмъ, кто, находя положеніе слишкомъ опаснымъ, ищутъ только способа взять свою булаву изъ игры, боясь уклонить себя палецъ.

Отставка гражданъ Ранка и Луазо-Пенсона, кромѣ того была тяжела еще потому, что, уходя, они увлекли съ собою ту часть республиканской и до извѣстной степени даже революціонной буржуазіи, которая была нашей лучшей защитой противъ клеветы версальцевъ и кровавой жестокости реакціи.

Снова народъ остался одинъ или почти одинъ передъ лицомъ ужасныхъ затрудненій и безпощадныхъ враговъ, какъ онъ оставался одинъ въ іюнѣ 1848 года.

Начиналась великая измѣна; старшіе отказывали въ своей поддержкѣ младшимъ. Тѣ, положеніе которыхъ давало имъ возможность заставить себя выслушать и которые могли бы вызвать колебаніе палачей, поспѣшно исчезали, предоставляя народу собственными, еще плохо организованными силами бороться противъ ударовъ и ужасовъ бури.

Съ другой стороны, съ политической точки зрѣнія, оставаясь въ Коммунѣ, эти люди дали бы ей нужный противовѣсъ, необходимый во всякомъ совѣщательномъ или правительственномъ собраніи. Здѣсь былъ нарушенъ законъ равновѣсія, примѣнимый къ человѣчеству, какъ и къ мертвой природѣ.

Осуждали ли вышедшіе въ отставку дѣятельность Коммуны и направленіе ея политики?

Это было бы только лишнимъ поводомъ быть твердымъ и

стараться достигнуть торжество тому, что они считали лучшимъ и болѣе удобнымъ.

Другіе также не всегда одобряли все, что говорилось и дѣлалось, и Делеклюзъ говорилъ не только отъ своего имени, когда произнесъ замѣчательныя слова, воспроизведенныя Верморелемъ:

«Рзвѣ вы думаете, что весь міръ одобряетъ то, что здѣсь дѣлается? Э! Лдно, есть члены, которые, несмотря на все, остались и останутся до конца, и, если мы не восторжествуемъ, они не будутъ послѣдніми, которые сумѣютъ умереть—все равно въ окопахъ ли или въ другомъ мѣстѣ».

Делеклюзъ и Верморель, дѣйствительно вѣрные слову, были убиты въ день пораженія.

Въ, очемъ, гдѣ найдется такое собраніе, въ которомъ всѣ одобряютъ все, что дѣлается? Мнѣнія различны, и всякій борется за то, что считаетъ истиной. Въ одномъ случаѣ отставка не только дозволена, но и становится долгомъ,—это когда дѣло идетъ о томъ, чтобы лишить уваженія остающихся, показать страхъ, что люди сердца и чести уходятъ изъ подлой и гнилой среды, и вызвать, наконецъ, крупную манифестацію общественнаго мнѣнія.

Такъ было, напумѣрь, характеръ отставки Виктора Гюго въ Бордо, и вотъ почему эта отставка была великимъ актомъ, который явился продолженіемъ благороднаго и энергичнаго поведенія.

Но если бы собраніе въ Бордо было представителемъ стремленій народа и старалось бы доставить имъ торжество, то, несмотря на тѣ слабости, которыя это собраніе могло бы совершить по неопытности, пресувеличенію или по другой причинѣ, люди съ сердцемъ сочли бы своимъ долгомъ тамъ остаться, чтобы оказать имъ поддержку, подѣлить съ ними и въ случаѣ необходимости прикупить отъ всѣхъ наготу своей несомнѣнной порядочностью и справедливымъ вліяніемъ.

Когда Ранкъ сообщилъ мнѣ, что хочетъ подать въ отставку, я умолялъ его отказаться отъ этого рѣшенія, такъ какъ мнѣ давало на это право наша старинная дружба съ дѣтства.

Онъ былъ непоколебимъ. Онъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ по совѣсти и дѣйствовалъ согласно той политикѣ, на которую поведеніе и тактика данной минуты оказываютъ слишкомъ большое вліяніе. Можетъ быть, онъ также надѣялся, что, сохранивъ свою особу и спасши свою будущность отъ общаго крушенія, онъ сможетъ оказать большія услуги республикѣ. До настоящаго времени эти надежды, однако, не оправдались.

Я искренно желаю, чтобы наступилъ день, когда его буду-

шія услуги искупятъ тотъ ущербъ, который нанесло въ то время коммунальному дѣлу отступничество его и нѣкоторыхъ другихъ¹⁾.

Въ это самое время Коммуна, вслѣдствіе этихъ разоблаченныхъ отставокъ, благодаря которымъ многіе округа остались безъ представителей, совершила неловкость, приступивъ къ дополнительнымъ выборамъ. Дѣйствуя такъ, она увлеклась добросовѣстностью очень почтенной, но неумѣстной и преувеличенной, которая должна была въ скоромъ времени поставить ее въ самое ласковое положеніе.

Тогда было не до голосованія. Жестокая борьба длилась цѣлыми днями; положеніе приняло трагическій характеръ, когда не было вовсе ни времени, ни хладнокровія, необходимаго для того, чтобы организовать всеобщее голосованіе.

Было еще два другихъ серьезныхъ соображенія.

Во-первыхъ, округа, гдѣ слѣдовало произвести голосованіе, за исключеніемъ единичныхъ выборовъ, принадлежали къ тѣмъ, гдѣ Коммуна имѣла наименѣе приверженцевъ, гдѣ, слѣдовательно, можно было предвидѣть, что число голосующихъ будетъ безконечно мало.

И дѣйствительно, такъ какъ округа эти выбрали такихъ людей, какъ Милинь, Лузо, Тираръ, Ледуа, Робинъ, Рикъ, Улисъ-Паранъ, Десмаре, Мрмотанъ и такъ далѣе, которые ушли изъ собранія послѣ первыхъ засѣданій или отказались присутствовать, то можно было напередъ быть увѣреннымъ, что избиратели послѣдуютъ примѣру избранныхъ и воздержатся отъ выборовъ, какъ послѣдніе отказались отъ борьбы.

Съ другой стороны, оказалось, что почти всѣ люди, преданные Коммунѣ, были въ окопахъ, фортахъ, на аванпостяхъ. Тѣ, которые не дрались сегодня, отдыхали отъ битвы наканунѣ или готовились къ сраженію завтрашняго дня. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали тому, чтобы устранить отъ выборовъ три четверти тѣхъ, которые ранѣе приняли въ нихъ участіе.

Наконецъ, надо признаться, что народъ съ его великимъ практическимъ смысломъ и удивительнымъ революціоннымъ инстинктомъ не придавалъ никакого значенія этимъ дополнительнымъ выборамъ. Онъ вполне основательно говорилъ себѣ,

¹⁾ Нужно ли говорить, что эти разсужденія не относятся вовсе къ логической отставкѣ г. Тигата и его друзей.

Я говорю о другой группѣ, гдѣ были люди очень порядочные, искренніе, преданные, способные, такіе, какъ, на примѣръ, гражданинъ Луазо-Пенсонъ. Ихъ отставка, лишая бодрости, скоро вызвала подожжанія одного или двухъ имени которыхъ не вѣлѣ называть въ настоящее время; считая себя безсильными потому, что ряды ихъ порѣдѣли, они думали, что имъ остается только уйти.

что если засѣдающіе въ думѣ могутъ снести положеніе, то въ этомъ деполненіи не было никакой надобности, если же они не могли спасти, то присоединеніе дюжины новыхъ товарищей не измѣнитъ положенія вещей.

Народъ былъ правъ. Корень вопроса былъ уже не тамъ. Выборы, въ общемъ, были только парламентаризмъ. Дѣло шло не о томъ, чтобы считать избирателей, а чтобы имѣть солдатовъ. Дѣло шло не о томъ, чтобы знать, выиграли мы или потеряли въ общественномъ мнѣніи парижанъ, а о томъ, чтобы защитить Парижъ, осажденный версальцами.

Не слѣдовало собирать избирателей, слѣдовало найти средства общественнаго спасенія, если только они существовали.

Такимъ образомъ, какъ и можно было предвидѣть, число голосующихъ оказалось крайне ничтожно, и Коммуна вмѣсто того, чтобы закалиться во всеобщихъ выборахъ, утратила, повидимому, три четверти своей первоначальной популярности.

Я говорю—повидимому, потому, что это голосованіе, какъ я только что объяснилъ, при наличныхъ обстоятельствахъ ничего не доказывало. Тѣмъ не менѣе, надо признаться, что выборы указали на отсутствіе той перемѣнчивой массы, которая привѣтствуетъ только успѣхъ и утомляется отъ всякой продолжительной борьбы.

Какъ бы то ни было, это должно было доставить большую радость версальцамъ и ослабить то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на первыхъ выборахъ присутствіе двухсотъ тридцати тысячъ парижскихъ избирателей.

Мы должны были остаться при этой внушительной манифестаціи.

Коммуна или восторжествовала бы или погибла.

Если бы она погибла, развѣ насъ было слишкомъ мало для крушенія?

Если бы она восторжествовала, то я полагаю, что нашимъ долгомъ и нашимъ намѣреніемъ было уйти, предоставивъ освобожденному народу заботу судить о нашихъ поступкахъ, о нашихъ личностяхъ, а главное—дѣйствовать самостоятельно.

Слѣжавъ эту ссѣлку, Коммуна вынуждена была совершить другую—не менѣе тяжкую. Почти всѣ вновь избранные не получили даже восьмой части голосовъ записанныхъ избирателей, чего требовалъ законъ имперіи, именно на основаніи котораго центральный комитетъ произвелъ первые выборы въ Коммуну.

Такъ какъ въ промежутокъ между двумя выборами Коммуна нисколько не измѣнила положенія дѣла и не преобразовала избирательнаго закона, то существовалъ истинный договоръ между избирателями и Коммуной, что выборы произой-

дуть по этому способу, а не иначе. Коммуна, конечно, имела право изменить эти условия, но до, а не после выборов. Поступать иначе — значило действительно нарушить данное слово. Коммуна, совершив ошибку, устроив новые выборы среди сражений, должна была нести последствия этой ошибки и, так как вновь избранные не получали восьмой части голосов, как того требовал закон, должна была объявить выборы недействительными и отложить их до более благоприятного времени.

Вместо того Коммуна, основываясь на соображении, что отсутствие одних не может уничтожить голосование других, утвердила всех кандидатов, которые получили относительное большинство голосов.

Не останавливаясь на том, справедливо ли это соображение или нет, я решительно настаиваю, что, утверждая эти выборы, мы тем самым отвергли предыдущие, когда мы приняли новых товарищей, вопреки законам и обязательствам, принятым центральным комитетом, которые были основой коммунального собрания. Все члены Коммуны перестают быть правильно избранными всеобщим голосованием и становятся выборными по прихоти, раз они сами нарушают договор, который облек их властью.

Я настаиваю на этом, потому что, не требуя никакого минимума поданных голосов, пришли к тому результату, что должны были считать избранным человека, получившего двенадцать голосов из пятнадцати в округе с сорока тысячами избирателей.

Я привожу даже слова Ресфера, который говорит, что настанет день, когда гражданин заявит претензию на звание члена Коммуны на том основании, что он имеет относительное большинство, получив два голоса, — свой собственный и своего старшего сына.

Я напоминаю, наконец, что должен господствовать один принцип: уважение к принятым обязательствам и что, изменяя после избирательный закон, мы становимся на наклонную плоскость произвола, на которой уже нельзя остановиться и которая нас доведет до абсурда.

Если бы еще это нарушение закона дало серьезное преимущество, если бы оно могло спасти Париж и Коммуну, если бы оно, в результат, принесло собранию секрет победы, конечно, я бы не спорил против этого. Обстоятельства, в которых мы находились, были таковы, что хорошо и законно было все, что могло вырвать из рук версальских палачей их жертвы и обезпечить победу революции; но дело обстояло не так. Эти

новые выборы морально ослабили Коммуну, не принеся ей никакой выгоды, потому что несколько слепых и преданных людей, которых они послали на скамьи собрания, могли бы так же плодотворно служить другим способом. Они не изменили даже политической состав собрания. Из избранных 16 апреля одни были среди членов большинства, другие среди членов меньшинства, и отношение сил осталось то же, что и прежде.

В числе тех, которые были против утверждения, следует отметить многих, голосовавших всегда с большинством; главный вождь их, Феликс Пиа, который отсутствовал во время выборов, объявив в газетах, что он голосует с противниками и что, если «Коммуна не отменит своего указа, он подаст в отставку».

Коммуна не отменила своего указа, а Феликс Пиа под влиянием своих избирателей взял свою отставку обратно.

Я дошел до самой трудной и тягостной части моего рассказа. Приходится теперь описать раскол, который произошел в Коммуну и вызвал манифест меньшинства.

Как я уже говорил, с первых дней среди Коммуны существовало два течения

Я обозначил и определил их выше, и потому мне не захотелось возвращаться к этому.

События шли гигантскими шагами. С каждым днем положение становилось ужаснее и, требуя ежедневно все более коренных решений, приводило к многочисленным столкновениям представителей двух различных направлений в Коммуну. Все мы стремились разрешить грозную проблему, которая стояла перед нами, но всякий шел к этому своим путем.

Окруженные кольцом железа и огня, которое стягивало нас все сильнее благодаря бешеным атакам версальцев; покинутые всей Францией, которая спокойно смотрела, как нас ржут, не только не делая серьезной попытки прийти на помощь утопающей на их глазах в крови столице, но даже для того, чтобы броситься между сражающимися и заставить заключить перемирие и положить предель самой гнусной разни нашего времени, парижская Коммуна в этот момент действительно напоминала судно, разбитое бурей среди неизвестного моря, устьяного подводными камнями.

¹⁾ Вот имена тринадцати, которые голосовали против утверждения: Артур Арну, Авриаль, Беслей, Виктор Клеман, Клеманс, Жеремь, Лангзон, Лефранс, Мио, Расу, Валле, Вердюрь, Верморель; к ним надо прибавить Феликса Пиа.

Нигдѣ, куда проникаль взглядъ, не видно было дружеской земли. Всюду призракъ смерти!

Мы были одни, совершенно одни.

Монъ, Марсель, другіе большіе города послѣ совершенно недостаточнаго усилія склонились подъ ямо. Остальные даже не пошевелились, и двадцать милліоновъ угнетенныхъ пролетаріевъ, ради которыхъ мы подняли знамя, ради которыхъ парижскій народъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ лилъ потокомъ кровь, слѣдые благодаря невѣжеству, раздробленные централизмомъ, доведенные до состоянія полнаго ничтожества, безъ взаимной связи, безъ организціи, оставались безучастными или, по крайней мѣрѣ, неподвижными въ своей печальной тупости.

Что касается до остальной Европы, то о ней бесполезно было и думать. Нѣмецкая война доказала намъ нравственный уровень европейскаго общества еще погрязшаго въ монархизмѣ, религіи насилія и ненависти народностей. Она насъ научила, можно ли рассчитывать на солидарность народовъ и на ихъ революціонную энергію.

Въ Германіи только два человѣка протестовали противъ войны.

Въ Европѣ въ этомъ моментѣ былъ только одинъ народъ, который обладалъ яснымъ и глубокимъ чувствомъ солидарности народовъ: это были французы. Тираны могли совратить съ пути его политику, извратить его поступки, но каждый разъ, когда, освободившись, онъ дѣйствовалъ самостоятельно, согласно своимъ собственнымъ побужденіямъ,—онъ боролся за все человѣчество, о которомъ онъ думаетъ, бьется и умираетъ. Его великія революціи всѣ носятъ характеръ всеобщности, и Коммуна въ такой же мѣрѣ является спасеніемъ итальянца, испанца, бельгійца, нѣмца и русскаго, какъ и француза.

Это значитъ, что наше спасеніе зависитъ отъ насъ самихъ.

Въ это время не существовало болѣе вопросовъ политическихъ. Быть и могъ быть только одинъ вопросъ—вопросъ военный.

Насъ осаждали версальцы; слѣдовало отбросить версальцевъ.

Такъ какъ реакція дѣйствовала пушками, то пушками ей слѣдовало и отвѣчать! Армія въ сто тысячъ человѣкъ бомбардировала наши стѣны. Противъ этой арміи были безсильны всѣ декреты. Мы могли-бы голосовать самыя удивительныя резолюціи, принимать самыя революціонныя рѣшенія въ духѣ большинства, но отъ этого армія не уменьшилась бы ни на одного человѣка, ея артиллерія не потеряла бы ни одного заряда, ея взрывчатые ядра и начиненныя нефтью гранаты благодаря этому причинили бы не меньше смерти въ нашихъ рядахъ.

Можно было бы собрать судъ надъ заложниками, разстрѣлять ихъ десять тысячъ, но это не заставило бы Винуа и Макъ-Магона отодвинуть свои войска хоть на одинъ палецъ.

Можно было объявить въ Парижѣ диктатуру и снова продолжать девятую третій годъ отъ начала до конца, не заставляя саперовъ перестать рыть свои траншеи и приближаться къ самой оградѣ.

Повторяю, политическій періодъ Коммуны миновалъ. Это не было больше соціальной борьбой, революціей: это было правильнымъ сраженіемъ. Дѣло шло не о томъ, чтобы править и распоряжаться Парижемъ, провозглашать принципы, создавать законы: слѣдовало побѣдить или умереть.

Это чувство раздѣляли многіе изъ насъ, которые предложили Коммунѣ не собираться болѣе ежедневно для совѣщаній или споровъ, часто бесплодныхъ, на которые уходило дорогое время, а сосредоточить всѣ наши силы на военномъ дѣлѣ и поставить себѣ только одну цѣль: отбить осаждающихъ.

Дѣйствительно, до этого времени Коммуна предоставляла руководство военными дѣйствіями армейскимъ офицерамъ и центральному комитету и не могла себя съ этимъ поздравить.

Когда Ключезъ былъ арестованъ вовремя своей дѣятельности, онъ былъ замѣщенъ Росселемъ, и катастрофы начались. Мы держались руины, и рутына привела насъ къ пропасти. Вся Коммуна должна была бы взять на себя это руководство; она должна была бы распределить дѣло между различными комиссіями и примѣнить въ этой новой войнѣ революціонную энергію и средства, которыя большинство пыгалось всегда примѣнить къ внутренней политикѣ въ Парижѣ, гдѣ они были опасны только для Коммуны. Тѣмъ болѣе, можетъ быть, возможно было принудить версальцевъ къ отступленію.

Дѣйствительно, Парижъ, въ общемъ постоянно побуждаемый въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, исключая нѣкоторыхъ пунктовъ, гдѣ личная храбрость могла имѣть преимущество передъ инженерными работами, Парижъ два мѣсяца сопротивлялся, черпая новую рѣшимость въ каждомъ пораженіи и вмѣстѣ съ растущей опасностью увеличивая свою неукротимую твердость.

Но первая же неудача версальцевъ разрушила бы хрупкую постройку ихъ могущества. Отступленіе было бы ихъ гибелью. Если бы ихъ покинуло счастье, то Франція, которая не была къ нимъ расположена и переносила ихъ по старейшей привычкѣ сносить всѣ правительства, сильныя и побѣдоносныя, покинула бы ихъ въ свою очередь.

Итакъ, вопросъ для членовъ Коммуны былъ не въ томъ, чтобы рѣшить, социалисты они или якобинцы, и будетъ ли Па-

рижъ управляться по образцу Коммуны 92-го года или по образцу Коммуны 71-го. Вопросъ заключался въ томъ, вступать ли версальцы въ Парижъ. Тутъ всѣ были согласны, сговориться было легко, и возникшее на почвѣ этого единодушія полное единство дѣйствій могло еще привести къ спасенію ¹⁾).

Къ несчастью, мы здѣсь наталкиваемся на особенность французскаго характера, которая часто является добродѣтелью, но часто также представляетъ серьезную опасность.

Эта особенность, добродѣтель или недостатокъ,—самый слѣпой оптимизмъ.

Такимъ образомъ, я говорилъ и повторялъ много разъ, что французъ, и именно парижанинъ ни когда не вѣритъ въ пораженіе или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ никогда имѣть его въ виду.

Всякій разъ, когда я въ Коммунѣ, на общемъ ли собраніи или въ частномъ разговорѣ съ товарищемъ, пытался обратить вниманіе на возможность взятія Парижа версальцами, я всегда терпѣлъ пораженія и получалъ отвѣты въ слѣдующемъ родѣ:

«Никогда они не посмѣютъ!»

Или: «Пусть они войдутъ! Вотъ тутъ-то мы ихъ встрѣтимъ!»

Или: «Парижъ, усаженный баррикадами, будетъ ихъ могилой.

Парижскій народъ тамъ дерется лучше всего!»

«Конечно, но готовы ли баррикады?»

«Ихъ устроить!»

Когда я обращался къ военнымъ, къ тѣмъ, на комъ лежала отвѣтственность и руководство военными дѣлами, они мнѣ отвѣчали:

«Парижъ можетъ еще держаться два мѣсяца, у насъ еще много времени вперед!».

Въ то время нельзя было добиться ни чего иного: меня могли счесть за человѣка, который боится. Въ глазахъ этихъ безумныхъ оптимистовъ благоразуміе, предусмотрительность, мужество глядѣть въ глаза дѣйствительности и не строить себѣ опасныхъ или ребяческихъ иллюзій казались чуть не подлостью.

Въ военномъ министерствѣ спеціалисты, т.-е. люди рутины, связанные предрасудками казармы, не вѣрили въ баррикады, глухо сопротивлялись ихъ устройству и смотрѣли на это, несомнѣнно, какъ на признаніе ихъ безсилія или недовѣрія къ ихъ военнымъ способностямъ, что ихъ унижало и дѣлало вра-

¹⁾ Надо было всегда разсчитывать, что пруссаки, тайные союзники версальскаго правительства, двинутся, если версальцамъ серьезно будетъ грозить пораженіе. Но противъ такой неосновательности мы ничто не могли сдѣлать. Мы не создавали положенія, и у насъ не было выбора.

ждебными нашему единственному дѣйствительному средству спасенія.

Въ Коммунѣ, напротивъ, вѣрили въ серьезное существованіе комиссіи баррикадъ и ея дѣятельность, которая ограничилась дорогой постройкой двухъ или трехъ баррикадъ, совершенно бесполезныхъ, такъ какъ онѣ ни съ чѣмъ не были связаны и ничѣмъ не защищены.

Съ другой стороны, всякій членъ Коммуны имѣлъ въ карманѣ для своего округа прекрасный планъ защиты, который онъ разсчитывалъ осуществить въ двадцать четыре часа.

Однимъ словомъ, Коммуна отрелась и уходила, передавъ власть пяти своимъ членамъ. Это была монархическая теорія, которая подъ другимъ видомъ и подъ революціонной личиной явилась вновь и сѣла намъ на шею. Это была теорія имперіи: полная власть и отвѣтственность въ лицѣ одного или нѣсколькихъ главъ государства; представителямъ народа оставалось только плетническое право порицать или разрушать зло, когда оно уже совершено.

Возможно ли было это допустить?

Въ прошломъ нѣтъ.

Такъ какъ мы были избраны парижскимъ народомъ, избраны съ опредѣленными полномочіями (императивными мандатами), то наше отреченіе повлекло бы за собой отреченіе народа отъ насъ. Ошибочно или нѣтъ, но если онъ насъ избралъ, то, значитъ, онъ имѣлъ довѣріе къ намъ, желалъ, чтобы мы исполнили извѣстную миссію.

Имѣемъ ли мы право бросить это дѣло, передавъ его хотя бы пяти изъ насъ?

Существовалъ долгъ контроля и отвѣтственности, отъ которыхъ мы не должны отказываться. Послѣдующій контроль—насмѣшка, приманка, ложь. Единственный серьезный контроль, обеспечивающій права народа и его достоинство, это—контроль, который препятствуетъ глупостямъ, предупреждаетъ ошибки, но не контроль, который ограничивается жалкими осужденіями, когда они уже совершены, и говорить: каша заварена, ее нужно расхлебывать.

Если это опасно и унижительно въ обыкновенныхъ условіяхъ, то при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились, это могло быть смертельно.

Одинъ невѣрный маневръ, одна измѣна могли все погубить, все безвозвратно. Мы ставили на карту спасеніе народа, Парижа и Коммуны.

Дѣйствительно, на какую выгоду надѣялись они отъ этого комитета общественнаго спасенія?

Большей концентраціи власти и единства дѣйствій?

Допустимъ, но эта концентрація власти и единство дѣйствій могли быть полезны и выгоды только въ дѣйствіи, а не въ совѣщаніи. Однимъ словомъ, Коммуна, сохраняя свои полномочія, могла прекрасно увеличить активность своей исполнительной власти, упростивъ механизмъ. Она должна была сохранить всю власть на томъ основаніи, что, являясь представительницей парижскаго народа, она не имѣла и не имѣетъ права предоставить судьбы его случайностямъ диктатуры пяти человѣкъ.

И затѣмъ, съ другой стороны, въ какомъ духѣ будутъ дѣйствовать эти люди?

На какое дѣло употребятъ они неограниченную власть, которую имъ переданы?

Будетъ это диктатура политическая или военная?

Собирались ли они, согласно несносной традиціи и ошибочной идеѣ, ввести господство террора въ Парижѣ, что насъ сдѣлало бы ненавистными безъ всякой пользы?

Собирались ли они дать новый толчокъ войнѣ, устрѣивъ Парижъ баррикадами, основать въ городѣ три или четыре крѣпости, которыя обезпечили бы намъ обладаніе имъ и сдѣлали бы захватъ города невозможнымъ для неціятеля?

Или же, напротивъ, они попытались бы вступить въ переговоры съ версальцами при посредствѣ примирителей, представителямъ которыхъ былъ г. Бонвале.

Намъ ничего не говорили, и этимъ диктаторамъ не дали никакого императивнаго мандата.

«Будьте господами и дѣйствуйте. Мы послѣ увидимъ, когда будетъ уже слишкомъ поздно, пригодна ли намъ ваша дѣятельность!»

Таково было единственное требованіе большинства.

Въ какой бы стороны мы ни разсматривали вопросъ, это принципиальное отреченіе отъ своего долга было, въ дѣйствительности, только пагубно. Это мѣрпріятіе представляло еще другую серьезную опасность, на которую я намекалъ и которую слѣдуетъ назвать своимъ именемъ: опасность измѣны.

Дѣйствительно, развѣ Коммуна не могла ошибиться въ выборѣ членовъ этого комитета? Развѣ она не могла послать въ него одного или двухъ измѣнниковъ, если таковые существовали въ ея средѣ?

Развѣ не доказали дебаты передъ военнымъ совѣтомъ, которые имѣли мѣсто послѣ пораженія Коммуны, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, не будучи сами измѣнниками, были окружены и руководимы версальскими агентами?

Развѣ нашъ выборъ не могъ ошибочно пасть на одного изъ этихъ недалекосвѣдыхъ людей, которые служили орудіемъ интриги и измѣны, о которой они сами не догадывались?

Безполезно останавливаться на этомъ: это понятно всякому.

Если большинство позволило увлечь себя на это голосованіе, то потому, что не взвѣсило эти хъ соображеній, было ослѣплено магическимъ словомъ—комитетъ общественнаго спасенія, которое напоминало ему великую борьбу и великія побѣды Конвента.

Они не поняли, что положеніе было уже не то и что слова не имѣютъ никакой самостоятельной добродѣтели. Комитетъ общественнаго спасенія могъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ дать силу собранію, именуемому Конвентомъ, собранію, поставленному въ извѣстныя условія и обладающему извѣстными средствами дѣйствій. Но комитетъ общественнаго спасенія восемьдесятъ лѣтъ спустя могъ бы только ослабить другое собраніе, называемое Коммуной Парижа, которое было въ другихъ условіяхъ и было лишено тѣхъ средствъ дѣйствія..

Наконцѣ, этотъ комитетъ общественнаго спасенія былъ еще оппкой потому, что назывался комитетомъ общественнаго спасенія и, справедливо или нѣтъ, у несвѣдущихъ людей вызывалъ воспоминаніе о насилии, которое приводило ихъ въ ужасъ. Допустивъ даже, что это было необходимо, во всякомъ случаѣ было бы лучше переименовать ярлыкъ.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, Тьерсъ служилъ намъ урокомъ.

Когда Парижъ, выпотрошенный, пылающій, истекая кровью, хрипѣлъ у его ногъ, что говорилъ тогда Тьерсъ?

Говорилъ ли онъ тогда о созданіи комитета общественнаго спасенія или собственной диктатуры?

Говорилъ ли онъ о созданіи революціоннаго трибунала?

Онъ объявилъ съ высоты трибуны, что онъ не требуетъ исключительныхъ законовъ, что репрессіи будутъ законны.

И дѣйствительно, онъ не имѣлъ надобности въ исключительныхъ законахъ, революціоннымъ трибуналомъ или комитетомъ общественнаго спасенія, чтобы устроить рѣзню раненыхъ, дѣтей, женщинъ и стариковъ.

Не измѣнивъ ничего на словахъ или въ кодексѣ, онъ обратилъ Парижъ въ Безьеръ временъ альбигойцевъ, среди бѣла дня выѣзжалъ тридцать тысячъ французевъ, обезлюдилъ предмѣстья, и спалъ на галеры, въ Кіледонію, на каторгу, въ Сатори всѣхъ, кто ему не нравился, кого онъ боялся.

Онъ преслѣдовалъ только одного новаго учрежденія—комиссію поимки бѣглыхъ.

Эта комиссия совместно съ военнымъ совѣтомъ была его революціоннымъ трибуналомъ и она дѣйствовала такъ, что могла удовлетворить самаго взыскательнаго.

Послѣ Мартеля что такое какой-ни будь Фукие-Тенвиль?

Что такое гильотина 93 года, убивающая осужденнаго нѣсколько часовъ спустя послѣ приговора, въ сравненіи съ агеніей, которую испытывали осужденные военнымъ совѣтомъ, ожидая въ теченіе шести, восьми, девяти мѣсяцевъ, даже цѣлыхъ лѣтъ, пока комиссія псми ловнѣй ихъ пошлетъ въ Сатори.

А между тѣмъ Европа вовсе не была возмущена не только потому, что убиваемые были революціонеры, но, главнымъ образомъ, потому, что г. Тьеръ, какъ академикъ, умѣлъ выбирать мягкія выраженія, при помощи которыхъ убивали правомѣрно, не возбуждая трусливой и подлой толпы соучастниковъ.

Всѣ эти соображенія побудили въ первый разъ группу въ двадцать три члена Коммуны оспаривать проектъ и мотивировать это слѣдующимъ образомъ.

Я подписаль, вмѣстѣ съ гражданами: Андриэ, Авриелемъ, Бесляемъ, Викторомъ Клеманомъ, Клемансомъ, Кулбе, Е. Жерарденомъ, Журтомъ, Лянгвентомъ, Лафрансомъ, М. ланомъ, Остиномъ, Сервайе, Тейсомъ, Верморелемъ и Жюлемъ Вале, слѣдующее соображеніе:

«Полагая, что учрежденіе комитета общественнаго спасенія будетъ имѣть существеннымъ результатомъ созданіе диктаторской власти, которая не придастъ никакой силы Коммунѣ;

«считая, что это учрежденіе будетъ въ полномъ противорѣчій съ политическимъ стремленіемъ массы избирателей, представителницей которыхъ является Коммуна;

«считая, слѣдовательно, что созданіе всякой диктатуры Коммуной было бы съ ея стороны узурпаціей суверенитета народа, —«мы голосуемъ противъ».

Другіе въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько иначе, мотивировали свое голосованіе.

Двадцать три члена оппозиціи отказались принять участіе въ избраніи членовъ комитета и изложили свой отказъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Принимая во вниманіе, что учрежденіе комитета общественнаго спасенія является, по нашему мнѣнію, забвеніемъ принциповъ социальныхъ реформъ, изъ которыхъ возникла революція 18 марта, и возвратъ—опасный или бесполезный, насильственный или безвредный—къ прошлому, очень поучительному, но которому не слѣдуетъ подражать, мы воздерживаемся отъ голосованія».

Эти двадцать три воздержавшихся были граждане Андриэ,

Артуръ Арну, Авриель, Бесляй, Бобикъ, Клемансъ, Викторъ Клеманъ, Кулбе, Е. Жерарденъ, Журдъ, Лянгвентъ, Лафрансъ, Лонгюе, Малонъ, Остинъ, Панди, Расту, Серайе, Тейсъ, Тридонъ, Жюль Вале, Варленъ, Верморель.

Дѣйствуя такъ, меньшинство было совершенно право. Это было также ихъ долгъ, потому что члены его, убѣжденные въ опасности или тщетности новаго учрежденія, не могли голосовать довѣрія и согласія большинству.

Съ другой стороны, такъ какъ мы были въ меньшинствѣ, такъ какъ ни наша оппозиція, ни наше воздержаніе отъ голосованія не помѣшали избранію этого комитета общественнаго спасенія, который, по мнѣнію большинства, долженъ былъ все спасти, защитники диктатуры не имѣли никакого основанія сердиться.

У нихъ былъ ихъ комитетъ. Этому комитету оставалось только дѣйствовать и спасти положеніе. Мы имъ не могли помѣшать, и что касается меня, то хотя я и спорилъ, но былъ глубоко счастливъ, если бы онъ съ успѣхомъ исполнилъ свою миссію.

Никто изъ знавшихъ меня дѣйствительно не усомнится, что я тогда, какъ и во всякое другое время, ставилъ торжество революціи и спасеніе народа гораздо выше торжества своихъ личныхъ взглядовъ.

Я думалъ, что этотъ комитетъ былъ не только отрицаніемъ коммунальной идеи, но что онъ, кромѣ того, будетъ безсиленъ и опасенъ.

Поэтому-то я и голосовалъ противъ.

И дѣйствительно, онъ былъ безсиленъ и не сдѣлалъ ничего большаго, чѣмъ сдѣлала исполнительная комиссія, потому что онъ большаго сдѣлать не могъ.

Поэтому логически необъяснимъ гнѣвъ, который возбудило въ большинствѣ наше голосованіе.

Большинство въ дѣйствительности не могло приписать намъ неудачъ своихъ мѣропріятій на томъ простомъ основаніи, что, будучи большинствомъ, оно управляло. Оно было хозяиномъ. Оно могло дѣлать то, что желало, и дѣлало это.

Если оно терпѣло неудачу, то это происходило или отъ того, что обстоятельства были непреодолимы, или отъ средствъ, которыми оно пользовалось, чтобы преодолѣть ихъ, или благодаря своей политической неспособности. Во всякомъ случаѣ, оно не можетъ этого приписать меньшинству, которое не имѣло никакого вліянія на внѣшній ходъ событий и дѣятельность котораго ограничивалась поневолѣ противодѣйствіемъ мѣропріятіямъ, которыя оно считало дурными, не имѣя возможности

ничего сдѣлать, ничему помѣшать, такъ какъ оно было меньшинствомъ.

Во главѣ всѣхъ учреждений не были ли люди, избранные и назначенные Коммуной, т.-е., естественно, болѣе нѣтъ?

Мы могли быть критиками, но мы не были препятствіемъ.

Поэтому, повторяю, трудно объяснить гнѣвъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ возбуждала наша оппозиція въ нѣкоторыхъ членахъ Коммуны.

Этотъ гнѣвъ, это возбужденіе, по крайней мѣрѣ, было все-таки глубоко и чрезмѣрно.

Почему?

Угу! Потому что человѣческая природа создана такъ, что многіе люди склонны ненавидѣть тѣхъ, которые борются съ ними подъ однимъ знаменемъ, за малѣйшую разницу въ убѣжденіяхъ больше, чѣмъ своихъ истинныхъ враговъ.

Это происходитъ также оттого, что многіе близорукіе люди забываютъ, благодаря песчинкѣ, которая давитъ имъ ногу, пропасть, которая готова ихъ поглотить, подобно тому, какъ быкъ въ циркѣ, увлекаемый слѣпой яростью, кидается на красный лоскутъ, которымъ машутъ передъ нимъ, и не заботится о матадорѣ, готовомъ нанести ему смертельный ударъ.

Безсильные по отношенію къ версальцамъ, которые ускользали отъ нихъ подъ защитой «прекраснѣйшей арміи Франціи», нѣкоторые члены Коммуны добровольно упражняли свою революціонную энергію по отношенію къ дюжину товарищамъ, которые время отъ времени оспаривали ихъ предложенія, находя ихъ недействительными или вредными, неактивными или противорѣчащими всѣмъ принципамъ, и видѣли общее спасеніе въ другихъ мѣропріятіяхъ, сущность которыхъ я излагалъ во многихъ мѣстахъ.

Существуетъ также у людей скверная склонность думать, что каждый изъ насъ обладаетъ абсолютной истиной и что каждый отличающийся хоть въ чемъ-нибудь по убѣжденію—противникъ, врагъ и наихудшій злодѣй.

Для религіозныхъ вѣрующихъ всякій, кто бы онъ ни былъ, или не молится Богу въ извѣстныхъ выраженіяхъ, въ извѣстные часы, былъ еретикомъ, несчастнымъ, недостойнымъ сожалѣнія злодѣемъ, врагомъ общества и божества, котораго слѣдовало уничтожить.

Слишкомъ многіе революціонеры, фанатики своего рода, считаютъ также, что каждый, кто не одобряетъ всѣхъ мѣропріятій, считающихся ими революціонными, хотя бы они были нелѣпыми или совершенно недействительными, есть врагъ революціи, достойный смерти. Если вы революціонеръ по

убѣжденію, по чувству и по волѣ и если вы умны, то только изъ-за того, что вы проти ворѣчите имъ въ какомъ-нибудь пунктѣ, они видятъ въ васъ только своего противника и противника революціи.

Разсужденіе ихъ тутъ ясно и удивительно просто.

Вотъ оно во всей чистотѣ:

«Я—революціонеръ. Слѣдовательно, тотъ, кто во всѣхъ пунктахъ не раздѣляетъ моихъ убѣжденій,—не революціонеръ!»

Въ этомъ большое заблужденіе.

Революціонеръ тотъ, кто стремится къ выполнѣ опредѣленной цѣли—политическому и экономическому освобожденію народа и торжеству общественнаго равенства.

Существуетъ много средствъ къ достиженію этой цѣли, средствъ, которыя изъ роко варьируются соотвѣтственно эпохѣ, мѣстностямъ и наличнымъ ресурсамъ. Здѣсь начинается не расколъ, а разнообразіе, потому что всякій, соотвѣтственно своему уму и темпераменту, предпочитаетъ то или иное средство, но это не даетъ основанія заподозрить чистоту его убѣжденій, его преданность и энергію.

Развѣ не всѣ мы, принявъ на себя обязанности членовъ Коммуны, тѣмъ самымъ подписали свой смертный приговоръ?

Развѣ не всѣ мы, оставивъ въ сторонѣ даже принципы и убѣжденія, одинаково лично заинтересованы въ томъ, чтобы восторжествовало коммунальное дѣло, дѣло народа, съ того момента, когда мы свою голову поставили на ставку вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ?

Можно ли было предположить, если только рѣчь шла не объ измѣнникѣ, купленномъ версальцами, чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ желать и подготавливать гибель Коммуны?

Быль окруженный убійцами народъ, съ которымъ мы шли рука объ руку, который насъ избралъ, чтобы стоять на стражѣ его безопасности, разстраивать козни и прогонять зачинщиковъ. Мы вступили на караулъ у его воротъ, и всякій предлагалъ тѣ средства, которыя считалъ наилучшими. Ничего иного я не видалъ на собраніяхъ Коммуны, и если мнѣ часто приходилось сожалѣть и энергично оспаривать извѣстныя мѣры, которыя казались недостаточно разумными и абсолютно противорѣчащими принципу, представителями котораго мы являлись, при чемъ это нарушеніе принципа не могло принести никакого благопріятнаго результата, я все-таки никогда не чувствовалъ злобы къ своимъ товарищамъ и не сомнѣвался въ ихъ искренности.

Съ меня было довольно ненавидѣть враговъ народа, которые его бомбардировали и подготавливали его гибель.

Къ несчастію, не всѣ поступали такъ же. Многіе, увлеченные страстью, приведенные въ отчаяніе событіями, утративъ хладнокровіе вслѣдствіе чувства страха и безсилія въ томъ, за что они бились, слѣшкомъ ограниченные, можетъ быть, для того, чтобы быть справедливыми, желая даже (кто знаетъ?) добиться извѣстной временной популярности низкой пробы, они воображали или дѣлали видъ, что думаютъ, что обезпечить народу побѣду, если уничтожить нѣсколькихъ противниковъ, которыхъ встрѣчали на скамьяхъ Коммуны.

Одинъ изъ нихъ однажды хладнокровно сказалъ мнѣ:

«Арну, тотъ день, когда я самъ арестую, будетъ лучшимъ днемъ моей жизни»

Я ему отвѣчалъ: «Я далека, чтобы думать то же по отношенію къ вамъ. Я не гадѣлаю вашей точки зрѣнія: я осуждаю вашъ образъ дѣйствій, но я вижу въ васъ вѣрнаго слугу народа, человека искренняго и преданнаго, а чѣсло людей, рѣшительно борющихся во имя революціи, не настолько велико, чтобы я могъ желать его уменьшить, когда имъ предстоитъ отразить столѣтнихъ безпощадныхъ враговъ».

Я не назову этого товарища. Онъ умеръ героически. Я цѣню его характеръ, удивляюсь его храбрости и, несмотря на несправедливость его чувствъ, несмотря на убожество его взглядовъ, несмотря на ошибки, которыя онъ могъ совершить и которыя вредятъ намъ теперь болѣе, чѣмъ всѣ клеветы версальцевъ, никогда я не писалъ и не говорилъ ничего, что могло бы повредить его памяти. Онъ умеръ за Коммуну: этого съ меня достаточно. Дѣло исторіи его судить.

Съ другой стороны, обстоятельства объясняютъ до нѣкоторой степени эти насилія и эти несправедливости. Нужно было обладать большимъ запасомъ справедливости, исключительнымъ хладнокровіемъ и извѣстной широтой умъ, чтобы всегда сохранять самообладаніе, логичность и справедливость среди тѣхъ ужасныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы погибли. Я долженъ, однако, добавить ради справедливости, что меньшинство, раздраженіе котораго было бы болѣе естественно, болѣе простительно и законно, чѣмъ у большинства, никогда не позволяло себѣ насилія надъ словомъ и никакихъ жестокихъ обвиненій по отношенію къ противникамъ. Оно всегда было тактично, никогда не горячилось и когда рѣшилось на то обобщеніе, о которомъ мнѣ остается сказать, то только испытавъ всѣ средства придти къ соглашенію. Доказательствомъ этого могутъ служить самыя выраженія нашего манифеста.

Эта разница въ поведеніи нѣсколько не удивительна въ виду полноты тенденцій людей, составлявшихъ большинство.

По большей части они принадлежали къ авторитарной школѣ, и если они были несправедливы, они были послѣдовательны, и приходили въ негодованіе, потому что въ каждомъ несогласномъ съ ними они видѣли только препятствіе, которое нужно было уничтожить.

Это всегда было несчастіемъ и слабостью революціонной партіи съ 1792 года.

Конвентъ въ большомъ видѣ представилъ зрѣлище этихъ раздоровъ и послѣдовательно заносилъ руку убійцы на разныя фракціи, его составлявшія, забывая, что въ его средѣ враговъ меньше, чѣмъ внѣ его, и что, поража я такъ образомъ своихъ вождей, онъ обзоруживаетъ революцію передъ лицомъ реакціи, выходящей случая.

Послѣ жирондистовъ были дантонисты, затѣмъ гебертисты, затѣмъ умѣренные, затѣмъ крайніе, затѣмъ Робеспьеръ и его послѣдователи, и когда Конвентъ пустилъ себѣ кровь изъ четырехъ венъ, когда онъ обезглавилъ всѣхъ своихъ великихъ гражданъ, всѣхъ своихъ людей гениальныхъ, активныхъ и убѣжденных, онъ палъ безъ силъ, безъ идеи и воли въ руки термидоріанцевъ, которые на другой день выдали безсиленную, истекающую кровью и задушенную революцію Бонапарту.

Нмѣ слѣдуетъ привыкнуть уважать между собою право свободнаго обсужденія и свободу мнѣнія.

Что касается меня, то, какъ я говорилъ это въ Коммунѣ, въ политическомъ собраніи, я не допущу никогда, чтобы выраженіе искренняго мнѣнія, провозглашенное въ приличной формѣ, считалось преступленіемъ.

Не въ этомъ препятствіе, которое можетъ быть уничтожено. Надо уметь уживаться со свободой. Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ, непосредственно вредныхъ и дѣйствительно опасныхъ.

Между тѣмъ, расколъ между нами увеличивался.

Большинство стремилось совершенно отдѣлиться отъ тѣхъ, которые протестовали противъ комитета общественнаго спасенія. Оно не собиралось больше на собранія въ опредѣленный часъ и въ указанномъ мѣстѣ. Свои рѣшенія оно принимало отдѣльно. Комитетъ общественнаго спасенія дѣйствовалъ такъ, что мы никакъ не могли контролировать его дѣйствій. Такое положеніе было невыносимо въ томъ смыслѣ, что дѣлало насъ солидарными и отвѣтственными за дѣйствія, о которыхъ мы не знали и которыя совершались помимо насъ.

Мы дѣлали много бесполезныхъ усилій, чтобы положить предѣлъ этому порядку вещей, но ничего не достигли. Мы не могли добиться встрѣчи съ товарищами. Они стали невидимы

и неуловимы. Въ теченіе многихъ дней мы поджидали случая, чтобы встѣть съ ними, обясниться, прекратить это печальное недоразумѣніе, открыто высказавъ свои чувства.

Въ было напрасно.

При такихъ-то обстоятельствахъ были редактированы такъ называемый манифестъ меньшинства. Вотъ онъ:

«Члены, принадлежащіе къ меньшинству Коммуны, рѣшили прочесть на зсѣданіи, которое должно было, по правиламъ, имѣть мѣсто въ понедѣльникъ 15 мая, зъявленіе, которое, безъ сомнѣнія, уничтожило бы политическія недоразумѣнія, существующія въ собраніи.

«Отсутствіе почти всѣхъ членовъ большинства воспрепятствовало открытію зсѣданія.

«Нашъ долгъ познакомить общественное мнѣніе съ нашимъ положеніемъ и съ тѣми пунктами, которые отдѣляютъ насъ отъ товарищей.

«Зъявленіе:

«Спеціальнымъ и точнымъ голосованіемъ Парижская Коммуна отрелась отъ своей власти въ пользу диктатуры, которой дала имя комитета общественнаго спасенія.

«Большинство Коммуны своимъ голосованіемъ заявило себя неотвѣтственнымъ и передало всю отвѣтственность за наше положеніе этому комитету.

«Меньшинство, къ которому мы принадлежимъ, поддерживаетъ, напротивъ, ту мысль, что Коммуна должна въ моментъ политической социальной революціи принять на себя всю отвѣтственность, не уступая ничего, какъ бы достойны ни были тѣ, въ пользу которыхъ она желала бы отречься.

«Что касается насъ, то мы, какъ и большинство, желаемъ осуществленія политическаго и общественнаго обновленія. Но, вопреки ихъ мнѣнію мы, во имя выборовъ, представителями которыхъ мы являемся, требуемъ права однимъ быть отвѣтственными за наши дѣйствія передъ своими избирателями, не прячась за высшую диктатуру, допустить и признать которую намъ не позволяетъ нашъ мандатъ.

«Поэтому мы явимся въ собраніе только въ тотъ день, когда оно обратится въ судъ, чтобы судить одного изъ своихъ членовъ.

«Преданные нашему великому коммунальному дѣлу, за которое ежедневно умираетъ столько гражданъ, мы вернемся въ свои округа слишкомъ, можетъ быть, забытые. Убѣжденные, съ другой стороны, что вопросъ войны въ данный моментъ важнѣе всѣхъ другихъ, мы время, остающееся отъ исполненія муниципальныхъ обязанностей, будемъ проводить среди нашихъ

братьевъ изъ національной гвардіи и примемъ участіе въ этой рѣшительной борьбѣ, которая ведется во имя правъ народа.

«Тамъ мы сможемъ еще съ пользой послужить нашимъ убѣжденіямъ, и мы избѣгнемъ необходимости ссздать расколъ среди Коммуны, который мы отвергаемъ, убѣжденные, что и большинство и меньшинство, несмотря на политическія разногласія, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль:

«Политическую свободу.

«Освобожденіе рабочихъ.

«Да здравствуетъ социальная республика!

«Да здравствуетъ Коммуна!»

Подъ манифестомъ были слѣдующія подписи:

Бесляй, Журдъ, Тайсъ, Лфрансэ, Е. Жюрганденъ, Верморель, Клемансъ, Андіэ, Сервиё, Лангюс, Артуръ Агну, Викторъ Клеманъ, Авгель, Остинъ, Фенкиль, Пиди, Арнольдъ, Жюль Вале, Тридонъ, Варленъ, Курбе, Малонъ.

Всего двадцать два члена Коммуны, состоявшіе изъ десяти журналистовъ, писателей, коммерсантовъ, чиновниковъ, счетоводовъ и двѣнадцати рабочихъ,—въ общемъ, тринадцать или четырнадцать приверженцевъ Интернаціонала.

Изъ этихъ двадцати двухъ гражданъ въ настоящее время умерло трое: Тридонъ, Варленъ и Верморель. Первый вслѣдствіе утомленія, второй—разстрѣлянный версальцами, третій отъ ранъ въ сраженіи; четверо, взятые въ плѣнъ, были приговорены къ различнымъ наказаніямъ: ссылкѣ, каторгѣ, тюремному заключенію; это были граждане Журдъ, Е. Жюрганденъ, Арнольдъ, Курбе. Остальнымъ удалось ускользнуть и подвергнуться изгнанію.

Чтая этотъ манифестъ, можно убѣдиться, въ какихъ умѣренныхъ выраженіяхъ онъ составленъ и какъ старательно мы избѣгали всего, что могло явиться оскорбительнымъ обвиненіемъ большинства. А между тѣмъ мы могли довольно сурово спосить его, что оно сдѣлало съ той властью, какою обладало въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и куда привело насъ осуществленіе его политическіхъ понятій и во внутренней, и во внѣшней политикѣ. Мы не сдѣлали этого, полагая, что для подобныхъ объясненій время было неподходящее, и зная, что сдѣланныя ошибки имѣли источникомъ заблужденія мысли или отсутствіе политическаго смысла, а вовсе не недостатокъ доброй воли.

На собраніи, гдѣ былъ окончательно принятъ манифестъ, было прочтено и обсуждено три проекта, представленныхъ Журдемъ, Лфрансэ и мнсю.

Остановились на проектѣ Журда. Онъ имѣлъ, дѣйствительно, то преимущество, что въ немногихъ словахъ, не входя

ни въ какія подробности, указывалъ ясно два основныхъ пункта нашего поведенія.

Съ одной стороны, онъ заявилъ, что мы протестуемъ противъ диктатуры, проти въ всякой попытки вернуться къ авторитарнымъ и архиправительственнымъ традиціямъ прошлаго, что мы требуемъ безусловнаго народоустройства; съ другой стороны, что, не отъсываясь вовсе отъ коммунальнаго дѣла, мы примемъ непосредственное личное участіе въ борьбѣ и всѣ силы свои направимъ проти въ версальцевъ, т. к. въ настоящее время это одно имѣетъ значеніе.

Поэтому тѣ, которые обвиняли насъ въ трусости, въ желаніи «спасти шкуру», не читали этого или завѣдомо лгали въ цѣляхъ дешевой популярности, а, можетъ быть, даже изъ коммерческаго разсчета.

Сражъ не могъ руководить нами въ нашемъ рѣшеніи, потому что это рѣшеніе безусловно увеличивало нашу личную опасность. Не за щ щ я насъ передъ версальцами, которые были достаточно умны, чтобы понять, что мы самые несомнѣнные и неукротимые ихъ враги, это рѣшеніе подвергало насъ гнѣву большинства.

Съ этой стороны мы имѣли достаточно предостереженій, и многіе изъ подписавшихъ манифестъ прекрасно знали, что, подписывая его, они, по меньшей мѣрѣ, рискуютъ свободой.

Насколько я знаю, никогда не считалось избыткомъ благо-разумія становиться между двухъ огней.

Помимо этихъ жестокихъ, несправедливыхъ и не заслуживающихъ для добросовѣстнаго человѣка дальнѣйшаго разбора нападокъ, меньшинство получило одобреніе отъ многихъ группъ организованныхъ рабочихъ, какъ, напримѣръ, отъ секцій интернаціонала. Члены же меньшинства, избранные въ четвертомъ округѣ, получили даже отъ своихъ избирателей, собравшихся по этому случаю въ залѣ Лирическаго театра, заявленіе, которое я долженъ сообщить.

Будучи приверженцемъ императивнаго мандата, какъ я уже говорилъ много разъ, я полагалъ, что мы не можемъ совершить поступка такой важности, не представивъ его на утвержденіе нашихъ избирателей. Мынѣе это раздѣляли граждане Клемансъ, Е. Жерарденъ и Лефрансэ, хотя послѣдній колебался относительно своевременности этого шага¹⁾. Итакъ, по моему предложенію и настоянію, мы рѣшили собрать нашихъ избирателей и изложить имъ нашу политику. Мы хотѣли такоже воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы дать публичный отчетъ

въ нашемъ управленіи округомъ, исходя изъ того демократическаго принципа, который требуетъ, чтобы администраторы какъ можно чаще подвергались непосредственному контролю своихъ подчиненныхъ.

Гражданинъ Лефрансэ взялся отъ нашего имени изложить политическую роль меньшинства Коммуны. Мы поручили дать отчетъ въ нашей административной дѣятельности и изложить результаты нашего управленія.

Засѣданіе это, понятно, имѣло исключительное значеніе. Поэтому мы пригласили двухъ стенографовъ, чтобы воспроизвести все, что будетъ говориться на этомъ собраніи, а равнымъ образомъ и постановленія, если они будутъ приняты. Къ сожалѣнію, я никогда не видалъ этого стенографическаго отчета.

Такимъ образомъ, какъ бы это ни было необходимо, я не могу воспроизвести ни нашего отчета, ни моей рѣчи, ни рѣчей моихъ товарищей гражданъ Клеманса и Е. Жерардена, которые дополнили изложеніе, сдѣланное гражданиномъ Лефрансэ.

Гражданинъ Лефрансэ ушелъ до конца собранія, и вся тяжесть спора пала на его товарищей. Согласно предложенію гражданина Амуу, пришедшаго, чтобы быть представителемъ большинства, собраніе рѣшило высказаться относительно нашего поведенія въ будущемъ.

Право собранія въ этомъ отношеніи было, по-моему, несомнѣнымъ. Мы создали нашихъ избирателей; они пришли въ числѣ двухъ тысячъ; мы изложили имъ наше поведеніе и побудительныя причины. Если бы наши избиратели не высказались, собраніе это утратило бы всякій смыслъ, а если бы мы оспаривали это ихъ право,—вышли бы изъ предѣловъ императивнаго мандата.

Ни Клемансъ, ни Жерарденъ, ни я,—мы нисколько не противулись тому, чтобы собраніе это выразило свою волю точной резолюціей.

Но передъ голосованіемъ я сдѣлалъ заявленіе, точныя выраженія котораго я не помню, за отсутствіемъ стенографическаго отчета, гдѣ оно приведено, но смыслъ котораго былъ таковъ:

«Вы — хозяева. Вамъ принадлежитъ право осужденія и одобренія. Вы можете постановить, если вы желаете, чтобы мы вернулись на скамьи Коммуны. Я готовъ подчиниться вашей волѣ, но съ однимъ условіемъ—чтобы я имѣлъ право продолжать въ Коммунѣ ту политику, какой я слѣдовалъ до настоящаго времени, и чтобы вы одобрили ее, потому что въ противномъ случаѣ, если мои убѣжденія не согласны съ вашими, я не могу болѣе быть вашимъ представителемъ, такъ какъ мынѣ

¹⁾ Амуу, нашъ товарищъ по четвертому округу, принадлежалъ къ большинству.

придется либо идти против своих убеждений либо нарушить мой мандат, а это недопустимо».

Граждане Клемансь и Жерарденъ сдѣлали подобныя же заявленія, и собраніе постановило, въ концѣ концовъ, слѣдующее:

1. Что оно сожалеетъ о расколѣ, происшедшемъ въ нѣдрахъ Коммуны.

2. Что оно желаетъ, чтобы мы возобновили наши засѣданія въ Коммунѣ, одобряетъ нашу политику и уполномочиваетъ насъ ее продолжать.

Гражданинъ Лефрансэ, у котораго былъ въ рукахъ текстъ, говорить въ своихъ замѣчательныхъ «Очеркахъ коммунистическаго движенія», что собраніе въ Лерическомъ театрѣ постановило, что «меньшинство своимъ поведеніемъ доказало добросовѣстность и честность».

На другой день, въ рные своимъ обязательствамъ, Клемансь, Жерарденъ и я присутствовали на засѣданіи Коммуны, гдѣ отъ имени своихъ двухъ товарищей я заявилъ, что, согласно волѣ нашихъ избирателей, которые одобрили наше политическое поведеніе, мы отнынѣ снова будемъ принимать участіе въ обсужденіяхъ собранія.

Въ то время, когда я это говорилъ, версальцы проникли въ Парижъ. Было воскресенье 21 мая, и это засѣданіе должно было быть послѣднимъ засѣданіемъ Коммуны.

Хотя мы и получили одобреніе отъ нашихъ избирателей послѣ ясныхъ и честныхъ разъясненій, но я долженъ все-таки признать, что вообще манифестъ меньшинства не былъ понятъ населеніемъ. Многіе поняли изъ него только двѣ вещи: что произошелъ расколъ и что мы уходимъ. Дѣйствительно, при тѣхъ обстоятельствахъ наша резолюція имѣла слишкомъ парламентскій характеръ, чтобы быть понятой толпой. Это было слишкомъ сложно. Это была политика, а тутъ было не до нея. Народъ въ своей массѣ видитъ и можетъ видѣть только общія черты, и тутъ онъ понимаетъ только, что мы отделились отъ собранія, именуемаго Коммуной, и это ршеніе его тревожило, заставляя предполагать ослабленіе, распденіе власти, на которую онъ рассчитывалъ, что она будетъ руководить его обороной и спасетъ отъ враговъ.

Въ данномъ случаѣ, долженъ это открыто признать, общественное мнѣніе было право.

Этотъ манифестъ, какъ это подтверждаютъ также граждане Маланъ и Лефрансэ¹⁾, жестоко грѣшитъ тѣмъ, что появился

¹⁾ См. «Очерки коммунистическаго движенія» Лефрансэ и «Третье поражение французскаго пролетариата» Маланъ.

слишкомъ поздно, въ такое время, когда дѣло шло уже не о томъ, чѣмъ будетъ Коммуна, не о томъ, какъ она будетъ, но о ея существованіи.

Если бы побѣда была на сторонѣ Коммуны, или, по крайней мѣрѣ, если бы ей предстояли еще долгіе дни, если бы она была въ началѣ своего существованія, то было бы необходимо пригласить парижскій народъ высказаться относительно принциповъ, которые должны руководить ея поведеніемъ, и чтобы онъ самъ сдѣлалъ выборъ между двумя политиками, отъ примѣненія которыхъ зависѣла, можетъ быть, его гибель или спасеніе. Несомнѣнно, что, если бы меньшинство, организованное такъ, какъ оно было въ концѣ мая, въ началѣ апрѣля сдѣлало бы энергичную попытку, чтобы направить Коммуну по болѣе современному пути, болѣе соответствовавшу истиннымъ интересамъ коммунальной идеи и истиннымъ желаніямъ, на защиту которыхъ вооружился парижскій народъ,—это могло бы оказаться очень благотворнымъ.

Какое бы ни было принято ршеніе, какая бы политика ни восторжествовала, было бы, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что политика эта была бы единообразна и мы избѣжали бы расколовъ, которые произошли къ концу.

Если это произошло не такъ, то это зависѣло отъ недостатка умѣнья со стороны тѣхъ, которые составили впоследствии меньшинство и которые долгое время дѣйствовали въ единичку. Это зависѣло также отъ того, что меньшинство формировалось постепенно личнымъ присоединеніемъ отдѣльных членовъ, которые, видя совершаемыя ошибки, наученные опытомъ, видя, тщету всхваляемыхъ мѣропріятій, одинъ за другимъ покидали большинство, чтобы перейти въ другой лагерь.

Такова, напри мѣръ, была исторія Тридона, Лео Френкеля, Варлена.

Что касается главной ошибки—недостатка согласія, то оно зависѣло отъ личнаго характера нѣкоторыхъ, которые могли бы его создать, отъ характера слишкомъ личнаго, сухихъ индивидуальностей, любящихъ дѣйствовать за собственный счетъ, и которые считаютъ для себя униженіемъ быть съ кѣмъ-нибудь согласными.

Они согласились спуститься изъ своего величественнаго и эгоистическаго одиночества только передъ лицомъ пропасти, въ которую мы всѣ канули.

Въ защиту подписавшихъ манифестъ я долженъ, наконецъ, прибавить, что они, я думаю, такъ же, какъ и я, совершенно не знали неминуемости опасности. Я былъ вполне убежденъ въ окончательномъ пораженіи, никогда не строя себѣ въ этомъ

отношеніи иллюзій, но я не думалъ въ то время, что оно должно произойти раньше двухъ недѣль. А этого времени было бы достаточно, чтобы измѣнить веденіе военныхъ дѣлъ и принять разныя мѣры общественнаго спасенія, отсутствіе которыхъ дѣлало болѣе ужаснымъ паденіе Коммуны.

Изъ этого слѣдуетъ, что манифестъ меньшинства не былъ вообще скрытъ отъставки, какъ говорили. Это было отчаянное обращеніе къ общественному мнѣнію, съ цѣлью, чтобы это мнѣніе, рѣшительно выказанное, вызвало перемѣну принятаго направленія, которое казалось намъ роковымъ. Это было послѣдній мѣ протестъ во имя непризнанныхъ, по нашему мнѣнію, существенныхъ принциповъ, безеніе которыхъ, не устраняя ни одной нормальной опасности, создавало опасности новыя.

Но этотъ призывъ, слишкомъ поздній, не могъ быть услышанъ народомъ, который дрался и который полагалъ, что не время было раздѣляться передъ лицомъ побѣдоноснаго врага.

Утверждать дѣйствительно, что этотъ расколъ ослабилъ оборону,—слишкомъ. На оборону онъ не произвелъ ни хорошаго, ни дурного вліянія.

Было слишкомъ поздно, чтобы онъ какъ-нибудь могъ повліять на событія.

Версальцы вступили. Не существовало больше ни меньшинства, ни большинства. Было великое крушеніе, поглотившее Парижъ! Францію, республику, Коммуну, революціонеровъ, социалистовъ, якобинцевъ, федералистовъ.

Если версальцы были побѣдителями на этой недѣлѣ, то это произошло исключительно оттого, что не были приняты соответствующія мѣры военной защиты, потому что соответствующе вооруженный,—а это было возможно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—Парижъ безусловно, не можетъ быть взятъ приступомъ.

XV.

Парижъ во время Коммуны.

Дѣятельность и борьба Коммуны заставили насъ позабыть на время Парижъ и народъ.

Взглянемъ же на нихъ въ послѣдній разъ передъ окончательной развязкой. Величественное зрѣлище, которое представлялъ этотъ народъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ даетъ намъ силу и надежду, чтобы, несмотря на ужасающія готовившіяся жертвы, не отчаиваясь смотрѣть въ глаза будущему.

Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ въ Парижѣ была истинная диктатура, самая полная и бесспорная, диктатура не одного человѣка, а всего народа—единственного господина положенія,—

именно о которой сохранила исторія. Эту народную власть уже вѣдали въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, но только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, въ моменты безпорядковъ и волненій побѣдоноснаго возстанія.

Не то было во время Коммуны.

Эта диктатура продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ безъ перерыва—съ 18 марта по 22-е мая.

Я говорю—диктатура. Я ошибаюсь. Это слово нехорошее и напечатаешь о жестокости, о тиранніи, объ упраздненіи законныхъ обычной свободной и правильной жизни, чего вовсе не было тамъ. Дѣйствительно, зрѣлище, которое представлялъ Парижъ въ теченіе этихъ семи десяти дней, не походило на все то, что привыкли видѣть въ моменты, когда вся жизнь зависитъ отъ прихоти единого и полновластнаго властелина, когда солдаты на владычествуютъ повсюду свою шашку, запятанную кровью гражданъ, когда торжествующая полиція царитъ надъ униженнымъ и колѣнопреклоненнымъ народомъ.

Такъ называемое законное правительство бѣжало.

За нимъ бѣжало правительство, армія, полиція, администрація, магистратура. Не осталось ни одного официального представителя организованнаго общества. Даже ни одного простого чиновника!

Пусты министерства, пусты казармы, пусты префектура полиціи и префектура Сены!

Пусты суды, начиная отъ кассационной палаты и кончая скреми съ залой мирового суда!

Пусты мэрии, пусты почтовые конторы!

Пусты кассы, потому что всѣ эти бѣглецы, всѣ эти дезертиры, спасая кассу, наполнили свои карманы!

Полное, никогда невиданное опустошеніе!

Исчезло все, что составляло буржуазное правительство съ 1789 года.

Парижскій народъ былъ одинокъ и долженъ былъ создать новое общество.

Учрежденія провалились вмѣстѣ съ людьми. Нужно было пересоздать общество до самаго основанія. Казалось, что это былъ первый день исторіи!

Разница была въ томъ, что эмигрантъ находится передъ дѣйственной природой, богатства которой онъ можетъ извлечь только трудомъ, тогда какъ въ Парижѣ народъ-побѣдитель имѣлъ передъ собою богатства, собранныя старымъ міромъ, тѣмъ міромъ, который смотрѣлъ на него, какъ на парія, который эксплуатировалъ и оскорблялъ его въ теченіе вѣковъ. Перечислимъ были богатства, которыя представляютъ сумму его стра-

даній, избытокъ, который говорить объ его лишеніяхъ, произведеніе его рукъ, являющееся результатомъ его рабства, золото счастливыхъ, которое является кровью обездоленныхъ.

Мнѣ было предположить, что этотъ народъ кинется на эти огромныя богатства, какъ бѣдный наслѣдникъ, котораго скупость и строгость родныхъ долго подвергали самымъ страшнымъ лишеніямъ и только со смертью которыхъ онъ дѣлается, наконецъ, владѣльцемъ богатства.

Какое зблужденіе! Народъ просилъ за военную службу, которая отрываетъ его отъ его работъ, продолженія выдачи тридцати су, которые онъ получалъ во время осады. Онъ просилъ, чтобы ему доставляли, когда онъ идетъ въ огонь, кусокъ солонины, порцію хлѣба и стаканъ вина, т.-е. паекъ, который получаетъ солдатъ въ походѣ. Онъ просилъ, чтобы его избавили отъ опасности быть арестованнымъ собственникомъ, которому онъ не можетъ уплатить послѣ цѣлаго года безработицы.

Наконецъ, далекій отъ того, чтобы кратчайшимъ путемъ самому добыть справедливости, онъ терпѣливо, степенно и безпристрастно ждалъ, пока выбранная имъ Коммуна изучитъ и разрѣшитъ всѣ вопросы въ духѣ права и справедливости. Онъ бросается только въ битву и на работу. Битва—противъ версальцевъ, работа—работа преобразования.

Такъ какъ Коммуна являлась только моральной властью и не имѣла другой матеріальной силы, кромѣ всеобщаго сочувствія, признанія и доброй воли гражданъ, народъ явился властителемъ, единственнымъ властителемъ, самъ создалъ свою полицію и магистратуру, и потому ему не пришлось покарать ни одного преступленія¹⁾.

Были ли въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ тамъ произведены хоть одинъ грабежъ?

Была ли тамъ взломана хоть одна касса?

Были ли хоть одинъ домъ обысканъ съ иною цѣлью, кромѣ политической, для розыска заговорщика, ареста измѣнника или шпиона или разоруженія врага?

Самые богатые и самые скромные магазины четвертаго округа, за двумя или тремя исключеніями, оставались открытыми, какъ и въ дни наибольшаго довѣрія, начиная отъ мѣняль, ювелировъ и часовщиковъ, выставляющихъ свои богатства въ витринахъ, до магазиновъ новомодныхъ издѣлій, безчисленная одежда которыхъ являлась какъ бы ироніей и провокаціей для

батальоновъ, идущихъ въ траншеи въ грязи, подъ дождемъ, въ плохомъ камелѣ, въ слишкомъ тонкихъ брюкахъ, въ продранныхъ башмакахъ—остаткахъ экипировки отъ щедротъ Трошю, которую Коммуна не могла еще змѣнить.

Въ нѣкоторыхъ аристократическихъ кварталахъ, обитателей которыхъ страхъ и ярость перенесли въ Версаль, магазины были заперты и покинуты своими хозяевами, и эти закрытыя витрины вдоль улицъ, бывшія оскорбленіемъ и угрозой народу-побѣдителю, были пощажены. Ни одному изъ нихъ не довелось считаться съ гнѣвомъ и правосудіемъ этого всемогущаго народа, доведеннаго до крайности.

А, между тѣмъ, какъ онъ могъ отомстить!

Вѣдь это былъ тотъ народъ, который плѣннымъ разстрѣливался на Версаль!

Это былъ тотъ народъ, который спокойно душили, захвативъ, благодаря проданному паролю, врасплохъ, когда онъ спалъ на аванпостяхъ!

Это тотъ самый народъ, который непрерывно бомбардировали, убивая въ домахъ, убивая ребенка въ колыбели возлѣ матери, которая не спитъ въ то время, когда ея мужъ борется въ Нельи или на фортахъ!

Это тотъ самый народъ, который изображенъ передъ сшеломленной Франціей, передъ изумленной Европой, какъ сборище бандитовъ и разбойниковъ, бѣжавшихъ съ каторги.

Этотъ народъ обвинялся въ грабежѣ и убійствахъ на улицахъ, въспахившихъ ядрами охранителей!

Что же вы сказали бы, что сдѣлалъ бы вы, если бы вызванный вашей провокаціей, раздраженный до крайности вашей подлой жестокостью, выведенный изъ себя, такъ какъ вы вывели его изъ-подъ защиты закона, онъ сдѣлалъ бы то, въ чемъ вы его упрекаете?

Онъ владѣлъ всѣмъ Парижемъ.

Онъ владѣлъ банками, финансами, большей частью общественнаго долга и всѣми видами вашихъ богатствъ!

Онъ владѣлъ вашими дворцами, вашими отелями, вашими домами и всевозможными богатствами!

Если бы онъ взялъ, уничтожилъ все это?

Если бы на каждую гранату, разрушающую домъ, убивающую беззащитное существо, онъ отвѣчалъ разрушеніемъ одного изъ вашихъ дворцовъ?

Если бы на провокаціи мужа госпожи Галлфэ, поддѣлывателя Жюль Фавра и сотоварищей они отвѣчали взрывомъ вашихъ благородныхъ отелей аристократическаго квартала?

Если бы, когда вы убивали женщинъ и раненыхъ, они заря-

¹⁾ Я ошибаюсь: нѣсколько кражъ было совершено въ казармахъ разоруженными солдатами, которые остались въ Парижѣ на содержаніи у Коммуны. Я арестовалъ одного или двухъ изъ нихъ.

дали пушки, ваши ми документами на ренту и дѣлали себѣ броню противъ желѣзныхъ ядеръ изъ золота вашихъ кошельковъ?

Пыталась ли бы эта игра вами по вкусу?

Чѣмъ народъ, въ концѣ концовъ, рисковалъ?

Что же могли бы вы еще сдѣлать, кромѣ того, что сдѣлали?

Вы не могли бы ихъ убить два раза, дважды изгнать!

Вы не могли бы разстрѣлять никого, кромѣ отца, матери и дѣтей!

Еще разъ, чѣмъ рисковалъ бы народъ, нанеся вамъ такіе удачы, открывая въ вашихъ кассахъ раны, слѣды которыхъ вы носили бы еще и теперь?

Онъ не сдѣлалъ этого.

Знаете ли вы почему?

Не блгадаря вамъ, конечно, а для себя.

Потому, что его моральный уровень, какъ это и должно быть, выше вашего.

Потому, что онъ носитель цивилизаціи, а вы—представители варварства!

Потому, что на его сторонѣ право, а на вашей сила!

Потому, что онъ—будущее, а вы—прошедшее!

Потому, что онъ является представителемъ принципа, а вы—привилегіи!

Въ день битвы, во время борьбы, когда льется кровь, это является, можетъ быть, кратковременнымъ недостаткомъ, потому что побѣда остается часто на сторонѣ наиболее жестокихъ, и, съ этой точки зрѣнія, вы должны были побѣдить, что и случилось!

Но кажды изъ вашихъ побѣдъ, это—шагъ къ пропасти, которая васъ ожидаетъ; каждое поражение народа приближаетъ его къ цѣли.

Вы сами это чувствуете. Ваша ярость и вашъ страхъ свиѣдѣтельствуютъ объ этомъ, и среди всѣхъ этихъ мертвецовъ, которые пкрываютъ мостовыя Пирея, трупомъ являетесь вы; между тѣмъ, народъ, наказанный, высланный, разстрѣлянный,—онъ живъ!

Ужъ много разъ народъ-побѣдитель проявлялъ свое безкорыстіе. Вездѣ можно видѣть литографіи, изображающія оборванного голоднаго рабочаго, который стоитъ на караулѣ со стравымъ ружьемъ передъ дворцомъ какого-нибудь Ротшильда и охраняетъ сокровища—его заработокъ, собранный для другихъ.

Но въ 1830 г., въ Ліонѣ, 24 февраля 1848 г. у этого народа были только неопредѣленные стремленія. Онъ не сознавалъ объема своихъ правъ. Къ его безкорыстію примѣшивалось истинное уваженіе къ самому принципу собственности. Онъ не

рассчитывалъ на естественныхъ влгооховъ. Онъ чувствовалъ, что онъ голоденъ и несчастенъ, но если онъ и догадывался, что эксплуататоры виновны въ этомъ съ точки зрѣнія братства народовъ, то не зналъ еще, что они осуждены самой наукой.

Онъ не зналъ, что его право есть право въ полномъ объемѣ! Въ его безкорыстіи сказывались предвзвудки, невѣжество, ищчо въ родѣ безропотнаго фталзма, глубокое уваженіе къ орудіямъ своихъ мученій.

Нчго подобнаго не было въ 1871 г. Н родъ, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, былъ подготовленъ.

Эти люди были социальстами всѣхъ направленій, можетъ быть различавшіеся другъ отъ друга въ подробностяхъ, но согласные въ цѣли и имѣющіе одни и тѣ же экономическія убѣжденія. Поэтому безкорыстіе ихъ носило болѣе возвышенный характеръ и было помѣстнѣ великимъ. Это не было сомѣніемъ въ своихъ правахъ и ихъ объемѣ. Нѣтъ. Они знали и они могли!

Они просто не хотѣли, потому что, сознавая свои права, они не хотѣли употреблять насилие.

Твердо зная свй путь, они желали идти имъ какъ люди, а не какъ возбужденные рабы.

Созрѣвъ для свободы и равенства, они пріобрѣли благосостояніе, разсудительность, энергичное терпѣніе и мужественную сдержанность народовъ, достойныхъ свободы и равенства.

Блгодаря обученію освободившіеся отъ первыхъ заблужденій, отъ пдвыхъ попытокъ, зная, что социальная революція, есть, прежде всего, революція научная, они ненавидѣли насилие, которое усложняетъ задачу, отдаляетъ ея рѣшеніе, которое должно съ неизбежной послѣдовательностью правильно и научно положить основаніе нов. го общества. На своихъ собраніяхъ, на товарищескихъ сходкахъ они обсуждали параграфы новаго закона, ожидая, когда выбранная ими Коммуна послѣдовательно дастъ законную силу ихъ желаніямъ, разработаннымъ ими, и выберетъ изъ различныхъ возможныхъ рѣшеній самое практичное, самое простое, наиболее соответствующее обстоятельствамъ и обычаямъ.

Они не торопились воспользоваться и завладѣть благосостояніемъ. Они даже не думали объ этомъ, хорошо зная, что это ничто, что это ничего не можетъ разрѣшить.

Они хотѣли только измѣнить организцію труда, замѣнить незаконіе справедливостью, кастовое дѣленіе равенствомъ, предоставить каждому его справедливую долю, установить пирамиду на ея основаніи. Они не требовали ничего сверхъ того, на что имѣли безусловное право. Они не просили насла-

жданій, они требовали полного продукта своего труда, своей социаль-й и политической автономии.

Одъ а изъ величественныхъ сторонъ этого великаго движенія состояла, несомнѣнно, въ томъ, что, угнетенные вчера, побѣдители сегодня, — они хл. днокровно отвернулись отъ сокровищъ, попавшихъ къ нимъ въ руки, домогаясь улучшенія своей судьбы, лучшаго распредѣленія богатства, благосостоянія и счастья только въ строгомъ соблюденіи справедливости и научномъ осуществленіи истинныхъ экономическихъ законовъ.

Еще разъ, здѣсь не было ничего похожаго на то неопредѣленное уваженіе, которое во вредъ себѣ сохраняетъ возставшій рабъ, не понимаящій цѣли, къ господину, котораго онъ можетъ растоптать своимъ каблукомъ. Здѣсь была опытность, знаніе рѣзлага народа, который знаетъ, чего онъ хочетъ и какъ этого добиться.

Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ этому великому народу предстояло много работы!

Прежде всего, нужно было удержать свою матеріальную побѣду, что возможно было только ружейными злами.

Ему нужно было также немедленно преобразовать внѣшнюю политическую и социальную жизнь этого міра, который называется Парижемъ, населенность котораго почти равняется нѣкоторымъ изъ независимыхъ государствъ Европы.

Я никогда не забуду въ этомъ отъисненіи картину, которую представлялъ четвертый округъ, о которомъ я говорю болѣе подробно, такъ какъ видѣлъ его ближе и управлялъ имъ съ двумя товарищами въ эти бурные дни.

Какой примѣръ дѣятельности, знанія, преданности!

Въ каждой мѣрѣ члены Коммуны были окружены комиссіей, такъ называемой муниципальской комиссіей, которая работала вмѣстѣ съ ними подъ ихъ отвѣтственностью. Это было очень важно, и безъ этого никто изъ насъ не могъ бы исполнить возложенной на него подавляющей работы.

Почти во всѣхъ округахъ эти комиссіи принимали наибольшее участіе въ администраціи и дѣйствительно вели муниципальныя дѣла.

Тамъ было очень много безкорыстныхъ, честныхъ, усердныхъ среди нѣсколькихъ невѣждъ, нѣсколькихъ неистовыхъ и нѣсколькихъ интригановъ.

Я упомяну только о комиссіи 4-го округа, единственной, которая работала непрерывно на моихъ глазахъ.

Въ нее входило двѣнадцать членовъ, имя и лица которыхъ я ясно помню, двѣнадцать гражданъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не останавливаясь ни передъ усталостью, ни передъ

временемъ, проводили въ мѣрѣ по очереди дни и ночи. Это были простые рабочіе или мелкіе лавочники, которые въ больш. н-ствѣ, совсѣмъ не были подготовлены къ этой совершенно новой для нихъ роли администраторовъ.

Они брались за нее съ рѣшительностью, удивительнымъ усердіемъ и чрезвычайною честностью, прекрасно сознавая, что, выставивъ впереди свои имена, какъ они это сдѣлали, они вмѣстѣ съ нами подписывали свой смертный приговоръ.

За эту непрерывную работу мы имъ предложили пять франковъ въ день, что они и приняли. Они согласились бы и на меньшее. Они просили только хлѣба для своей семьи.

Многіе же изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, были лавочниками и, продолжая свое дѣло, могли бы заработать гораздо больше.

Даже тѣ изъ нихъ, которые были простыми рабочими, призывали къ болѣе высокому заработку, потому что считали съ самыми ловкими въ своемъ ремеслѣ. Чго же изъ этого? Кто думалъ о деньгахъ? Не слѣдовало отягощать финансы Коммуны. Нужно было прежде всего обезпечить службу національной гвардіи и значительному числу нуждающихся. Если бы у нихъ были деньги, они не только не требовали бы платы, а отдали бы свои деньги ¹⁾.

Еще одна подробность, прежде чѣмъ разстаться съ ними. Муниципальная комиссія собиралась разъ въ недѣлю, вечеромъ, съ членами Коммуны, чтобы дать намъ точный перечень совершенныхъ работъ, объяснить положеніе различныхъ службъ округа, обсудить реформы и улучшения, какія нужно тамъ.

Во время одного изъ такихъ засѣданій члены комиссії обратились съ просьбой—это было единственный разъ, такъ какъ они никогда не просили. Эта просьба состояла въ томъ, чтобы каждый изъ нихъ поочередно пользовался отпускомъ въ теченіе 24 часовъ; мотивировали они ее слѣдующимъ соображеніемъ.

«Каждый изъ насъ, говорили они, принадлежитъ къ одному изъ батальоновъ округа, и наши гражданскія дѣла отрываютъ насъ отъ военной службы». Эти двадцать четыре часа они поочередно будутъ проводить въ битвѣ съ батальонами, чтобы поддержать ихъ, раздѣлить ихъ трудъ и ихъ опасности, удостовѣриться собственными глазами въ томъ, есть ли у борющихся

¹⁾ Когда эти строчки были уже написаны, одинъ изъ нихъ, Дюбакъ, умеръ будучи еще совсемъ молодымъ, въ изгнаніи, въ Лондонѣ. Мы не разставались съ 4 сентября, когда я впервые его встрѣтилъ въ мѣрѣ 4-го округа. Это былъ хороший работникъ для революціи и другъ для меня.

все необходимо, принять их жалобы и их заявления и передать их нам.

Клянусь, это предложение меня растрогало. Он было прекрасно со всех точек зрения. Члены Коммуны почти не могли регулярно заняться этим надзором, и те из нас, которые посещали батальоны, делали это всегда с какой-то специальной назначенностью, с определенной целью, которая не могла быть в высшей степени ограниченной практической и полезной цели, преследуемой членами муниципальной комиссии.

Предложение, конечно, было принято, и я не сомневаюсь, что оно дало бы прекрасные последствия, если бы было обобщено, урегулировано и немедленно приведено в исполнение.

Кроме муниципальной комиссии, в каждой мэрии были еще советы легиона и генеральный штаб легиона.

Я ничего не скажу о первом. Он находился в руках центрального комитета и доставлял много забот и создавал затруднения моим товарищам в других округах. Это были источники столкновений, с своей стороны сильно способствовавших ослаблению защиты, лишая ее единства, без которого ей грозило сделаться бесполезной и привести к катастрофе. Однако, чтобы быть справедливым, я должен признать, что в четвертом округе у нас было очень мало несправедливости и борьбы с этим советом легионов, и эта несправедливость и борьба развились больше от самого учреждения, чем от воли его членов.

Личные и больше частные сношения имели я с генеральным штабом легиона, где помещались начальник легиона, т. е. подполковник, был гражданин Гиллет, на личности которого мне хотелось бы остановиться несколько мгновений.

Это были рабочие, но рабочий-ресторанер, один из тех отличных рабочих, из ряда вон выходящих, больше артистов, чем ремесленников, которые составляют славу и богатство парижской промышленности. Он был художник в мебельном деле. Когда являлся заказ от какого-либо иностранного принца или миллионера-француза, он составлял салон, рабочий кабинет или туалетный кабинет и т. п., и я видел в этом отношении его рисунки красками; настоящие маленькая произведения искусства по вкусу и роскоши. Ему можно было дать двадцать восемь лет. Он рано женился и имел двух детей, мальчика пяти лет и девочку, которая только что начинала ходить; чистокровный парижанин, от отца к сыну, с раннего возраста предоставленный собственным силам, бледный и хрупкий, как и все парижане, он,

я думаю, страдал болезнью легких, которая подтачивала его силы. Я никогда не видел лучшего мужа, человека больше порядочного, больше скромного; весь свой заработок он приносил своей маленькой семье, несмотря на то, что его возраст, его темперамент и характер влекли его к удовольствиям. Он жил в том же доме, где и я, этажем выше, в двух маленьких, тесных мансардах, без воздуха, где царил беспорядок артиста и парижского рабочего. Я был связан с ним дружбой.

Во время борьбы Марсельезы с империей я уже убедился в его усердии и горячности его революционных убеждений. 18 марта он вошел в мэрию четвертого округа и принимал деятельное участие в подготовке выборов работавших. Во время Коммуны он служил помощником начальника легиона. Блестящий и болевой, еще больше похудевший, он в течение этих двух месяцев оставался на службе по 24 часа в день, проводя ночи не раздеваясь на худом матраце в углу всего бюро, и виделся со своей женой только в редкие минутки, когда она приходила к нему на несколько минут в мэрию.

Когда вставая первым, по первому сигналу, всегда в движении, безжалостно изнуряя свое тело, он вскакивал на крышу, чтобы проводить батальоны округа на место битвы, отдавая команды, даже—больше того—свою жизнь с ненасытной речистостью, доказательством чего были следы усталости и болезни на его лице, которые я замечал каждый день.

Мне раз говорили, что во время последней недели за одной баррикадой видели его труп, пронзенный штыками.

Да будет угодно ему здесь высшее доказательство справедливости и симпатии!

Пусть его сын, если он жив, вспомнит, чем он обязан памяти этого доброго гражданина, умершего для того, чтобы обеспечить ему лучшее будущее.

Нам как бы хотелось только мы были менее счастливы. Это была рана четвертого легиона. Между нами было два измученника, которые в последний момент исчезли и присоединились к воякам.

Федералистам нужно было иметь много героизма в душе, чтобы бороться под командой подобных людей. Не раз батальоны принуждены были идти без командиров, которые оставили с собой какими-нибудь предлогом поздравить или оставить их трупы на аванпосте. Их арестовывали и препровождали в военный совет; они заманивались другими, которые, впрочем, не оказывали с лучшей. Здесь сказались все усилия

версальских развратниковъ. Версальцы не разъ подсылали къ намъ своихъ агентовъ, и иногда имъ удавалось вводить своихъ соучастниковъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ было множество удивительныхъ исключеній. Многие въ Парижѣ героически выполняли свой долгъ и въ четвертомъ легіонѣ многіе заслуживаютъ особаго упоминанія. Я назову только гражданина Арну, моего однофамильца, можетъ быть, дѣла моего родственника, такъ какъ мы были изъ одной страны. Это былъ лотрингецъ испытанной храбрости, идущій въ огонь съ улыбкой на губахъ, умѣющий говорить со своими людьми, вдохновляя ихъ не только смѣлостью, но и любовью.

Онъ былъ убитъ во время одной вылазки.

Часто говорили объ оргіяхъ Коммуны.

Я могъ бы рассказать столько примѣровъ личныхъ качествъ большаго числа членовъ собранія, что уничтожилъ бы гдѣ-нибудь клеветы, приписываемыя вообще всѣмъ тѣмъ, кто былъ во главѣ движенія.

Я удовлетворюсь, рассказавъ только нѣсколько общихъ фактовъ.

Коммуна, хотя и составленная въ своемъ большинствѣ изъ небогатыхъ рабочихъ, рабочихъ, писателей, чиновниковъ, не имѣла въ думѣ дѣла же буфета, какъ всѣ другія собранія.

Тамъ просто поставили столъ, гдѣ мы могли ѣсть за плату, если опаздывали къ себѣ домой или если дѣла задерживали насъ въ думѣ. Цѣны и меню были опредѣлены: 1 ф. 50 с. за втрактъ и 2 ф. обѣдъ¹⁾. Дѣлалось право на полубутылку плохого, простого вина. Словомъ, это былъ плохой ресторанный обѣдъ. Таковы были оргіи Коммуны.

Нѣкоторые изъ членовъ, особенно тѣ, которые принадлежали къ рабочему классу, въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ трудомъ рѣшались брать карету, въ которой они нуждались для развѣздовъ, и платили за нее собственныя деньги, вмѣсто того, чтобы вносить этотъ счетъ въ общіе расходы. Они рѣшались на это только въ виду необходимости и дѣлали это съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Я могъ бы привести много примѣровъ.

Я привожу всѣ эти подробности къ неудовольствію великихъ современныхъ государственныхъ людей.

Я не утверждаю, однако, что тѣмъ никогда не было невоздержанности или странности. Но я хочу сказать и я утверждаю, что это распутство и эти странности были индивидуальны и никогда не являлись правиломъ. Въ общемъ, чаще всего они

учались между низшими агентами Коммуны, совершенно не подготовленными къ своимъ новымъ обязанностямъ.

Нѣкоторые изъ нихъ попали въ неожиданное положеніе.

Эта болѣзнь свирѣпствовала исключительно между различными (ф)церскими членами въ національной гвардіи. Одно время тамъ была настоящая оргія плутовъ и галуновъ, которая увлекла дѣла нѣкоторыхъ членовъ Коммуны. Генераль Кюзерэ, другъ республиканской простоты и демократической суровости, указавъ на это и отчасти прекратилъ это злоупотребленіе.

Генераль Кюзерэ имѣлъ тѣмъ болѣе на это право, потому что въ то время, когда онъ былъ въ министерствѣ, онъ самъ далъ прекрасный образецъ этой простоты. Этотъ генераль, военный министръ Коммуны, никогда не надѣвался мундира. Въ пальто, въ мягкой фетровой шляпѣ, съ палкой въ рукѣ, онъ первый вошелъ въ фортъ д'Изы, покинутый національной гвардіей, и снова возстановилъ тамъ федералистовъ.

Послѣ вылазки третьяго апрѣля онъ въ пальто, въ мягкой фетровой шляпѣ, съ палкой въ рукѣ, подъ страшнымъ огнемъ, съ поистинѣ удивительнымъ хладнокровіемъ, велъ войска коммунаровъ, которые выгнали версальцевъ изъ д'Асньера и заняли его.

Я не отрицаю злоупотребленій, которыя могли произойти и были неизбежны въ подобныхъ обстоятельствахъ. Единственно, что я поддѣлываю,—это, что преступленія во время революціи были малочисленнѣе и менѣе важны, чѣмъ тѣ, которыя происходили ежесекундно при обычномъ правительствѣ, называлось ли оно конституціонной монархіей, имперіей, или диктатурой версальцевъ. Я утверждаю еще, что ни при какомъ другомъ правительствѣ не было столько примѣровъ простоты, преданности, безкорыстія, такой высоты общаго нравственнаго уровня, какъ въ этотъ дѣсятокъ.

Во время моего пребыванія въ мэріи среди множества неприятностей, множества трагическихъ случайностей у меня было нѣсколько моментовъ счастья, о которыхъ я вспоминаю съ радостью.

Нѣкоторые декреты Коммуны были трудно исполнимы, тяжелы, но зато другіе исполнялись съ глубокимъ удовлетвореніемъ всѣми честными людьми, всѣми добрыми республиканцами-соціалистами.

Такъ было съ декретомъ о квартирной платѣ, несмотря на недостатки, на которые я указывалъ въ свое время.

Этотъ декретъ доставилъ намъ много работы. Множество бѣдныхъ людей, которымъ онъ былъ полезенъ, не смѣя вѣрить дѣйствительной защитѣ закона, боялись пользоваться своимъ

¹⁾ Приблизительно 38 и 50 коп. по курсу 71 года; еще въ 77 г. франкъ стоилъ только 28 коп.

правомъ. Съ другой стороны, себестоипики, привыкши видѣть всѣ привилегіи на своей сторонѣ и всѣ обязанности на сторонѣ квартирантовъ, убѣжденные долгой практикой и пристрастіемъ закона, что интересы ихъ кошелька безусловно священные и стоятъ выше всѣхъ разсужденій нравственнаго порядка и общественнаго блага, воспротивились исполненію декрета и угрожали своимъ упрямымъ квартирантамъ ¹⁾. Намъ пришлось поэтому въ теченіе многихъ недѣль играть роль мировыхъ судей, приглашать стороны въ свой кабинетъ, чтобы объяснить имъ новый законъ и слѣдить за точнымъ его исполненіемъ.

Я видѣлъ, по крайней мѣрѣ, съ какимъ благодарнымъ удивленіемъ узнавали бѣдные, что это вѣрно, что о нихъ позаботились и что въ первый разъ они находили дѣйствительную поддержку со стороны агентствъ власти. Это удивленіе было поистинѣ самой краснорѣчивой, самой жестокой сатирой надъ старымъ социальнымъ строемъ, сдѣлавшимъ теперь снова строемъ настоящаго. Несчастный такъ привыкъ видѣть въ законѣ врага, онъ такъ убѣжденъ, что окажется виноватымъ, всегда виноватымъ въ своей борьбѣ противъ привилегированныхъ, онъ такъ привыкъ, что его топчутъ безъ жалости высокомерно бездушные, всмогушіе богачи, что ему даже трудно сразу понять, что можетъ быть иначе.

Сколько разъ я велъ разговоры въ такомъ родѣ.

Женца на хочетъ переговорить съ членомъ Коммуны. Рубко, безпокойно входитъ она, одѣтая въ свое самое чистое платье, часто въ траурѣ. Она ждетъ, желая переговорить наединѣ.

— Гражданинъ,—наконецъ говорить она,—привѣд ли, ч о я могу переѣхать и увезти всю мебель, не заплативъ квартирной платы?

— Безусловно, гражданка. Развѣ вы не читали декрета Коммуны?

— Да, но я боюсь, что я его плохо поняла.

— Можете ли вы заплатить квартирную плату?

— Откуда? Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я безъ работы.

До сихъ поръ мы жили жалованьемъ моего мужа, гвардейца изъ такого-то батальона (2.25 с. въ день для женатыхъ). На это мы должны были прокормить троихъ дѣтей. Все, что можно было заложить, уже заложено.

Иногда бѣдная женщина оказывалась вдовой, мужъ кото-

рой былъ убитъ на аванпостѣхъ, или онъ былъ просто плѣннымъ или раненымъ, что одно и то же.

— Кто вашъ хозяинъ?

— Такой-то!

Большую часть упоминалось имя богатаго банкира, купца или предпринимателя, извѣстнаго въ околоткѣ своимъ богатствомъ.

— Итакъ, гражданка, вы можете перебраться, когда вамъ вздумается.

— И у меня ничего не возьмутъ?

— Ничего!

— Я могу взять свою мебель, мое бѣлье, мою одежду, моихъ дѣтей, мою швейную машину и т. п.?

— Вы можете увезти все.

— Но хозяинъ воспротивится этому. Онъ неумолимъ. Въ прошломъ году онъ велѣлъ схватить бѣдную женщину, мужа которой уже много мѣсяцевъ лежалъ въ больницѣ.

— Въ прошломъ году онъ дѣлалъ то, что хотѣлъ. Законъ былъ на его сторонѣ. Теперь законъ на сторонѣ справедливости. Собственность бѣднаго такъ же священна, какъ и собственность богатаго. Каждый долженъ нести свою долю общественныхъ страданій. Эта доля для всѣхъ называется безработица, зима безъ дровъ, дни безъ хлѣба, дѣти, больныя отъ недостатка пищи, разрушенное здоровье матери. Для него это будетъ уменьшеніемъ его обычныхъ доходовъ. Нравственность не допускаетъ, чтобы самые богатые грабили самыхъ бѣдныхъ, бросали на мостовую безъ пріюта, получали полный продуктъ вашего труда, чтобы избѣжать кратковременнаго денежнаго затрудненія. Если онъ станетъ окливать сопротивленіе вашему отъѣзду, приходите въ мэрію. Вы найдете тамъ необходимую поддержку.

Часто бѣдная женщина уходила со слезами на глазахъ, выразивъ самымъ трогательнымъ образомъ свое изумленіе и свою благодарность.

Мы пытались тогда объяснить ей, что она не должна насъ благодарить, что здѣсь вовсе не случайное человѣколюбіе, скрытое подаяніе, милостыня—однимъ словомъ, зблва, но что это только одно изъ тысячи приложений возсгеновленнаго права, справедливости и равенства.

Въ такіе и подобные этому моменты мы были счастливы, являясь представителями власти, имѣя возможность протянуть сильную и честную руку страждущимъ, поднять униженныхъ, дать доступъ свѣту въ тѣ глубокіе слои, гдѣ отчаиваются обездоленные, и сказать имъ:

¹⁾ Эти угрозы не должны были быть совершенно тщетными, потому что изъ 300 000 донесеній, адресованныхъ въ полицію въ течение нѣсколькихъ дней, послѣ возвращенія вѣдальцевъ, многие, конечно, были написаны хозяевами, которые возбуждали дѣло противъ квартирантовъ, пользовавшихся декретомъ Коммуны.

— Вставай, братъ, для тебя есть мѣсто!

Эти минуты радости были единственнымъ вознагражденіемъ для нѣсколькихъ убѣжденныхъ и бескорыстныхъ людей, которые пожертвовали будущностью и жизнью ради выполненія своего долга, которыхъ разстрѣляли, какъ преступниковъ, или съ которыми поступили, какъ съ дикими звѣрями.

Нужно отдать справедливость Коммунѣ: во время ея короткаго царствованія ни одинъ мужчина, ни одна женщ на, ни одно дитя, ни одинъ старикъ не были оставлены безъ крова, безъ тепла и безъ пищи, хотя ни одно правительство не было такъ воздержано, такъ скупое въ финансовыхъ вопросахъ и хотя Коммуна не дотронулась до безчисленныхъ богатствъ Парижа, богатствъ, принадлежащихъ самымъ непримиримымъ врагамъ Парижа.

Никогда такъ много не дѣлали съ такими малыми средствами.

Каждый получалъ свою долю. Я подразумеваю долю, на которую каждый человѣкъ имѣетъ право и которая обеспечиваетъ ему существованіе. Теперь, имѣя точные счета расходовъ коммунальнаго правительства, изумляешься, видя, съ какими небольшими средствами это правительство выдерживало страшную войну въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и изгнало голодь изъ всѣхъ очаговъ огромнаго народа, не работавшаго уже болѣе года.

Это одно изъ чудесъ истинной демократіи. Назначивъ себѣ плату рабочаго, эти работники социальнаго революціи, эти кровожадные диктаторы, оставшіеся бѣдными и не гильотинированшіе никого ¹⁾ за все время своего господства, находили средства удовлетворить всѣ эти потребности.

Народъ, пойми это и запомни!

Чтобы изобразить и описать Парижъ въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, нужно имѣть перо Виктора Гюго и кисть гениальнаго художника.

Сколько трогательныхъ, величественныхъ сценъ!

Я ихъ вижу еще, эти улицы Парижа, въ ихъ величественномъ спокойствіи и мужественномъ одушевленіи.

Пушка и шумъ картечи гремятъ безпрерывно въ ворота большаго города и злобщмъ эхо отдается въ центрѣ города. Ночью и днемъ слышенъ трескъ ружейной пальбы, глухой громъ разрывающихся гранатъ.

Бѣгъ барабанъ, это батальонъ идетъ въ огонь. У гражданъ важный и сосредоточенный видъ. Нѣтъ болѣе этой ве-

селости, съ которой презирали смерть передъ пруссаками. Тогда на битву шли какъ на праздникъ и не считали павшихъ. Важно ли—нѣсколькіе м. людьми больше или меньше? Развѣ вся Франція это—не огромный пятакъ къ людямъ? На одного пропавшаго найдется десять новыхъ! Тѣ, кто пали, свершили свой долгъ. Другіе должны замѣнить ихъ... по крайній мѣрѣ, Парижъ такъ думалъ.

Теперь совсѣмъ не то. Ихъ число составлено изъ героевъ, и, умирая, они привѣтствуютъ тебя, свобода! Никто не замѣняетъ ихъ, и рѣдкіе ряды не пополняются. Теперь умираютъ не просто люди, а гаснутъ свѣточи. Каждый революціонеръ, это, по малой мѣрѣ—лучезрный свѣточъ революціи, который не сожжетъ больше человечества своимъ свѣтомъ, не освѣтитъ дороги будущаго своимъ ослѣпительнымъ сіяніемъ!

Затѣмъ, эти французы, идущіе на смерть, помнятъ о томъ, что ихъ пули пронзятъ груди французамъ же. Эти мученики, которыхъ безоружными съ душой и подлой радостью душили старые служаки. Версаль, преторіанцы Винуа, сохраняютъ, несмотря на все, чувство жалости и братства къ тѣмъ, на кого они смотрятъ, какъ на сбитыхъ съ пути, приниженныхъ, покоренныхъ, лишенныхъ разсудка, благодаря дисциплинѣ, но все-таки своихъ братьевъ. Они воображаютъ, что эти сыны народа, которые завтра вернутся снова въ народъ, сохранили, за рѣдкими исключеніями, подъ мудрымъ смутное чувство солидарности, которое должно объединить всѣхъ несчастныхъ, всѣхъ послѣднихъ и наиболѣе обездоленныхъ членовъ подлаго социальнаго строя, той солидарности, которую намъ завѣщала эпоха варварства и религіи. Они проклинаютъ, они ненавидятъ начальниковъ, офицеровъ. Для нихъ нѣтъ жалости, но для остальныхъ, для стада рабовъ...

Они забываютъ, что эти солдаты—крестьяне, ушедшіе изъ деревни съ ненавистью въ сердцахъ противъ городского рабочаго, особенно противъ парижскаго.

Они забываютъ, что эти люди, систематически деморализованные университетской привычкой къ пассивному повиновенію въ казармѣ, видя своихъ генераловъ, украшенныхъ орденами за декабрскія убійства, за разстрѣлъ въ д'Обенѣ (d'Aubin) или въ Рамари (Ramari), смотрятъ на гражданскую войну какъ на обыкновенную войну, во время которой солдаты болѣе берегутъ и утруждаютъ имъ порцію водки.

Они забываютъ, что эти войска Бенапарта не прощаютъ Парижу его геройскаго сопротивленія пруссакамъ и продолженія войны, которая продлила ихъ утомленіе, опасности и ихъ заточеніе въ крѣпостяхъ торжествующей Германіи.

¹⁾ Кровопролитная расправа началась только 23 мая, а Коммуна палила въ послѣдній разъ 22 мая. Въ теченіе слѣдующей недѣли члены Коммуны, которые могли собираться, занялись бѣгствомъ и не управляли болѣе.

Это твердили имъ ихъ офицеры, и только это было доступно солдатскому тупоумію, привытому къ невѣжеству крестьянина. На обратномъ пути, когда миръ подписанъ, когда они надѣялись покончить съ ночами, проводимыми въ палаткахъ или въ траншеяхъ подъ градомъ картечи, ихъ приводила въ ярость необходимость начать новую кампанію, и они безжалостны съ этими неисправимыми парижанами!

Между тѣмъ, батальоны федералистовъ проходятъ по улицамъ среди волнующейся и сочувствующей имъ толпы. Во главѣ, позади ѣдущаго верхомъ нач. лнника батальона, идутъ маркизанти, молодыя женщины, кокетливыя до самой смерти, чопорныя въ своихъ красивыхъ военныхъ костюмахъ, съ боченкомъ водки, съ походнымъ котелкомъ на перевязи, маленькой саблей съ боку. Онѣ идутъ впередъ рѣшительнымъ шагомъ и, смѣшивая улыбку женской гордости съ величіемъ драмы, кажутся цвѣтами, распускающимися на могилахъ. Затѣмъ, на полѣ битвы вы увидите, какъ онѣ хл. днокровно бѣгутъ къ раненымъ, подбираютъ убитыхъ или, схвативъ ружье, стрѣляютъ, чтобы отомстить за возлюбленнаго, за мужа, за брата, убитаго или раненаго. Эти сестры милосердія революціи, не вѣря сами въ чудеса, совершаютъ чудеса преданности и героизма.

Передъ мэріей полкъ останавливается. Они берутъ свое знамя, красное знамя съ золотой бахромой, украшенное фригійскимъ колпакомъ; на немъ номеръ батальона, а посерединѣ слѣдующая, вышитая золотомъ надпись: «П а р и ж с к а я К о м м у н а».

Они не хотѣли идти въ огонь со старымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, которое вчера валялось въ грязи Седана, которое купается сегодня въ крови народа, которое перешло отъ Бонапартовъ къ Луи-Филиппу и которое Трошю оскверненнымъ, но неприкосновеннымъ передалъ въ руки Тьера.

Батальонъ построился въ каррѣ на площади с офицерами и музыкой посрединѣ. Члены Коммуны съ перевязью на боку выходятъ, неся знамя революціи. Они безбоязненно отдають его въ эти руки, загрубѣвшія отъ работы, почернѣвшія отъ пыли. Въ нѣсколькихъ словахъ они напомнили борцамъ о величій дѣла, за которое лилось, льется и будетъ литься столько крови.

Они обходятъ ряды, выслушивая заявленія, обмѣниваясь братскимъ рукопожатіемъ. Барабанъ забилъ въ походъ, знамя развернулось, раздался единодушный крикъ:

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ Коммуна! —

вырвавшийся изъ всѣхъ этихъ грудей, большинство ко-

торыхъ поднимется, можетъ быть, только для предсмертнаго вздоха. Музыка заиграла Марсельезу. и старцы съ сѣдыми волосами, мужчины зрѣлаго возраста, молодые люди—энтузіасты, смѣющіяся женщины направились къ той части города, гдѣ все окутано густымъ дымомъ, изборозженнымъ молніями, гдѣ раздаются непрерывные оглушительные смертельные взрывы.

Сколько разъ сжималось мое сердце, видя какъ они идутъ такимъ образомъ. Сколько разъ слезы подступали къ глазамъ моимъ, когда я говорилъ имъ, что побѣда зависитъ отъ ихъ усилий! Партія была начата, нужно было играть до конца и сдѣлать все человѣчески возможное, чтобы выиграть. хотя побѣда дѣлалась все болѣе и болѣе сомнительной, и какъ это бывало тяжело иной разъ!

Что это за новый бой барабана? Какіе это новые батальоны собираются передъ Думой?

Совершенно другой видъ!

Люди блѣдны и усталы. Одежда покрыта пылью и грязью. Знамя виситъ лохмотьями вокругъ древка. Выраженіе лицъ сурово и печально, но безъ унынія.

Они вышли изъ горнила!

Это—оставшіеся въ живыхъ!

Они пришли показать Коммунѣ то, что они сдѣлали, и посоветовать ей бороться до тѣхъ поръ, пока не падетъ послѣдній боецъ. Въ награду они просили помѣстить ихъ знамя, зіяющее ранами, въ залѣ засѣданія, — знамя, которымъ они гордились и передъ которымъ, когда они идутъ, толпа снимаетъ шапки, знамя въ лоскуткахъ, — гербъ ихъ революціонной доблести.

Коммуна прервала свое засѣданіе и толпою смѣшалась съ этими героями, апостолами социальнаго благовѣщенія. Они спрашивали офицеровъ:

— Сколько человекъ вы потеряли?

Увы! цифра эта всегда ужасна. и каждый разъ она увеличивается. потому что борьба приближается и дѣлается болѣе кровопролитной. А тѣ которые остались? — Они готовы начать снова. Нѣсколько дней отдыха, время, чтобы обнять своихъ жечь, дѣтей, старыхъ отцовъ, и съ первымъ боемъ барабана они будутъ всѣ въ сборѣ.

Слышать, видѣть это и быть побѣжденными!

Въ концѣ концовъ, никто не заботился о томъ, чтобы скрыть число убитыхъ, скрыть истинныя потери, и въ этомъ отношеніи Коммуна дѣйствовала такъ, какъ не рѣшалось дѣйствовать ни одно правительство. Потому что она,

несмотря на свои ошибки, несмотря на свои заблужденія, несмотря на полную неспособность многихъ своихъ членовъ, была в нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямымъ воплощеніемъ парижскаго народа, и сердце ея билось всегда въ унисонъ съ сердцемъ великаго города. Далекая отъ того, чтобы хоронить мертвыхъ новою въ тайномъ мѣстѣ, Коммуна проносила ихъ среди бѣла дня по люднымъ улицамъ столицы, воздавая имъ съ гордостью, полной величія, послѣднюю дань уваженія, которая была въ то же время высшимъ протестомъ противъ той варварской расточительности, съ какой вожди прошлаго проливали самую благородную кровь Франціи.

Обращеніе къ парижскому народу на такомъ героическомъ языкѣ доказывало, впрочемъ, хорошее пониманіе его психологіи.

Видъ этихъ безконечныхъ рядовъ траурныхъ дрогъ, который смутилъ бы всякое другое человѣческое общество въ обычныхъ условіяхъ, поднималъ сердца этого народа на высоту поставленной цѣли.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ единственная мѣсть, единственный отвѣтъ Коммуны заключался въ томъ, что, поднявъ къ небу руки, обогрѣнные собственной кровью, она какъ бы призывала вселенную въ свидѣтели варварства враговъ и указывала исторіи на то, какой противоположностью имъ является этотъ народъ, предоставленный бѣшенству реакціи, народъ, который изъ всѣхъ правъ войны выбралъ одно право—умереть, защищая справедливость для всѣхъ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ она выставляла напоказъ толпѣ трупы ихъ дѣтей, гордо говоря:

— Считайте ваши жертвы. Они исполнили свой долгъ, слѣдуйте ихъ примѣру!

И этотъ языкъ слушали, понимали, и всѣ эти мужчины, обнажавшіе голову, всѣ эти женщины, склонявшіяся передъ зрѣлищемъ смерти, не чувствовали ни страха, ни слабости. Передъ ними не скрывали опасности. Ее выставляли напоказъ. Они знали, чего это стоило, и не отступали.

Нѣтъ ничего лучше, проще и краснорѣчивѣе.

Для всѣхъ одинаковыя черныя дроги безъ всякаго украшеній, кромѣ красныхъ знаменъ и длиннаго крепа на четырехъ углахъ кареты. Впереди барабанщики, также покрытые крепомъ, черезъ правильные промежутки отбиваютъ похоронную дробь. Позади музыка легіона; играютъ маршъ, составленный нѣсколькими капельмейстерами, который является удивительно выраженной смѣсью слезъ и стойкой рѣ-

шимости. За ними цѣлый рядъ похоронныхъ дрогъ, иногда 30—40 въ рядѣ. Когда жатва была слишкомъ обильна, число убитыхъ слишкомъ велико, въ большія кареты клали отъ 4 до 6 гробовъ, складывая ихъ другъ на друга. По бокамъ—рядъ національныхъ гвардейцевъ, участвовавшихъ въ кампаніи, съ ружьями дуломъ внизъ. За дрогами вдовы, сироты, родители, члены Коммуны этого округа или представители муниципалитета и офицеры всѣхъ степеней, не имѣющіе службы на аванпостахъ. Друзья, рабочія депутаціи и вооруженная рота замыкали шествіе.

Этотъ длинный кортежъ медленно подвигается среди собравшейся толпы, и никто никогда не оставался равнодушнымъ, хотя это зрѣлище повторялось во всѣхъ кварталахъ ежедневно и даже нѣсколько разъ въ день. Большая часть была похоронена на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. Проходили черезъ площадь Бастиліи; кортежъ обходилъ вокругъ колонны Свободы. Всѣ обнажали головы, барабаны били въ походъ.

Этотъ народъ приходилъ сказать іюльскимъ бойцамъ 1830 г.:

— Вотъ ваши сыновья! Они бились и умерли, какъ и вы, чтобы обезпечить лучшую судьбу своимъ дѣтямъ. Теперь они соединяются съ вами, они достойны васъ!

Потомъ длинная цѣпь направлялась въ улицу Ракетъ черезъ предмѣстье Антуанъ.

Я и сейчасъ помню первыя похороны въ четвертомъ округѣ.

Было воскресенье. Ослѣпительное солнце заливало городъ мягкимъ весеннимъ свѣтомъ, пробуждающимъ жажду жизни. Нарядная толпа оживляла улицы, наполняла бульвары особенно по направленію къ Елисейскимъ полямъ. Съ площадки Тюльери, съ площади Конжордъ ясно слышался шумъ битвы, и голубое веселое небо покрывалось тучами дыма. Это разрывались гранаты и картечницы. Природа справляла праздникъ, воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ первыхъ листьевъ. Масса народа, гдѣ преобладали женщины въ весеннихъ костюмахъ, молодость и грація — залогъ веселья и долгаго будущаго — смѣшивались съ цвѣтущими кустами, покрывали зеленыя лужайки до хосма дворца промышленности.

Далѣе черная линія пересѣкала Елисейскія поля. Это кордонъ національныхъ гвардейцевъ, возвышавшій, что тамъ начинается область смерти и борьбы безъ пощады, что со всѣмъ близко тысячи людей, французовъ, дерутся съ мрачной яростью, потому что нашелся во Франціи городъ, кото-

рый ушелъ изъ-подъ каблука Тьера, нашлся народъ, который, не имѣя возможности спасти отечество, хотѣлъ спасти революцію и отказался отдать свое, еще красное отъ крови нѣмцевъ оружіе измѣнникамъ, друзьямъ нѣмцевъ, заговорщикамъ и друзьямъ имперіи.

Версальскіе снаряды падали въ нѣсколькихъ метрахъ отъ кордона національныхъ гвардейцевъ, покрывая пылью и неся смерть всѣмъ этимъ женщинамъ, этимъ дѣтямъ, этимъ старикамъ, и отзывались въ сердцахъ тысячъ безобидныхъ созданий, какъ звонъ по умершимъ.

Въ этотъ весенній праздничный день ихъ рѣзкій свистъ и глухой грохотъ были единственнымъ шумомъ, раздававшимся надъ блестящей и нѣмой толпой.

Въ этотъ день намъ пришлось похоронить троихъ убитыхъ. Это были предвѣстники ужасной дѣйствительности четвертому легіону. Ихъ помѣстили въ амбулаторіи Елисейскихъ полей въ Промышленномъ дворцѣ. Въ два часа кортежъ, собравшійся передъ главною дверью, двинулся въ путь, пролагая себѣ дорогу черезъ волны народа. Было только трое убитыхъ, а потому только три похоронныхъ кареты; красныя знамена дерзко развѣвались въ прозрачномъ воздухѣ. Кортежъ пошелъ по улицѣ Риволи, прошелъ передъ Тюльери, передъ Думой и Юльской колонной и поднялся по улицѣ Рокетъ, чтобы попасть на Пэръ-Лашезъ, гдѣ были приготовлены три могилы.

Пять членовъ Коммуны четвертаго округа пожелали проводить до послѣдняго жилища эти первыя жертвы гражданской войны. Вездѣ, гдѣ проходилъ кортежъ, толпа стояла стѣной и, растроганная и благоговѣйная, обнажала головы передъ этими тремя безымянными жертвами, именъ которыхъ не сохранить исторія.

Я видѣлъ женщину, украдкой вытиравшихъ слезу, — не женщину народа, — она не плачетъ, — а женщину въ богатыхъ туалетахъ, потому что въ этотъ моментъ почти весь Парижъ сильно и глубоко негодовалъ противъ святотатственной атаки версальцевъ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ рабочимъ кварталамъ, изъ толпы стали вырываться крики гнѣва и клятвы мщенія.

Мнѣ вспоминается фигура одной старой женщины изъ народа на улицѣ Рокетъ. Ея изобразженное морщинами лицо было сурово. Весь ея обликъ дышалъ энергіей. Ея безпокойный взглядъ какъ бы искалъ чего-то. Внезапно она остановилась: она замѣтила красныя перевязки Коммуны. Ея

лицо преобразилось, освѣтившись надеждой и энтузіазмомъ, и я, проходя возлѣ, слышалъ, какъ она прошептала:

— Вотъ они!

И ея взглядъ почти съ материнскою нѣжностью остановился на насъ. Можно было подумать, что она отыскала своихъ давно потерянныхъ, давно ожидаемыхъ сыновей, которыхъ она не надѣялась больше увидѣть.

Мною овладѣло въ этотъ моментъ чувство, уже испытанное мною при объявленіи Коммуны, — чувство страшной отвѣтственности.

Эта невѣжественная женщина, въ своей наивной вѣрѣ, очевидно, считаетъ насъ способными спасти революцію, и плохой пріемъ встрѣтилъ бы тотъ, кто предсказалъ бы ей ближайшее будущее.

Бѣдная женщина!

На всемъ огромномъ пространствѣ нашлся только одинъ, который не обнажилъ головы. Национальный гвардеецъ изъ конвоя безшумно приблизился къ нему и хладнокровно, ударомъ ладони сбросилъ шляпу этого человѣка въ ручей.

Какъ сейчасъ вижу я три гроба, братски положенные одинъ около другого въ огромной могилѣ; родственниковъ, друзей, національныхъ гвардейцевъ, пришедшихъ возложить вѣнки и покрывшихъ ихъ дождемъ безсмертниковъ.

Это были привилегированные! Они умерли съ вѣрой въ побѣду, и любившіе ихъ знаютъ, гдѣ найти ихъ могилу.

Я расскажу только еще о похоронахъ одного артиллериста.

Когда я пришелъ на мѣсто собранія, — въ этотъ день я былъ одинъ, — я увидалъ позади гроба троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было не больше десяти лѣтъ, державшихся за руки, и молодую еще вдову, отчаяніе которой такъ надломило ея силы, что ее съ трудомъ поддерживали. Я усадилъ ее въ карету, въ которой пріѣхалъ, такъ какъ иначе она не могла слѣдовать за погребальнымъ шествіемъ.

Это происходило около середины мая мѣсяца. Ужасная дѣйствительность пораженія была уже очевидна. Уже можно было предвидѣть, что всѣ эти человѣческія жертвы только продлятъ агонію Парижа, но спасти его уже не въ состояніи. Я уже не могъ слышать барабана, не могъ видѣть марширующихъ батальоновъ, не задаваясь вопросомъ, что будетъ съ этими людьми; меня охватывалъ ужасъ и отчаяніе при видѣ участи, которая ихъ ожидала. Можно было уже

предчувствовать, что смерть парить надъ всѣми головами, вѣрившими въ революцію.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ чувствъ я произнесъ передъ этой могилой рѣчь, которую можно резюмировать такъ:

«До сихъ поръ, граждане, вы боролись за торжество идеи, ради великой цѣли освобожденія и прогресса. Теперь вы знаете вашихъ противниковъ. Вы знаете, что они бездушны, и вы должны бороться, чтобы отстаивать свою жизнь, жизнь вашихъ женъ, вашихъ дѣтей и вашихъ отцовъ противъ мести реакціи.

«Не создавайте себѣ иллюзій. Не только ваши начальники рискуютъ головой въ этой гигантской борьбѣ. Всѣ вы обречены на смерть, если наши враги восторжествуютъ. Поймите меня, когда я говорю: всѣ. Я говорю не только о тѣхъ, кто взялъ ружье и совершилъ энергичный поступокъ. Нѣтъ! Версаль хочетъ уничтожить весь Парижъ, этотъ народъ, который можно побѣдить, но нельзя обезличить, который можно заковать, но который и въ пораженіи и подъ ярмомъ сохранить свою свободную мысль, свое уничтожающее презрѣніе и ненависть. Этотъ народъ не получитъ прощенія, этотъ городъ, голова и руки современной революціи, не можетъ надѣяться на пощаду. Васъ убьютъ всѣхъ безъ разбора не за то, что вы совершили въ такой-то и такой-то день, а за то, что вы способны совершить и что вы думали объ этомъ. Васъ убьютъ, не разбирая ни пола, ни возраста, ни чиновъ, потому что они всѣхъ безразлично боятся, потому что они понимаютъ, что вы всѣ безъ различія являетесь судьями, которыхъ нельзя купить, совѣстью, которую нельзя заглушить, всѣ вы виновны въ томъ, что думали, надѣялись, желали».

Шесть недѣль спустя, въ убѣжище, куда я ускользнулъ отъ розысковъ полиціи, завладѣвшей Парижемъ, человекъ, вырвавшій меня изъ рукъ смерти, давъ мнѣ пріютъ, принесъ мнѣ отвѣтъ пресмника Пістри, жандарма Валентина, у котораго просили освобожденія одного парижанина, арестованнаго по ошибкѣ и не принимавшаго никакого участія въ движеніи:

«Фактъ пребыванія въ Парижѣ во время Коммуны есть уже преступленіе. Всѣ виновны въ этомъ, и если бы это зависѣло отъ меня, то всѣ были бы наказаны» *).

Жандармъ Валентинъ былъ правъ.

*) Я ручаюсь за точную подлинность этого отвѣта.

Въ то время, какъ я говорилъ у этой могилы, я услышалъ рыданія позади себя.

Лишь только я окончилъ, какъ молодой человекъ, съ лицомъ, смоченнымъ слезами, приблизился и, протягивая руку, сказалъ:

— Я клянусь отомстить за тебя!

Это былъ старшій братъ.

Я не имѣю намѣренія описывать положеніе національныхъ гвардейцевъ подъ непріятельскимъ огнемъ. Во времена Коммуны я принималъ только косвенное участіе въ настоящей битвѣ, хотя и не такой большой, какъ во время первой осады. Не менѣе важныя и не менѣе значительныя обязанности удерживали меня внутри Парижа, въ Коммуны или въ моемъ округѣ. Я не буду и не долженъ, слѣдовательно, говорить о томъ, что происходило за стѣнами. Другіе уже отчасти рассказали о томъ, что тамъ дѣлалось.

Ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями, которыя мнѣ кажутся характерными.

Какъ я уже говорилъ, чего никто теперь не станетъ отрицать, никогда Парижъ не пользовался такимъ абсолютнымъ спокойствіемъ и такой матеріальной обеспеченностью. Не было болѣе ни полиціи, ни магистратуры. Ни жандармовъ, ни судей. И ни одного преступленія! Кромѣ постовъ въ мѣрѣяхъ, въ разныхъ министерствахъ, въ Думѣ, никакой вооруженной силы ни на улицахъ, ни въ предмѣстьяхъ, ни въ возбужденныхъ кварталахъ. Но каждый гражданинъ вооруженъ и заботится о собственномъ благополучіи и о благополучіи другихъ.

Никогда также ни одно правительство не имѣло такой хорошей охраны, какъ правительство Коммуны, засѣлавшее въ Думѣ. Тамъ сосредоточивались всѣ заботы народа и тамъ было невозможно какое бы то ни было происшествіе. Въ этомъ отношеніи я могу засвидѣтельствовать честность, пониманіе, неслыханную точность, съ какими національная гвардія выполняла приказы, важность которыхъ была ей понятна. Я могу засвидѣтельствовать, съ какой преданностью наши федералисты, безропотно, превозмогая усталость, ни на минуту не прерывали усиленнаго надзора.

Такъ какъ всегда можно было опасаться заговора, измѣны, нападенія, то послѣ десяти часовъ вечера безъ пароля нельзя было больше имѣть доступа въ Думу, выйти или войти въ нее.

Безполезно имѣть перевязь члена Коммуны, бесполезно показывать свой пропускъ.

— Велкий может достать персяхъ или украсть карточку,—отвѣтилъ вамъ часовой.

Несмотря на то, что часовые мѣнялись ежедневно, никогда никого я не могъ поймать на ошибкѣ въ этомъ отношеніи. Мнѣ вспоминается одна ночь. Было холодно. Уже нѣсколько часовъ шелъ проливной дождь. Была такая погода, когда «добрый хозяинъ собаки не выгонитъ». Улицы были пусты. Нигдѣ не видно было часовыхъ. Я подумалъ, что они, продрогнувъ отъ холода, прекратили свой обычный надзоръ, считая его излишнимъ, въ виду полнѣйшей пустоты окрестностей. Было два часа утра. Я выходилъ изъ комитета общественнаго спасенія и пошелъ впередъ не думая быть задержаннымъ. Какое заблужденіе! Черезъ каждые десять шаговъ тѣнь, выйдя изъ-подъ защиты воротъ, выступа стѣны, передней стороны лавочки, кричала мнѣ: «кто идетъ?», требуя пароля. Ни одинъ человекъ не оставилъ своей службы. Ни одинъ не спалъ! Наилучше дисциплинированная армія не могла бы достигнуть такой степени совершенства.

Самая лучшая охрана, это—охрана народа.

Еще одна послѣдняя подробность, и я покончу съ этой стороной вида Парижа.

Была опять ночь. Мы приближались къ катастрофѣ, отъ которой насъ отдѣляло восемь дней. День былъ ужасенъ. Похороны, болѣе многочисленныя, чѣмъ всегда, наполняли городъ. Мы потеряли массу народа. Батальоны, вернувшіеся съ аванпостовъ, пришли ужасно порѣдѣвшими. Всѣ начинали терять надежду; предоставленный собственнымъ, ежечасно уменьшающимся силамъ, видя приближеніе страшной развязки, Парижъ боролся съ энергіей и рѣшимостью отчаянія.

Траншеи версальцевъ приближались и были уже не болѣе какъ въ нѣсколькихъ метрахъ отъ стѣны. Огненный кругъ суживался. Раскаты становились все болѣе и болѣе явственными даже въ центрѣ города, и парабола, описываемая летящей бомбой, все болѣе склонялась къ центру столицы, угрожая попасть ей прямо въ сердце.

Въ эту ночь я поздно вернулся къ себѣ и на нѣсколько минутъ бросился, не раздѣваясь, на свою постель. Я жилъ въ это время на улицѣ Риволи на углу площади Бастиліи. Я дремалъ очень недолго, какъ вдругъ смѣшанный шумъ, поднявшійся по улицѣ, и топотъ ногъ огромной толпы внезапно разбудили меня. Я вскочилъ съ кровати, отворилъ окно и высочилъ на балконъ.

Была чудная ночь между 2 и 3 часами утра. Небо было чисто и все покрыто звѣздами. Вдали, противъ меня, видна была бомбардировка двухъ фортовъ, выше вокзала желѣзной дороги на Венсенъ. Каждую секунду горизонтъ вспыхивалъ двумя или тремя огромными искрами, потомъ масса огненныхъ змѣй прорѣзывала небо и, сбившись въ два шара, разбѣгалась въ противоположныя стороны. Этотъ дождь огня указывалъ положеніе двухъ фортовъ. Нѣсколько минутъ спустя громъ потрясъ стекла моего окна и прокатился по улицамъ. Наклонившись направо, я увидалъ по направленію къ Елисейскимъ полямъ, за Тюльери, другой, еще болѣе страшный горизонтъ. Тамъ густой дымъ покрывалъ голубое небо. Молніи, непрерывно слѣдуя другъ за другомъ, все время освѣщали густую атмосферу, и глухой непрерывный трескъ пушекъ раздавался со страшнымъ однообразіемъ, иногда прерываемымъ болѣе сильнымъ громомъ, когда одна изъ пушекъ съ длиннымъ жерломъ, которой не пользовались даже противъ пруссаковъ, несла смерть въ самое сердце Парижа.

Можно было подумать, что страшный ураганъ разыгрывается въ одномъ углу города, одинъ изъ тѣхъ урагановъ, которые проходятъ иногда по полямъ послѣ сильной лѣтней жары, оставляя послѣ себя разрушеніе и опустошеніе. Это, дѣйствительно, былъ ураганъ, ураганъ желѣза и жерсины, убійственный ураганъ, поднятый представителями непримиримаго прошлаго противъ будущаго, снова повергнутаго во прахъ.

Въ этотъ вечеръ ко всему этому освѣщенію, ко всему шуму смерти присоединилось зловѣщее зарево дома на вершинѣ предмѣстья Онорэ, пробитаго зажигательнымъ снарядомъ.

Я опустилъ глаза и посмотрѣлъ внизъ. Три батальона федералистовъ проходили передъ домомъ, и шумъ ихъ шаговъ вывелъ меня изъ моего полусна. Кромѣ нихъ, никого не было видно на опустѣвшей улицѣ. Они шли къ Елисейскимъ полямъ, направляясь, вѣроятно, къ воротамъ Нельи, и видѣли передъ собою во всемъ своемъ ужасающемъ великолѣпіи эту огромную раскаленную пропасть, которая должна была ихъ поглотить. Они могли заранѣе прочесть свою судьбу, начертанную гигантскими огненными буквами на окровавленномъ небѣ. Тамъ не было никого, кто бы могъ поощрить ихъ взглядомъ. Ихъ не провожала толпа, возбуждающая то самолюбіе, которое влечетъ и поощряетъ крабрыхъ. Они шли по обязанности, одни, имѣя единствен-

и мѣ товарищемъ, единственной поддержкой среди этой ночи, полной мрачныхъ угрозъ и подавляющаго ужаса,—долгъ!

Я смотрѣлъ на нихъ. Съ сумкой на спинѣ, въ шинели, туго загнутой у пояса, съ ружьемъ на плечѣ, сдержанные и рѣшительные, шли они мѣрнымъ шагомъ съ легкимъ безпорядкомъ, обычнымъ въ рядахъ войска, которое знаетъ, что никто не наблюдаетъ за нимъ, и позволяеть себѣ небольшую вольность въ послѣдній моментъ передъ битвой, изъ которой многие не возвратятся.

На ходу они пели, но вполголоса, чтобы не разбудить уснувшаго города. Это была полувосенная, полусаатирическая пѣсня, одна изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя рождаются въ Парижѣ каждый день, гдѣ доброе расположение чувствуетъ изъ-за гнѣва, гдѣ иронія смѣшивается съ угрозой.

Кто видѣлъ ихъ? Кто ихъ слышалъ? Они были таковы, какими создала ихъ природа и твердое убѣжденіе, и никто не долженъ былъ знать, что въ эту ночь нѣсколько сотъ парижанъ величественно, съ улыбкой на устахъ, пошли на смерть.

Я слѣдилъ за ними глазами до тѣхъ поръ, пока они не скрылись, потомъ слушалъ шумъ пушекъ и считалъ молніи.

Можно было бы написать цѣлую книгу о Парижѣ во время Коммуны, книгу поучительную и утѣшительную, картину высокой нравственности, революціоннаго энтузіазма, наивности, радостей и иллюзій народа. Народъ этотъ дѣлается мраченъ и страшенъ только подъ ножомъ, когда каждый борется изъ-за груды труповъ не для того, чтобы побѣдить, не для того, чтобы спасти свободу или жизнь, но чтобы отомстить за свою смерть и смерть своихъ. Тогда въ послѣднихъ конвульсіяхъ агоніи революція простираетъ свои мощныя, болѣе не управляемая разумомъ руки, чтобы захватить съ собою въ пропасть, которая ихъ должна была поглотить, палачей и убійцъ, упивающихся ихъ кровью.

Тотъ, кто напишетъ эту книгу, полную слезъ и смѣха, полную ярости и кротости, тотъ, если онъ видѣлъ и чувствовалъ, если его сердце билось въ унисонъ съ сердцемъ Парижа, если его душа могла подняться до неслыханной высоты этихъ дней борьбы, надежды, преданности и паденія, тотъ не только создастъ прекрасное произведеніе, которое сохранится, но тотъ сдѣлаетъ и хорошее дѣло.

Я лично не настаиваю на большемъ. Я могъ наблюдать только мелькомъ, урывками, нѣсколько секундъ. Нѣко-

торыя изъ полученныхъ впечатлѣній я пытался запечатлѣть, но меня отвлекали другія обязанности.

Но все-таки я не могу оставить этой картины Парижа, не упомянувъ о манифестаціи франкъ-масоновъ.

Со сценической точки зрѣнія это было, на ряду со днемъ объявленія Коммуны, самый прекрасный день революціи. Онъ былъ, если можно такъ сказать, заключеніемъ, такъ же, какъ другой былъ началомъ. Это было какъ бы послѣднимъ лучемъ солнца, который скользитъ между тучами въ то время, какъ, собираясь со всѣхъ сторонъ горизонта глубокими массаами, тучи сливаются, чтобы покрыть однообразнымъ саваномъ испуганную природу.

Былъ полдень. Роскошное солнце наводняло Парижъ свѣтомъ. На площади передъ Думой собралось десять тысячъ франкъ-масоновъ со своими орденами и знаменами блистающими золотомъ, серебромъ и шелкомъ. Всѣ эти ордена, которые въ обычное время могутъ показаться ребячествомъ и раздражать напоминаніемъ о нравахъ и мистеріяхъ прошлаго столѣтія, въ этотъ день пріобрѣли важный видъ и способны были произвести впечатлѣніе. Здѣсь въ первомъ ряду были великіе учителя, почти все старики съ сѣдыми волосами.

Депутація проникла во внутренній дворъ, называемый дворомъ Людовика XIV. Этотъ стеклянный дворъ, окруженный галлереей изъ колоннъ краснаго порфира быть украшенъ двойной лѣстницей изъ бѣлаго мрамора съ золотыми перилами, съ площадкой наверху. На этой лѣстницѣ собралась вся Коммуна въ своихъ красныхъ шарфахъ. Наверху развѣвалось огромное знамя ярко-пурпурнаго цвѣта.

Гражданинъ Тирифокъ, очень добрый и мужественный человекъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ, самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ преданныхъ современныхъ франкъ-масоновъ, взялъ слово и заявилъ, что франкъ-масонство присоединяется къ Коммунѣ, но, что оно считаетъ своею обязанностью сдѣлать послѣднюю попытку передъ версальскимъ правительствомъ, чтобы прекратить кровопролитіе.

«Если эта попытка, — прибавилъ братъ Тирифокъ, — окончится неудачей, если хоть одна пуля, если хоть одинъ осколокъ гранаты разорветъ одно изъ нашихъ знаменъ мира и братства, мы осудимъ ихъ, мы всѣ здѣсь присутствующіе, отказавшись на время отъ своей миссіи мира и братства сдѣлаемся защитниками справедливости, возмемъ наши ружья и, покрытые нашими масонскими орде-

нами, пойдёмъ въ огонь, во главѣ батальоновъ федералистовъ. Сегодня мы поставимъ свои знамена на окопахъ, всюду, гдѣ идетъ бомбардировка, и пойдёмъ на Версаль, чтобы заставить ихъ выслушать голосъ милосердія и справедливости».

Гражданинъ Беслай, старшій по возрасту членъ Парижской Коммуны, а также самый старшій среди парижскаго франкъ-масонства, отвѣтилъ брату Тирифокъ нѣсколькими трогательными словами. Гражданинъ Феликсъ Пиа также взялъ слово, чтобы объяснить, что вся Коммуна хотѣла бы пойти въ огонь съ франкъ-масонами, но она связана другими обязанностями; а такъ какъ ни одинъ изъ членовъ не хотѣлъ отказаться отъ этой опасной чести, то они рѣшили прибѣгнуть къ жребію.

Феликсъ Пиа оказался среди выбранныхъ и радовался этому.

Братъ Тирифокъ держалъ бѣлое знамя, на которомъ золотыми буквами было написано:

«Любите другъ друга!»

Гражданинъ Беслай взялъ его отъ имени Коммуны, а братъ Тирифокъ получалъ для франкъ-масоновъ красное знамя народа.

Тогда они двинулись назадъ; два старца, братски несущіе бѣлое знамя мира и красный штандартъ революціи, ва ними десять тысячъ масоновъ, каждая ложа со своимъ собственнымъ знаменемъ. Огромный corteжъ мимо расстроенной толпы, при многократныхъ крикахъ: «Да здравствуетъ Коммуна!» поднялся на улицу Риволи, остановился передъ Бастильской колонной, потомъ по бульвару предмѣстья Онопэ направился къ окопамъ, гдѣ братья, вѣрные своему обѣщанію, водрузили свои мирныя знамена передъ изумленнымъ врагомъ.

Депутация отправилась въ Версаль. Братъ Тирифокъ видѣлъ Тьера, говорилъ съ нимъ, и Тьеръ, старикъ, стояшій уже одной ногою въ гробу, оказался немолчимымъ передъ другимъ старикомъ, сѣдины котораго, казалось, должны были растрогать и напомнить, что смерть, которую онъ держитъ въ рукѣ, простертой надъ головой цѣлаго народа, показала уже свои когти на его пожелтѣвшемъ черепѣ.

Неумолимый, онъ отвѣчалъ, что Парижъ долженъ сдаться, и онъ накажетъ вичорныхъ.

Этотъ день былъ послѣднимъ днемъ надежды и иллюзій для Парижа.

Видя эту длинную процессію людей, мирныхъ, уважаемыхъ, извѣстныхъ своею честностью всему міру, коммерсантовъ, высокопоставленныхъ лицъ, которыхъ нельзя было оклеветать, какъ массу народа, обвинить въ алчныхъ желаніяхъ и гнусныхъ страстяхъ, Парижъ думалъ одну секунду, что Версаль будетъ тронутъ и пойметъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ возстаніемъ, а съ истинной и великой революціей.

Я уже говорилъ, что это ничего не значило для Версаля, который можно было этимъ только сильнѣе раздражить противъ Парижа.

Парижъ думалъ также, что эта внушительная манифестация франкъ-масонства подѣйствуетъ на провинцію, откроетъ ей глаза, что поднимется многочисленное франкъ-масонство всей Франціи и сдѣлаетъ подобныя же попытки или возбудитъ народъ большихъ городовъ.

Оно ничего не сдѣлало. Оно не могло ничего сдѣлать.

Уже давно франкъ-масонство было только тѣнью, живущей прошлымъ. Это не больше, какъ воспоминаніе; туда принимали, какъ въ салонъ, такъ какъ это не было важно и не имѣло значенія. Между членами не существовало больше солидарности, особенно политической солидарности.

Между офицерами, призывавшими стрѣлять въ эти знамена, были франкъ-масоны.

Присоединеніе франкъ-масонства къ Коммунѣ было его послѣднимъ жизненнымъ актомъ. Въ день, когда оно хотѣло начать дѣйствовать, оно почувствовало свою слабость; въ день, когда оно хотѣло жить, оно почувствовало, что не существуетъ больше.

Не станемъ жаловаться на него!

Масонство умерло хорошо — оно умерло въ объятіяхъ народа. вмѣстѣ съ Парижемъ оно испустило свой послѣдній вздохъ, и его предсмертная агонія смѣшалась съ хрипѣніемъ революціи, которая падаетъ и подымается вновь.

Франкъ-масонства болѣе нѣтъ, но народъ, мощныхъ объятій котораго оно искало, еще живетъ, и безсмертна идея, которую оно провозгласило въ этотъ торжественный моментъ. Оно способствовало опредѣленію Коммуны, и если кто-либо захотѣлъ бы однимъ взмахомъ кисти обрисовать нравственную силу 18 марта, опредѣлить коммунальное движеніе такъ, какъ оно существовало въ дѣйствительности, ему достаточно было бы указать на два знамени — красное знамя народа и бѣлое знамя франкъ-масоновъ; одно съ надписью:

«Нѣтъ правъ безъ обязанностей,
Нѣтъ обязанностей безъ правъ!».

Другое съ надписью:

«Любите другъ друга!»

Соединившись вмѣстѣ передъ бомбами версальцевъ, знамена эти были попораны и взорваны побѣдоносной реакціей.

XVI.

Послѣднее засѣданіе Коммуны.—Резюмеъ.

Въ воскресенье, 21 мая, Коммуна засѣдала въ послѣдній разъ. Она собралась въ этотъ день, чтобы судить уже давно арестованнаго генерала Кюзерэ, который получить, наконецъ, возможность узнать, въ чемъ его обвиняютъ.

На этомъ собраніи, которое засѣдало подъ именемъ высшаго суда справедливости, согласно обѣщанію, присутствовали всѣ члены меньшинства, чтобы судить одного изъ нашихъ товарищей.

Въ началѣ засѣданія я всталъ, попросилъ слова и какъ отъ себя, такъ и отъ имени Жерардена и Клеманса заявилъ, что постѣ голосованія нашихъ избирателей, собравшихся наканунѣ въ театрѣ Лирики, разрѣшившихъ намъ придерживаться той же политики, которую мы проводили до сихъ поръ, мы всѣ трое возвращаемся, чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ собранія.

Ввели генерала Кюзерэ.

Безполезно говорить, что обвиненія, выставленныя противъ него, не выдерживали критики, и ему ничего не стоило опровергнуть ихъ одно за другимъ, что онъ и сдѣлалъ. Однако, очень скромно и съ большимъ достоинствомъ, безъ явной горечи, удовольствовавшись утвержденіемъ, что военныя операціи со времени его ареста шли все хуже и хуже, что, къ сожалѣнію, было болѣе чѣмъ справедливо.

Въ этотъ моментъ, — было около четырехъ часовъ, гражданинъ Биллорай, членъ комитета общественнаго спасенія, вошелъ въ залъ и попросилъ слова для важнаго сообщенія.

Тогда онъ прочелъ телеграмму героя Домбровскаго, заявлявшаго, что версальцы вошли въ Парижъ черезъ проломъ въ ропотахъ Сенъ-Клу и что онъ переходитъ на вторую линію защиты.

Когда чтеніе было закончено, воцарилось глубокое молчаніе.

Ни слова, ни движенія, ни шопота.

Валлэ, который былъ въ этотъ день предсѣдателемъ и который, естественно, могъ понимать подобные моменты приблизительно черезъ минуту, совершенно спокойно, будто ничего не произошло, тихимъ голосомъ, съ жестомъ, полнымъ достоинства, сказалъ:

— Комитетъ общественнаго спасенія больше ничего не имѣетъ намъ сказать? Въ такомъ случаѣ слово принадлежитъ гражданину, который его просилъ.

Все это произошло такъ быстро и такъ просто, что одинъ изъ моихъ товарищей, сидѣвшій около меня и уснувшій, сломленный нѣсколькими бессонными ночами, узнать о вступленіи версальцевъ только отъ меня, когда мы покидали собраніе.

Коммуна не должна была больше собираться, но благодаря присутствію духа Валлэ и значенію, которое онъ вложилъ въ приведенныя мною слова, Коммуна, повидимому, отнеслась хладнокровно и гордо, даже съ отѣнкомъ презрѣнія къ извѣстію о бѣдствіи, постигшемъ ее ¹⁾.

Наступилъ конецъ. Она была побѣждена!

Въ послѣдующіе дни она не существовала больше, какъ политическая власть. Слово исходило отъ самого народа или отъ отѣльныхъ личностей, собственнымъ мужествомъ выдвинувшихся среди самыхъ ужасныхъ урагановъ. Члены собранія разсѣялись и, переходя съ одной баррикады на другую, попали въ плѣнъ или были убиты версальцами, отвѣчая только за свои личные поступки, когда условія позволяли имъ дѣйствовать.

Можно утверждать, что Коммуна, какъ солидарная и община дѣйствующая группа, перестала существовать съ воскресенья 21 мая.

Теперь, слѣдовательно, можно бросить послѣдній взглядъ назадъ и резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ

¹⁾ Благодаря учрежденію комитета общественнаго спокойствія, собраніе думало, что ему не его дѣлать въ глобальныхъ обстоятельствахъ. Комитетъ былъ назначенъ для защиты при подобныхъ несчастіяхъ и снабженъ абсолютной властью дѣйствовать или просить отъ насъ мѣтъ, которыя онъ считалъ необходимыми. Онъ заявилъ, что можетъ выполнить свою миссію. Собраніе жестоко ошиблось, положившись на его увѣреніе. Впрочемъ, большинство дѣйствовало въ данномъ случаѣ вполне логично, согласно своимъ принципамъ и политикѣ.

общую дѣятельность и роль этого перваго представителя-наго собранія соціальной революціи.

Коммуна, какъ я уже говорилъ много разъ, сдѣлала много глупыхъ ошибокъ. Я приводилъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, по мѣрѣ развитія событій. Я не буду къ нимъ возвращаться. Ей, взятой въ цѣломъ, недоставало настоящаго политическаго духа. Я уже объяснилъ причины.

Я уже говорилъ, какъ благодаря значительному количеству торопливыхъ избраній, безъ сомнѣній, неизбѣжныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, она съ самаго начала уклонилась съ пути, который она никогда не должна была оставлять, и искала спасенія въ историческихъ воспоминаніяхъ, которыя не только не могли ее спасти, но содѣйствовали ея гибели.

Съ безпристрастіемъ, на которое я только способенъ, я указывалъ противорѣчія, раздѣляющія большинство и меньшинство; я указывалъ порядокъ идей, на которомъ они основывались, и какъ меньшинство, не имѣя возможности ни разу провести въ жизнь свои взгляды, осталось все-таки вѣрно этой революціи и служило ей до конца, оплакивая большую часть опасныхъ и безсильныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы одержать побѣду.

Я вовсе не могу скрывать дѣйствительно необычайныхъ трудностей, среди которыхъ боролась Коммуна и которыя съ матеріальной точки зрѣнія, можетъ быть, дѣлали паденіе ея неизбѣжнымъ, даже если бы она не сдѣлала ни одной ошибки, что во всякомъ случаѣ невозможно.

Теперь, не входя въ подробности, мнѣ остается опредѣлить всю совокупность дѣятельности Коммуны, то неуловимое и, вмѣстѣ, продолжительное, что стоитъ выше личностей и ихъ заблужденій, въ чемъ убѣждаешься все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ событій. Это одно заслуживаетъ памяти, потому что въ этомъ состоитъ истина.

Я забываю людей. Ихъ нѣтъ болѣе. Я игнорирую большинство и меньшинство. Я призываю Коммуну быть правдивой, быть политической, усовершенствовать великое народное движеніе, я смотрю, что она сдѣлала, что она хотѣла отдѣлать, слѣдъ, оставленный ею, хотя и покрытый облакомъ пыли, поднятымъ борьбой, и вотъ что я вижу.

Коммуна любила народъ истинной и глубокой любовью. Она отдала ему все свое сердце безъ ограниченій, безъ задней мысли. Рѣшительно порвавъ съ старымъ міромъ и постоянно имѣя передъ собой исключительную, если и не

всегда достаточно ясную, идею новаго общества, гдѣ не должно существовать ни привилегій, ни несправедливостей. священныхъ при современной организаціи общества, Коммуна слилась съ народомъ, помышляя только о немъ одномъ.

Съ этой стороны ея идеаль былъ всегда чистъ и мощенъ, и если она не могла всегда согласовать своихъ поступковъ со своими намѣреніями, если она не могла создать истинно-соціальной политики для осуществленія соціальной революціи, если иногда она повторяла старыя ошибки буржуазной авторитарической политики, если, враждебная властвованію и централизму, она иногда, увлекаясь властью, заимствовала то, что могло погубить возможность созиданія будущаго, — то это происходило отъ неопытности, порождавшей ложныя разсужденія, и особенно отъ установившихся привычекъ ума, а вовсе не отъ матеріалистическихъ разсчетовъ или отъ неустановившихся въ великихъ и вѣчныхъ принципахъ революціонной истины.

Не слѣдуетъ, дѣйствительно, никогда забывать того, что люди, мечтающіе объ обществѣ будущаго, пытающіеся заложить его основы, родились и воспитались въ современномъ обществѣ, традиціи, примѣры и воспитаніе котораго пустили въ насъ слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы можно было разомъ отдѣлаться отъ нихъ.

Не будемъ забывать, что въ каждомъ изъ насъ сидятъ два человѣка: одинъ — человѣкъ прошлаго, наслѣдникъ длиннаго ряда поколѣній, передавшихъ ему вмѣстѣ съ кровью тысячи предрасположеній, заточившихъ въ его мозгу тысячи умозаключеній, противъ которыхъ ему приходится бороться съ неослабѣвающей энергіей, если онъ не хочетъ потопить и уничтожить частицу собственныхъ, оригинальныхъ мыслей въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ, своей расы и той среды, гдѣ онъ развивался.

Въ настоящее время всякій изъ насъ — двуликій Янусъ, одинъ — смотрящій въ прошлое, другой — въ будущее и, часто, созерцая будущее, мы, сами того не замѣчая, продолжаемъ жить въ прошломъ, не замѣчая своей ошибки и искренно забывая въ своихъ поступкахъ тотъ идеаль, который насъ ведетъ и котораго мы думаемъ достигнуть.

Но все-таки, среди этихъ неизбежныхъ заблужденій Коммуна провозгласила и провела въ жизнь нѣсколько великихъ принциповъ, которые одни способны спасти современные народы и окончателно вывести насъ съ протореннаго пути прошлаго.

Какъ я уже сказалъ, Коммуна преданно любила народъ. Это было, можетъ быть, единственное собраніе въ мірѣ, у членовъ котораго никогда не поднималось чувства боязни и недовѣрія къ народу, гдѣ никогда не являлось желанія его разогнать, за нимъ слѣдить, ему препятствовать. Всѣ предложенія, которымъ сочувствовалъ или которыхъ желалъ народъ, всегда внимательно выслушивались и охотно принимались. Коммуна постоянно справлялась о томъ, что сказали, что подумали, что заявили народъ, ибо никто ни на одинъ моментъ не считалъ себя выше своихъ избирателей, не считалъ себя свободнымъ передъ ними или обладающимъ властью, правомъ, которое исходило бы не отъ народа, не являлось бы простымъ примѣненіемъ его власти, торжествомъ его права. Ни одинъ представитель народа не забывалъ, что онъ вышелъ изъ народа, что онъ туда вернется, что онъ плоть отъ плоти его, кость отъ кости его. Въ этомъ всѣ видѣли свою славу, свой безусловный долгъ.

Это не могло дать всѣмъ политическаго чутья и яснаго представленія о томъ, какъ всего лучше поступить въ тѣхъ условіяхъ, но само по себѣ оно было уже большой революціей, чѣмъ-то совершенно новымъ въ исторіи.

Въ этомъ отношеніи у насъ не было разногласій въ Коммунѣ. Въ Коммунѣ не было ни буржуа, ни рабочихъ,—тамъ были довѣренныя отъ народа, которые существовали и хотѣли существовать, только опираясь на народъ.

Это было примѣненіе императивнаго мандата, осуществленіе полного и великаго принципа подчиненія законодателя гражданину, это было преобразованиемъ государства, превратившагося въ простое орудіе для службы народу, обязаннаго прислушиваться къ его желаніямъ, слѣдить за удовлетвореніемъ его нуждъ, за исполненіемъ его воли.

С другой стороны, Парижская Коммуна никогда не выдавала себя за правительство. Властительница Парижа, она и не думала управлять Франціей и въ случаѣ побѣды, она не имѣла никакихъ притязаній въ этомъ смыслѣ. А между тѣмъ, она имѣла такіе же права, какъ и любое изъ революціонныхъ правительствъ, которыя въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, какъ только попадали въ Думу, начинали управлять всей Франціей, не встрѣчая возраженій.

Если нѣкоторые изъ членовъ Коммуны были извѣстны и заслуживали этого, то большая часть ихъ пользовалась репутацией и вполне достаточной извѣстностью,—съ этой узкой точки зрѣнія, неужели такіе люди, какъ Делеклюзъ, Феликсъ Піа, Гамбонъ, Тридонъ, Лефрансэ, Жюль Вале и другіе, всѣ,

кромя двухъ послѣднихъ, депутаты, выбранные народомъ за нѣсколько лѣтъ до этого, не стояли Жюля Фаера, Жюля Симона и Пикара, которые шестью мѣсяцами ранѣе, завладевъ властью, отправили въ провинцію смѣшныхъ стариковъ, какъ Глэ-Бизуанъ или реакціонную посредственность, въ родѣ адмирала Фуришона, для организаціи республики и національной обороны?

Коммуна, между тѣмъ, вѣрная своему происхожденію и своему принципу, не переставала повторять Франціи:

«Будь свободна! Подражай намъ! Поступай, какъ мы! Какъ мы, разбей старыя привычки къ сильной и централизованной власти. Возьми управленіе непосредственно въ свои руки. Мы не простираемъ своей руки на тебя: мы только просимъ тебя бороться за себя съ нами противъ нашего общаго врага».

Это было, несомнѣнно, новый примѣръ во французской революціи, не встрѣчавшійся прежде, но который будетъ имѣть подражателей. Это было совершенно противоположно всему, происходившему до этого, и явится шагомъ впередъ въ послѣдовательномъ развитіи человѣческихъ понятій.

Кромѣ этого, Коммуна рѣшительно вооружилась противъ двухъ основъ стараго зданія: войска и духовенства.

Она заявляла и декретировала полную и простую отмену постоянной арміи, полное раздѣленіе государства и церкви, которая не должна существовать болѣе, какъ официальная организація: она можетъ только удовлетворять частнымъ потребностямъ отдѣльныхъ личностей, на рискъ и отвѣтственность этихъ послѣднихъ.

Коммуна утвердила принципъ отмены постоянной арміи и замѣны ее вооруженнымъ народомъ и тотчасъ же поручила городской караулъ и защиту отечества только гражданамъ, безъ разбора, безъ исключенія. Она заявила религіямъ, представленнымъ разными церквями:

— Государство тебя не знаетъ. Твоя вѣра, это—дѣло совѣсти. Устраивай свои дѣла съ твоими вѣрующими, но не обременяй болѣе общество.

Какъ я уже указывалъ, Коммуна не сумѣла поступить такъ же рѣшительно съ магистратурой и полиціей. Но это заблужденіе отнюдь не имѣетъ своимъ основаніемъ нерѣшительность въ основныхъ принципахъ. Вопросъ о своевременности, особенно относительно полиціи, вліяніе нѣкоторыхъ лицъ и другія многочисленныя заботы помѣшали ей высказаться по поводу этихъ двухъ вопросовъ. Относительно пер-

ваго изъ нихъ, всё, несомнѣнно, высказались бы единогласно. Это обидное упущеніе.

Коммуна рѣшительно подняла знамя социализма и была первымъ правильно установленнымъ правительствомъ, работавшимъ нѣкоторое время, опираясь на принципы социализма; она заявляла, что работа, которую она должна выполнить, это—не только созданіе политической свободы, но особенно и прежде всего социальное обновленіе. Въ этомъ отношеніи она также создала новый этапъ и новый именно въ томъ, что, не беря на себя вовсе задачи насильственной организации гражданскаго равенства и декретирования социальной революціи, она, въ общемъ, осталась вѣрна истинѣ, призывавъ трудящіеся классы непосредственно самими обсудить свои интересы и за собственную отвѣтственность разработать вопросъ объ отношеніяхъ труда къ капиталу.

Ни въ какомъ случаѣ, и я не устану повторять это, никакая политическая организація не должна насильно разрѣшать этихъ задачъ: это является дѣломъ заинтересованныхъ сторонъ. Коллективная власть должна только охранять ихъ полную свободу дѣйствія и заставить уважать ихъ право Рабочіе и не просить ничего другого, зная, что они дѣйствительно освободятся только въ тотъ день, когда освобожденіе будетъ дѣломъ ихъ собственной инициативы и ихъ собственныхъ усилій.

Этимъ глубоко отличается революція социальная отъ революціи политической; въ то время, какъ послѣдняя должна совершиться въ нѣсколько дней посредствомъ цѣлаго ряда декретовъ, первая, являясь дѣломъ науки и регулированіемъ интересовъ, совершится самими заинтересованными, покровительствуемыми только дѣятельностью демократическихъ учрежденій, необходимыхъ для полнаго развитія человѣческаго прогресса.

Для того, чтобы совершилась социальная революція, достаточно разрубить связующія ее узы, уничтожить остававшееся ея препятствіе.

Это-то прекрасно поняли Коммуна и парижскій народъ, и, съ своей стороны, они вдвоемъ положили начало зданію, которое рано или поздно будетъ воздвигнуто окончательно.

Коммуна ограничилась провозглашеніемъ двухъ естественныхъ группъ—автономіи и федераціи; она предложила имъ организовать совершенно свободно, сообразно своимъ нравамъ, интересамъ и познаніямъ, зная, что именно въ этомъ, а ни въ чемъ иномъ заключается основаніе революціи. Это былъ блестящій разрывъ съ авторитарнымъ прин-

ципомъ стараго общества, это былъ совершенно новый шагъ къ будущему, это было проведеніемъ новаго, еще не примѣнявшагося принципа, перемѣщеніемъ оси общества, которое перестало вращаться вокругъ государства, чтобы самому сдѣлаться центромъ вращенія; это было перемѣщеніе власти, перешедшей отъ государства къ народу, отъ правительства къ націи, отъ нѣсколькихъ привилегированныхъ къ индивидууму, самому завладевшему властью.

Въ области воспитанія и образованія важнѣйшихъ основъ всякой серьезной эволюціи Коммуна не имѣла ни времени, ни досуга, чтобы установить новый принципъ. Ей пришлось ограничиться немедленнымъ упраздненіемъ всякаго рода религіознаго воспитанія, такъ какъ религіозное воспитаніе, какъ и сама религія, въ концѣ концовъ,—дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка, а вовсе не общественный или національный вопросъ.

Но, несмотря на важность всего этого, это только мелочи и детали, а въ теченіе семидесяти дней непрерывной битвы Коммуна могла только выставить опредѣленный принципъ и намѣтить только нѣсколько общихъ линій. Очевидно, нужно было создать соотвѣтствующую среду, необходимую для этой большой и глубокой революціи, дать ей въ руки могущественный рычагъ, которымъ она могла бы подкопать, поднять и опрокинуть старый міръ, чтобы послѣдовательно замѣнить его новымъ строемъ.

Таковы были важнѣйшіе факты своеобразной дѣятельности Коммуны, которые надолго явятся центромъ, привлекающимъ умы, точкой отправленія послѣдующихъ завоеваній человѣчества.

Эти нѣсколько фактовъ явятся неоспоримымъ выводомъ изъ всего совершеннаго Коммуной, изъ высказанныхъ ею взглядовъ.

Это все, что осталось отъ нея, все, что заслуживаетъ быть сохраненнымъ,—и этого достаточно.

Безъ сомнѣнія, многіе изъ членовъ собранія и многіе боравшіеся не имѣли яснаго представленія и опредѣленнаго сознанія того дѣла которое они совершали что-бываетъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ. Каменщикъ, закладывающій первый камень какого-либо зданія, не всегда знаетъ цѣль и общій планъ постройки. И что же? Зданіе растетъ камень за камнемъ и, въ концѣ концовъ, служитъ той цѣли, для которой предназначается. Помимо частныхъ желаній и поступковъ личности, работающихъ для революціи, у этой революціи есть всегда общая идея, которая развивается, па-

рить, сіяетъ, и этотъ безличнѣйшій свѣтъ послужитъ завтра блистающимъ маякомъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Теперь еще одно слово о душѣ и темпераментѣ Коммуны,—я подразумѣваю собраніе.

Прежде всего, хотѣла ли, желала ли Коммуна войны? Сдѣлала ли она все возможное, чтобы ее избѣжать? Могла ли она избѣжать ее?

На первый вопросъ можно смѣло отвѣтить — нѣтъ!

Нѣтъ, Коммуна никогда не хотѣла и не желала гражданской войны. Она страшилась ея. Какъ 18 марта народъ только защищался отъ нападенія, такъ и 2 апрѣля берсальцы во второй разъ начали ничѣмъ не вызванное нападеніе, между тѣмъ, какъ Коммуна, такъ же, какъ и центральный комитетъ, не начинала противъ правительства—бѣглеца и измѣнника—никакихъ враждебныхъ дѣйствій.

Да и почему, дѣйствительно, Коммуна могла хотѣть гражданской войны? Помимо того, что она состояла изъ людей, съ наибольшей энергіей боровшихся во время первой осады противъ иностраннаго вторженія, которые разожгли огонь патріотической ненависти въ цѣломъ Парижѣ и никакъ не могли согласиться разыграть передъ иностранцемъ побѣдителя картину внутренней распри,—помимо этого истые французы, составлявшіе Коммуну, не могли желать, чтобы ослабленная, умирающая, окровавленная Франція разрывала себя собственными руками. Коммуна не имѣла никакого разсчета хотѣть войны, не могла желать, чтобы судьба революціи зависѣла отъ оружія и грубой силы большинства, тогда какъ революціи нужно было только продержаться и жить, чтобы восторжествовать.

Ни одинъ изъ интеллигентныхъ членовъ собранія не создавалъ себѣ иллюзіи относительно окончательной развязки, въ случаѣ, если придется прибѣгнуть къ аргументации пушекъ. Они прекрасно понимали, насколько плохо и невыгодно наше положеніе въ изолированномъ, запертомъ городѣ, осажденномъ двумя арміями и отрѣзанномъ отъ всякихъ сношеній съ остальной Франціей. Они знали, кромѣ того, что парижскій народъ только что перенесъ пять мѣсяцевъ жестокой осады, что онъ истощенъ лишеніями, и они глубоко жалѣли этотъ народъ, который не чувствуетъ усталости, когда великая идея взымаетъ къ его преданности.

Время, когда она могла съ успѣхомъ бороться противъ берсальцевъ, прошло. Это было возможно только въ первые дни зарожденія центрального комитета, а съ тѣхъ норъ все перемѣнилось.

Какъ съ точки зрѣнія патріотизма и челоуѣколюбія, такъ и съ точки зрѣнія политики и практики никто въ Коммунѣ не могъ желать и не желалъ войны.

Но могла ли сама Коммуна избѣжать этой войны?

По всѣмъ вѣроятіямъ, избѣжать войны было невозможно. Когда Тьеръ получилъ возможность собрать армію, сдѣлалось очевиднымъ, что онъ направитъ ее противъ народа, находя двойное удовольствіе въ томъ, чтобы задушить пролетаріатъ и поиграть въ генерала; это были двѣ мечты его жизни послѣ мечты о власти. Что касается реакціи, скрытой въ Версалѣ, вдали отъ опасности, то было ясно, что она будетъ такъ же безжалостна, какъ и бездушна, и что идея уничтоженія народа и ослабленія отечества могла только возбудить ее, потому что изъ рѣкъ крови умирающей Франціи она надѣялась создать тронъ для нѣсколькихъ претендентовъ. Съ этой стороны поэтому, не на что было надѣяться. Война была рѣшена. Она должна была произойти. Одна провинція мужественнымъ усиліемъ могла бы помѣшать этому, но, задушенная централизмомъ, парализованная политикой единства, она, покуда жива эта система, не будетъ способна къ какому бы то ни было серьезному усилію, требующему солидарности и инициативы.

И, однако, хотя всѣ усилія были напрасны, Коммуна могла бы отмѣтить, можетъ быть, болѣе ярко свой дѣйствительный ужасъ передъ гражданской войной, свое желаніе не вызывать потоковъ крови. Она могла бы сказать, заявить объ этомъ такъ громко и такъ внятно, чтобы враги не могли позже клеветать на нее въ этомъ отношеніи.

Второго апрѣля, будучи атакована, она въ очень хорошей прокламаціи указала, откуда исходитъ нападеніе. Все время борьбы она отнюдь не противодѣйствовала попыткамъ различныхъ примирителей, предоставляя имъ полную и неограниченную свободу дѣйствія въ то время, какъ Г. Дюфоръ оскорблялъ ихъ, называя соучастниками изверговъ, и не скрывалъ, что съ удовольствіемъ разстрѣлялъ бы ихъ. Когда франкъ-масоны хотѣли просить въ послѣдній разъ о прекращеніи рѣзни, она не только не воспротивилась этому, но даже сопровождала ихъ до ограды.

Словомъ, запрещая всѣ поступки, которые могли унижить ея достоинство, твердо и высоко держа знамя, которое довѣрилъ ей народъ, знамя, которое могло упасть, разбиться, раскрошиться въ крови народа, но которое не должно склоняться передъ убійцами, падать ницъ передъ врагами

революции,—она ясно показала, что не жаждёт вовсе битвы и вовсе не старается сдѣлать ее неизбежной.

Въ этомъ отношеніи, я думаю, Коммуна во время кровавой борьбы держала себя превосходно, доказывая свое непоколебимое рѣшеніе не преклонять коленъ, не просить милости, но, съ другой стороны позволяя кому бы то ни было дѣйствовать помимо нея и ея борцовъ, предпринимая попытки, которыя уваженіе къ человѣчеству не позволяло ей запретить вовсе. Она указала, такимъ образомъ, что за пролитую кровь должны отвѣчать лишь одни нападающіе жалкіе люди, которые не только не признавали правъ людей, но не ставили ни во что трупы своихъ согражданъ.

Только въ теченіе пяти или шести дней, слѣдовавшихъ за ея провозглашеніемъ, она могла при нѣкоторомъ умѣньи, не предпринимая никакихъ унижительныхъ попытокъ, занять прекрасное моральное положеніе и поставить себя такъ, что версальцы очутились бы въ ложномъ положеніи и были бы принуждены сорвать съ себя маску и громко заявить, что они желаютъ гражданской войны, кроваваго торжества грубой силы.

Дѣйствительно, въ этотъ моментъ положеніе Коммуны было превосходно. Повстанческое движеніе 18 марта сдѣлано было не ею. Она не имѣла ничего общаго съ центральнымъ комитетомъ. Она была создана огромными правильными выборами по приглашенію,—не забудемъ этого никогда,—законныхъ мэровъ и законныхъ депутатовъ Парижа, причемъ версальцы не карали за эти выборы ни этихъ мэровъ, ни этихъ депутатовъ.

Если она сумѣла съ перваго момента завладѣть этой исключительной позиціей, рѣшительно утвердиться на ней и вполне ее использовать, то она, навѣрное, очень затруднила бы г. Тьера и его сообщниковъ лѣвой.

Что нужно было сдѣлать для этого? Безполезно объ этомъ говорить теперь, послѣ пораженія. Если она не поступила такъ, то имѣла на это слишкомъ много причинъ, чтобы приводить ихъ здѣсь.

Затѣмъ пришлось бы говорить о томъ, насколько отвѣтственность за это ложится на отдѣльныя личности, а этого я не желаю.

Какъ бы тамъ ни было, если у Коммуны въ этотъ моментъ не хватило ловкости, которой было всегда достаточно у старыхъ низвергнутыхъ правительствъ, то исторія

остаётся отмѣтить, что она только защищалась, не прося милости и не унижаясь.

Однако, какъ только она пала, поднялся общій крикъ ужаса противъ жестокостей, которыя она совершала. Никогда не было клеветы. болѣе наглой, жи, болѣе гадкой, и не знаешь, чему больше удивляться — смѣлости лозунговъ или глупому легковѣрію европейской публики.

Каждый изъ насъ въ изгнаніи могъ подтвердить, что на коммунаровъ смотрѣли, какъ на дикихъ звѣрей, напосенныхъ человѣческой кровью, какъ на каторжниковъ, для которыхъ убійство, кража, поджогъ были обычнымъ препровожденіемъ времени, и это въ то время, когда Парижъ видѣлъ на своихъ улицахъ трупы тридцати тысячъ національных гвардейцевъ, въ моментъ, когда Версаль разстрѣливалъ женщинъ и дѣтей, когда Сера покраснѣла отъ крови коммунаровъ, когда тюрьмы, казармы и плашкоуты не могли вмѣстить всего скота, который помѣщался тамъ передъ бойней.

И тогда же негодованіе обратилось противъ самихъ жертвъ; толпа, обезумѣвшая отъ столькохъ ужасовъ, аплодировала палачамъ и оскорбляла страдальцевъ.

Это былъ Тропманъ, который призываетъ къ убійству, и этого же Тропмана жалѣли!

Общественное мнѣніе измѣнилось во Франціи и въ Европѣ, но это заблужденіе, тѣмъ не менѣе, одно изъ тѣхъ частыхъ явленій, которыя составляютъ позоръ рода человѣческаго.

А между тѣмъ, факты были налицо. Они совершались передъ глазами всего міра. А факты были таковы:

Два мѣсяца Коммуна была у власти — отъ 28 марта по 21 мая. Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ она вела войну съ жестокимъ, непримиримымъ врагомъ, который разстрѣливалъ плѣнныхъ, который каждый день оскорблялъ Парижъ, отъ котораго Коммуна не могла ждать ни милосердія, ни жалости, ни пощады. И вотъ въ эти два мѣсяца полнаго развитія революціи, когда было достаточно и побудительныхъ причинъ и самыхъ законныхъ поводовъ, Коммуна не отрубила ни одной головы, не пролила ни одной капли крови.

Здѣсь я не сужу болѣе. Я не хвалю и не браню. Безпристрастный источникъ, я констатирую факты, не становясь ни на ту, ни на другую сторону.

Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, я это повторяю, Коммуна не совершила ни одной смертной казни. Однако, она имѣла въ рукахъ страшное орудіе: законъ о заложникахъ, и

если ей недоставало серьезных заложников, она могла забрать на аванпостах достаточное количество плѣнных, чтобы примѣнить къ нимъ этотъ законъ возмездія, если бы она захотѣла. Ей стоило бы также обыскать только парижскіе дома, чтобы найти тамъ непримиримыхъ противниковъ и многіе были бы заключены въ тюрьму.

Она не сдѣлала этого ни разу!

Какъ свидѣтель, бывшій при всѣхъ актахъ, на всѣхъ засѣданіяхъ, я долженъ заявить, что она не только не дѣлала этого, но я никогда не видѣлъ, чтобы собраніе людей относилось съ такимъ инстинктивнымъ или сознательнымъ ужасомъ къ проливаемой крови, съ болѣе непреодолимой антипатіей къ смертной казни. Это меня всегда поражало даже въ то время.

Я могу привести многочисленныя доказательства.

Одинъ случай я опишу особенно охотно, потому что онъ неизвѣстенъ публикѣ, такъ какъ при этомъ не было другихъ свидѣтелей, кромѣ участниковъ, которые, вѣроятно, забыли эту сцену; главный же участникъ въ настоящее время умеръ.

Это произошло еще при первой исполнительной комиссіи, до комитета общественнаго спасенія. Хотя я въ ней официально и не числился, но принималъ участіе въ большинствѣ ея работъ и въ совѣщаніяхъ.

Однажды, когда мы собрались, Делеклюзъ, Феликсъ Пиа и двое другихъ, именъ которыхъ я не могу точно припомнить, комиссіи сообщили, что національ-гвардейцы, придя съ аванпостовъ, желаютъ съ ней говорить. Мы вошли въ совѣдочную комнату, гдѣ увидѣли, дѣйствительно, четверехъ гвардейцевъ; трое были преклоннаго возраста и одинъ совсемъ юный—ему было не больше 16—18 лѣтъ.

Это былъ прелестный мальчикъ съ энергичнымъ и выразительнымъ лицомъ, темной кожей, черными блестящими глазами и рѣзкими чертами.

Винтовки такъ же, какъ и лица, руки, одежда этихъ четверехъ гражданъ, были грязны и покрыты копотью.

Младшій заговорилъ съ большимъ увлеченіемъ. Онъ съ товарищами пришелъ отъ воротъ Сень-Клу, гдѣ происходила горячая схватка, во время которой они взяли въ плѣнъ жандармскаго офицера. Они тотчасъ же хотѣли его разстрѣлять, но офицеръ-федералистъ, командовавшій ими, воспротивился этому.

— Граждане,—продолжать онъ, обращаясь къ Делеклюзу,—мы пришли просить у васъ смерти этого человека.

Нужно, чтобы онъ умеръ. Каждый день насъ душатъ, насъ хладнокровно убиваютъ. Каждый день наши друзья падаютъ рядомъ съ нами. Вчера жандармы убили на моихъ глазахъ моего раненаго брата. Намъ нужна месть, намъ нужна жизнь этихъ подлцовъ. Если мы должны идти на смерть не убивая, мы больше не станемъ бороться! Я разобью мое ружье! Да, мы готовы охотно умереть, мы не хотимъ считать нашей пролитой крови, но намъ нужно наказать злодѣевъ, намъ нужна месть!

Все это было сказано съ своеобразнымъ суровымъ краснорѣчіемъ, съ энергіей и печалью, которую невозможно передать. Крупныя слезы, которыя онъ не вытиралъ, а смахивалъ быстрымъ движеніемъ задней стороны руки, стыдясь своей слабости, текли по его смуглымъ, похудѣвшимъ отъ усталости щекамъ, въ то время, какъ огонь страсти горѣлъ въ его глазахъ и все его тѣло трепетало отъ внутренняго волненія. Моментами, когда онъ говорилъ о своемъ наканунѣ убитомъ братѣ, его голосъ прерывался въ пересохшемъ горлѣ и переходилъ вдругъ въ шипящіе звуки.

Это было жутко.

Мы всѣ понимали то, что онъ переживалъ, молчали, не зная, что отвѣтить на это истинное горе, на эту страстность, надъ которой, мы чувствовали, разумъ безсиленъ. Его товарищи съ сумрачнымъ и рѣшительнымъ видомъ поддерживали его нѣсколькими угрожающими восклицаніями.

Делеклюзъ не колебался болѣе. Онъ попытался спасти отъ смерти этого плѣннаго жандарма. Онъ говорилъ со страстью и краснорѣчіемъ, обращаясь къ гвардейцамъ:

— Не будемъ подражать нашимъ врагамъ, не будемъ убивать безоружныхъ плѣнныхъ. Не дѣлайтесь судьями сами, положитесь на Коммуну, которая не позволитъ, чтобы васъ убивали безнаказанно. Нужно судить этого человека. Иначе ни я, ни мои товарищи не дадутъ согласія на его смерть!

Молодой федералистъ отвѣчалъ съ своей безжалостной логикой.

Делеклюзъ взялъ его за руки и называлъ своимъ сыномъ, воодушевляясь и тронутый этой страстностью, этой печалью, этой смѣсью героизма и экзальтаціи; и я видѣлъ, какъ слезы наполнили глаза старика, отказывавшаго юношѣ въ смерти этого версальца, который съ казарменнымъ хвастовствомъ, съ радостью разстрѣлялъ бы ихъ обоихъ, если бы они были въ его власти.

Наконецъ, Делеклюзъ, поддержанный Феликсомъ Пиа,

одержатъ верхъ. Національные гвардейцы вернулись на поле битвы, и офицеръ не былъ разстрѣлянъ.

Эта сцена оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе, и я хотѣлъ разсказать ее, потому что она довершаетъ портретъ Делеклюза, этого необыкновеннаго чловѣка, этого ветерана революціонной борьбы, котораго никто не можетъ обвинить въ слабости, въ сентиментальности или въ умѣренности.

Эта сцена, сопоставленная со стоической смертью, рисуетъ полный типъ одного изъ тѣхъ коммунаровъ, для которыхъ, по мнѣнію реакціи, всѣ мученія слишкомъ легки.

Несмотря на неосторожныя рѣчи и на фразы совершенно противоположнаго характера, вырывавшіяся у нѣкоторыхъ ораторовъ, въ общемъ, Коммуна испытывала ужасъ передъ проливаемой кровью и проклинала смертную казнь.

Военные делегаты заявили о необходимости организаціи военнаго совѣта въ національной гвардіи, учрежденія тяжелаго, но необходимаго, въ виду фактовъ неповиновенія дисциплинѣ и измѣны. Ключеръ разработалъ и представилъ на обсужденіе собранія планъ декрета объ этомъ исключительномъ судилищѣ, жостроенномъ на карательной системѣ. Тамъ, дѣйствительно, упоминалась смертная казнь, и это упоминаніе заставило отвергнуть весь проектъ. Со всѣхъ скамеекъ Коммуны началось горячее выраженіе протеста по этому поводу. Чтобы добиться согласія, пришлось осыпаться на страшныя опасности, которыя насъ окружали, на крайнюю необходимость обезпечить дисциплину и карать измѣнниковъ, если мы не хотимъ быть побѣждены.

Но собраніе все таки согласилось на это, только введя въ соответствующій параграфъ поправку о томъ, что ни одно наказаніе не можетъ быть приведено въ исполненіе безъ подтвержденія комиссіи изъ членовъ Коммуны, обязанной провѣрить приговоръ и представить свой докладъ на окончательное рѣшеніе собранія.

Надо признаться, что очень характерна эта осторожность во время страшной бури, среди жестокой войны, въ то время, какъ скамьи Коммуны уже пустѣли, благодаря карательнымъ отрядамъ версальцевъ. Дѣло зашло такъ далеко, что, послѣ одного смертнаго приговора военнаго суда, подѣлительствомъ Росселя, вынесеннаго офицеру національной гвардіи, приговоръ былъ отмененъ, и если память мнѣ не измѣняетъ, раслушенъ и преобразованъ военный совѣтъ.

Повторяю еще разъ, что я не хвалю и не критикую. Я записываю дѣйствительные факты, я пытаюсь возстановить истинный духъ этого собранія, который былъ выше словъ

или убѣжденій нѣсколькихъ членовъ и который придавалъ ему оригинальный характеръ.

Эту характеристику можно резюмировать такъ:

— Жестокость на словахъ, умѣренность въ поступкахъ!

Это былъ въ то же время образъ самого Парижа.

Когда надо было, посредствомъ избранія организовать военные совѣты въ каждомъ округѣ, ибо Коммуна назначала только мелкихъ и исключительно гражданскихъ служащихъ, всегда прибѣгая къ выборамъ со стороны заинтересованныхъ, тѣ же чувства проявлялись и среди національныхъ гвардейцевъ. Я замѣтилъ тогда, что большое число намѣченныхъ гвардейцами кандидатовъ отказалось, заявляя, что, будучи противниками смертной казни, они никогда не рѣшатся ее примѣнить. Другіе, напротивъ, отказались, осылаясь на свое слишкомъ возбужденное состояніе для того, чтобы быть безпристрастными.)

Таковъ былъ народъ, такова была армія Коммуны!

Какъ и въ собраніи, которое его представляло, въ народѣ боролись два чувства: гнѣвъ и любовь къ челоѣчеству. Подъ напоромъ страсти, среди дикой борьбы, они иногда доходили до страшныхъ упрозъ, но, въ сущности, угрозы эти относились болѣе къ будущему, чѣмъ къ прошлому и, когда, переходя отъ словъ къ дѣлу, нужно было взяться за топоръ палачей, топоръ этотъ возбуждалъ въ нихъ ненависть и ужасъ.

Только свою собственную кровь народъ проливалъ безъ жалости, безъ сожалѣнія. Отъ умѣлъ и могъ быть только героемъ.

Къ концу нашлись, однако, въ Парижѣ люди, которые разстрѣляли парижскаго архіепископа, приставовъ, жандармовъ, священниковъ. Нашлись люди, которые подожгли финансы, префектуру полиціи, которые обратили столицу въ груды костей, гдѣ беззащитныя существа при заревѣ пожаровъ умирали не какъ борцы на полѣ брани, а какъ овцы на бойнѣ.

Этими людьми были версальцы! Они носятъ семьсотъ именъ съ г. Тьеромъ во главѣ!

Это они убили Шодея, убили архіепископовъ, сожгли Парижъ!

На нихъ, только на нихъ должна пасть отвѣтственность за шестьдесятъ чегыре трупа, прибавленныхъ къ тридцати

¹⁾ Все это точно. Какъ президентъ собранія, гдѣ выбитался военный совѣтъ четвертаго округа, я слышалъ это собственными ушами.

тысячамъ, которые покрывали улицы, наполняли перекрестки, воздвигались, какъ стѣны, вдоль бульваровъ!

Петрольщики никогда не было вовсе, но если бы онѣ были, то это опять-таки онѣ же налили бы керосинъ въ ихъ фантастическій бидонъ и направляли бы ихъ поджигающую руку.

Развѣ не тотъ истинный преступникъ, который дѣлаетъ неизбѣжнымъ преступленіе?

Развѣ не тотъ истинный убійца, кто вкладываетъ кичжалъ въ руку человѣка, обезумѣвшаго отъ гнѣва и отчаянія?

Какъ вы заперли народъ внутри города, всѣ выходы изъ котораго охраняются двумя арміями, нѣмецкой, вашей союзницей и... другой.

И этому, загнанному въ тупикъ народу вы говорите:

— Что бы ты ни дѣлалъ, ты погибъ! Если тебя возьмутъ съ оружіемъ въ рукахъ—смерть! Если ты сложишь оружіе, — смерть! Если ты ударишь, — смерть! Если ты умсляешь — смерть! Въ какую бы сторону ты ни повернулъ глаза—направо, налево, впередъ, назадъ, вверхъ, внизъ,—смерть! Ты не только внѣ закона, но и внѣ человѣчества. Ни полъ, ни возрастъ не спасутъ ни тебя, ни твоихъ близкихъ. Ты умрешь, но прежде ты насладишься агоніей твоей жены, твоей сестры, твоей матери, твоихъ дочерей, твоихъ сыновей, если даже они въ колыбели! На твоихъ глазахъ раненыхъ заберутъ въ амбулаторію, чтобы изрубить ихъ удачами штыковъ и сабель, чтобы добить ихъ ружейными прикладами. Ихъ потянутъ за сломанную ногу или за окровавленную руку и бросятъ въ ручей, какъ кучу мусора, которая хрипитъ и страдаетъ ¹⁾).

Смерть! Смерть! Смерть!

Шадили пруссаковъ, разстрѣливавшихъ нашихъ свободныхъ стрѣлковъ, объявившихъ Франціи открытую національную войну, которые грозили убить, унижить, уничтожить націю. Корчили ихъ плѣнныхъ Нѣмцы ухаживали за ранеными. Они вѣдь были только врагами Франціи! Они являлись грубой силой на службѣ династической ненависти и честолюбія. Слава пруссакамъ! Шапку долой передъ этимъ

¹⁾ Одинъ изъ тысячи примѣровъ, газетныхъ свидѣтелей-очерид-
цемъ хирурга изъ госпиталя. Когда немцы вошли въ госпиталь,
онъ съ еятыча въ все напалителю маршутку, у ксттой только
что огубили руку; офицеръ-версалецъ позволилъ окончить по евязку,
потомъ гласитъ ее во двѣ и газетилалъ ее на его гла ахъ! У этихъ
спасителей общества и семьи было много общаго съ маркизомъ де Садъ.

врагомъ! Трошю и Тьеръ счастливы и горды, пожимая по-
слѣ битвы ихъ руку, красную отъ французской крови ¹⁾).

Но ты, французскій гражданинъ, рабочій или буржуа,
поднявшійся для торжества правды и справедливости, ты,
вчера защищавшій націю, сегодня республику, ты возстав-
шій, когда на тебя напали, чтобы утвердить братство и со-
лидарность, ты, мечтающій о счастьѣ Франціи и человѣче-
скаго рода, ты, который хочешь создать славу своей родины
на принципахъ, которые явятся благомъ міра, ты проклятъ,
ты совершаешь гнусный дѣла! Для тебя нѣтъ правъ человѣ-
ческихъ. Твоя рука оскорбляетъ, и если ты протигиваешь
ее, прося милосердія, ее отрубятъ, плюютъ тебѣ въ лицо!
Умри, бунтовщикъ! Умри ты, твоя самка, твой дѣтенышъ!

Смерть! Смерть! Смерть!

И когда поступаютъ такимъ образомъ съ народомъ,
который, разбитый, обвиненный, терзаемый горячими кле-
ветами, оскорбленный во всѣхъ своихъ чувствахъ, какъ че-
ловѣкъ, какъ патріотъ, какъ гражданинъ, какъ республи-
канецъ, какъ социалистъ, какъ отецъ, какъ сынъ, какъ мужъ,
какъ братъ; когда этотъ народъ, стоя передъ открытой мо-
гилей, зная, что онъ долженъ, что бы онъ ни сдѣлалъ, лечь
въ нее; когда этотъ народъ, видя вокругъ себя наглость и
безстыдство, видитъ, что ему нечего больше терять и что
ему остается только умереть, думать о мести, убиваетъ нѣ-
сколькихъ заложниковъ, поджигаетъ Тюльери и запасные
погреба, чтобы оттянуть еще на часъ свою мучительную
агонію.—вы посмѣете сказать, что это онъ убиваетъ, что это
онъ поджигаетъ!

Вы ждете! Убійцы—это вы! Вы—поджигатели!

Если бы вы не надѣялись, не рассчитывали, не хотѣли
и не подготовили этихъ репрессій, какъ бы онѣ ничтожны
ни были, онѣ и не имѣли бы никогда мѣста въ то время,
когда, будучи бесполезны, онѣ вредили только революціи,

Да, это вы, вы одни, которые хотѣли ихъ.

Это вы зарядили ружья, зная, что народъ держитъ за-
ложниковъ въ тюрьмѣ и что съ васъ зависитъ ихъ спасеніе.

Вамъ предложили возратить архіепископа, а вы отка-
зались! Почему? Потому что духовенство мечтало о
жертвѣ, которую оно могло обратить въ мученика и тѣмъ

¹⁾ Саю собой я не говорю здѣсь о нѣмецкомъ націи, который самъ
являлся же твой своего праи ельса и честолюбия своего госогина.
Р' илеть о поли ихъ Биса на, а те о Ге'али, которую я люблю и
уважаю на авнѣ со всѣми остальными націями.

поднять свое значеніе. Парижскій архіепископъ, галликанецъ, который въ плохихъ отношеніяхъ съ папой и съ римскими іезуитами, своею смертью дастъ вамъ этого мученика и это ничеѣ вамъ не стоитъ, потому что вы ненавидите его, не считая его достаточно ревностнымъ. Ультрамонтаны заплатили за его смерть Тьеру, потому что смерть галликанца и священника вдвойнѣ удовлетворяетъ интересамъ и ненависти церкви.

Тьеръ умышленно подложилъ вамъ этотъ трупъ, что входило въ его макіавелистскіе расчеты, являвшіеся продуктомъ его собственнаго генія тамъ, гдѣ требовалось только злодѣйство.

Вы, безъ сомнѣнія, надѣялись на лучшее.

Вы надѣялись, что этотъ народъ, обезумѣвшій отъ ярости, опьяненный долгой битвой, охваченный безграничнымъ отчаяніемъ, до котораго вы его довели, ужаснетъ міръ убійствами людей, которыхъ вамъ не жаль и смерть которыхъ могла доставить вамъ такъ много выгоды. Но это зависѣло не отъ васъ, а отъ народа, который въ этотъ послѣдній моментъ отвернулся отъ злодѣяній явившихся дѣломъ нѣсколькихъ экзальтированныхъ, можетъ-быть, подстрекаемыхъ въ своемъ невѣжествѣ вашими тайными агентами. Вы не могли добиться больше шестидесяти четырехъ труповъ и то при такихъ обстоятельствахъ, когда было очевидно, что нельзя возложить отвѣтственность за нихъ ни на Коммуну, ни на вожаковъ движенія, ни на идеи, представителями которыхъ они были.

Дѣйствительно, въ такое время ни одно революціонное собраніе, какъ бы кровожадно оно ни было, не дало бы такого приказа, ибо эти наказанія, не имѣя возможности что-либо спасти, давали вамъ только нѣчто въ родѣ отговороки, извиненія вашихъ жестокостей, потому что вы съ нетерпѣніемъ ожидали этой струйки крови, чтобы обратить на нее глаза обезумѣвшей толпы, отъ кровавой рѣки, въ которой вы потопили Парижъ.

Убійства заложниковъ могли быть и были полезны только для васъ. И повторяю еще разъ: это вы одни, которые ихъ совершили. Нужно благодарить разстрѣливаемый и убиваемый народъ, что это не приняло болѣе широкихъ размѣровъ, потому что за эти восемь майскихъ дней не было ни одной капли крови, которая не должна была бы пасть на вашу голову, которой не бымылась бы ваша рука, не было забрызгано ваше лицо.

Вы хотѣли убить революціоннаго народа, похоронить его подъ трупами вашихъ жертвъ и, боясь, что этого недостаточно, вы предали нѣсколькихъ изъ вашихъ ради достойнаго васъ плана.

Хорошо же! Вы ошиблись.

Идея неулловима; она ускользаетъ изъ плохо сбитой мостовой, она процѣлывается черезъ груды обезображенныхъ мертвыхъ тѣлъ, она всплываетъ надъ моремъ крови, гдѣ вы думали ее потопить.

Она стоитъ тамъ, оставивъ вамъ ваши преступленія, обращаясь ко вселенной. Надъ ней рветъ широкое знамя будущаго, пурпуръ котораго три раза окрашивался самой чистой кровью народа; оно блеситъ въ лучахъ восходящаго солнца общества будущаго.

Какого же это общества будущаго?

На это я попытаюсь отвѣтить, и это будетъ моимъ заключеніемъ.

XVII.

Заключеніе.

Уже много разъ я указывалъ главныя направленія коммуниальной идеи, этой оригинальной идеи, отмѣтившей глупое развитіе въ ходѣ всемірной революціи, вокругъ которой, отынывъ, какъ вокругъ центра, будетъ вращаться европейская политика,—враговъ—для ея гибели, друзей—ради ея торжества.

Мнѣ остается только изложить ее въ общихъ и широкихъ чертахъ, не касаясь подробностей, которыя могутъ измѣняться до безконечности, соотвѣтственно времени и средѣ, гдѣ она зародится.

Въ чемъ она заключается, чѣмъ отличается отъ старыхъ революціонныхъ традицій, какіе новые элементы внесла она въ развитіе человѣка и общества?

Это мы должны выяснить.

Всѣ современные общества вѣрятъ въ господство высшей силы надъ человѣкомъ а, слѣдовательно, внѣ его и надъ всѣмъ человѣчествомъ. Въ эпоху господства религіи, ея владычества надъ умами и дѣяніями это называлось божественнымъ правомъ. Власть эта была священна. Повиновеніе было обязанностью. Власть — святыней. Отчетомъ она обязана была только Богу, который ее установилъ.

Такое положеніе вещей продолжалось до Французской

революціи, которая вырвала власть у неба и передала ее человеку. Съ 89 года государство является не представителемъ правъ Бога, но представителемъ правъ человека и общества. Мнимое или реальное согласіе народовъ дѣлается основой. Это называлось быть орудіемъ общества, дѣйствовать и распоряжаться отъ его имени, во имя его мнимыхъ интересовъ.

Въ принципѣ эта революція была огромна и, казалось, окончательно разрѣшила вопросъ. Въ дѣйствительности, она ничего не разрѣшила, и опытъ восьмидесяти лѣтъ, протекавшихъ со времени клятвы въ Залѣ Мяча, съ избыткомъ доказалъ это.

Въ дѣйствительности, измѣнивъ происхожденіе права, государства все-таки продолжали уважать это право.

Если перестали производить его отъ Бога, выдавая его или дѣйствительно вѣря въ его происхожденіе отъ воли народа, то отъ этого сущность вещей мало измѣнялась на практикѣ.

Государство говорило отъ имени народа, вмѣсто того, чтобы говорить отъ имени Бога; это вѣрно: все могущество перенесли изъ области метафизики въ земныя обители, но почтеніе къ этому всемогуществу сохранилось. Помазанникъ ли Божій или уполномоченный плебисцитомъ, такъ называемымъ національнымъ суверенитетомъ, представленное ли однимъ человекомъ или собраніемъ, — государство, однако, сохранило тѣ же преимущества, то же всемогущество. Какъ только народъ съ большимъ или меньшимъ знаніемъ дѣла сказалъ: да, — все кончено между народомъ и властью.

Народъ, считающійся непогрѣшимымъ, всемогущимъ священнымъ источникомъ власти и права, передалъ власти всѣ свои права, всю свою силу, свое всемогущество и свою непогрѣшимость. Государство становится отъ этого не менѣе обособленнымъ отъ націи и отъ общества, не менѣе выдѣленнымъ и господствующимъ надъ нимъ.

Старое уваженіе къ силѣ, старая опека нѣсколькихъ надъ всѣми вовсе не исчезли. Это все то же, но подъ другимъ именемъ. Вмѣсто того, чтобы взять направо, повернули направо и пришли къ тому же, нисколько не измѣнивъ результатовъ.

Ошибка, безъ сомнѣнія, неизбѣжная думать, пока не сдѣланъ предварительный опытъ, что, измѣнивъ инвестирующую власть, зачѣнивъ фатализмъ божественной власти согла-

сіемъ народа, замѣнивъ самодержавный, наследственный строй представительнымъ и избирательнымъ, значитъ измѣнить сущность власти.

Бѣда не въ томъ, что государство дѣйствуетъ во имя того или другого принципа, — бѣда въ томъ, что оно существуетъ!

Бѣда не въ томъ, что оно меня угнетаетъ во имя Бога и для своего удовольствія или во имя общества, или плебисцита, — бѣда въ томъ что оно меня притѣсняетъ.

Какая разница, будетъ ли народъ управляться этими мнимыми представителями всеобщихъ выборовъ, или нѣсколькими привилегированными по рожденію и по богатству. Народъ все-таки отданъ на произволъ этихъ представителей, выбранныхъ или нѣтъ, которые, какъ только получаютъ власть и становятся государствомъ, тѣмъ самымъ отдѣляются отъ народа, становятся внѣ народа, выше народа, врагомъ народа.

Скверно, что требуютъ уничтоженія или, если угодно, измѣненія не тѣ, кто облеченъ властью дѣйствовать и править отъ имени государства, а самое государство. Какъ бы удачно ни смѣнили людей, какъ бы ни преобразовали систему выборовъ, сколько бы они ни ставили въ заголовкѣ своихъ актовъ: «во имя народа», — народъ отъ этого не будетъ болѣе свободенъ и останется вещью, которой управляютъ, — въ этомъ именно, а не въ чемъ иномъ, все зло.

Государство¹⁾, каково бы оно ни было, какое бы имя ему ни давали, является ли оно диктатурой одного человека или собранія, республикой или монархіей, абсолютной или конституціонной, не можетъ быть ни демократичнымъ, ни революціоннымъ, даже либеральнымъ, потому что оно является представителемъ власти, деспотической и реакціонной по необходимости, по своей сущности. Оно не можетъ олицетворять свободы и равенства потому, что олицетворяетъ самодержавіе, которое властвуетъ, управляетъ, ведетъ за собою общество, словомъ, притѣсняетъ и давитъ, подчиняя его волю своей волѣ, считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ мои дѣла, заботиться о моемъ благополучіи, указывать мнѣ, что я долженъ дѣлать, думать и дѣйствовать на моемъ мѣстѣ и положеніи.

Тѣмъ болѣе государство не можетъ олицетворять справедливость и истину. Справедливость — потому, что, явля-

¹⁾ О развитіи этихъ идей см. томъ I «Государства и Революціи» Артура Арну.

ясь главнымъ среди привилегированныхъ, оно создаетъ и примѣняетъ законъ, не подчиняясь ему. Оно не можетъ олицетворять истину, потому что фатально является точной картиной страстей, познаний, предразсудковъ и способностей тѣхъ, кто воплощаетъ въ себѣ государство.

Если вы создаете законы, какъ ихъ пытаются создать въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, для защиты отъ государства и его всемогущества, вы, слѣдовательно, сознаете необходимость защищаться противъ него! Но что же это за защитникъ, противъ котораго вамъ приходится защищаться? Значитъ, онъ опасенъ, если вамъ приходится защищаться противъ него? Но кого-же вы обяжете примѣнять эти законы предосторожности противъ государства? Государство же, ибо вы все ему довѣрили, все ему передали!

Кто же не видитъ того, что это въ принципѣ заколдованный кругъ?

Въ дѣйствительности это еще гораздо хуже.

Что бы ни дѣлали, логика существуетъ, и все, что живеть, будетъ всегда по общимъ и непреложнымъ законамъ стремиться продолжать жизнь, разрушая препятствія, которыя стѣсняють ее. Государство существуетъ, оно хочетъ жить и развиваться. Оно, слѣдовательно, будетъ бороться противъ препятствій, которыя вы будете ему ставить. Оно попытается разрушить ихъ, и такъ какъ вы облекли его силой, будучи сами безоружны, то ему это удастся.

При данномъ положеніи, при сохраненіи этого принципа вы обречены на безконечныя революціи, такъ какъ онѣ бесплодны.

Откройте исторію Франціи — и вы увидите, что уже восемьдесятъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ задача была поставлена во всей своей чистотѣ, идетъ непрерывная борьба между народомъ и государствомъ.

Народъ не вѣритъ болѣе въ божественное право, научившись смотрѣть на государство, какъ на своего представителя, созданнаго для удовлетворенія его нуждъ, не чувствуетъ больше къ государству того трепетнаго почтенія, того тупого отреченія, которое когда-то внушала ему глѣба въ его божественное происхожденіе. Поэтому онъ оспариваетъ и тотъ вымыселъ, будто государство обременено заботами о благополучіи и интересахъ народа и требуетъ благополучія и удовлетворенія своихъ нуждъ. Государство не возвышается до этого, не желаетъ этого и не можетъ этого. Народъ поднимается, мѣняетъ людей, мѣняетъ имена. Въмѣсто Карла X—у него Людовикъ-Филиппъ, вмѣ-

сто Наполеонъ III—Версальская республика. Но ни Карль X, ни Людовикъ-Филиппъ, ни Наполеонъ III не являются истинными врагами, и положеніе дѣлъ не измѣнится отъ того, что семьсотъ человѣкъ будутъ издавать законы во имя республики, вмѣсто того, чтобы издавать ихъ во имя императора.

«Я вамъ скажу коротко и ясно: нашъ врагъ, это — нашъ повелитель!»

Итакъ, кто же этотъ повелитель? Это — государство, то-есть тотъ порядокъ вещей, которому вы довѣрили право распоряжаться вашей личностью и вашимъ состояніемъ, настоящимъ и будущностью отечества, гдѣ вы развиваетесь. Зло, отъ котораго вы страдаете, заключается въ томъ, что вы отрekaетесь подъ той или иной формой, но всегда отрekaетесь и ожидаете отъ другихъ того, что вы должны ждать только отъ самихъ себя. То, что васъ гложетъ, то, что грозитъ вамъ смертью, если вы не избавитесь отъ него, это то, что надъ вами есть нѣчто, что—не вы, что думать и дѣйствовать не такъ, какъ вы, что — даже съ самыми лучшими въ мірѣ намѣреніями — не можетъ понять вашихъ нуждъ, почувствовать вашихъ потребностей такъ, какъ вы ихъ знаете, какъ вы ихъ чувствуете, удовлетворить ихъ такъ, какъ вы ихъ удовлетворили бы сами.

Обездоленные рабочіе, свободные люди всѣхъ направленій, преклоняющіеся передъ идеаломъ оправедливости и любящіе истину, поймите же, наконецъ, что если вмѣсто этихъ шутовъ, забавниковъ и честолюбцевъ, если вмѣсто этой толпы блудоливовъ, интригановъ, глупцовъ, которые являются вашими врагами, по своимъ ли классовымъ интересамъ или просто по глупости, вы выберете только рабочихъ, людей абсолютно честныхъ и преданныхъ; если только эти люди не используютъ тотчасъ же свою власть на то, чтобы уничтожить существующее государство, — эти люди завтра, волей-неволей, сдѣлаются вашими врагами, и вы ничего не выиграете отъ этой перемѣны.

Если они сохраняютъ власть, они сами, въ концѣ концовъ, сдѣлаются властью.

Предположимъ, что это будетъ собраніе абсолютно честныхъ людей, что ихъ личныя добросѣдательствія смягчатъ тяжесть цѣпей, — и все-таки государство воплотится въ нихъ и вы будете скованы не менѣе, чѣмъ раньше. Ихъ преемникъ, первый пришедшій авантюристъ, сурово дастъ вамъ это почувствовать. Права народа не могутъ и не должны зависѣть отъ добродѣтелей охранителей власти.

Добродѣтель, какъ обязанность, какъ братство, какъ тяжкій мистическій сентиментализмъ, которымъ убаюкиваютъ дѣтей-революціонеровъ, въ политикѣ не больше, какъ слово, не имѣющее никакого значенія.

Серьезны и прочны только учрежденія и организаціи общественныя, въ которыхъ должно происходить наше развитіе, основанныя на данныхъ опыта, завоеваніяхъ науки и безусловной необходимости полной эволюціи человѣческаго рода.

Вотъ почему, въ такое короткое время, какъ одинъ вѣкъ, послѣ шести революцій, послѣ одного гильотинированнаго короля, четырехъ другихъ, умершихъ въ изгнаніи, послѣ трехъ республикъ,—французскій народъ не далеко ушелъ отъ того положенія, въ какомъ былъ въ первый день и находится всегда наканунѣ новой революціи, которая окажется такъ же безплодной, если онъ не выйдетъ изъ старой колеи.

Это—исторія камня Сизифа, который вѣчно падаетъ на того, кто его катитъ вверхъ. Нужно не катить вверхъ скалу, а взять колотушку и обратить ее въ прахъ. Нужно не мѣнять названіе и порядокъ власти, а уничтожить власть въ томъ видѣ, какъ ее создано прошлое, преобразовать ея сущность, однимъ словомъ—освободиться отъ нея.

Есть дѣйствительности, думаютъ ли, что выше общества есть какой-либо интересъ кромѣ общественнаго?

Вѣрятъ ли, что на этой землѣ, помимо человѣческаго разума, существовать еще высшій разумъ надъ человѣкомъ?

Вѣрятъ ли, что результатомъ коллективности собранія, ассоціаціи извѣстнаго количества индивидуумовъ можетъ явиться мысль, которая не будетъ человѣческой мыслью, истина, которая не будетъ человѣческой истиной?

Кто такъ думаетъ, тотъ пусть превращается въ католика и проситъ у непогрѣшимой церкви правилъ поведения. Я не спорю съ мистиками и религіозными людьми. Они не заслуживаютъ въ глазахъ науки возраженій и революцій.

Но если этому не вѣрятъ, почему же общество не дѣйствуетъ само по себѣ?

Почему же изобрѣтаетъ оно своего рола высшія и непогрѣшимыя существа, которыя только постольку реальны, поскольку ихъ лѣтаютъ этимъ: зачѣмъ допускаетъ ихъ дѣйствовать вмѣсто себя, слѣдить за собой, разрѣшать волнующія его задачи, справляться съ вопросами интересовъ въ повседневной жизни?

Какъ можно было настолько лишиться здраваго смысла, чтобы не понять, что государство, — допустимъ даже идеальное и прекрасное, разъ ужъ ему довѣрили высшее могущество, — можетъ дѣйствовать, только воплощаясь въ извѣстномъ количествѣ людей, и, слѣдовательно, народы просто передаютъ право распоряжаться собою нѣсколькимъ изъ своей среды, которые не могутъ быть лучшими, чѣмъ человечество въ своемъ цѣломъ?

Затѣмъ, если это просто люди, то почему этотъ предпочтительнѣе другого, если только мы не предположимъ, что облеченный властью тѣмъ самымъ облачается и высшей просвѣщенностью? Развѣ оттого, что получишь портфель, можно стать великимъ человѣкомъ и сдѣлаться высшимъ геніемъ только благодаря тому, что, вслѣдствіе невѣдѣнія или пристрастія партіи, оказалось въ урнѣ извѣстное число листковъ съ вашимъ именемъ?

Наряду съ этимъ роковымъ понятіемъ о государствѣ, рядомъ съ этимъ заблужденіемъ, источникомъ всѣхъ нашихъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ несчастій, есть еще другое понятіе, не менѣе опасное, — это понятіе объ единствѣ и централизаци.

Безъ послѣдняго государство не могло бы существовать, потому что это—оружіе, которымъ оно косить всѣ препятствія и выравниваетъ свой путь. Оно такъ тѣсно вкоренилось въ него, составляетъ такую неотъемлемую часть его, что почти бесполезно искать, которое изъ двухъ понятій предшествовало другому. Единство производитъ авторитетъ, какъ авторитетъ производитъ единство. И государство является самымъ дигимъ защитникомъ единства, безъ котораго оно не просуществовало бы и сорока восьми часовъ.

Люди смѣшиваютъ единство съ единеніемъ. Въ этомъ источникъ заблужденія.

Единеніе составляетъ силу. Единство создаетъ деспотизмъ.

Насколько одно благотворно, настолько вредно другое. Ихъ раздѣляетъ пропасть.

Единеніе — это договоръ, по которому извѣстное число личностей совершенно свободно, совершенно независимо заключаютъ контрактъ, по которому, имѣя одинаковые интересы, одинаковыя потребности, желанія и цѣль, они соединяютъ свои усилія, обобщаютъ свою дѣятельность. Но это единеніе не должно идти дальше и предполагать общность непосредственныхъ интересовъ или истинное сходство идеала политическаго и общественнаго.

Оно предполагает, что во всемъ остальномъ сохраняется свобода и самостоятельность.

Единство, напротивъ, является отреченіемъ отъ своихъ правъ подъ однообразнымъ ярмомъ, которое распространяется на все и вся. Ему жертвуютъ всегда болѣе, чѣмъ получаютъ, потому что каждая естественная группа, составляющая его, каждая личность, поглощенная, задавленная безчисленнымъ множествомъ другихъ группъ, испытываетъ на себѣ одномъ и всюду одновременно полный гнетъ всей массы.

Единство есть нѣчто существенно мнимое, произвольное, сокрушающее и уничтожающее, чтобы изъ разныхъ автономныхъ частей создать одно единственное зданіе, гдѣ никто не имѣетъ болѣе свободы движенія и не имѣетъ возможности развиваться, не увлекая за собою всю совокупность тѣхъ, къ которымъ онъ прикованъ, какъ каторжникъ къ своей цѣпи ¹⁾.

Въ единствѣ есть всегда что-то искусственное и тираническое въ томъ смыслѣ, что оно не покоится на естественныхъ законахъ, что оно не является вовсе первоначальнымъ созданіемъ человѣческихъ потребностей, но является условнымъ продуктомъ извѣстныхъ нуждъ или извѣстныхъ философско-политическихъ понятій, полезныхъ только для нѣкоторыхъ, въ ущербъ большинству.

Единеніе — это осуществленіе единства чувствъ, воли и интересовъ. Это явленіе вполне нравственное, гдѣ уважается право и самостоятельность каждаго.

Единство, напротивъ, при полномъ пренебреженіи правъ и самостоятельности, является насильственнымъ, поверхностнымъ, чисто витѣннымъ единеніемъ чувствъ, желаній и интересовъ самыхъ несогласныхъ.

Единеніе — это ассоціація!

Единство — это казарма!

Всѣ тираны, люди или народы, — потому что есть и народы-тираны, какъ, напримѣръ, римскій народъ, — всегда

¹⁾ Такова исторія Парижа, который при каждомъ возстаніи оказывается связаннымъ и брошеннымъ на землю необъятной тяжестью кѣлой Франціи, которая однообразно просвѣщена и одинаково зрѣла для идеала, который смутно видятъ даже столица.

Такова исторія всѣхъ большихъ городовъ Франціи, всѣхъ умственныхъ и революціонныхъ центровъ — Ліона, Марселя, Тулузы и т. д., вынужденныхъ оставаться на одномъ мѣстѣ, потому что двадцать милліоновъ крестьянъ не имѣютъ еще никакихъ политическихъ или общественныхъ идей.

Раздробивъ этотъ вѣсъ, будетъ, разумѣется, легче его поднять и довести до нуля, къ великому благу всѣхъ и каждаго.

мечтали и стремились къ единству, и это стремленіе вело всегда къ ужаснымъ несчастіямъ послѣ долгихъ страданій.

Откуда же ведетъ свое начало эта идея о единствѣ, столь противорѣчащая человѣческому гению и свободному развитію его способностей. идея, которая такъ часто останавливала прогрессъ цивилизаціи, и которая является, въ сущности, подавленіемъ личной инициативы, раздавленной большинствомъ?

Идея единства, какъ ее примѣняютъ и какъ ее понимаютъ теперь, это — идея по сущности религіозная, христіанскаго и католическаго происхожденія. Это католицизмъ, или, если хотите, христіанство, которое запечатлѣло въ умахъ идеаль однообразной дисциплины и государство, явившееся наслѣдникомъ церкви, старательно сохранило этотъ идеаль, который благопріятствовалъ его маніи всепоглощенія. Таково происхожденіе единства, и только это можетъ дать видимое оправданіе его мнимому назначенію.

Богъ, царь и законъ, то-есть сила въ трехъ ея видахъ, — такова троица, угнетающая человѣчество, которая останавливала, послѣ препятствовала и, наконецъ, дѣлаетъ столь мучительнымъ прогрессъ цивилизаціи.

Народъ во Франціи понемногу уничтожилъ два первыхъ члена этого уравненія тираніи: Богъ и король перестали давить на его сознаніе, сковывать его свободу.

Я говорю, разумѣется, о той части народа, которая думаетъ, разсуждаетъ и дѣйствуетъ, а не о той невѣжественной и безучастной массѣ, которая по привычкѣ и благодаря отсутствію просвѣщенія погрязла въ старыхъ предрассудкахъ, ничего не говорящихъ ея уму, но которая носить ихъ, какъ носить рубашку, потому что это такъ принято, потому что ей говорятъ, что такъ надо.

Итакъ, народъ не вѣритъ больше ни въ Бога, ни въ короля. Религія и монархія отжили для него свое время, особенно монархія, представителями которой во Франціи являются только нѣсколько сотъ негодяевъ, жаждущихъ крестовъ, портфелей, префектуръ, синекуръ, ливрей и придворныхъ баловъ.

Кромѣ этой толпы, плавающей надъ націей, какъ на кипѣ въ котлѣ, во Франціи нѣтъ больше роялистовъ, но есть стоящіе за единство, централизацию, обожатели государства, сильной власти и авторитета.

Такихъ можно найти даже между революціонерами. Родившись и воспитавшись среди общества, носящаго христіанскій отпечатокъ, ихъ умы отлились въ извѣстную

форму, которой они не могли разбить. Очень сильные и смѣлые, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы бороться и свергнуть существующую власть, они на другой день, совершенно бездѣятельные, смущенные, неспособные, обращаются снова къ власти, которую они свергли, и съ жаромъ ее возстаиваютъ. Они здѣсь падаютъ обезсиленными, если они честны, или же обочають всѣ пороки, если остаются у кормила правленія. Почему? Потому что они вѣрятъ въ государство и, разъ оно дано, они становятся государствомъ; или потому, что ждутъ отъ государства реформъ, которыя противорѣчатъ самой сущности государства, которыхъ государство не можетъ болѣе дать, какъ нельзя дать луну ребенку, который трсбуетъ ее, топая ногами.

Эта религіозная идея сильной централизованной власти, идея единства, оправдывается въ ихъ глазахъ плохо понятнымъ вѣрованіемъ въ единство всего человѣчества, которое изобрѣли романики Библии и Евангелія, вслѣдствіе нсвѣдѣнія въ ту эпоху истинныхъ законовъ творенія, которые едва ли смутно начинаютъ уясняться теперь.

Она основывается на томъ совершенно ложномъ вѣрованіи, что всѣ люди — дѣти одного Бога, произошли отъ одной четы, и чѣмъ болѣе поэтому правительство и общество приближаются къ безусловному единству, тѣмъ болѣе они приближаются къ божественному идеалу метафизической истины.

Католицизмъ и церковь первые мечтали объ этомъ объединеніи, объ этой однообразной дисциплинѣ, объ этомъ однообразіи сердець и умовъ, и суровые революціонеры, которые стремятся къ ея осуществленію, во имя прогресса и человѣческаго освобожденія, безъ вѣдома являются не болѣе, какъ пресмычками и слабыми подражателями Сикста Пятаго и Григорія VII.

Въ этой идеѣ единства человѣческаго рода есть доля истины и доля ложнаго.

Она ложна въ томъ смыслѣ, какъ земной рай и золотой вѣкъ, который религіозная традиція ставитъ въ началѣ творенія и который наука и разумъ переносятъ въ будущее, а не въ прошлое.

Человѣкъ не былъ въ началѣ счастливъ и добродѣтеленъ; онъ началъ съ состоянія животнаго, съ невѣжества и нищеты.

Счастье и добродѣтель — это цѣль, а вовсе не точка отправления.

Единства человѣчества также не было вовсе при возникновеніи человѣчества, — оно явится заключеніемъ

Есть люди, которые въ одинъ прекрасный день увидятъ это челоѣчество, къ которому мы идемъ, но которое не существуетъ и никогда не существовало. Оно явится результатомъ роста общаго уровня и обмѣна и согласія во взглядахъ. Оно будетъ теликопѣтнѣмъ наслѣдіемъ мира согласія, единенія, которое заѣмшатъ будущимъ поколѣніемъ прошлаго и настоящаго, благодаря кровавой борьбѣ и героическимъ усиліямъ. Но мы еще не достигли этого. Съ большимъ трудомъ мы только направляемся туда.

Тѣ, кто громче и чаще всѣхъ говорятъ о челоѣческомъ единствѣ, подразумѣваютъ, въ сущности, только меньшинство челоѣчества въ Европѣ и Америкѣ, которое достигло извѣстной степени однообразнаго развитія, которое ихъ сближаетъ все болѣе. Это они для него услаживаютъ, они понимаютъ его въ своихъ объединительныхъ планахъ. Они готовы въ настоящее время исключить всѣ народы, населяющіе необъятныя степи Азіи, пустыни Африки и Австраліи и острова Океаніи, то-есть три четверти обитаемаго земного шара.

На нихъ они смотрятъ, какъ на настоящія стада. Европеецъ безцеремонно разселяется между ними и истребляетъ ихъ, если они сопротивляются. Они принадлежатъ тому, кто первый захватитъ ихъ. Для нихъ нѣтъ челоѣческихъ правъ.

Нужно ли, впрочемъ, ни допуская, ни оправдывая этого переноса въ другія страны права захвата, напомнить, что нѣкоторые дикари Новой Голландіи и другихъ странъ гораздо менѣе ушли отъ обезьяны, чѣмъ европеецъ, и что рядомъ съ небольшой бѣлой кавказской народностью, высоко развитой въ умственномъ отношеніи, есть двѣ или три другія народности, желтая, красная и черная, которыя не имѣютъ почти ничего общаго съ нами?

Все это доказываетъ всякому, кто не метафизикъ, что челоѣчество развивается, а не есть нѣчто существующее отъ вѣка.

Люди находятся на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ, характеризующихъ различныя группы. Такъ дѣло обстоитъ въ настоящее время: на почвѣ существующаго мы должны дѣйствовать, изъ этого матеріала создавать будущее.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ мечты и заблужденія болѣе или менѣе библейскія и, не будучи ни католиками, ни христианами, ни деистами, ни спиритуалистами, рассмотримъ

дѣло, какъ оно есть въ дѣйствительности. Истина, повторяю, заключается въ томъ, что существуютъ люди и группы людей, и эти люди и группы имѣютъ естественное стремленіе, цѣль и обязанность объединяться между собой, сохраняя свою автономію. Когда человечество въ дѣйствительности образуетъ одну семью, автономія эта является необходимою, потому что только автономія можетъ обезпечить свободное развитіе ихъ полнаго могущества. Вѣрно и то, что всѣ люди, всѣ группы, разбросанные по земному шару, имѣютъ извѣстное количество однородныхъ нуждъ, интересовъ, страстей и чувствъ. Справедливо также, что ихъ объединяетъ уже одно то, что они населяютъ одно и то же мѣсто и совершенно солидарны между собою. Справедливо также, что все живущее здѣсь имѣетъ общее первоначальное происхожденіе и связано общими нитями, потому что, начиная отъ былинки и насѣкомаго и кончая человѣкомъ, всѣ мы — дѣти, дѣти различныя и, конечно, не близнецы необъятной матери-земли, плодovitость которой еще не исощилась.

На этихъ основаніяхъ люди имѣютъ, конечно, общую связь и должны стремиться къ объединенію, но не къ однообразію.

Общій планъ вселенной, далекій отъ единства, есть разнообразіе въ объединеніи.

Чтобы единство, о которомъ мечтаютъ поклонники авторитета, попы и извѣстные революціонеры, было законно и возможно, необходимо, чтобы всѣ люди были, какъ одинъ человѣкъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ они различаются между собою и не только благодаря различному умственному развитію въ настоящее время, но и по склонностямъ и различнымъ способностямъ, точно такъ же, какъ всѣ имѣютъ извѣстныя точки соприкосновенія, извѣстные пункты схода. Истинный законъ и логичная организація, слѣдовательно, та, которая въ равной мѣрѣ удовлетворяетъ двѣ потребности: солидарность и автономію. Вънѣ этого вы будетъ имѣть только деспотизмъ или безсиліе.

Человѣкъ,—я подразумѣваю всякаго человѣка.—самъ по себѣ представляетъ цѣлый міръ съ собственными законами развитія и личной цѣлью, которую онъ долженъ осуществить. Это основаніе всего. Теперь онъ связанъ со всѣмъ человечествомъ различными звеньями. Онъ—самостоятельная личность, но составляетъ также часть группы другихъ личностей, которыя, въ силу общаго происхожденія, условій географическихъ, историческихъ, физиологическихъ, проми-

словенныхъ, имѣютъ съ нимъ много близкихъ и глубокихъ точекъ соприкосновенія—единство языка, привычки, извѣстное міросозерцаніе, экономическіе интересы и пр.

Эта группа составляетъ національность въ истинномъ смыслѣ слова.

Национальность, въ дѣйствительности, вовсе не подраздѣленіе, а первая ступень, ведущая личность къ человечеству. Я говорю объ истинной національности, а не о національности искусственной, созданной борьбой и произвольными законами старой политики.

Эта вторая группа составляетъ теперь часть третьей, болѣе обширной группы, для насъ, на примѣръ, группы европейцевъ, которая, естественно, создается общимъ происхожденіемъ, извѣстнымъ умственнымъ уровнемъ, извѣстными экономическими законами.

Такимъ образомъ, для насъ существуетъ въ настоящее время три сущности: личность, нація, Европа.

Само собою понятно, конечно, что я касаюсь здѣсь только того, что есть въ настоящее время. Вѣроятно, наступитъ день, на примѣръ, когда всѣ люди будутъ говорить на одномъ языкѣ, когда всѣ достигнутъ, благодаря образованію, одинаковаго нравственнаго уровня, когда, наконецъ, останутся только личность и производительныя или хозяйственныя группы среди человечества.

Но даже въ эту отдаленную эпоху автономіи личности и свободно созданной группы, ограниченной климатическими и географическими потребностями и вытекающими отсюда собственными способностями, будетъ, безусловно, признана, и объединеніе, которое является свободой, никогда не можетъ вырождаться въ единство, которое является рабствомъ.

Такъ это въ природѣ, а законы жизни всюду одинаковы. Земля — это автономія, которая вмѣстѣ съ другими, также автономными планетами, вращается вокругъ солнца, которое, будучи само автономно, вращается вокругъ неизвѣстнаго центра, который долженъ описывать болѣе широкій кругъ вокругъ другого, потеряннаго въ пространствѣ, и такимъ образомъ, вся вселенная, соединенная, но не мѣшанная въ своихъ явленіяхъ, описываетъ все болѣе безконечныя кривыя въ безконечномъ пространствѣ.

Отъ букашки до солнца, отъ песчинки и кончая безграничнымъ пространствомъ, всюду согласіе, соразмѣрность, солидарность, но всюду также различіе, независимость, автономія.

Съ принципиальной точки зрѣнія идея единства централизаціи ложна, противорѣчить дѣйствительности и естественнымъ законамъ и покоится на ложномъ представленіи о происхожденіи и безусловныхъ потребностяхъ жизни.

На дѣлѣ она опасна и угнетаетъ народы, какъ тяжкое бремя, которое давитъ ихъ и осуждаетъ на безсиліе.

Единство не можетъ существовать безъ централизаціи, а централизація предполагаетъ высшую руководящую власть, передъ которой все склоняется. Таковъ основной механизмъ деспотизма. Тутъ нѣтъ больше мѣста для свободы. Сколько бы ни вписывали въ конституцію, деспотизмъ отъ этого не станетъ лучше. Никакой декретъ не заставитъ яблоно приносить вишни. Никакой декретъ, никакая революція не помѣшаютъ унитаризму произвести централизацію и централизація — авторитарную власть.

Называется ли эта власть монархіей, имперіей или республикой — имѣетъ съ этой точки зрѣнія мало значенія, какъ я уже доказалъ.

Если республиканской формѣ удастся удержаться, что будетъ чудомъ, у васъ будетъ надъ вами хозяинъ въ нѣсколько сотъ головъ, именуемый національнымъ собраніемъ. Такъ какъ вся жизнь сосредоточится тамъ, гдѣ будетъ власть, а внѣ столицы и представителей власти всегда будетъ безсиліе, бездѣятельность, ничтожество, то всегда будетъ достаточно, чтобы безсовѣстный честолюбецъ, опираясь на часть солдатчины, наложилъ руку на столицу, выбросилъ за окно или бросилъ въ тюрьму представителей власти, и стоглавая диктатура будетъ замѣнена диктатурою личною.

Гдѣ найдется въ странѣ, приведенной въ единообразіе, живой центръ, который могъ бы стать центромъ сопровитвенія?

Нужно ли во Франціи считаться съ Лиономъ, Марселемъ, Бордо, Нантомъ, Тулузой и т. д.? Нѣтъ! Эти города стали трупами, откуда, повторяю, нечего ждать инициативы или даже сопротивленія. Тамъ есть, однако, люди. Они дѣйствуютъ въ дни революціи, но гдѣ? Въ Парижѣ. Поэтому что только тамъ можно наложить руку на правительство, а такъ какъ правительство — вы, то, разъ оно взято, остальное нечего и брать.

Почему Коммуна погибла въ Парижѣ? Потому что, когда правительство ускользнуло отъ нея, то вся страна, сданная за горло желѣзной рукой правительства, организована только въ видахъ пассивнаго повиновенія, не

имѣя помощи властей ни центра, ни группы, ни сношеній между отдѣльными частями, оказалась парализованной, хотя большіе города отъ всего сердца сочувствовали коммунистическому движенію, такъ какъ ихъ могло освободить только его торжество.

Чтобы вы ни дѣлали, единство называется централизаціей, а централизація называется авторитетомъ, — помните ярымъ, но это все-таки всегда будетъ деспотизмомъ.

Вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ демократія во Франціи ведетъ эту игру и, оставляя восемьдесятъ лѣтъ всѣхъ партий на рукахъ у власти, она проигрываетъ, ограблена, эксплуатирована, обворована.

Только одна страна осталась свободной и могла быть при жизни демократической въ Европѣ среди всѣхъ деспотій, которыя ее окружаютъ, — это швейцарскій народъ. Почему? Стоитъ онъ выше другихъ по своей гениальности? Нѣтъ. Темпераментъ его холоденъ и вообще лишенъ инициативы. Онъ даже не представляетъ особой національности, такъ какъ состоитъ изъ трехъ различныхъ расъ, говорящихъ на трехъ языкахъ и исповѣдующихъ двѣ религіи. Онъ состоитъ, какъ Австрія и Европейская Турція, изъ обломковъ разныхъ національностей, между которыми нѣтъ никакой врожденной симпатіи. А между тѣмъ, онъ прожилъ сравнительно счастливо и свободно и могъ бы быть еще во сто разъ болѣе счастливъ, во сто разъ болѣе свободенъ, если бы у него было больше инициативы, если бы онъ такъ же любилъ общественное равенство, какъ любитъ равенство политическое. У него три расы, которыя всюду враждуютъ между собою, двѣ нетерпимыя религіи жили въ добромъ согласіи и вовсе не помѣшали развитію чувства крайней солидарности, истиннаго и искренняго братства.

Почему? Потому что это — конфедералія, потому, что нѣмецъ, французъ и итальянецъ объединились въ томъ, что ихъ касалось, въ чемъ они были заинтересованы всѣ трое, а во всемъ остальномъ остались автономными, т. е. свободными. Потому что они примѣнили, не подозревая этого и притомъ въ весьма неполномъ гдѣ, принципъ, провозглашенный Коммуной: автономія естественныхъ группъ и федерация группъ. Съ точки зрѣнія политики, о которой сейчасъ

1) Кромъ этого у него очень серьезные достоинства. Не только такъ же, что въ Европѣ онъ одинъ съ такимъ же благомъ одно поддерживаетъ свое право убійства.

идеть разъ, когда дѣло идетъ о Швейцаріи, гдѣ социальный вопросъ не двинулся много впередъ сравнительно съ другими странами, они сумѣли почти точно разграничить части объединенія и обособленія. Они приблизительно сумѣли объединиться въ томъ, что должно быть объединено, и остались обособленными въ томъ, что должно быть обособленно. Они заключили договоръ для дѣлъ, имѣющихъ общее значеніе, въ чемъ у нихъ были одинаковыя потребности придти къ соглашенію и заключить договоръ. Остальное они сохранили.

И, такимъ образомъ, нѣмецъ, французъ, итальянецъ, развиваются бокъ-о-бокъ, рука въ руку, не притѣсняя и не угнетая другъ друга, между тѣмъ, какъ въ Австріи венгерцы, нѣмцы, поляки, итальянцы и хорваты проклинаятъ другъ друга и мечтаютъ только объ отдѣленіи или господствѣ.

Уничтожьте Австрійскую монархію, и венгерцы поляки, итальянцы, нѣмцы образуютъ федерацію безъ потрясеній безъ расовой ненависти и непріязни, безъ желаній первенствовать, установится взаимная зависимость, образуется вторая Швейцарія, свободная и счастливая, поскольку дозволить это геній ея населенія.

Напротивъ, объедините Швейцарію—и у васъ завтра получится новая Австрія, гдѣ нѣмцы, составляющіе большинство, раздавятъ французовъ и итальянцевъ, гдѣ итальянцы и французы будутъ мечтать только объ отдѣленіи и возстаніи; у нихъ разовьется національная рознь, врагъ всякаго прогресса, между расами, которыя существуютъ въ дѣйствительности, которыя должны объединяться и могутъ любить другъ друга.

Возьмемъ примѣръ.

Предположимъ, что Европа будетъ объединена однимъ правительствомъ, подчинена одному закону.

Революція окончена!

Индивидуальное развитіе генія каждаго народа исчезнетъ, испарится, явится одно стадо, пыль человѣчества, безъ связи, безъ всякой точки опоры.

Франція не сможетъ болѣе быть очагомъ революціонныхъ идей и распространять ихъ по всему міру, потому что она должна будетъ подчиняться закону большинства, представленному казацкой Россіей, феодальной еще Германіей и т. д., и т. д.

Она будетъ потоплена, растворена.

Если даже Парижъ поднимется, это не будетъ имѣть никакого значенія, потому что не будетъ среды, которая

необходима для распространенія идеи такъ же, какъ для распространенія звука и свѣта. На сто тысячъ возставшихъ парижанъ будетъ сто милліоновъ европѣйцевъ, готовыхъ ихъ раздавить¹⁾.

Но Парижъ болѣе не подумаетъ о возстаніи. Онъ потеряетъ свой собственный геній, свою индивидуальность. Онъ не будетъ болѣе центромъ, онъ будетъ подначальнымъ колесомъ огромной машины, отъ движенія которой онъ будетъ зависѣть. Французскій геній исчезаетъ, какъ исчезаетъ геній всякой человѣческой группы, принужденной жестоко бороться съ другими несходными группами.

Италія, которая дала міру возрожденіе и болѣе великихъ людей въ теченіе двухъ вѣковъ, чѣмъ вся Европа съ начала христіанства и борьбы варваровъ, сдѣлавшись добычей иностранцевъ, перестала творить людей и идеи. У нея не стало болѣе ни школы собственной живописи, ни поэтовъ, ни писателей. Она не сдѣлалась ни нѣмецкой, ни испанской, ни французской; она перестала быть итальянской и сдѣлалась только географическимъ именемъ, сомнительной цѣнностью для человѣчества. Она только теперь найдетъ себя, когда стала снова предоставлена самой себѣ.

То же самое было съ Польшей, съ Ирландіей, со всѣми тѣми народами, которые утратили возможность свободно располагать собою и не могли развиваться согласно своей собственной природѣ. Они утратили совершенно всякое значеніе въ развитіи идей. Это смолкнувшій инструментъ въ оркестрѣ человѣчества.

Что они выиграли отъ этого?

Насъ не слишкомъ много, чтобы искать истину, чтобы изслѣдовать ея разнообразныя стороны. Абсолютная, полная и совершенная истина не является нашимъ утѣломъ. Слѣдуетъ, необходимо и важно, чтобы каждая оригинальная личность,—а народы являются только огромной личностью,—изслѣдовала ее съ своей частной точки зрѣнія.

Кто можетъ отрицать, что современная мысль, что социальная революція, взятая въ цѣломъ, является и должна быть результатомъ различныхъ усилій, — плодотворныхъ потому, что они различны,—личнаго генія народовъ, населяющихъ Европу?

Не ясно ли, что французская мысль дополняется мыслью нѣмца, англичанина, русскаго?

¹⁾ Это, конечно, можетъ быть примѣнимо ко всякому другому городу, ко всякой другой странѣ, сдѣлавшейся случайно инициаторомъ революціи.

И если одна из этих мыслей поглощена и уничтожена другими, то некоторые стороны человеческой истины останутся неизвестны. останутся задачи, разрешение которых поневоле будет неполно.

Куда бы мы ни обратились,—къ наукѣ ли, къ философіи, къ исторіи, къ дѣйствительности ли,—всюду мы находимъ вѣщія слова, написанныя кровью:

— Долой единство, долой централизмъ, долой сильную власть! Автономія группъ и союзъ автономныхъ группъ.

Это тѣ слова, которыя, съ своей стороны, впервые провозгласила Коммуна и сдѣлала попытки провести ихъ въ жизнь.

Когда разыгралась революція 18 марта, вызванная правительствомъ, потопленіе было слѣдующее:

Франція совершила четвертую побѣдоносную революцію, и въ четвертый разъ народъ, еще весь покрытый потомъ и пылью битвы, видѣлъ, что эта революція готова попасть въ руки враговъ народа. Въ четвертый разъ онъ вилѣлъ себя передъ этимъ явленіемъ, когда, опрокинувъ тирана, онъ не подавилъ тираніи, когда правительству-притѣснителю идти на смѣну другое правительство-притѣснитель, что онъ ничего не выигралъ взаимно, что единство, централизція и ихъ прямая дочь—власть—остались на развалинахъ сѣниваго трона, что управление своими интересами ускользаетъ отъ него и остается въ рукахъ всемогущихъ и неотвѣтственныхъ, которые дѣйствуютъ, декретируютъ, организуютъ, предписываютъ законы, не заботясь о немъ и о его волѣ, заковываютъ его снова, и онъ не можетъ ничего сдѣлать.

Однимъ словомъ, онъ смѣнилъ тюремщика, но толстыя стѣны тюрьмы, ея узкія слуховыя окна, задѣланные желѣзными рѣшетками все еще возвышаются между нимъ, побѣдителемъ, и чистымъ воздухомъ свободы.

Считать быть полный, окончательный.

Вѣчной честью парижскаго народа будетъ то, что онъ понялъ, и вѣчнымъ позоромъ буржуазной республиканской партіи, доказательствомъ ея эгоизма, безсилія, неспособности или малолѣтності будетъ то, что она закрывала глаза передъ очевидностью и затыкала уши отъ крика будущности.

Восемнадцатаго марта народъ окончательно порвалъ со старой монархической и якобинской традиціей, обезумѣвъ одиноково отъ единства и отравленный развращающей идеей сильной власти.

Восемнадцатаго марта народъ заявилъ, что нужно вый-

ти изъ заколдованнаго круга, искоренить зло въ корнѣ,—нужно не господина мѣнять, а господъ не имѣть больше. Съ чуднымъ сознаніемъ истины, стремясь достигнуть цѣли тѣми путями, которые могли привести къ ней, онъ объявилъ автономію Коммуны и федерацію коммунъ.

Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, современная мысль нашла силу, которая называлась Парижемъ, и эта мощная сила должна была воткнуть топоръ въ самый корень стараго феодальнаго авторитета и религіознаго дерева.

Старый міръ почувствовалъ себя раненымъ на смерть и поднялся весь, отъ идіота-дворянчика и деревенскаго церковнаго сторожа до формалиста-республиканца, до мистико-сентиментальнаго социалиста и буржуа,—отъ Лорге-риля до Луи Блана.

Что думалъ Парижъ, провозглашая коммунальную автономію?

Думалъ ли онъ разбить французскую національность, обратить тридцать тысячъ коммунъ Франціи въ маленькія независимыя республики, безъ всякой связи между ними?

Конечно, нѣтъ

Передъ лицомъ монархической Европы это было бы просто чистымъ сумасшествіемъ, самоубійствомъ, столь же безразсуднымъ, какъ и смѣшнымъ, и никто объ этомъ вовсе не думалъ.

Не слѣдуетъ забывать, что наряду съ автономіей Коммуна провозглашала федерацію группъ. Коммуна, однимъ словомъ, хотѣла разбить централизмъ, внѣшнее, искусственное, деспотическое противоестественное и убійственное единство, чтобы замѣнить его животорнымъ, подкрѣпляющимъ и плодотворнымъ единеніемъ.

Коммуна брала Францію такой, какъ она есть среди Европы въ настоящее время, она оставалась въ своемъ столѣтіи, не забывая ни одной изъ его нуждъ.

Она хотѣла только уничтожить то, что можно было уничтожить въ настоящее время, передѣлать то, что можно перетѣлать сейчасъ, открыть путь прогрессу и разбить тупыя пути, которыя держатъ ее на мѣстѣ въ теченіе такого долгаго времени.

Никто не думалъ, однако, наносить удара существованію Франціи, какъ это глупо повторяли.

Пока существуютъ національности, обязанность каждой изъ нихъ, не захватывая другой, заботиться о поддержаніи своего собственнаго существованія, заставить уважать автономію и независимость, которыя однѣ могутъ

обеспечить свободу развития, на которую имѣть право всякое существо.

Основанія этого я приводилъ выше.

Напротивъ, она болѣе всего старалась облегчить, увеличить жизненность Франціи, устраняя ее, поскольку возможно, по образцу будущаго, дѣлая ее очагомъ, распространяющимъ свѣтъ по всей Европѣ, показывая движеніе на ходу, закладывая первое основаніе сущности будущаго преобразованія общества и приближая это время.

Словомъ, дѣло шло о томъ, чтобы въ первый разъ не толковать истинныя правила, справедливые и нормальные законы, которые должны обеспечить дѣйствительную независимость личности и группы, коммунальной или корпоративной, и потомъ связать между собой однородныя группы такъ, чтобы онѣ пользовались одновременно и единеніемъ, которое есть сила, которое является рычагомъ, возвышающимъ идеи и міры, и также автономіей, необходимой для достоинства личности и для благосостоянія группъ, безграничнаго развитія, всѣхъ оригинальныхъ способностей, всѣхъ производительныхъ и прогрессивныхъ свойствъ.

Чтобы достигнуть этой цѣли, достаточно точно опредѣлить область безусловныхъ интересовъ всей совокупности національной, федеративной группы и область интересовъ каждой изъ естественныхъ подгруппъ, которыя являются не членами, подчиненными одному разуму, а товарищами, соединившимися съ цѣлью самосохраненія, ради свободы, равенства и благосостоянія.

Нѣтъ, въ сущности, ничего легче этого разграниченія, и не входя въ подробности, можно намѣтить его въ общихъ чертахъ.

Такъ, очевидно, что во всемъ, что касается почтъ, телеграфовъ и путей сообщенія, интересы совершенно одинаковы повсюду въ какой бы то ни было странѣ ¹⁾.

Все, что касается національной защиты и что необходимо для поддержанія независимости,—само собою разумѣется, при условіи вооруженія всей націи и безъ всякихъ постоянныхъ армій.

То же самое относительно международныхъ сношеній съ внѣшними странами.

Національные финансы, то-есть доля національныхъ богатствъ, посвященная этой общественной службѣ, на

¹⁾ Какъ, впрочемъ, и во всю въ Европѣ, и въ цѣломъ мірѣ.

пользу совокупнымъ интересамъ, должны быть въ известной степени централизованы.

Для того, чтобы народное образованіе, являющееся общественнымъ интересомъ въ степени болѣе, чѣмъ всѣ другіе, сдѣлать серьезнымъ, профессиональнымъ и равнымъ для всѣхъ, безъ всякихъ ограниченій, кромѣ, развѣ, относящихся къ области индивидуальной ограниченности,—для этого всѣ средства національной федераціи не будутъ чуждыми; нужно выработать методъ одновременно автономный и коллективный, который позволилъ бы въ одно и то же время пользоваться преимуществами общины и усиленіемъ, помощью и преимуществами личной инициативы отдѣльныхъ группъ.

Съ другой стороны, для множества вопросовъ силы изолированной Коммуны совершенно недостаточны и, въ случаяхъ общности интересовъ группъ болѣе значительныхъ, коммуны должны были образовать лиги или ассоціаціи—областные, если географическій законъ создастъ имъ спеціальныя личныя интересы, и частичныя для тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ мѣропріятій.—съ условіемъ, чтобы эти мѣры нисколько не запутывали свободнаго теченія общей жизни и общественной дѣятельности и не посягали на нее ¹⁾

Остальное—администрація, коммунальные финансы, магистратура, полиція, духовенство—относится къ вѣдѣнію коммунъ, автономныхъ группъ. Онѣ сами выбираютъ муниципальные совѣты или выбираютъ смѣняемыхъ людей или третейскихъ судей для каждаго дѣла, или же судятъ непосредственно, какъ это практиковалось и, можетъ быть, еще практикуется въ нѣкоторыхъ общинахъ великой Россіи. Напримѣръ, можно организовать внутреннюю полицію согласно волѣ населенія, или назначая спеціальныхъ агентовъ, или же обязывая каждаго гражданина исполнять

¹⁾ Эти областныя группы, эти междукommунальныя лиги,—постоянныя ли, для какой-либо опредѣленной цѣли, промышленной, социальной, политической или какой-либо другой,—которыя способны всегда раздѣляться и распадаться по желанію договаривающихся,—согласно условію договора, имѣются очень важными и единственно дающими коммунальной организаціи подвижность и достаточную энергію.

Это необходимое звено, которое связываетъ коммуны съ общей федераціей—коммуны, которая болѣею частью слишкомъ слаба, чтобы изжигаться въ оторѣ.

Если она ищетъ ее въ центръ, это—деспотизмъ.

Если она ищетъ ее въ областныхъ или корпоративныхъ лигахъ, это—искусство и свобода.

службу, какъ въ національной милиціи,—словомъ, слѣдить за общественной безопасностью въ такой формѣ, которая болѣе другихъ соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ интересамъ.

Кромѣ того, каждая коммуна, каждая автономная группа должна устанавливать свои отношенія съ церковью и своими собственными средствами организовывать богослуженіе, какое ей нравится, или вовсе обходиться безъ него.

Наконецъ, каждая автономная группа,—коммунальная она или корпоративная,—смотря по обстоятельствамъ ¹⁾, должна разрѣшать въ своемъ собственномъ кругу вопросъ социальный, то-есть вопросъ о положеніи собственности, объ отношеніяхъ труда и капитала, организациіи семьи и т. д., какъ она понимаетъ это по своему развитію, желаніямъ и потребностямъ. Община можетъ вмѣшиваться здѣсь только, чтобы обезпечить свободу дѣйствія наличныхъ элементовъ и уваженіе рѣшеній, принятыхъ въ каждой автономіи, при чемъ рѣшенія эти могутъ быть всегда измѣнены по почину и съ согласія заинтересованныхъ.

Однимъ словомъ, дѣло въ томъ, чтобы замѣнить въ управленіи политическими дѣлами казарменный порядокъ, являющійся точнымъ изображеніемъ правительственной централизациі государства, порядкомъ тѣхъ анонимныхъ товариществъ, примѣры которыхъ давно уже намъ дали капиталисты, стремясь къ лучшему и скорѣйшему обогащенію, но гдѣ онъ примѣняется исключительно въ той авторитетной, несправедливой и противорѣчивой средѣ, которая угнетаетъ насъ съ цѣлью эксплуатировать чужой трудъ съ помощью присвоеннаго капитала.

Нужно хорошо понять слѣдующее,—если есть вопросы политическіе, которые могутъ и должны быть разрѣшены впрѣдъ однообразно и окончательно, какъ, напр., уничтоженіе правительственной централизациі, государственной власти, парламентаризма, представительной системы ²⁾ и т.

¹⁾ Кромѣ коммунальных группировокъ, соотвѣствующихъ старой политической организациі, кооперативная группировка соотвѣтствуетъ организациі общественной, служи́тъ ей основой и управленіемъ.

²⁾ Па а мы пегу а свѣ или инныя, глѣна гачонныя са оноа ельствова-ть и у авлять о ѣ ие и суе е наго на ста г естивительн кто аго онѣ бы ѣ не могу ѣ и дѣйстви ельно никогда не бывають, должны быть замѣнены комиссіями для изслѣдованія, избираемыми вѣременно для спеціального случая, для выработки опредѣленнаго закона. Онѣ должны избираться съ импел а ивными и точно ограниченными мандатами, и пелелоченія ихъ насколько они касаются общихъ вопросовъ, должны влти на утвержденіе автономныхъ группъ, которыя ихъ принимаютъ или отвѣ.

д., то вопросъ социальный носить совершенно другой характеръ.

Какое бы рѣшеніе могло быть принято въ настоящее время? Какое будетъ принято рѣшеніе, если завтра народъ, ставъ хозяиномъ положенія, сможетъ доставить торжество своимъ желаніямъ? Объ этомъ мнѣ не приходится говорить здѣсь, въ произведеніи чисто историческомъ. Очевидно, рѣшеніе зависить отъ степени развитія социальной науки, отъ того, до какой степени довела пропаганда умы, отъ обстановки, въ которой происходитъ революція, отъ собственного темперамента группъ, призванныхъ разрѣшить экономическіе вопросы.

Рѣшеніе это не будетъ, вѣроятно, даже однообразно всюду и во всѣхъ подробностяхъ. Но при системѣ автономіи и свободной группировки, это мнимое и временное разнообразіе, которое, въ концѣ концовъ соотвѣтствуетъ закону эволюціи рода человеческого, не представляетъ вовсе неудобствъ.

Отъ опыта будетъ записѣть указаніе наилучшаго разрѣшенія, и развитіе науки внесетъ необходимыя измѣненія.

Тѣмъ болѣе, что, если старое общество, какимъ мы его знаемъ, авторитетно дѣйствуя и опираясь на кары закона и на жандармовъ, можетъ жить только при безусловныхъ рѣшеніяхъ, обреченныхъ на неподвижность, то будущее общество, дѣйствуя свободно безъ уставовъ и жандармовъ, будучи только внѣшнимъ проявленіемъ и точнымъ представительствомъ человека въ его отношеніяхъ съ смутными подобными, будетъ правильно съ каждымъ днемъ развиваться, безъ потрясній, наряду съ наукой и самимъ человекомъ.

Между тѣмъ, можно впередъ указать, что, такъ какъ политическая форма обществъ является только результатомъ ихъ экономической организациі и покоится въ настоящее время всецѣло на учрежденіи частной собственности, то социальная революція въ общихъ чертахъ неизбѣжно должна принять характеръ коллективистическій, то-есть обобществить землю и всѣ орудія труда, капиталъ и прочее.

аяють, или, если понадобится, выби ають новую комиссію, чтобы и ѣ измѣ-нить.

Разъ эти рѣшенія будутъ приняты, то ученія, къ которымъ это относится, станутъся ученіями общественными, подъ которыми соотвѣтственными механизмами коллективному навозу и руководству и имѣющими назначеніемъ объединять между собою различныхъ автономіи.

Безъ этого государства, которое думали уничтожить, окажется въ каждой общинѣ, въ каждой корпораціи Его только раздроблять, какъ указываетъ примѣръ Америки и Швейцаріи, гдѣ, въ виду того, что конституція не коснулась права собственности—какимъ оно существуетъ въ наше время—кантональная автономія и федерація не привели ни къ какому общественному результату и сохранили экономическое положеніе точно въ томъ же видѣ, какъ во Франціи, Германіи, Италіи и т. д.

Общинная и корпоративная автономія и федерація группъ не является разрѣшеніемъ, но средствомъ, необходимой средой для развитія и приращенія экономической и социальной революціи.

Необходимо разбить политическую форму, чтобы придти къ разрѣшенію социального вопроса. Это обозначается словомъ анархія, которое вообще мало или плохо понимаютъ. Имѣютъ ли также социалисты въ этомъ отношеніи, право говорить что они не принадлежатъ, не примыкаютъ ни къ одной изъ политическихъ партій, оспаривающихъ власть, какой бы ярлыкъ они ни наклеивали на свое знамя?

Съ той точки зрѣнія, на которую мы становимся, политическая свобода ничего не значитъ безъ общественнаго равенства и приносить намъ только пользу, что облегчаетъ дѣятельность и социалистическую пропаганду.

Общественное равенство можетъ осуществиться только въ формѣ коллективизма, такъ какъ современный пролетариатъ не можетъ захватить орудія труда лично, а только коллективно.

Понятно, въ самомъ дѣлѣ, что если бы каждая группа,—общинная или областная, или корпоративная,—сохранила и почитала бы организацію частной собственности въ ея разнообразныхъ формахъ,—земля, капиталъ, орудія производства, рента, доходы и т. д. и т. д.,—то каждая община, каждая корпорація воспроизвела бы въ маломъ видѣ зрѣлище, какое представляютъ объединенныя правительства и централизованныя государства.—и мы ни на шагъ не двинулись бы впередъ.

Огромное преимущество, силу и необходимость общинной и корпоративной автономіи придаетъ то, что она не только разрушаетъ единство и централизацию, но и лишаетъ государство его наиболѣе ужаснаго оружія—уничтожаетъ одновременно произвольныя связи и митные интересы. Она ставитъ каждого лицомъ къ лицу съ его задачей и допу-

скаетъ болѣе коренныя рѣшенія, болѣе смѣлые опыты на ограниченномъ пространствѣ, не стѣсня свободы личности, предоставляя естественнымъ группамъ и личности ихъ полную инициативу.

Понятно, впрочемъ, что въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, крайне общемъ, я не думаю вовсе изложить планъ конституціи или опредѣлить, гдѣ должно было остановиться движеніе, начатое Парижской Коммуной.

Можно идти гораздо дальше, выражаться гораздо безусловнѣе, болѣе исключительно, если мы станемъ на почву чистыхъ принциповъ и будущности, къ которой стремимся, когда мечтаемъ объ европейской федераціи, послѣ торжества социальной революціи въ разныхъ странахъ, которые въ настоящее время образуютъ Европу.

Но я желаю держаться на почвѣ современной дѣйствительности и вѣроятной возможности, въ которой дѣйствовала Коммуна 1871 года (а не 2.000 года) во время своей борьбы противъ стараго міра, и указать въ общихъ чертахъ—такъ какъ подробности спорны—болѣе или менѣе непосредственную цѣль, къ которой она стремилась и которой сравнительно легко могла бы достигнуть, если бы восторжествовала.

Несомнѣнно, что если бы въ Европѣ господствовала социальная революція, можно было бы больше и лучше сдѣлать. Но день этотъ не насталъ.

Итакъ, приходилось и приходится считаться съ правительственной, авторитетной, враждебной обстановкой, въ которой находится—и болѣе чѣмъ когда-либо находится—Франція

Но необходимо, тѣмъ не менѣе, теперь указать, отчего происходитъ всеобщее безпокойство, безсиліе, неудача всѣхъ революцій, которая въ теченіе столѣтія слѣдовали одна за другой съ математической правильностью.

Все это происходитъ отъ одного заблужденія.

Это заблужденіе состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ притязаніе во имя высшихъ причинъ, никому неизвѣстныхъ и несуществующихъ вовсе, всему давать извѣстныя рѣшенія, которая она объявляетъ безусловной непреложной истиной,—будто здѣсь на землѣ есть что-либо безусловное и непреложное. Наслѣдникъ и представитель міра, который понимаетъ собственность и личное право съ извѣстной точки зрѣнія, оно навязываетъ всѣмъ и каждому уваженіе къ этой собственности и къ этому праву.

Трудъ организованъ такимъ образомъ. Онъ останется

такимъ и ничто не избавитъ его отъ понтоновъ Новой Каледоніи, столбовъ Сатори!

Это глупо и чудовищно, подло и смѣшно.

Огромное большинство современныхъ социалистовъ¹⁾ иначе понимаетъ уваженіе къ человѣческой личности. Они знаютъ, что общество и законы, имъ управляющіе,—произведеніе человѣка, что то, что создано человѣкомъ, можетъ быть имъ передѣлано, что, слѣдовательно, общество должно быть создано для человѣка, подчинено человѣку, а не человѣкъ созданъ для общества и подчиненъ ему, — однимъ словомъ, что политическое государство должно исчезнуть, чтобы уступить мѣсто общественной организаціи, совершенно отличной отъ организаціи правительственной.

Они знаютъ, что нѣтъ ничего священнаго ни въ современномъ рабочемъ законодательствѣ, ни въ установленіяхъ собственности и семьи, что законы—дѣти земли, а не неба, что ихъ нужно измѣнить, когда они не соответствуютъ болѣе потребностямъ и развитію той среды, представителями и руководителями которой они себя воображаютъ.

Точно такъ же социалисты, принадлежащіе къ разнымъ школамъ, которые разнообразно рѣшаютъ различные вопросы, не желаютъ вовсе диктатуры, чтобы навязать однообразное рѣшеніе. Они знаютъ, что не можетъ быть болѣе невыносимой диктатуры, чѣмъ та, которая декретировала бы коммунизмъ, коллективизмъ или другія подобныя рѣшенія, такъ какъ они сами протестуютъ противъ диктатуры, навязывающей имъ свои рѣшенія въ настоящее время. Они требуютъ только, чтобы разрѣшеніе задачъ этихъ было передано человѣку, естественнымъ группамъ заинтересованныхъ въ этомъ, прекрасно зная, что благодаря одному развитію экономической науки, благодаря дѣйствію истинной свободы будутъ достигнуты справедливыя, разумныя и практичныя рѣшенія и что они безъ труда восторжествуютъ надъ рѣшеніями ложными и преждевременными.

Они требуютъ только, чтобы трудъ, который все могъ изучать, обсуждать, дать преимущество своимъ истиннымъ интересамъ.

Они требуютъ, чтобы точно такъ же, какъ власть должна перейти къ обществу, откуда она ведетъ свое начало и

которое она угнетаетъ, такъ же и капиталъ перешелъ къ труду, откуда онъ берется и который онъ эксплуатируетъ.

Они требуютъ, наконецъ, чтобы работающій владелъ орудіемъ труда.

Итакъ, все, что требуютъ социалисты и чего они при сильной и централизованной власти, какъ бы она ни была демократична, не могутъ достичь безъ ужасныхъ потрясеній, жестокой, тяжелой и разрушительной борьбы, — они достигнуть правильно, надежно и безъ насилій благодаря простому дѣйствію коммунистическаго принципа, свободной группировки и федераціи.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ принадлежать только корпоративнымъ и производительнымъ группамъ, связаннымъ между собою федеративно, избавленнымъ отъ нынѣ отъ правительственныхъ и административныхъ, то есть политическихъ, путъ, которыя, благодаря гнету, поддерживаютъ до сихъ поръ антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ и подчиняютъ послѣдній первому.

Общинныя автономіи, объединенныя между собою организаціей и дѣятельностью общественныхъ учреждений, разрѣшили бы политическую сторону революціи и очистили бы мѣсто социальной революціи, которая развилась бы благодаря свободной дѣятельности корпоративныхъ и производительныхъ группъ, получившихъ, повторяю, самостоятельность и избавленныхъ отъ правительственнаго вмѣшательства, деспотическаго воздѣйствія государства, которое отдастъ жандармовъ и агентовъ на службу олигархіи привилегированныхъ и властвующихъ.

Общинная автономія поглотила бы государство, какъ производительныя группы поглотили бы капиталъ.

Въ подобной очень простой организаціи, главные черты которой я могу набросать только на скорую руку, жизнь, вмѣсто того, чтобы концентрироваться въ одностороннемъ центрѣ, называемомъ Парижемъ, распространяется повсюду. Вездѣ проявляется мысль, починъ, свобода, плодотворное соревнованіе и оригинальные примѣры, вездѣ есть существованіе достойное, потому что оно отвѣтственно.

Вмѣсто одной столицы, этого вулкана въ пустынѣ, маяка на плоскомъ и обнаженномъ берегу, который подчиняетъ себѣ Францію, откуда Франція ждетъ предписаній,—цѣлый народъ требуетъ, дѣйствуетъ, думаетъ. Двадцать центровъ—Лионъ, Марсель, Бордо, Тулуза, Нантъ, Лилль, югъ, центръ, сѣверъ, востокъ и западъ—разрабатываютъ мысль, французскую, революционную, человѣческую.

¹⁾ Я не говорю о нѣмцахъ и англичанахъ, которые до настоящаго времени по большей части имѣютъ другіе взгляды и предпочитаютъ другія средства, послѣдніе еще только реформисты, не вые вообще госуда, свонлики.

Починъ, а вслѣдствіе этого и прогрессъ совершаются повсюду одновременно.

Никакая сила не теряется.

Вмѣсто одного руководителя, который можетъ ошибиться, который можетъ не быть лучшимъ, самымъ просвѣщеннымъ, вы имѣете сто руководителей въ ста различныхъ пунктахъ, стремящихся къ одной и той же цѣли: организациі наилучшихъ условій для человѣка въ его естественной средѣ.

Вмѣсто того, чтобы на тридцать восемь милліоновъ человѣкъ давило одно правительство, очень передовое для однихъ, слишкомъ отсталое для другихъ, которое всѣхъ оскорбляетъ, угнетаетъ, ставитъ препятствія; вмѣсто тѣхъ, кто имѣетъ взглядъ орла и можетъ смотрѣть на свѣтъ, въ то время, какъ масса остается въ потемкахъ, потому что она тяжела и не можетъ передвигаться.—Парижъ и боишіе центры идутъ до конца въ своихъ мысляхъ, безъ препятствій подвигаясь по пути прогресса, распространяя вокругъ себя лучи его, дѣйствуя лучшей проповѣдью—примѣромъ.

Таковы въ многихъ словахъ, нѣкоторыя слѣдствія принципа, провозглашеннаго Коммуной.

Таковы ея основныя черты.

Таково огромное значеніе этихъ величайшихъ словъ:

Коммунальная автономія!

Корпоративная организація!

Федерація коммунъ и производительныхъ группъ!

Это значитъ, въ послѣдній разъ, свободное образованіе естественныхъ группъ и единеніе этихъ группъ то-есть уничтоженіе централизованнаго государства и сильной власти и возвращеніе народу его правъ и способъ пользованія ими.

Понятно, эта революція — не французская революція, этотъ принципъ—не французскій принципъ. Это—революція человѣчества, это—всемирный принципъ. Это, во второй разъ,—менѣе чѣмъ въ теченіе одного столѣтія разрывъ съ прошлымъ.

Въ первый разъ, въ 1789 году, это былъ разрывъ съ божественнымъ правомъ — съ небомъ!

Второй разъ это былъ разрывъ съ государствомъ — олигархія!

Первая революція называется: заявленіе правъ человѣка —теорія!

Вторая называется: Коммуна —практика.

Одна была политическая, другая социальная!

Ея формула заключается въ этихъ трехъ нераздѣльныхъ словахъ:

Автономія.

Федерація.

Коллективизмъ.

Вдали отъ тебя, Парижъ, эти строки оживотворяютъ мнѣ тебя, вдали отъ тебя, великій Парижъ, очагъ всемирной революціи, апостоль благовѣщенія человѣчества, мессія и мученикъ!

Ты показалъ примѣръ, котораго никто не забудетъ. Опьяненный истиной, обезумѣвшій отъ справедливости, ты взялъ свой вѣнецъ столицы и своими великодушными руками бросилъ къ своимъ ногамъ съ крикомъ:

— Мѣсто для всѣхъ! Жизнь для всѣхъ! Свобода, дѣятельность, честь, величіе для всѣхъ!

— Я хочу только быть свободнымъ во Франціи, свободнымъ, чтобы смѣшаться съ великимъ потокомъ жизни націи, которая станетъ нѣкогда потокомъ жизни всего міра. Я оставляю за собой только одно право: идти первымъ, во главѣ, всегда впереди по пути къ будущему!

На этотъ крикъ тебѣ отвѣтили митральезы Версаля, ружейная пальба, плашкоутъ, Сатори, Нокая Каледонія!

Этотъ вопль жизни ко Франціи, ко всему міру стоилъ тебѣ ста тысячъ твоихъ дѣтей!

Побѣжденный, ты не менѣе великъ!

Побѣжденный, ты не менѣе справедливъ!

Какое будущее уготовано тебѣ?

Я не знаю.

Народъ-мессія, увидишь ли ты обѣтованную землю? На этой Галгооѣ, болѣе трагической, болѣе печальной, болѣе величественной, чѣмъ Галгоа мнимаго человѣка-Бога, останешься ли ты на ней до послѣдней капли твоей крови, до послѣдняго вздоха, до послѣдней искры твоей гениальной и воинствующей инициативы?

Соберутъ ли другіе то, что ты посѣялъ, что ты полилъ своей великодушной кровью?

Можетъ быть, птицы равнины, вонзавшія когти въ твое тѣло, высасывавшія мозгъ твоихъ костей, придутъ къ тебѣ подъ конецъ, но твоя смерть мгновенна, и ты оживешь въ твоихъ сынахъ, въ этомъ новомъ поколѣніи, которое несетъ твое неистощимое чрево и которое вырастетъ, какъ ты выросъ, въ теченіе двадцати лѣтъ при Бонапартѣ, чтобы утвердить тебя, неукротимаго!

Какъ бы тамъ ни было, твоя работа не будетъ поте-

ряна. Ты вскрываешь революционный, политический и социальный вопросы въ ихъ истинномъ видѣ, а всякій вопросъ, правильно поставленный, будетъ рано или поздно разрѣшенъ.

Тотже благодаря тебѣ народъ отнынѣ намѣтилъ свой лозунгъ:

— Коммуна!

И это знамя, красное знамя, развѣвается какъ свѣточъ.

Подъ этимъ знаменемъ, съ такимъ лозунгомъ онъ побѣдитъ!

А мнѣ, Парижъ, позволять ли мнѣ увидать тебя? Можетъ быть! Но, можетъ быть, мы разлучены навѣкъ. Но какъ бы то ни было, парижскій народъ, тоска настоящаго, утрумая печаль изгнанія, острое негодованіе, которое разрываетъ наши сердца при мысли о жертвахъ, которыя умерли съ отчаяніемъ, о тѣхъ, которые страдаютъ подъ илымъ небомъ и которые не увидятъ зари справедливости,—какъ бы тамъ ни было, парижскій народъ, это — гроза, которая меня никогда не оставитъ.

Всегда я буду видѣть тебя такимъ, какимъ ты былъ въ эти героическіе дни, и это видѣніе скажетъ мнѣ, что масса, далекая отъ того, чтобы смиряться и падать, растеть, прогрессируетъ, дѣлается лучше, величественнѣе въ поступкахъ, безстрашнѣе въ любви къ справедливости и истинѣ.

Въ тотъ часъ, когда одиночество, бѣдность и уныніе, придя ко мнѣ, покроютъ морщинами мой лобъ, я гордо выпрямлюсь, вспоминая, что нѣкогда я удостоился чести думать въ тактъ съ твоей думой, говорить словами твоими, чувствовать, какъ сердце мое бьется согласно съ твоимъ; что нѣкогда я жилъ твоею жизнью, дѣлилъ съ тобою борьбу, опасности, надежды, твой гнѣвъ, твою агонію и что я теперь раздѣляю твое искупленіе!

Женева—Лугано.

Январь 1872 г.—январь 1873 г.